

FORGOTTEN REALMS®



АРОДЕЙ

Возвращение Архимагов • Книга 111



ТРОЙ ДЕННИНГ

АВТОР РОМАНОВ *ВЫЗОВ И ОСАДА*



Тилвертон стёрт с лица Фазруна. Фазриммы оккупировали Эвереску. Великий Ледник тает. Анорач начинает затапливать. Эльминстер исчез. Величайшие герои Фазруна собираются вместе, а летающий город собирается навсегда обосноваться на Ториле, когда мир находится на грани разрушения.

О ПЕРЕВОДЕ

Перевод выполнен командой форума «Долина Теней» (shadowdale.ru), посвящённого переводам художественной и игровой литературы по сеттингу Dungeons & Dragons "**Forgotten Realms**". Перевод выполнен на некоммерческой основе и не предназначен для продажи.

Переводчик: **Борис Маслов**
Редактор: **Алинка Назарова**
Русская обложка: **nikola26**
Вёрстка: **nikola26**

Обо всех замеченных неточностях или ошибках просьба сообщать переводчику в ЛС через нашу группу Вконтакте (https://vk.com/abeir_toril). Если Вам понравился перевод, просто присоединяйтесь к сообществу и скажите «спасибо» - этого будет достаточно. ;-)

Присоединяйтесь к нашему сообществу Вконтакте https://vk.com/abeir_toril и регистрируйтесь на нашем сайте abeir-toril.ru и форуме shadowdale.ru — новые книги вас будут ждать только там.

EVERESKA



ТРОЙ ДЕННИНГ

Возвращение Архимагов, книга 3

«ЧАРОДЕЙ»

Эду Гринвуду

За то, что делил свой мир со столькими

Благодарности

Я хотел бы поблагодарить моего редактора Фила Этанса за его терпение, хорошее настроение и ценную проницательность; Эрика Бойда за его большой вклад в серию; и Андрию Хейдей за ее обычное необычайное терпение и поддержку.

ГЛАВА ПЕРВАЯ



7 Флеймрула, Год Дикой магии (1372 ЛД)

Это был звук отчаяния, эта напряженная тишина, которая встречала конец каждого сообщения. С каждым сообщением об очередном пакте, заключенном врагом, с каждым признанием, что королевство не может собрать больше войск, посланцы опускали глаза на полированную поверхность стола заседаний и изучали свои отражения, и в комнате не было слышно ни звука, кроме потрескивания масляных ламп. Только принцесса Алусейр Обарскир, Стальной Регент Кормира, восприняла эту новость с поднятым подбородком, но Галаэруну Нихмеду казалось, что с каждым рассказом о новом циклоне, порожденном таянием Высокого Льда, с каждым описанием нового города в наводнении или ячменных полей страны, увядающих под палящим солнцем, морщины на лбу принцессы углублялись, круги под глазами становились больше, темнее и более угрожающими. Алусейр обратила свое внимание на Галаэрона и спросила:

— А какие новости из Эверески, сэр Нихмеду? Как идут дела у эльфов? Вопрос был задан в интересах всех присутствующих. Алусейр была единственной, кто рассказал Галаэруну многое из того, что он собирался передать, и она оказала ему честь, попросив повторить это от имени своего города. Галаэрон встал.

— Эвереска будет стоять, ваше высочество. Эта хорошая новость заставила нескольких посланников поднять головы, и Галаэрон продолжил:

— Эльфийские армии разбили лагерь за пределами Шараэдима, готовые встретить фаэриммов в тот момент, когда падет теневая скорлупа.

— Вы уверены, что она падет? — спросил Кориан Хованай, посол из Сембии. Щеголеватый мужчина с мясистыми щеками и в диковинной шляпе с перьями, лежащей на столе перед ним, Хованай свирепо посмотрел на Галаэрона.

— Я не вижу причин, по которым шадовары должны позволить ей исчезнуть. Фаэриммы – заклятые враги Шейда, и шадовары преуспели во всех своих начинаниях.

— Во всех их *дипломатических* начинаниях, — поправила Алусейр. За сорок дней, прошедших после гибели Тилвертона, она постарела на десять лет, и ее некогда поразительное лицо стало бледным и осунувшимся от беспокойства. — Их армия – то, что от нее осталось – затихла после битвы при Тилвертоне.

— Вот именно, — сказал Хованай. — Откуда мы знаем, что они не собирали свои силы, чтобы возобновить атаку на фаэриммов?

— Вы принимаете желаемое за действительное, посол — сказал Пьергейрон Паладинсон, который с помощью магии проделал весь путь из Глубоководья.

— К сожалению, шадовары слишком хитры, чтобы переключить свое внимание на что-то другое, чтобы наш союз мог мобилизоваться против Таяния.

— И эльфийские армии так же готовы встретить шадовар, как и фаэриммы — сказал Галаэрон. — Теневой барьер наносит Эвереске такой же урон, как и фаэриммам, и наш народ не позволит шадоварам возобновить ее.

Галаэрон умолчал лишь о том, что двое Избранных Мистры – Лаэраль Серебряная Рука и ее супруг Хелбен Арунсун – все еще были заперты в Шараэдиме, и Шторм Серебряная Рука, как и эльфы, была полна решимости уничтожить теневой барьер. При первом же намеке на неприятности она телепортируется прямо к мистическому Сращиванию, которое удерживает темную сферу вместе, и присоединится к шести последним высшим магам Эвермита, чтобы помешать шадоварам возобновить ее. Галаэрон мало в чем был уверен в этой странной трехсторонней войне, но он был уверен, что теневая скорлупа падёт, и скоро. О том, что произойдёт потом, можно было только догадываться. С фаэриммами, свободно разгуливающими по миру, шадоварами, растапливающими Высокий Лёд, и погодой, сеющей наводнения и голод по всему Фаэруну, единственное, что можно было предсказать наверняка, было бедствие. Хованай с усмешкой посмотрел на Галаэрона и наконец сказал:

— Я уверен, что вы простите всех нас, если мы не разделяем вашего энтузиазма.

— У вас есть причины желать Эвереске зла, посол? — спросил Галаэрон. — Может быть, Сембия надеется заключить сделку о наших сокровищах?

Глаза Хованая вспыхнули.

— Надеюсь, вы не предполагаете, что Сембия будет иметь дело с ворами, сэр Нихмеду?

Галаэрон оперся руками о стол и начал подниматься, но ведьма-арфистка Руха, сидевшая рядом с ним в своей обычной вуали и головном платке, положила руку ему на предплечье.

— Помни о своей тени, — тихо сказала она. — Ты слишком много на себя берешь.

Галаэрон почувствовал внезапный прилив гнева по отношению к ней и мгновенно понял, что в нем поднялось что-то темное и зловещее. Его «тенивое я» снова заявляло о себе, пытаясь заставить его увидеть темные мотивы и злые

предательства в тех, кто его окружал. Он опустился на свое место, сложил руки и посмотрел через стол на Хованая.

— Мой вопрос был необоснованным, посол, — сказал он. Извиняться Галаэруну было неприятно, но в таких делах разумнее доверять Рухе, чем самому себе. — Надеюсь, вы простите намек.

Хованай ухмыльнулся в ответ.

— Конечно. Мы все знаем о вашем несчастье.

— Но это не значит, что мы понимаем вашу точку зрения, посол, — сказала Алусейр. Она не стала скрывать своих подозрений по отношению к этому человеку, потому что между их двумя королевствами была утрачена любовь с тех пор, как Сембия попыталась отрезать кусок Кормира во время Бича Хазнеф. — Почему мы не хотим, чтобы Эвереска уцелела?

— Нас беспокоит не целостность Эверески, — ответил Хованай. — А падение теневого барьера. Коммерция и так достаточно пострадала. Последнее, что нам сейчас нужно — это легион фаэриммов, делающих рабов и мешки с яйцами из тех немногих караванщиков, которые еще достаточно смелы, чтобы выполнять свои обязательства.

Галаэрон сдержался, чтобы не отругать этого человека за то, что он беспокоится о своем кошельке, в то время как храбрые эльфы умирают, но Алусейр этого не сделала. Она изучала Хованая с усмешкой, обычно прибегаемой для чего-то, что она соскребала с сапога, затем покачала головой.

— На карту поставлено не только золото, — сказала она. — Наши подданные не могут есть золото, хотя я с удовольствием покормлю вас, если вы захотите поэкспериментировать.

Руха хихикнула под своей вуалью, и нескольким другим посланникам пришлось прикусить губы и отвернуться. Приняв посрамление Алусейр с небрежной невозмутимостью человека, привыкшего к такому обращению, Хованай лишь улыбнулся.

— Возможно, мы не можем есть золото, но оно нам нужно, чтобы прокормить наши армии. Есть ли среди нас царство, сокровищницы которого еще не бесплодны?

Когда за столом воцарилось молчание, посол продолжил:

— Если наши потери станут еще больше, я осмелюсь сказать, что у союза не будет средств собрать хоть какую-то армию, не говоря уже о достаточно мощной, чтобы победить шадовар и остановить Таяние. И снова в зале совета воцарилась напряженная тишина, а лицо Алусейр побагровело от разочарования. Уже истощенные как золотом, так и людьми, королевства союза были растянуты до предела, и, как и говорил Хованай, любого давления со стороны фаэриммов было бы достаточно, чтобы сокрушить их. Даже для Галаэрона последствия были ясны. Если Эвереска и выживет, то ценой всех остальных цивилизованных земель Фаэруна.

Галаэрон почувствовал, что все взгляды устремлены на него. Когда он оглядел стол, то увидел, что взгляды других посланников быстро ускользают. Лорд Нашер Алагондар из Невервинтера, пришедший с помощью той же магии, что и Пьергейрон Паладинсон, тихо кашлянул в ладонь. Нарушив тишину, Альдувар Сноубранд, Меч Аркендейла и один из трех посланников, которых делили между собой Земли Долин,

обхватил пальцами подлокотники кресла и наклонился вперед, словно собираясь вскочить со своего места.

— Мы смотрим на это неправильно, говорю я. — Высокий, сильный мужчина с шелковистыми черными волосами, Альдувар имел призрачное лицо и глубокие зеленые глаза, которые казались странно далекими и тусклыми. — Наши враги – шадовары, а не фаэриммы.

— Это легко сказать, когда они осаждают чужой дом, — сказал Галаэрон. — Фаэриммы – враги эльфов, уверяю вас.

— И кто в этом виноват? — Альдувар повернулся и сердито посмотрел на него, но в его глазах не было ни гнева, ни злобы, вообще никаких эмоций. — Разве не вы освободили их в первую очередь?

— И кто проклял нас шадоварами? — добавил Ирреф Мулмар, краснолицый констебль Высокой Долины. Как и Альдувар, он был одним из трех посланников из Долин, и, как и у Альдувар, его глаза казались странно пустыми. — Разве не вы привели их с Плана Тени?

Где-то внутри Галаэрон понимал, что сарказм жителей Долины странно расходится с их пустыми глазами, но его тень уже попала на приманку, ошестинившись на обвинения и призывая его ответить клинком или заклинанием. Он начал вставать и обнаружил, что рука Рухи вцепилась в его руку, ее ногти впились в него, напоминая ему, что он должен быть сильным, что потакать своему гневу – значит уступать тьме, пожирающей его изнутри.

— Что сделано, то сделано, — сказала она, продолжая удерживать Галаэрона. — Есть ли здесь кто-нибудь, кто может сказать, что он не совершил бы такой же ошибки?

— Ошибки имеют последствия — сказал Морнгрим Амката, третий и последний из послов Земель Долин. Огромный, крепко сложенный мужчина с каштановыми усами и аккуратно подстриженными волосами, его глаза были такими же пустыми, как и у его собратьев-жителей Долины. — Эльф-вот, кто совершил ошибку. За это должен страдать его народ, а не наш.

Комментарий Морнгрима вызвал хор изумленных перешептываний, ибо он пользовался таким же уважением на Фаэруне, как и в своей собственной долине. Для него говорить так открыто против интересов Эверески означало потворствовать негодованию, тайно затаенному многими из меньших лидеров союза, которые собирались по ночам тихими маленькими группами, чтобы пожаловаться на трудности, обрушившиеся на них из-за ошибки одного эльфа. Галаэрона охватила такая черная ярость, что он забыл о пустых глазах и больше не чувствовал руки Рухи на своей руке. Он встал и наклонился через стол к Морнгриму, перенес свой вес на руки, и слова сами собой слетели с его губ.

— И кого бы ты обвинил, если бы шадовары натравили фаэриммов на Земли Долин, а не на Эвереску? — спросил Галаэрон. — Какого-нибудь сауриала из Тархалдейла?

Губы Морнгрима приподнялись в усмешке, но глаза оставались такими же пустыми, как и прежде.

— Сауриал не выпустил фаэримма, — сказал он. — Это сделал эльф. Ты, если быть точным.

Внезапно потеряв равновесие, Галаэрон посмотрел вниз и обнаружил, что его рука находится в футах над столом, а пальцы скрючены, как будто он хочет вызвать теневой снаряд. Рука обеими руками держала его за руку, чтобы он не мог произнести заклинание. Позади нее Пьергейрон Паладинсон поднялся, чтобы помочь, наблюдая за борьбой с выражением, которое было наполовину встревоженным, наполовину терпеливым. Одного взгляда было достаточно, чтобы Галаэрон пришел в себя. Его рука обмякла.

— Люди!

Зная, что он все еще не полностью контролирует себя, Галаэрон высвободил руку и повернулся к Алусейр.

— Если принцесса меня извинит...

— Она не будет, сэр Нихмеду, — жестом пригласив его сесть, она кивнула на пару Пурпурных Драконов, стоявших на посту вдоль стены. Когда они вышли вперед, чтобы встать на страже за креслом Галаэрона, она сказала:

— На самом деле, мне очень интересно услышать ответ лорда Морнгрима.

Галаэрон сел, и Морнгрим повернулся к Алусейр.

— Какой ответ, ваше высочество?

— На вопрос Галаэрона, лорд Морнгрим, — ответила Алусейр с подозрением.

— Кого бы вы обвинили, если бы шадовары выпустили фаэриммов в Долину вместо Эверески?

— Но они этого не сделали, принцесса.

— Лорд Морнгрим, — сказала Алусейр, — я спрашиваю, что, если бы они это *сделали*.

— Вопрос бессмысленный, ваше высочество. Это эльф выпустил фаэриммов.

Изумленный ропот наполнил комнату. Не обращая на него внимания, Морнгрим повернулся к Галаэрону, и тот наконец понял, что он видел, или, скорее, не видел, в глазах Жителя Долины. Гнев омрачил лицо Алусейр.

— Лорд Морнгрим, — сказала она, — как гость в моем королевстве, вы обязаны ответить мне любезно.

Морнгрим ответил фальшивой улыбкой.

— Конечно, ваше высочество. Чего я не могу понять ...

Остального ответа Галаэрон не услышал, потому что его собственные мысли кружились, как один из тех циклонов, которые в последнее время опустошали так много ферм и деревень Фаэруна. Нападение жителей долин на него было тщательно скоординировано, и посланцы меньшего ранга заложили основу для окончательного обвинения их самого уважаемого члена. Учитывая, что все трое пришли из одной области, казалось вполне правдоподобным, что они собрались вместе перед советом и определились со стратегией, но Галаэрон подозревал другое объяснение, гораздо более угрожающее. Он наклонился к Рухе и почувствовал, как бронированная рука Пурпурного Дракона схватила его за плечо.

— Милорд, — прошептал солдат. — Я думаю, принцесса хотела, чтобы вы сидели в своем кресле.

— Как я и делаю. — Хотя Галаэрон ответил дружелюбным тоном, все, что он мог сделать – это не проклинать его вслух. Если он был прав, а он был прав, то последнее, что ему нужно, так это привлечь к себе внимание этого мужлана.

— Я только хотел поблагодарить арфистку Руху за ее поддержку.

Руха подняла на стражника свои подведенные глаза и сказала:

— Галаэрон не причинит мне вреда.

Солдат подозрительно посмотрел на нее, затем угрюмо кивнул и отпустил плечо Галаэрона. Руха посмотрела на эльфа и, пока Алусейр и Морнгрим продолжали свой спор более горячими тонами, ждала.

— Спасибо, — сказал Галаэрон. Это было все, что он осмелился сказать, по крайней мере, с одним из *них*, скрывающимся где-то в комнате, подслушивающим совет и манипулирующим его мысленными рабами.

— Боюсь, я потерял контроль над собой.

Руха нахмурила черные брови и ответила:

— Учитывая то, что было сказано, я подумала, что ты хорошо держишь свою тень в узде.

Галаэрон продолжал смотреть на нее, пытаясь придумать какой-нибудь другой способ передать свои подозрения, не привлекая внимания того, кто за ними следил. Ирреф и Альдувар присоединяли свои голоса к голосу Морнгрима, протестуя против того, что Алусейр тратит драгоценное время совета на бессмысленное упражнение воображения.

— Галаэрон, — спросила Руха, — есть что-то еще?

— Нет, — сказал он.

Если бы только она понимала язык пальцев; а так он начинал бояться, что ему придется использовать свою собственную магию, чтобы спасти совет.

— Это все.

Руха кивнула, немного неуверенно, и снова повернулась к совету.

Галаэрон сидел, ерзая, погруженный в свои мысли, пытаясь придумать какой-нибудь другой способ сделать то, что было необходимо. Прошло почти два месяца с тех пор, как он в последний раз произносил заклинание. Конечно, он мог бы сотворить даже не очень сложное заклинание. Это было просто отречение, чтобы раскрыть шпиона, который, как он знал, скрывался где-то в зале совета, вкладывая слова в уста жителей Долин. Конечно, ему придется использовать тeneвую магию; он уже не был уверен, что *сможет* использовать обычную магию, но тeneвая магия все равно была лучше против фаэриммов. Обычные заклинания имели тенденцию ricochetить от их устойчивых к магии чешуек, но магия теней всегда срабатывала. При мысли о том, чтобы снова прикоснуться к Тeneвому Плетению, по телу Галаэрона пробежала дрожь предвкушения. Он почти чувствовал, как холодная сила поднимается сквозь него, утоляя жажду, которая росла в течение двух месяцев. Одно простое заклинание не принесет никакого вреда. Вряд ли это придаст его «теневого я» силы полностью одолеть его, во всяком случае, ненадолго, и он должен разоблачить шпиона, не так ли? Он должен был заставить совет понять, что слова жителей Долины были словами врага, что фаэриммы пытались расколоть союз.

Не проходило и дня, чтобы Галаэрон не находил столь же убедительной причины нарушить свою клятву и обратиться к Тeneвому Плетению. Искушение всегда было здесь, всегда ждало момента слабости, всегда приглашало его на темную тропу, но ему достаточно было вспомнить Валу, чтобы устоять, подумать о ней, поработанной во дворце Эсканора в Шейде, и представить надругательства, происходящие с ней

каждую ночь в постели принца. Именно тень Галаэрона убедила его бросить ее там, наполнила его мысли таким количеством горьких подозрений, что он в конце концов сдался тьме и поклялся отомстить женщине, которая никогда не выказывала ему ничего, кроме любви. Это была ошибка, которую он не собирался повторять, даже если это будет стоить ему жизни. И если Руха пообещает не дать ему снова поскользнуться, это вполне возможно. Она наблюдала за ним краем глаза, ее мысли были скрыты за бединской вуалью, но ее рука была недалеко от изогнутого кинжала, торчащего из-за пояса. Во второй раз за последние несколько минут Галаэрон пожалел, что ведьма не понимает язык пальцев, но потом понял, что в этом нет необходимости. Он поймал ее взгляд, затем опустил взгляд на свои колени, где провел пальцами по жестам магии, которую хотел, чтобы она сотворила. Хотя он и не пытался что-либо сотворить, сам акт совершения движений наполнял его сильным желанием открыться Теневому Плетению. Глаза Рухи расширились, и она выглядела так, словно могла протянуть руку, чтобы вмешаться. Галаэрон остановился на середине наложения, затем начал снова. Руха, казалось, расслабилась. Он продолжил жест, стараясь сделать каждый элемент медленным и точным, чтобы у нее не возникло проблем с расшифровкой того, что он делает. Когда проблеск узнавания появился в ее глазах, он остановился и посмотрел через стол в сторону жителей Долин, которые теперь притворялись, что не понимают истинной природы вопроса Алусейр.

— Предположим, что если бы шадовары попытались освободить фаэриммов под Тархалдейлом, то не было бы никаких проблем, — говорил Морнгрим. — Сауриалы слишком умны, чтобы пробить Стену Шарнов.

Не используя свою собственную магию, Галаэрон не мог быть уверен, что шпион фаэриммов находится где-то рядом с его мысленными рабами, но это казалось хорошим местом для начала. Он оглянулся и увидел, что Руха изучает Морнгрима почти слишком пристально, руки ее лежат на коленях, а вуаль слегка колыхается, пока она шепчет заклинание.

— Очень хорошо, лорд Морнгрим, вы победили, — сказала Алусейр со своего конца стола. — Вы совершенно ясно дали понять, что Земли Долин не заинтересованы в том, чтобы винить в наших бедах кого-либо, кроме Эверески. А теперь не могли бы вы объяснить, почему? Я не понимаю, на что вы надеетесь.

Улыбка Морнгрима была такой деревянной, что походила на гримасу.

— Ваше высочество, Земли Долин не заинтересованы в том, чтобы кого-то обвинять. Мы просто хотим указать...

Когда Руха встала, его прервали последние слоги бединского заклинания. Используя элементарную магию своего родной пустыни Анаврок, она брызнула в его сторону несколькими каплями воды. Резкий треск пронесся по комнате, и под потолком над и за спинами жителей долин вспыхнула яркая вспышка. Галаэрон мельком увидел знакомую, покрытую шипами форму конического тела фаэримма, и существо исчезло, исчезло почти в то же мгновение, как появилось. Зал взорвался диким шумом криков и лязга, когда стражники бросились вперед. Несколько посланников, в первую очередь Кориан Хованай из Сембии, нырнули под стол. Другие последовали примеру Пьергейрона Паладинсона. Выхватив у стражников оружие, они вскочили на стол и принялись колотить в потолок, пытаясь найти незваного гостя. Трое жителей Долины остались стоять перед своими креслами. Их пустые взгляды

были прикованы к ближайшим к ним посланникам и солдатам, и они держались наготове, чтобы броситься в бой.

— Порядок! — призвала Алусейр.

Она достала откуда-то из-под своего официального одеяния меч и стукнула рукоятью по полированной поверхности стола. — Он исчез.

Предположение принцессы было естественным – фаэримм обычно телепортировался в безопасное место при первых признаках опасности.

Галаэрон поднялся.

— На самом деле, ваше высочество, я думаю, что это не так. — Он указал через плечо Морнгрима. — Я думаю, он где-то там.

Дюжина Пурпурных Драконов немедленно бросилась на разведку. Трое жителей Долины отошли от стола и сомкнули ряды вокруг того места, на которое указал Галаэрон. Калэдней, стройная рыжеволосая колдунья, сменившая сумасбродного Вангердагаста на посту королевского мага Кормира, появилась из-за кресла Алусейр и направила свой посох на троицу. Прежде чем она успела произнести слово приказа, фаэримм появился среди жителей Долины.

— *Стой! Тебе нечего бояться меня, если только ты этого не заслужишь.*

Галаэрон услышал эти слова в своем сознании и по испуганной реакции окружающих понял, что они тоже были услышаны. Калэдней сдержала атаку, и стражники ограничились тем, что окружили жителей Долины и направили свои секиры в сторону фаэримма. Галаэрон знал, что их сдержанность, вероятно, спасла им жизнь.

Лучше. Галаэрон увидел знакомую пустоту в глазах посла Хованая и понял, что фаэримм не отплатил врагам за сдержанность. Алусейр положила меч на стол и уставилась на незваного гостя.

— Это частный совет, червь, и ты наш враг. — Она оглянулась через плечо и жестом указала Калэдней на существо. — Назови мне причину, по которой я не должна позволять моим стражникам содрать колючую шкуру с твоей гадючьей плоти.

— *Потому что они потерпят неудачу,* — ответил фаэримм. — *И потому, что даже враги должны совещаться, если они когда-либо будут чем-то другим.*

Глаза Нэшера Алагондара стали пустыми. Галаэрон поднял руку в направлении фаэримма.

— Говори через Морнгрима или не говори вообще. — Затем, не отводя взгляда, он сказал Алусейр:

— Ваше высочество, вот как фаэриммы делают своих рабов разума. Через их мыслепоиск.

— *Очень проницательно. Но тебе нечего бояться нас, Галаэрон. Насколько я понимаю, мой народ в долгу...*

— Если ты знаешь, кто я, — перебил его Галаэрон, — то знаешь, что моя магия убьет тебя так же быстро, как и магия шадовар.

— *Я также знаю, что ты боишься использовать её.*

— Не так сильно, как я боюсь стать твоим рабом, — сказал Галаэрон. — Еще одно слово в моей голове, и я им воспользуюсь.

— Еще одно слово в чьей-нибудь голове, и я прикажу ему — добавила Алусейр. — Если ты хочешь иметь дело с нами, то отпусти своих рабов и говори вслух...

— Я не могу сделать и то, и другое. На этот раз слова фаэримма слетели с губ Морнгрима. — Хотя, как только мы закончим, я готов удовлетворить вашу просьбу.

Глаза Алусейр вспыхнули при слове «просьба», но она придержала язык и посмотрела на Галаэрона. Его так и подмывало солгать и заявить, что фаэримм обманывает ее, потому что он уже знал по тембру предыдущих рассуждений жителей Долины, что задумало это существо. Но Алусейр обращалась с ним только вежливо и справедливо со дня его прибытия, и, даже ради Эверески, он не оплатит ей предательством.

— Фаэриммы говорят друг с другом через волшебный ветер, — объяснил Галаэрон. — С другими расами они должны использовать мысленную речь или посредника.

Алусейр задумалась, затем кивнула фаэримму.

— Очень хорошо, — сказала она. — Чего ты хочешь?

— Эвереска.

Хотя ответ был именно таким, как ожидал Галаэрон, эффект от того, что он действительно произнес его вслух, был больше, чем он мог выдержать. Он начал скручивать пальцы в заклинании, и тут его руку прижала к боку закованная в кольчугу рука одного из Пурпурных Драконов за спиной. Алусейр бросила в его сторону предупреждающий хмурый взгляд, затем сказала:

— Когда я отдам приказ, сэр Нихмеду, не раньше.

— Спасибо, принцесса, — сказал фаэримм. Его четыре руки появились над головами жителей Долины, распростершись, казалось, в знак признательности.

— Как я уже говорил, мы и наши союзники из Анаврока будем довольны Эвереской и ее землями.

Это вызвало общий вздох у посланников, по крайней мере, у тех, кто еще не находился под ментальным контролем фаэримма, и даже Алусейр приподняла бровь.

— Эвереска не наша, чтобы отдавать, — сказала она. Уклончивый ответ вызвал в Галаэроне темный гнев, и ему пришлось подавить его, закрыв глаза и напомним себе обо всем, что Алусейр сделала ради него.

— И не ваша чтобы защищать её, — ответил фаэримм через Морнгрима. — Все, что мы предлагаем – это чтобы вы занялись шадоварами и оставили Эвереску нашим братьям.

— Значит, ты не из Анаврока? — спросила Алусейр. Она тянула, пытаясь выиграть время, чтобы обдумать все последствия предложения фаэримма. — Ты здесь по поручению фаэриммов Миф Драннора?

— Шадовары устроили эту битву со всеми фаэриммами, ответил голос Морнгрима. — Так же, как они сделали это сражением всех человеческих царств.

— А что мы получаем взамен? — спросил посол Хованай.

Эгоистичный огонек в его глазах ясно давал понять, что он свободен от влияния фаэримма. Это было не обязательно хорошо, по крайней мере для Эверески. — Как вы оплатите нам за помощь?

Фаэримм просунул свою многозубую пасть через плечи жителей Долины и сказал:

— Лучше спросить, как *вы* заплатите за *нашу* помощь.

Хованай выжидающе ждал, и фаэримм повернул пасть в сторону Алусейр.

— Ваш враг – наш враг, — сказал фаэримм. Если ваш союз заключит с нами сделку, в наших интересах будет остановить таяние Высокого Льда. Ваши королевства смогут восстановить свои армии и накормить свой народ. Они снова станут сильными.

Хотя каждая жилка в Галаэроме кричала ему, чтобы он вскочил на ноги и осудил фаэримма как мошенника и лжеца, он знал, что ничего не выиграет от такой демонстрации. Люди поверят, и вполне справедливо, что он всего лишь пытается защитить интересы Эверески, что он заявит об этом независимо от того, можно ли доверять фаэримму или нет. Вместо этого он должен был говорить разумно и заставить людей увидеть ловушки для себя, заставить их понять, что, продавая эльфов, они продадут и себя.

— Ты много обещаешь, — сказал Галаэром, не в силах сдержать дрожь в голосе, — но я видел магию шадовар, и ее нелегко победить. Если ты можешь сделать то, что обещаешь, зачем тебе вообще нужны люди? Почему твои кузены все еще заперты за тeneвым барьером?

Вместо того чтобы ответить Галаэрому, фаэримм заставил Морнгрима снова обратиться к Кориану Ховану.

— Мы поклянемся оставить ваши караваны в покое, даже защитить их, когда это будет в наших силах.

Это вызвало усмешку на губах сембийца, если не на чьих-то еще.

— Ты не говорил о вопросе Галаэрона, — сказал Пьергейрон Паладинсон. — Если фаэриммы могут делать то, что ты утверждаешь, почему же тeneвой барьер все еще стоит?

— Потому что, как вы сами узнали в Тилвертоне, шадовары – грозные враги, — сказал фаэримм. Нас, свободных, слишком мало, чтобы победить, а те, кто заперт в Шараэдиме, слабы и голодны. Когда тeneвой барьер упадет, это изменится.

— Это ты так говоришь, — сказал Пьергейрон.

— Так мы докажем, — ответил фаэримм. — Вы знакомы с вершиной Унтриввин, что на востоке от Высокого Льда?

— Там, где возвышаются гробницы — сказал Борг Олмак, мохнатый вождь, посланный варварами с Дороги. — Мы хорошо знаем это место.

Морнгрим кивнул Боргу.

— У подножия горы есть три тeneвых покрова. Когда барьер падет, мы уничтожим все три в доказательство наших возможностей.

— И все равно мы не сможем прийти к соглашению, — сказала Алусейр. — Эвереска не наша, чтобы торговаться. Разве тебе не подойдет какое-нибудь другое место? Например, Болота Гоблинов.

— Это никчемные пустоши, — сказал фаэримм. — Это, должна быть, Эвереска. Нас не интересуют ваши заброшенные пустоши.

— Тогда, возможно, долина Тун, — предположила Алусейр. — Земли там столь же плодородны, как и в Кормире, и я уверена, что союз готов оказать любую помощь, необходимую для захвата Тёмной Твердыни

— Эвереска.

Алусейр нахмурилась, явно пытаясь придумать какое-нибудь другое место, которое могло бы понравиться фаэримму. Галаэрон знал, что она пытается достичь недостижимого компромисса. Фаэриммы хотели Эвереску по той же причине, по которой они жили в Миф Дранноре: ее мифал. Они нуждались в магии так же, как другие расы нуждались в воздухе, и мифалы, окружавшие оба города, были живыми мантиями сотканной магии. Просить фаэриммов выбрать другое место для жизни было все равно, что просить рыбу поселиться где-нибудь в другом месте кроме воды.

— Эвереска не принадлежит нам, — продолжала Алусейр, все еще пытаясь. — Назови другое место.

— Он не собирается называть другое место, — вмешался Галаэрон, хотя и не сказал почему. Существование мифала было эльфийской тайной, и он больше не испытывал никакого доверия к людям, собравшимся тут, даже к Алусейр. — Когда же вы научитесь? Вы не можете общаться с фаэриммами, только сдаваться им, как трусы, или стоять и сражаться с ними, как воины.

Голова Алусейр резко повернулась, чтобы посмотреть на него, ее глаза были яростными и черными.

— И когда же ты поймешь, эльф, что неразумно называть кого-то трусливой, когда кровь ее народа должна быть пролита, чтобы спасти твой? Не давая возможности ответить, Алусейр взглянула на стражников за креслом Галаэрона и сказала:

— Я уже достаточно наслушалась от него.

Один Пурпурный Дракон прижал руки Галаэрона к креслу, а другой закрыл ему рот поясом. Зловещий голос шепнул Галаэрону, что Алусейр предала его и скрепит сделку, передав его фаэриммам, но он был достаточно мудр, чтобы не сопротивляться. Стальной Регент славилась своим вспыльчивым нравом, и, хотя какая-то часть его души знала, что она никогда не поступит так, как подсказывал голос его тени, он не сомневался, что она без колебаний бросит его в очень глубокую, темную темницу. Алусейр одобрительно кивнула, затем повернулась к фаэримму и сказала:

— Ты собирался назвать место, которое союз может предоставить.

— Эвереска, — снова произнес рот Морнгрима. — Другого места нет. В этом эльф прав.

Алусейр раздраженно откинулась назад.

Через своего раба разума фаэримм сказал:

— У вас есть время, пока не исчезнет третье одеяло.

Существо выплыло из-за своего щита из долинцев и, не обращая внимания на кольцо охранников вокруг него, заставив запаниковать Борга Олмака и Нэшера Алагондара, подплыв к их концу стола.

— К тому времени мы ожидаем вашего согласия.

Взгляд Алусейр стал жестким.

— А если мы его не дадим?

Фаэримм уперся двумя руками в стол.

— *Вы дадите.*

Алусейр резко выпрямилась и начала приказывать стражникам идти вперед, но фаэримм уже исчез.

Морнгрим и его товарищи-жители Долины вскрикнули в замешательстве, затем, спотыкаясь, направились к ближайшим стульям, их руки дрожали, а рты были разинуты. Пурпурные Драконы смотрели на Калэдней, ожидая приказов, в то время как королевская волшебница занималась магией обнаружения. Посланники сидели в своих креслах, испытывая то облегчение, то неуверенность, размышляя о мудрости предательства Эверески.

Через мгновение Алусейр вернула порядок в комнату, повернувшись к своему королевскому магу.

— Не могли бы вы рассказать мне, как этот шпион оказался здесь? Это был ловкий маневр, направивший мысли послов от предложения фаэримма к угрозе, которую он продемонстрировал в своем высокомерном использовании своей силы.

— Это могло убить нас всех!

Калэдней побледнела и покачала головой.

— Комната защищена от невидимости, телепортации, прорицаний...

— Очевидно, это не так, — перебила её Алусейр. Все еще полная решимости держать мысли посланников о том, как присутствие фаэримма, а не почему, без сомнения, выигрывая время, чтобы собраться с мыслями по этому вопросу, она посмотрела на Галаэрона.

— Может быть, сэр Нихмеду объяснит, как это было сделано?

Когда стражник опустил пояс, закрывающий рот Галаэрому, он оглядел стол совета и увидел, или, по крайней мере, его тень увидела, виноватые выражения на каждом лице.

— Галаэрон? — подтолкнула его Алусейр.

Не в силах больше игнорировать возмущение, поднимающееся в его груди, Галаэрон сердито посмотрел на принцессу.

— Вы действительно ждете ответа? — он спросил.

— Почему нет?

— Потому что я не предатель своего народа, — ответил Галаэрон. — Я никогда не помогу союзникам фаэриммов.

Возмущенный гул заполнил комнату, но выражение, появившееся на лице Алусейр, было не столько гневом, сколько капитуляцией.

— Оставьте нас, — сказала она.

Послы замолчали и стали смотреть друг на друга, ожидая, что кто-то другой возьмет на себя инициативу и либо возразит, либо начнет отступление.

— Сейчас же! — сказала Алусейр. — Мы обсудим фаэриммов завтра, когда у нас будет возможность заключить такую сделку и спокойно спать по ночам.

Послы поднялись в суете скрипящих ножек стульев и резких замечаний и ушли, оставив в комнате только Калэдней, Руху и дюжину Пурпурных Драконов с Галаэроном и Алусейр. Принцесса жестом указала всем на дверь.

— Вы тоже — сказала она, вставая и направляясь к Галаэрому. — Здесь мне ничто не угрожает.

Хотя их лица явно выражали недовольство, остальные знали, что лучше не сомневаться в способности Алусейр позаботиться о себе. Они последовали за посланцами в переднюю. Когда они ушли, Алусейр села рядом с Галаэроном и положила мозолистую руку на его стройное колено. Хотя она и не сжимала его, он

чувствовал в ее объятиях достаточно силы, чтобы, если бы она захотела, переломать ему кости.

— Эльф, что мне с тобой делать? — спросила она. — Ты сам себе злейший враг ... И все же я не могу сказать, что все сложилось бы иначе, если бы ты не был им.

Сердце Галаэрона упало.

— Значит, вы собираетесь предать Эвереску?

— Нет, не Кормир. Это я обещаю, — сказала Алусейр. — Но, боюсь, мы также не сможем помочь.

— Вы оставляете нас одних?

Алусейр посмотрела через комнату и сказала:

— Я действительно не думала, что можно будет договориться о безопасности Эверески, но ... — Она замолчала, потом покачала головой и снова повернулась к Галаэрону. — Дипломатия – это искусство возможного, Галаэрон, и мы ничего не можем сделать. Ты должен это знать.

Волна темного гнева начала подниматься в Галаэроне, но бороться с ней было нетрудно. Он действительно знал. Алусейр говорила ему правду, а именно так поступают друзья в подобных обстоятельствах. Он взял ее за руки.

— Я знаю. Спасибо. — Он посмотрел на дверь и добавил:

— Это был Альдувар Сноубранд.

Алусейр в замешательстве нахмурилась.

— Альдувар?

— Тот, кто рассеял чары Калэдней, — сказал Галаэрон. — Жители Долин уже были рабами разума, когда прибыли сюда, и фаэриммы знали, что от них меньше всего можно ожидать предательства. Он вошел первым и рассеял обереги, а фаэримм встал между двумя другими.

Алусейр подняла бровь.

Галаэрон кивнул, но объяснять дальше не стал. Когда дело касалось фаэриммов, он просто ... знал. Это был маленький подарок от шадовара, которого он когда-то знал.

— Ну, спасибо, — сказала Алусейр с улыбкой, затем наклонилась и поцеловала его, крепко, в губы. — Ты следи за собой. Я буду скучать по тебе.

ГЛАВА ВТОРАЯ



10 Флеймрула, Год Дикой магии

За теневой оболочкой Такари Лунноснежная видела только темные формы – туманные диски и туманные столбы, которые могли быть чудовищами или минералами, которые могли быть бехолдерами и багберами или валунами и разбитыми каменными глыбами. Они, казалось, никогда не двигались, что благоприятствовало неодушевленному, но всякий раз, когда она на мгновение

отводила взгляд и оглядывалась назад, фигуры оказывались в разных местах. Это благоприятствовало животным, даже зловещим и опасным. При условии, конечно, что эта перемена была не просто игрой ее воображения. Разведка через теневую скорлупу была похожа на то, как если вглядываться в обсидиановое окно. Она могла сказать, что что-то лежало на другой стороне, но что это могло быть, можно было только догадываться.

Такари выругалась и направилась обратно к лагерю, ее тело согревалось под жарким солнцем Анаврока, когда она отошла от ледяной темноты раковины позади. Согласно последним новостям из Шараэдима, троица фаэриммов была замечена за несколько дней до того, как погнала армию рабов разума в направлении Такари. К сожалению, это все, что было известно. Шпионаж за фаэриммами всегда был смертельно опасен, так что каждый доклад изнутри давался дорогой ценой.

И высшие маги, посланные Эвермитом, тоже не могли получить эту информацию. В то время как стена смерти фаэриммов давно пала жертвой теневой оболочки шадовар, сама теневая оболочка оставалась достаточно сильной, чтобы обратить любое заклинание на себя. К счастью, способность Избранных слышать свои имена, произносимые в любом месте Фаэруна, вернулась с падением стены смерти – очевидно, потому, что шадовары не догадались сплести свою оболочку против дарованных божеством способностей Избранных. Хелбен Арунсун и Лаэраль Серебряная Рука, которые остались в ловушке с осажденными защитниками Эверески, смогли передать сообщения через Шторм Серебряную Руку или другого Избранного. Такари добралась до поля, где стояла ее разведывательная рота, и обнаружила, что там царит суматоха: лесные эльфы надевают доспехи, натягивают луки и спешат собраться у круга сбора. Ее заместитель, мужчина с терновыми глазами, мускулистым телосложением и широкой улыбкой, бросился к ней со шлемами и боевыми плащами в руках.

— В чем дело, Вагг? — спросила Такари, забирая у него плащ и набрасывая его на плечи. — Шадовары?

Вагг, на самом деле Уизл Бендривер, но все звали его Вагг, потому что он качал головой всякий раз, когда улыбался, хмурился или говорил – качал головой.

— Лорд Рамеалаэруб отдал приказ. Он махнул шлемом через ее плечо, в сторону теневого барьера, и сказал:

— Лорд думает, что он рухнет.

Такари застегнула горловую застежку плаща и, обернувшись, обнаружила, что черный теневой барьер превратился в серо-голубой. Даже с расстояния в сотню шагов барьер казался невероятно огромным, темная стена простиралась за горизонт в обоих направлениях, изгиб ее купола был незаметен, когда она поднималась выше, чем она могла видеть. Перед ее глазами серо-голубая оболочка поблекла и стала просто серой. Эльфийка начала видеть террасные гребни холмов Южной Границы Пустыни и маячащие за ними, безошибочно узнаваемые утесы Высокого Шараэдима. Внутри гаснущей скорлупы от пустыни мягко поднимался широкий гребень, извиваясь вглубь предгорий, прежде чем подняться к высокому холму, который должен был стать первым плацдармом эльфийской армии внутри Шараэдима. Такари с облегчением увидела, что подножие хребта находится прямо перед лагерем ее роты. Предлагая лорду Рамеалаэру разбить лагерь, она была вынуждена вспомнить

местность внутри теневой скорлупы по памяти и угадать хорошие плацдармы для каждой руки эльфийского наступления. То, что ее собственная рота находилась в надлежащем положении, означало, что и остальные тоже. Такари взяла у Вагга свой боевой шлем и со вздохом надела его на голову. Это был один из тех безвкусных, некоторые сказали бы, богато украшенных, доспехов, сделанных золотыми эльфами. Позолоченный и отделанный серебром, он был тяжелым, как камень, и почти таким же удобным. Круг высших магов Эвермита наделил его несколькими полезными чарами, включая их самую мощную магию защиты разума и способность оставаться в постоянном контакте с ее командиром. Вагг хихикнул.

— Ты похожа на разбойничью птицу, только громче и уродливее.

— Это не так уж плохо. Может быть, теперь ты перестанешь умолять меня играть в ночные игры.

— Ты собираешься надевать эту ужасную штуку на ночь?

— И ты тоже, — Такари указал на шлем Вагга, потом на его голову. — Фаэриммам все равно, когда они забирают своих рабов разума.

Вагг нахмурился. Покачав головой, он усмехнулся, глядя на украшения, вбитые в металл.

— Корабли, — проворчал он. — С этой компанией всегда корабли и паруса. Что плохого в нескольких деревьях?

— Кто знает? — Такари была так же искренне озадачена, как и ее заместитель. — Может быть, на Эвермите *нет* деревьев.

— Ты так думаешь?

Глаза Вагга расширились от этой пугающей мысли, и Такари пожала плечами. Теневой барьер из серой скорлупы превратился в прозрачную плотину, и видеть мерцающий барьер стало труднее, чем местность за ним. Такари не видел ничего, кроме валунов и разбросанных по склону холма голых деревьев дымчатого терна и высохших силуэтов нескольких колючих мыльных листьев. Мыльные листья на которые ей придется смотреть. За два десятилетия, которые она провела, патрулируя Южную Границу Пустыни с Галаэроном Нихмеду и его Стражей Гробниц, она никогда не видела ни одного так близко от Анаврока. Когда Такари не увидела больше ничего интересного, она обратила свои мысли внутрь и активировала магию сообщений шлема, представив суровое лицо лорда Рамеалаэруба.

— Лорд верховный командующий, — сказала она.

Образ в ее сознании стал более материальным, приняв хмурое лицо остролицего золотого эльфа с тонким, как кинжал, носом и бровями, изогнутыми так же резко, как корабельные кили.

— Лунноснежная, — сказал золотой эльф, и его слова эхом отозвались в ее голове. Я уже начал думать, что с тобой что-то случилось.

— Я была за теневым барьером, милорд. — Такари взглянула на Вагга и закатила глаза. Рамеалаэруб был типичным золотым, полным представлений себя и того, как все должно быть. — Ищем тех рабов разума, о которых предупреждал Хелбен.

Выражение лица Рамеалаэруба стало нетерпеливым.

— И?

— Я ничего не видела, милорд. — Раздраженная его поведением, Такари не собиралась облегчать ему задачу. — Это было до того, как упал теневой барьер. Вокруг было слишком темно.

— *Барьер теперь не темный*, сказал Рамеалаэруб.

Но теперь я вернулась к своей роте. — тон Такари был невинным. — Разве вы не призвали нас к оружию? Грозовая туча накрыла лицо Рамеалаэруба. Раздраженный, он что-то сказал кому-то рядом с собой, затем взял себя в руки и повернулся к Такари.

— *Лунноснежная, мы с Владычицей Леса договорились, что лесные эльфы будут служить разведывательной ротой армии.* — Хотя глаза Рамеалаэруба выглядели так, будто они вот-вот выскочат из орбит, он говорил намеренно терпеливым тоном, который предполагал, что он не понимает, как Такари играет с ним. *Не будешь ли ты так добра взять своих эльфов и посмотреть, нет ли каких-нибудь признаков врага?*

— Конечно, все, что вам нужно было сделать, это сказать. — Такари начала беспокоиться, что Рамеалаэруб действительно не понимает, что она играет с ним в игру. Если так, то это не сулит ничего хорошего эльфийской армии. — Но я могу сказать вам, что они уже знают, что мы здесь.

— *Ты их видишь?* — Он волновался.

— Не совсем, — ответила Такари. — Все дело в деревьях.

— *Деревьях?*

Некоторые не должны быть здесь, так близко к песку, — объяснила Такари. По крайней мере, Рамеалаэруб был достаточно эльфом, чтобы понять, что это значит.

Он задумался, потом спросил:

— *Какие именно?*

— Мыльные листья, — сказала Такари. — Они...

— *Я знаю, что такое мыльный лист, Лунноснежная.* Он отвернулся и заговорил с кем-то еще, потом вернулся к ней.

— *У нас здесь есть несколько, но их недостаточно, чтобы замедлить нас. Скорее всего, это просто часовые.*

— Возможно, — сказала Такари, — но с фазриммом ты никогда не сможешь...

— *Вот почему вам нужно обезопасить наш фланг,* — сказал он. — *Мы войдем быстро и жестко, но как только призрачная оболочка опустится, неизвестно, сколько времени потребуется фазриммам, чтобы восстановить свои силы. Вы должны быть впереди нас, и дайте мне знать, когда у вас возникнут проблемы.*

— А, так вот чем занимается разведывательная рота?

— *Я серьезно, Лунноснежная,* — сказал Рамеалаэруб. — *Играй со мной, если хочешь, но не со своей миссией. Ты лучше любого из нас знаешь, как быстро это может обернуться катастрофой.*

Возможно, у этого лорда Верховного Командующего было больше здравого смысла, чем у предыдущих генералов Эвермита. Такари кокетливо улыбнулась ему и сказала:

— Лорд Рамеалаэруб, я не могу понять, почему вы думаете, что я играю с вами. Она посмотрела в сторону теневого барьера и, увидев, что она поблекла до прозрачного мерцания, продолжила:

— Если вы не будете получать от меня вестей каждые четверть часа ... считайте, что *это* сигнал тревоги.

— *Очень разумно,* — ответил Рамеалаэруб. — *А теперь, Лунноснежная, постарайся не дать себя убить. Ты единственный разведчик, который действительно знает эту часть Шараэдима.*

Образ Рамеалаэруба исчез из ее сознания, и Такари, обернувшись, увидела, что ее рота ждет у круга сбора. Хотя все рейнджеры застегнули свои боевые плащи и натянули луки, ни один не надел яркие боевые шлемы, присланные Эвермитом. Большинство шлемов валялось на земле, а некоторые использовались как подставки для ног или табуретки.

Такари постучала по своему шлему и сказала

— Наденьте их.

— Но они уродливые, — пожаловалась Джисела Уайтбарк.

— И тяжелые, — добавил Гримбл Оукорн.

Такари пожала плечами и сказала:

— Как хотите, но скажите мне, что вы будете делать, когда фаэриммы сделают из вас рабов разума. Вы бы предпочли быть убитыми или позволить им воткнуть в вас яйцо?

Началась схватка за шлемы. Такари подождала, пока они пойдут дальше, затем объяснила их миссию и повела их по хорошо проторенной тропе к тому, что раньше было тeneвым барьером. От магической преграды не осталось и следа. Тропа только что закончилась, и через несколько шагов каменистый склон их хребта вынырнул из песка и начал подниматься в беспорядке валунов и голой земли к далеким вершинам Высокого Шараэдима. Такари копалась в песке, пока не нашла камешек. Наполовину ожидая, что он исчезнет во вспышке тьмы, как и сотни других, которые она бросила через тeneвой барьер, она бросила его так сильно, как только могла.

Камень с грохотом упал на землю в тридцати шагах от гребня. Она некоторое время изучала камешек, не совсем веря, что он действительно попал в Шараэдим, затем повернулась к своей компании. Они стояли рядом, нервничая и немного напуганные.

— После всего этого времени я, наверное, ожидала чего-то большего.

— Я просто рад, что он не растаял или что-то в этом роде, — сказал Вагг.

Пока Вагг говорил, Такари заговорила на языке пальцев, ее руки выдавали безмолвные инструкции, которые изучались гораздо внимательнее, чем болтовня ее заместителя.

— Судя по тому, что ты говорила об этих шадоварах, — продолжал Вагг, — я не думал, что она просто исчезнет. Я был уверен, что он взорвется или что-то в этом роде и убьет нас всех.

— Тогда я благодарю Риллифана Раллителя, что ты ошибся, — сказала Такари. Ее пальцы продолжали плести команды, предупреждая воинов быть осторожными с другими вещами, кроме мыльных листьев. — Эта работа сложнее, чем я ожидала.

Она подала знак: «Сейчас!». Натягивая стрелы на ходу, рота рассеялась и выпустила их. Стрелы пролетели над головой Такари с низким гудящим свистом, и склон позади нее разразился болезненными визгами и странными булькающими завываниями. Она обернулась. Там, где мгновением раньше были мыльные листья, она обнаружила полдюжины иллитидов, рухнувших на землю, их тела были усеяны стрелами, а щупальца рта корчились в муке.

Остальная часть склона оставалась такой же неподвижной, как и прежде. Вложив стрелу в свой лук, Такари присела на корточки и бросилась вперед. Укрывшись за первым попавшимся валуном, она поскребла поверхность наконечником стрелы, чтобы убедиться, что это действительно валун, затем посмотрела налево и направо вдоль подножия хребта. Они были замаскированы магией своих боевых плащей, потому потребовалось несколько мгновений, чтобы найти ближайших членов ее роты, прячущихся за валунами, похожими на нее. Она даже не попыталась сосчитать головы. С ротой, разбросанной по всей ширине хребта, ей было бы трудно найти их всех, даже если бы они стояли на цыпочках и размахивали руками.

Она представила себе свою роту, ожидающую в круге сбора несколько минут назад, затем прошептала:

— Разведывательная рота, есть что доложить?

Когда ответа не последовало, она вздохнула с облегчением и доложила об их успехах лорду Рамеалаэрубу. Он поздравил ее с успехом, сообщив, что лунные эльфы, защищающие другой фланг, также наступают, затем напомнил ей, что основные силы армии начнут наступление через пять минут, и призвал ее продолжать двигаться. Такари сдержал кислый ответ и отдала приказ подниматься на гребень двумя волнами, прикрывая друг друга по мере продвижения.

Гримбл Оукорн, ее партнер в этой тактике, появился из-за валуна в тридцати шагах справа от нее и пробежал еще тридцать шагов вперед, прежде чем нырнуть обратно в укрытие. Такари быстро покинула свое укрытие и, беспорядочно извиваясь, чтобы стать трудной мишенью, пробежала шестьдесят шагов, прежде чем, наконец, опустилась на колени за большим стволом мертвого дымного шипа. Это была тяжелая работа, особенно когда жаркое анаврокское солнце било в тяжелый шлем, который она носила. Пот начал стекать по ее лбу.

Последовала трехсекундная пауза, прежде чем Гримбл и остальные в первой волне вышли из новых укрытий. Только дураки оставляли укрытие там же, где входили, а разведчики лесных эльфов не были дураками. Они пробежали шестьдесят шагов вверх по склону и спрятались в укрытие. Такари и вторая волна подползли к новым стартовым точкам и устремились вверх по склону.

Опустошения странной войны превратили эту пустынную страну чудес в мрачный призрак ее прежней, оставив сотни дымных шипов, разбросанных по склону холма, их стволы обломаны у основания или их веер корней вырван целиком из каменистой почвы. Деревья, которые остались стоять, были голыми и облезлыми, их кинжалообразные листья были разбросаны вокруг их оснований, как иссохшие серые юбки. Даже крепкие колючие кусты ежевики, которые, казалось, лучше всего росли в земле, которая была скорее камнем, чем почвой, и цвели только в самую сильную засуху, были увядшими и поникшими, их крошечные листья были хрупкими и коричневыми.

Это зрелище наполнило Такари холодным гневом, и не только потому, что ей было больно видеть оскверненный войной Шараэдим. Два десятилетия, которые она провела, патрулируя местность с Галаэроном Нихмеду, были самыми счастливыми в ее жизни, даже если он все это время отказывался признавать их духовную связь, и вид увядающей земли напомнил ей, что ее воспоминания тоже исчезают, что в конце концов она останется только с сухим фактом: что она была Стражем Гробниц на

Южной Границе Пустыни и была влюблена в своего командира. Но сама любовь, простая радость быть всегда рядом с ним, трепет, который пробуждался в ее сердце при каждой его улыбке, все это уйдет, унесенное войной и потерянное для нее, как и сам Галаэрон.

Такари сбилась со счета, сколько раз они с Гримблом по очереди мчались вверх по склону, но ее дыхание стало прерывистым, а волосы так вспотели, что хлюпали под шлемом. Она опустилась на колени за разбитым валуном и вытерла глаза о плечо своего плаща, затем посмотрела на склон наверху, где Гримбл мчался вперед и опустился на колени за упавшим дымным терном. Его боевой плащ стал таким же жемчужно-серым, как и кора, пара полос на плечах соответствовала полосе борозд на стволе. Наполовину жалея, что не выбрала более медленного партнера, Такари на четвереньках пробралась по неровной земле, вышла из-за квадратного валуна и начала свой рывок. Такари успела сделать не более трех шагов, прежде чем ее взгляд снова упал на укрытие Гримбла. Его плащ потемнел и покрылся пятнами, как и волосы, уши и подошвы сапог - все, что она могла видеть сзади. Подойдя ближе, она увидела, что и он, и его плащ казались странно жесткими и были покрыты крошечными черными и красными крапинками.

Такари прыгнула за выступ высотой по колено в десяти шагах от Гримбла, затем воспользовалась своим шлемом, чтобы остановить отряд. Не выглядывая из-за укрытия, она представила себе красивое лицо Гримбла.

— Гримбл? — прошептала она.

Ответа не последовало.

Пульс Такари застучал в ушах, как раз тогда, когда ей действительно нужно было услышать. Она закрыла глаза, отложила оружие и сделала несколько успокаивающих вдохов. Когда шум наконец затих, она подняла большой камень и, поднявшись из-за своего выступа, швырнула его в спину Гримблу.

Он ударился с каменным звоном.

Такари вернулась в свое укрытие и активировала магию сообщений шлема.

— Разведывательная рота, будьте осторожны. На нас напали – что-то превратило Гримбла в статую.

— *Вайека тоже*, — прошептал Вагг. — *Не видел, что случилось.*

— Я тоже, — ответила Такари. — Кто-нибудь?

Никто ничего не сообщил. Такари ничуть не удивилась. Фаэриммы произносили свои заклинания исключительно мысленно, никаких жестов или слов не требовалось, и глазная магия их слуг-бехолдеров была так же безмолвна.

— Мы должны выяснить, откуда это идет, — сказала Такари. Она подняла голову достаточно высоко, чтобы выглянуть из-за выступа. — Я как раз под Гримблом и вижу с полдюжины хороших мест, где можно спрятаться, начиная с зарослей кинжальной изгороди слева и заканчивая грудой из трех валунов справа.

— *Я с Вайекой*, сказал Вагг через шлем. Я не вижу кинжальной изгороди слева, только корни опрокинутого дымного шипа.

— Значит, где-то между корнями и валуном, — сказала Такари. — Все, кто этого не видит, продолжайте двигаться вперед и двигайтесь кругом...

— *Подождите.* — Образ розовоносового лица Алайи Тислдью пришел в голову Такари вместе с ее голосом. — *Что-то шипит. Может быть, это ничего, но я возьму...*

Ее образ исчез из сознания Такари.

— Алайя?

— *Превращена в камень*, — сказал партнер Алайи, Росл Харп.

Хотя эти двое были любовниками, Росл не казался чересчур расстроенным. Сотней боевых магов и тремя кругами высших магов в эльфийской армии с воином могли случиться вещи и похуже, чем превращение в камень.

— *Это настигло ее, когда она оглядела валун*, — продолжил он. — *Она не могла видеть укрытие, о котором ты говорила.*

Значит, он движется, — сказал Вагг.

— *Ты имеешь в виду ходит вокруг*, — сказал Росл, и его голос прозвучал в голове Такари едва слышным шепотом.

— Ты уверен? — спросила Такари. — Фаэриммы левитируют. Созерцатели тоже.

— *Слышу его*, сказал Росл. — *Уходит.*

— Много ног? — спросила Такари. Она начала думать, что знает, с чем они столкнулись. — Может, хвост волочится? Похоже на то, — сказал Росл. Но я ничего не вижу.

Такари закатила глаза и ответила:

— Возможно, тебе придется рискнуть взглянуть, Росл.

— Я смотрю, — сплюнул Росл. Я не вижу ничего, кроме камней и ...Он невидим! — Такари и Росл пришли к этому выводу одновременно, а потом Такари спросил:

— Ты уверен, что стоишь за этим?

— *Я уверен*, сказал Росл. За кого ты меня принимаешь, за человека? Будьте готовы к прикрытию, все. Я наложу заклинание и побегу.

Голос Росла исчез, когда он приготовил заклинание. Такари посмотрела направо. В пятидесяти шагах от него Вагг поворачивался в сторону Росла, перекинув лук через спину, чтобы его руки могли свободно пользоваться собственной магией. Хотя Такари не могла видеть других разведчиков, она знала, что все в радиусе двухсот шагов от позиции Росла будут делать то же самое.

Она только начала гадать, почему так долго, когда откуда-то сверху по склону треснула серебряная искра и исчезла. Мгновение спустя по гребню прогрехотал низкий гул.

— Росл? — спросила Такари.

— *Он упал*, — сказала Джисела Уайтбарк, появившись в сознании Такари. Ее медные глаза были широко раскрыты от шока и ужаса. — *Молния, кажется. Он был не настолько силен. Он все еще дымится и достаточно жив, чтобы метаться.*

— Ты видела, откуда она взялась? — спросила Такари.

Джисела покачала головой. Хотя она, несомненно, была ближайшим эльфом к Рослу, она не вызвалась, а Такари не предложила, пойти ему на помощь. Их невидимый противник только этого и ждал, и Джисела в конце концов оказалась бы лежащей на земле рядом с ним.

— *Лунноснежная*. — Резкие черты лица лорда Рамеалаэруба всплыли в сознании Такари.

— Мы слышали грохот. У нас неприятности, — доложила Такари. — Невидимый василиск, я думаю, и что-то, защищающее его.

— *Только один защитник?*

— Возможно. Скорее всего.

— *У Гвинанаэль Тахтрел и ее рейнджеров возникли проблемы с фаэриммом на другом фланге. Он продолжает отступать, борясь, чтобы задержать наступление. Мы думаем, что они попытаются выиграть время, чтобы восстановить свою магию. Ты не можешь этого допустить.*

— Легко сказать, милорд, — ответила Такари. — Это не так легко сделать. Мы даже не знаем, где он.

— *Найди*, — приказал Рамеалаэруб. Мы сейчас двигаемся в долину, и нам нужно, чтобы вы оставались впереди нас.

— Мы несем потери....

— *И вы будете продолжать нести их, пока не устраните проблему!* — Голос Рамеалаэруба смягчился, когда он добавил:

— *Вы разведывательная рота, Лунноснежная. Вы должны нести потери. Двигайтесь.*

Лицо лорда верховного командующего исчезло, оставив проклятия Такари падать только на ее собственные уши. Она выглянула из-за своего выступа и изучила склон наверху, но не смогла найти никаких намеков на то, где мог скрываться нападавший. Если бы она была там, наверху, она бы пряталась в темных углублениях внутри груды валунов, но это было не так. Она даже не принадлежала к той же расе. Она была эльфом, а они -... она понятия не имела, с чем они столкнулись. Бехолдеры редко использовали молнии, но нападавший вполне мог быть рабом разума из Эверески или спасательной армии Лазраль Серебряной Руки. Или это мог быть фаэримм, с которым столкнулись Гвинанаэль и ее лунные эльфы. Такари не нашла никаких намеков на склоне выше.

Она мысленно представила себе Джиселу и сказала:

— Джисела, ты можешь ...?

Когда ее память о лице не сложилась в четкий образ, Такари поняла, что там никого нет, и оборвала фразу. Она почувствовала, как желчь обжигает горло, и попыталась проглотить ее. Она вернулась через два вдоха.

Надеясь, что ее голос не прозвучит слишком неуверенно, она назвала всю роту по именам. Не хватало только Джиселы, но, когда она взяла переключку, василиск, или что это было, превратил еще одного разведчика в камень. По крайней мере, в одном Рамеалаэруб был прав. Укрытие в скалах не избавит их от потерь.

— Боюсь, нам придется сделать это так, как сделали бы золотые, — объявила Такари.

— *Ты имеешь в виду нападение?* — спросил Вагг.

Более привычные к охоте, чем к бою, лесные эльфы предпочитали скрытность и засаду скорости и свирепости, особенно когда скорость и свирепость означали атаку в зубы вражеской обороны.

— Продвигайтесь двумя волнами, — пояснила Такари, — и внимательно следите за тем склоном. В этом нет особого смысла, если мы не увидим, где прячется враг. Первая линия, вперед!

Первая волна едва успела покинуть свои укрытия, как еще одна молния ударила вниз по склону. Эта была немного сильнее первой, достаточно громкой, чтобы Такари почувствовала, как у нее хрустнуло под ложечкой. Она ударила примерно в сотне

шагов, достаточно близко, чтобы она увидела, как она сбила с ног одного из ее разведчиков. Напарница раненого эльфа покинула свое укрытие, чтобы помочь, и тут же была поражена полетом золотых стрел магии. Обе атаки пришли откуда-то далеко справа от гребня. Такари сосредоточила свое внимание на этом направлении, но не потрудилась поднести стрелу к щеке. Даже если угол был хорошим, а это было не так, она все еще имела лишь смутное представление о том, куда целиться. Остальная часть волны продвинулась всего на десять шагов, прежде чем враг ударил снова, на этот раз молнией, достаточно мощной, чтобы наконечник пробил тело жертвы и вышел с другой стороны. Такари показалось, что вспышка заплесала по зубчатому гребню хребта на дальней правой стороне, но она все еще не могла точно уловить, откуда она пришла. Эльфам удалось сделать еще дюжину шагов, прежде чем Такари, наконец, увидел шар красного пламени, появившийся в середине зазубренного силуэта небольшого утеса и пронесшийся над гребнем хребта, чтобы поразить цель где-то за ним. Она начала называть местоположение над своим шлемом, но затем непрерывный поток темных стрел начал лететь обратно к утесу, и она поняла, что цель была найдена. Не то чтобы это принесло им много пользы. К тому времени, как первая волна закончила свой этап наступления и начала отступать за укрытие, один эльф во второй волне был превращен василиском в камень, а скрытый нападавший убил еще одного в первой. Каждая атака казалась чуть более мощной, чем предыдущая, и Такари не думала, что это только потому, что жертвы продолжали приближаться. Молнии трещали все громче, магических разрядов становилось все больше, огненные шары становились все больше и горели все ярче. Плетение восстанавливалось в Шараэдиме, и по мере этого враг становился все сильнее. Нападавший, должно быть, фаэримм.

Настала очередь Такари наступать. Она проползла несколько шагов на четвереньках, потом побежала вверх по склону. Как и в случае с первой волной, молния ударила вниз по склону в тот момент, когда они поднялись, и разнесла Йавина Зеленую Иглу, ближайшего друга Такари из Рейтхиллаэтора, на обгорелые куски. Такари закричала, не только из-за Йавина, но и из-за всех потерянных эльфов компании. Это были не просто разведчики, которых она обучила сражаться с фаэриммами. Это были ее друзья детства, партнеры по танцам и будущие любовники, сыновья и дочери родителей, которые умоляли ее вернуть их детей домой в целости и сохранности. Каждый раз, когда кто-то умирал, часть ее умирала вместе с ними, но с этим ничего нельзя было поделать, кроме как убить фаэримма и потерять еще больше друзей. К тому времени, как волна Такари была готова найти укрытие, она потеряла еще троих друзей. Она также была достаточно близко к нападавшему, чтобы увидеть, что он спрятался в расщелине скалы. Стрелы ее роты рикошетили от отверстия одна за другой, без сомнения, потому, что обитатель запечатал щель снаряжной защитой и заклинательным щитом, чтобы он мог наблюдать за своим невидимым питомцем из безопасности. Кривая линия эльфийских статуй поднималась вверх по склону к левой стороне хребта, где нападающему скоро будет закрыт вид из-за края его собственного укрытия.

Фаэримм послал василиска охранять его фланг. Как и Рамеалаэруб, он беспокоился о том, чего не мог видеть. И снова первая волна эльфов поднялась, чтобы возобновить атаку, и снова фаэримм взял одного из них в тот момент, когда он

покинул укрытие, послав огненный шар, дымящийся и шипящий в большое дерево дымящегося терна. Молодая Харла Элмворм, шатаясь, вышла из огня, охваченная пламенем и крича в агонии. Его заклинания приходили все быстрее, верный признак того, что враг слишком быстро восстанавливался.

Нападение на Харлу было также признаком того, что камуфляж её роты был мало полезен против этого врага. Фаэримм буквально видел магию, и, учитывая всю магию, которую носили ее разведчики, они должны были быть столь же очевидны для врага, как фонарь в Подземье. Такари активировала посылающую магию шлема и сказала:

— Найдите хорошее укрытие и возьмите его. Вот что я хочу, чтобы вы сделали...

Пока Такари объясняла свой план, она расстегивала плащ и снимала сапоги, кольца и наручи и сбрасывала все остальное, что несло в себе слабый двомер магии. К тому времени, как она закончила, она была раздета до своих кожаных доспехов и не более того.

— Я постараюсь быть быстрой, — закончила она. — Просто держите внимание врага сосредоточенным на себе, пока не увидите меня на вершине утеса, и во имя Повелителя Листьев, если услышите, что василиск подкрадывается к вам сзади, не смотрите! Просто бросьте магическую стрелу на звук и бегите в другую сторону. Я уверен, что наш добрый лорд верховный командующий считает, что у него есть лучшее применение для своих боевых магов, чем превращение нас всех обратно в народ.

Последним, что сняла Такари, был ее шлем. Она связала его со своим плащом и другой магией. Вагг и дюжина других начали забрасывать укрытие фаэримма взрывными заклинаниями, а остальная часть роты начала ползти, очень медленно и очень осторожно, к расщелине.

Фаэримм ответил, нацелив свои собственные заклинания на тех, кто приближался к его укрытию. Хотя разведчики старались как можно дольше оставаться в надежном укрытии, их враг был смертельно опасен, и слишком многие его заклинания попадали в цель.

Когда Такари решила, что атака будет достаточно ослепительной, она встала и побежала вверх по холму босиком, не имея при себе никакой магии и почти ничего, кроме оружия. Двадцать шагов спустя мрачный лесной эльф напугал Такари, внезапно упав рядом с ней. Он был на век или два старше Такари и, как и она, был раздет до доспехов и оружия.

Такари приподняла бровь и сказала:

— Это работа для одного, Юрнэ. Двое только удваивают риск быть замеченными.

— Ты слышишь, как я иду?

— Нет, — призналась Такари.

— Ну что ж.

Юрнэ взял инициативу на себя, и на этом всё закончилось. Один из эльф-отшельников, одиноко живших в глубинах Высокого леса, Юрне забрел в Рейтхиллаэтор после того, как разведывательная рота закончила обучение, и объявил, что он пойдет вместе с ними. Офицер лорда Рамеалаэруба совершил ошибку, предположив, что уже слишком поздно, и тут же обнаружил, что его рукав припилен к дереву одним из метательных кинжалов Юрнэ. Отшельник подошел совсем близко и начал слово в слово цитировать уроки офицера, а затем спросил шипящего золотого,

какое дело ему было руководить ротой разведчиков лесных эльфов, когда он даже не может сказать, когда он их тренирует. После этого никто никогда не осмеливался сказать Юрнэ, что он может или не может сделать, и постоянный хор зеленых эльфов хихикал, заставляя оскорбленного золотого эльфа вернуться в главную армию, к которой он принадлежал. Лорд Рамеалаэруб передал командование ротой Такари, которая, будучи рейнджером в патруле Страже Гробниц Галаэрона Нихмеду, была единственным в группе с опытом, который можно было считать отдаленно военным. Пожар за пределами укрытия фаэримма продолжался с немалой ценой в жизни эльфов, пока Такари и Юрнэ поднимались по склону. Как только они оказались выше укрытия фаэримма, Такари присела на корточки и, решив, как можно скорее положить конец дорогостоящей битве заклинаний, начала ползти к небольшому утесу. Юрнэ продолжал подниматься на холм, и Такари приказала ему следовать за ней, но он не заметил ее жеста, или предпочел проигнорировать его, и продолжил, как и прежде. Она проклинала упрямство отшельника и снова двинулась вперед, пока не вспомнила, с какой легкостью он шпионил за разведывательной ротой во время их обучения. Такари снова прокляла отшельника, на этот раз за его молчаливость, и последовал за ним вверх по склону.

Несколько минут спустя они опустились на четвереньки и поползли по склону к упавшему дымному терну примерно в двадцати шагах над небольшим утесом. Несколько мгновений они изучали трещину сверху, хотя Такари не видела в ее глубине ничего, кроме постоянных вспышек боевой магии.

Юрнэ закрыл глаза и начал нюхать воздух, и она наконец поняла, почему отшельник настоял на том, чтобы приблизиться сверху. Ветер был слабый, но тот, что дул, поднимался по склону с горячих песков Анаврока. Такари не чувствовала ничего, кроме вони серы и обугленной плоти, но нос Юрнэ был более проницательным. Широко раскрыв глаза, он опустил за дымчатник и начал говорить пальцами неуклюжими жестами человека, редко практикующего это искусство.

— *Мим огнемет охранник!*

— *Пожиратель разума?* — спросила Такари. — *Иллидид?*

— *Да!* — Жест был резким. — *Вот что я вижу!*

— *Где?*

— *Как же мне быть с носом? Я понюхал его, а не шов.*

Такари выглянула из-за бревна и увидел только камень и мертвый кустарник, хотя это ничего не значило. Иллидид мог скрываться или просто быть невидимым, и использовать заклинание, чтобы найти его, было бы все равно что кричать об их присутствии фаэримму. С другой стороны, битва заклинаний не прекращалась и отвлекла внимание часового так же, как и хозяина. Такари отступила за бревно.

— *Там, внизу, есть еще что-нибудь, чего мы не видим?* — просигналила она.

— *Заяц, парализованный страхом,* ответил Юрнэ. — *Киваю еще.*

— *Действительно?* — Такари подняла бровь. — *Ну и нос у тебя.*

— *Почему ты считаешь, я живу один?*

Вспомнив, как пахнет сотня лесных эльфов после трех дней пьянства и танцев, Такари скорчила гримасу и понимающе кивнула, а затем перешла к делу.

— *Не думаю, что иллидид заметил нас. Мы должны продолжать в том же духе, иначе фаэримм просто телепортируется на холм и продолжит атаку.*

— У тебя есть план?

Такари кивнула и объяснила свою идею.

— Я его облизываю, — сказал Юрнэ. — *Только капитан не должен идти первым.*

С этими словами он перелез через ствол дымчатого шипа и пополз вниз по склону, двигаясь так быстро и грациозно, что Такари едва успела подготовить лук, прежде чем он оказался у разлома. Он упал на живот и заглянул через край, делая убедительную работу, притворяясь, что не знает, что где-то поблизости скрывается иллидид. Когда ничего не произошло, он встал на колено и снял с плеча лук. Все еще лежа за дымчатым терном, Такари наложила на тетиву две стрелы и начала жалеть, что не попыталась придумать более прямой план. Если бы они просто бросились в разлом, они бы уже атаквали. Фаэримм возможно даже был бы мертв. По-видимому, внимание иллидида было сосредоточено на битве, и он ничего не подозревал. Юрнэ застонал от боли, потом выпустил лук из рук и потянулся к голове. Такари оставалась совершенно неподвижной, спокойно ища источник нападения. Она не нашла никакого намека. Иллидид оставался таким же невидимым, как и раньше, без предательских шагов или дрожащих веток ежевики, которые могли бы выдать его местонахождение. Глаза Юрнэ потемнели, и он начал ползать на коленях, держась за виски и бессвязно постанывая.

Наступило одностороннее затишье, когда фаэримм перестал колдовать достаточно долго, чтобы телепатически посоветоваться со своим миньоном, а затем пожар возобновился еще более яростно, чем раньше. Такари прикусила губу и попыталась не думать о том, сколько ее друзей умирает, пока она прячется. Если фаэримм достаточно беспокоился о собственной безопасности, чтобы использовать магию невидимости, настолько мощную, чтобы держать нападающего скрытым, он был достаточно обеспокоен, чтобы выбрать охранника, который не будет делать глупых ошибок. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем Юрнэ опустил руки и начал трясти головой. Иллидид оставался скрытым, по крайней мере, до тех пор, пока отшельник не наткнулся на свой брошенный лук. Очевидно, забыв, что на плече у него все еще висит полный колчан, он принялся рыться в земле в поисках стрелы, которую так и не вытащил. Ветка ежевики трепетала в десяти шагах позади него, и голова Юрнэ откинулась назад, когда невидимая рука схватила его за волосы и дернула назад.

Это было все, что нужно Такари. Перекатившись на колени одним быстрым движением, она прицелилась прямо за головой Юрнэ и выстрелила. Стрелы все еще висели в воздухе, когда она перепрыгнула через дымный шип и бросилась вниз по склону. Стрелы с глухим стуком остановились позади Юрнэ, в том, что казалось пустым воздухом. Каскад темной крови вспыхнул вокруг кончиков стрел и полился на голову разведчика. Он закричал и откатился в сторону, когда Такари перепрыгнула через него, ее лук был отброшен на десять шагов вверх по холму, а меч и кинжал уже были в руке.

Огромная пасть, полная клыков и окруженная четырьмя тонкими руками, как раз поднималась из расщелины и поворачивалась к упавшему иллидиду. Такари знала, что лучше не колебаться. Она просто опустила голову и нырнула мимо клыков, рубя и кромсая, когда темная пасть существа поднялась вокруг нее. Ее меч прорезал что-то извилистое и жесткое, а затем кинжал погрузился в кучу ила размером с ее голову.

Челюсти начали закрываться, и она прижала ноги к груди как раз вовремя, чтобы их не откусили.

Кисловато пахнувшая жидкость вырвалась из глубин впереди и покрыла ее лицо горячей едкой слизью. Задышавшись, Такари оттолкнулась от зубов, загоня себя и свой меч глубже в глотку существа и волоча свой кинжал рядом с собой, пронзая и рубя все, что, казалось, могло быть разрезано. Мясистый проход, теперь скользкий и теплый от крови и других драгоценных жидкостей, сжался и начал подталкивать ее обратно ко рту. Поняв, что ею вот-вот вырвет, Такари раздвинула колени, чтобы удержаться на месте, затем воткнула кинжал по самую рукоять и удержалась. Мышцы начало судорожно дергать, сжимая ее так сильно, что она думала, что ее раздавят. Такари толкала свой меч так далеко, как только могла дотянуться, поворачивая лезвие туда-сюда, описывая вокруг кончика неловкие полумесяцы, которые иногда ничего не находили, а иногда прорезали мясистые массы, которые могли быть только органами. Когда ее меч прорезал что-то мягкое и прозрачное, фаэримм прекратил попытки изгнать ее. Поток теплой крови поднялся, чтобы заполнить темный проход. Все обмякло, и живот Такари поднялся к груди. Она думала, что они падают, но это ощущение, казалось, длилось вечно - странный холод обожгли ее плоть. Ее подташнивало, она чувствовала слабость, пульс стучал в ушах, а мысли путались. А потом она просто оказалась где-то в другом месте, темном и грязном, наполненном горячей едкой слизью. Ее тело жгло, глаза горели. Эта дрянь попала ей в нос, горло и легкие, душила, топила. Она закашлялась и почувствовала вокруг себя горячую плоть, не сжимающую, а просто касающуюся и удерживающую, и вспомнила, где находится.

Или, скорее, где она была, когда фаэримм телепортировался в безопасное место. С колотящимся сердцем Такари двинулась назад по темному коридору. Плоть вокруг нее оставалась вялой и неподвижной, но тяжелой и удушающей. Она поймала себя на том, что борется, чтобы не дышать, и даже преуспела в этом, но кашель сдержать не удалось. Еще больше мерзкой желчи фаэримма хлынуло ей в горло, и ее чуть не стошнило, но она сумела подавить этот порыв, напомнив себе, что в конце концов проглотит еще больше этой ужасной дряни. Она подошла к зубам твари и, обнаружив, что они сжаты у нее за спиной, прижалась спиной к небу. Зубы разошлись. Снаружи хлынул луч яркого солнечного света, принес с собой столь необходимый поток прохладного горного воздуха. Вдыхая сквозь пальцы, чтобы не проглотить больше ни крови, ни желчи, Такари втянула воздух, выкашляла красную слизь, которая могла принадлежать ей или фаэримму, и снова наполнила легкие. Только после того, как она овладела своими рефлексам, она повернулась и выглянула из-за шершавых губ существа.

Под ней лежала обширная лестница мертвых и бесплодных виноградников, спускавшихся к боевым стенам Эверески серией окутанных дымом террас, где не было видно ни одного живого существа, кроме конусообразных фигур пятидесяти плавающих в воздухе фаэриммов.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ



12 флеймрула, Год Дикой магии

Восточная стена горы Унтриввин стояла в миле от нее, маячившая скала и лед, скрытая завесой молочно-белого пара, ее очертания были различимы лишь как тусклый серый клин на фоне ярко-серого неба. Перед горой виднелось расплывчатое темное пятно, лениво летящее овалом примерно на трети высоты. Когда пятнышко достигло конца своей петли и развернулось в противоположном направлении, оно приняло смутную крестообразную форму с длинным тонким телом и стреловидными крыльями. Даже без заклинания ясновидения, которое она наложила, Арр узнала бы в фигуре одного из шадоварских летучих мышей-червей – везераба.

— *Значит, нас видят,* — присвистнул рядом с ней Туух.

Они стояли на Высоком Льду, глядя на часового поверх затонувшей громады теневого покрова шадовар.

— Нам не придется долго ждать. Арр повернулась к Тууху. С редящими волосами, черной бородой и темными глазами, он был точной копией знаменитого, и очень неприятного, Хелбена Арунсуна.

— Используй свой рот и говори на Общем — проинструктировала Арр. — У разведчика могут быть не только глаза, но и уши.

— *Если это так, то ты, скорее всего, предашь нас своими словами,* — ответил Туух, продолжая говорить на Ветрах, используя магию, чтобы разогнать ледяной воздух на свистящем языке фаэриммов. — *Даже если он слушает, люди с трудом узнают наши голоса.*

— Шадовары – не люди.

— Они достаточно близки.

— Возможно, но это мой план, одобренный всем Советом Войны. Если это не удастся, ты действительно хочешь дать им повод обвинить тебя?

— Совет Войны меня не пугает.

— И если что-то пойдет не так, они будут винить только тебя. Я позабочусь об этом.

Туух повернулся и, вспомнив, что нужно пользоваться ногами, как человек, помчался прочь по льду. Хотя внутри у нее все горело от желания потребовать дар раскаяния, или, по крайней мере, напомнить ему, что Совет Войны назначил её главной, у Арр не было другого выбора, кроме как отпустить его. Это был главный недостаток фаэриммов – их неспособность работать на общее дело.

Конечно, все они знали это – разве не все они были гениями, самой мудрой расой, когда-либо населявшей Торил? Но это не означало, что они могли преодолеть свою единственную слабость. Существа с таким интеллектом были слишком нетерпимы к глупости других и слишком легко сучали в любой компании, кроме своей собственной. Рано или поздно, каждый договор фаэриммов был обречен распасться в

буре встречных ветров и горькой магии. Такова была природа ее народа, и только страх и ненависть к шадоварам заставляли их работать вместе все эти мрачные месяцы заточения в Шараэдиме. Но если план Арр сработает, если она сумеет обманом заставить шадоваров и другие королевства двуногих воевать друг с другом, тогда, может быть, только может быть, она сможет удержать свой народ достаточно долго, чтобы захватить Эвереску. Как только они объявят его питающий магию мифал своим и фаэриммы увидят, чего они могут достичь вместе, кто знает, как долго продлится их терпение? Возможно, Арр смогла бы найти еще более великие цели, чтобы объединить их. Если бы она тщательно планировала и всегда держала мясо наготове перед зубами своих братьев, то не удивилась бы, увидев, что они заняли свое естественное место хозяев мира, и она стала бы хозяйкой хозяев. Почему нет? Разве она не была самой мудрой и хитрой из фаэриммов?

— Арр! — Это от Безе, принявшей серебрявласую форму любовницы Хелбена Арунсунa, Лаэраль Серебряной Руки, вплоть до крошечной конечности, растущей из обрубка руки, которую Лаэраль потеряла в Шараэдиме. — Твои ноги!

Арр посмотрела вниз и обнаружила, что ее ноги болтаются под ней, пальцы не совсем касаются ледника. Она почувствовала, как что-то теплое прилило к щекам ее человеческого лица, затем сознательным усилием воли опустила и направила к своему месту в очереди.

— Следи за своим тоном, сестра, — сказала Арр. За исключением того, что она была немного выше Безе и носила свои серебряные волосы немного длиннее, ее внешность была почти такой же. Она и Безе приняли облик сестер Серебряных Рук, Шторм и Лаэраль.

— Помни, кто возглавляет эту миссию.

— Как я могла забыть? — Безе кивнула в обе стороны вдоль крутого берега, который вел вниз к теневому покрову, и сказала:

— Твои скромные последователи ждут.

Арр смотрела на неё достаточно долго, чтобы понять, что сарказм не будет забыт, затем посмотрела в обе стороны, куда указывала Безе. Теневой покров растопил глубокую впадину во льду, и остальные осторожно расположились вдоль ее края, каждый примерно в тысяче футов друг от друга. Как и Туух, Безе и сама Арр, последние два фаэримма приняли облик Избранных Мистры: Аластриэль Серебряной Руки и Дав Соколицы. Арр хотела бы иметь большую силу, но учитывая, что Селунэ была призраком, который никогда не покидал Долину Теней, Куилю Веладорн редко вмешивалась в дела людей, а Эльминстер все еще отсутствовал с Симбул, пять было самым большим числом Избранных, за которых они могли разумно выдать себя. Арр подождала, пока Безе и Райри подадут сигнал, что все заняли свои места, туман был слишком густым, чтобы она могла разглядеть Тууха и Ксайна в дальних концах, затем подняла руки и начала петь. Остальные тут же присоединились к ней, жестикулируя и произнося нараспев странно звучащие слоги в тщательно отрепетированной имитации человеческого голоса. Процесс был, конечно, абсурдно медленным и примитивным, по крайней мере, по сравнению с тем, как фаэриммы творили магию, но для людей это казалось необходимым шагом. Арр и ее товарищи потратили большую часть следующей минуты на эту чепуху, затем опустили руки и просто подумали о заклинании.

Длинный серповидный клинок магического света появился перед ними, нижняя часть покачивалась на краю крутого склона у их ног. Арр глянула сквозь дымовую завесу и увидела темное пятнышко часового, все еще занимавшего позицию перед горой Унтриввин. Она подняла руку и указала вперед, и все пятеро «Избранных», как один, подтолкнули свое творение к краю. Очиститель покрыва скользнул на пятьдесят футов на дно бассейна, где его нижняя кромка скользнула под край теневого одеяла и тихо откатила его на один ярд назад.

Это было все, что нужно было увидеть часовому. Когда Арр снова взглянула в его сторону, везераб уже исчезал в облаке пара на юге. Она позволила себе мгновение насладиться гениальностью своего плана, затем помахала остальным и соскользнула вниз по ледяному берегу к теневому покрову.

На дне ямы они оказались в шести дюймах ледяной воды. дискомфорт не был чем-то, к чему привыкли фаэриммы, но это было просто исправить с помощью небольшой магии сопротивления. Вскоре они начали толкать, и волшебный нож сработал так, как и планировала Арр, срезая покров со льда и скатывая его обратно. Чем больше было материала, тем туже инструмент сворачивал его. Единственная проблема возникла, когда они столкнулись с камнями, скрытыми подо льдом, что случалось на удивление часто, так как камни часто падали с горы, затем были перенесены ледником и медленно погребены большим количеством снега. Тем не менее, фаэриммы быстро научились устранять эти препятствия с помощью простой магии телекинеза. Два часа спустя они так продвинулись вперед, что гора Унтриввин заслонила собой весь западный горизонт, и они слышали слабый звон, давший пику название — на туземном языке *унтриввин* означало «поющая скала». Арр уже начала опасаться, что ее план провалился, когда впереди в клубах пара появилась неровная линия теней. Она продолжала идти вперед, пока линия не превратилась в шеренгу шадоварских воинов, полностью закованных в доспехи и вооружённых смертоносными черными мечами. Спутники Арр мгновенно оказались у нее за спиной, прибыв с помощью магии телепорта, как раз, когда враг начал наступать.

Вместо того чтобы броситься в атаку, как ожидала Арр, шеренга шадоваров остановилась в тридцати шагах от свернутого теневого покрыва. Огромный воин с заплетенными в косы волосами и яркими медными глазами выступил вперед и поднял свой темный клинок в приветствии. Его звали Эсканор.

— Теперь, когда фаэриммы снова разгуливают по миру, я думаю, у Избранных Мистры найдутся дела поважнее, чем лишать Анклав Шейдов воды.

— Если бы Шейд держал воду при себе, мы бы так и сделали, — ответила Арр.

Она не ожидала, что шадовар будет больше интересоваться разговорами, чем боем, но ей пришлось ответить тем же. В то время как фаэриммы никогда не стеснялись применять силу, она и ее товарищи должны были вести себя как Избранные, а Избранные не хотели начинать драку, пока не убедятся, что у них нет другого выбора. Ваши теневые покрыва затопили половину Фаэруна, — продолжала она, — и лишили остальной дождя. Поскольку ты отказываешься убрать их, мы сделаем это за тебя.

Эсканор сделал шаг вперед и сказал:

— Страдания Фаэруна – это цена за возвращение Шейду его первородства.

— Тогда пусть *Шейд* заплатит за это, — сказала Арр, пытаясь поставить себя на место Шторм. — Твое право по рождению не касается Фаэруна.

— Так и есть. Вы бросили нас на Планы Теней на семнадцать веков. Вы не представляете, как мы страдали.

— Мы никого не бросили. Арр задумалась, достаточно ли она говорила, чтобы казаться одной из Избранных, но потом решила, что, скорее всего, нет. Они много говорили. — Уход был выбором вашего города.

— Выбор? — Эсканор усмехнулся. — Это было уходи или умри.

— Тогда жаль, что Шейд не выбрал последнее, — сказала она. Болтливость шадовара озадачила Арр. Конечно, он знал так же хорошо, как и Арр, что будет драка, так почему же он тянет время? — Это избавило бы всех от многих неприятностей.

— Грубо и неблагодарно. — Эсканор перевел взгляд с Арр на Райри и сказал:

— Вы известны, как разумная сестра, леди Аластриэль. Конечно, вы можете видеть, что противостояние нам приведет только к большему количеству Тилвертонов. Не лучше ли было бы потратить свою энергию на то, чтобы помочь людям Фаэруна приспособиться к новому климату, чем усугубить их проблемы, начав войну, в которой вы не можете надеяться победить?

— Никто никогда не *выигрывает* войну, принц Эсканор, — сказала Райри, голосом и смыслом напоминая Аластриэль. — Они только теряют меньше, чем враг. Учитывая то, что Шейд потерял в Тилвертоне, я думаю, вы поймете это.

— Наш город все еще здесь.

— Как и сотня наших, — возразила Арр. — Как вы думаете, кто может потерять больше?

Глаза Эсканора вспыхнули оранжевым.

— Вопрос не в том, сколько городов вы можете потерять, леди Шторм, — его голос был резким и кипящим, но он, казалось, был так же доволен, как и раньше, стоя там и разговаривая, а не сражаясь. — Вопрос в том, сколько вы сможете уничтожить.

— Мы уже доказали, на что способны

— Если вы потеряете по армии на каждый наш город, нам вообще не придется разрушать ваш город, — сказала Арр. Говоря это, она пробежала взглядом вдоль линии Шадовар, ища других принцев. — К третьему или четвертому городу он станет нашим.

— Мы извлекли урок из нашей ошибки.

Эсканор взглянул на свернутый между ними покров и сказал:

— Вы уберете свой инструмент и позволите нам заменить теневой покров. Я попрошу об этом только один раз.

Арр завершила свои поиски по линии шадоваров и, не найдя больше принцев, упрямо положила руку себе на бедро, как это часто делала Шторм.

— А если мы откажемся?

— Битва будет вестись не здесь, — сказал Эсканор. — Платить будут города Фаэруна.

— Лжец.

Ничто так не радовало бы Арр, как мысль, что принц говорит правду, но шадовары были слишком хитры, чтобы объявить о своем плане заранее. Она подняла руку и мысленно высвободила заклинание, на разработку которого потратила

большую часть своего заточения в Шараэдиме. Ровный поток серебристо-белого пламени вырвался из ее пальцев и устремился к принцу. Его магическая защита вспыхнула черным, когда ударил огонь. Теневая магия в этой защите вызвала вторичное заклинание, посылая антимагический луч, стреляющий из головки потока пламени.

В заклинательной защите Эсканора появилась дыра, через которую хлынул белый поток. Эффект был разумной имитацией серебряного огня Избранных, и Эсканор упал, крича и охваченный пламенем. Арр начала насвистывать команду своим товарищам, но спохватилась и крикнула:

— Другие принцы...

Она была прервана шипящим треском темной молнии, ударившей в дом позади нее. Безе кувыркнулась через свернутое теневой покров и приземлилась в дюжине ярдов от нее, клочья тени поднимались из зияющей дыры в ее груди. Она начала метаться и свистеть от боли, затем поднялась в воздух, слишком слабая и ошеломленная, чтобы удержаться на земле.

— Лаэраль, нет! — крикнула Арр. — Спускайся и будь...

Слово «тихой» было потеряно в ужасающем реве, когда боевая магия, и фаэриммов, и шадовар, начала трещать и шипеть позади нее. Отряд Эсканора ответил громовым боевым кличем, затем поднял руки и начал жестикулировать. Арр парировала, воздвигнув перед ними стену сверкающего цвета — шадовары ненавидели призматическую магию — но потом поняла, что забылась и забыла жестикулировать и произносить заклинания. Она прикрылась взмахом руки и прогремела дюжину слогов мистической чепухи, а затем опрокинула стену на врага. Какофония потрескивающей магии и мучительных криков на мгновение заполнила чашу, затем эхом отразилась от каменной грани Унтриввина и затихла до низкого шепота. Это был звук, который Арр очень любила, звук изумленных выживших, пытающихся собраться с мыслями и перестроиться. Она оглянулась и увидела своих спутников, стоявших позади охранников-заклинателей, швыряющих магию в полдюжины отступающих принцев. Прутья наполовину законченной теневой клетки лежали у их ног, медленно тая в слякотной воде, когда ее не связанная энергия рассеялась.

Звук резких команд снова привлек внимание Арр к тому месту, где уцелевшие шадовары уже перегруппировались. Полдюжины собрались вокруг своего пылающего принца, пытаясь задушить серебряное пламя Арр своими собственными телами. Остальные, всего около двух дюжин, следовали за высоким воином, их мечи были обнажены, а глаза цвета драгоценных камней пылали яростью. На этот раз вспомнив, что нужно произнести заклинание, как это сделал бы человек, Арр вызвала стену пламени.

К тому времени, как она закончила необходимые жесты и пение, шадовары почти поравнялись с извивающейся фигурой Безе. Обычно Арр не колеблясь поглотила бы их в огне, но оборона Безе, очевидно, была подавлена вражеской атакой. Если пламя убьет ее, она вернется в истинную форму и откроет правду о том, с кем сражаются шадовары.

Арр подняла стену позади атакующих воинов, затем протянула руку и схватила Тууха за воротник.

— Пойдем, Хелбен, — сказала она.

Арр карабкалась по свернутому теневого покрова, Туух наполовину спотыкался, наполовину плыл по нему, пока она тащила его за собой. Когда он обернулся и увидел две дюжины разъяренных шадовар всего в десяти шагах от себя, он забылся и поднял барьер из мечущихся клинков, не помня о жесте.

— *Аллак тхур дуг!* — позвала Арр, импровизируя. Заклинание утонуло во влажном стуке клинков барьера, пробивающих броню шадоваров.

Потянув Тууха за собой, Арр двинулся в дальний конец, крича:

— Помни себя, Хелбен.

— Доля секунды предупреждения может помочь в следующий раз, — ответил Туух. — Куда мы идем?

— Помочь Без ... э-э ... Лаэраль.

— *Помочь* ей? — Туух остановился. — Зачем?

Потому что она должна быть твоей парой! — прошипела Арр. — И потому, что мой план рухнет, если она умрет и они увидят, кем она обернется.

Они дошли до конца барьера. Арр выглянула из-за угла и увидела, что Безе потеряла сознание и теперь лежит, паря в воздухе, ее руки были вытянуты над головой, а ноги сплетены в косичку, напоминающую хвост. Восемь шадовар, все, кто избежал чар Тууха, остались в ловушке между барьером клинков и стеной огня Арр. Высокий шадовар заметил ее взгляд и поднял руку, чтобы произнести заклинание. Арр вовремя отпрянула, чтобы избежать темной молнии, которая пронеслась мимо края барьера, затем опустилась на колени и послала вилку молнии, потрескивающей в направлении нападавшего. Она ударила его в грудь и сбила с ног, а затем рассеялась, не причинив вреда его заклинательной защите. Воин указал на Безе и послал своих последователей в ее сторону. Поток серебристо-белого пламени пронесся над головой Арр, пробив заклинательную защиту шадовара и окутав его пламенем. Это зрелище заставило Арр внутренне содрогнуться. Заклинание было одним из ее лучших, и, хотя она охотно поделилась им ради своего плана, ей все еще было больно видеть, как другой фаэримм использует его. Арр оглянулся на бородатое лицо Тууха и сказала:

— Надеюсь, ты впервые используешь здесь мое заклинание.

Поскольку Избранные могли высвободить настоящий серебряный огонь только один раз в час, она приказала своим спутникам использовать ее заклинание только один раз.

— Мой план не сработает, если они поймут.

— Эти шадовары впервые видят, как я им пользуюсь, — сказал Туух. — Это все, что имеет значение.

Он поднял руку и, произнеся один-единственный слог, пошевелил пальцами. Безе поднялась над головами шадовар и поплыла в их сторону. Несколько воинов вскинули руки, чтобы метнуть мечи. Вскинув руки и выкрикнув что-то, что, возможно, смутно было похоже как заклинание, Арр вызвала рой огненных звезд, взрывающихся об живых существ, и послала его по теневого покрова.

Он настиг шадовар прежде, чем они успели повернуть головы, чтобы увидеть, что издает этот звук. Те, кто не был огражден защитными заклинаниями, просто исчезали в извержении дыма и пламени. Остальных швырнуло через теневой покров, обратно в стену огня, которую Арр подняла ранее. Судя по крикам и жирному дыму,

поднимающемуся с другой стороны, казалось маловероятным, что их защитная магия выдержала путешествие.

— Слишком быстро для человека, тебе не кажется? — Туух подвел Безе к ним. — Но ты спас Безе.

— Хорошо, отправь ее куда-нибудь, — приказала Арр, — пока она не умерла и не разрушила мой план.

Позади них Райри, говоря в Ветрах, сказал:

— Судьба твоего плана уже решена. Шадовары ушли.

Арр обернулась и увидела, что Райри и Яо стоят за свернутым покровом, глядя на пустой таз. В ледяном холоде Высокого Льда облако поднимающегося пара уже превратилось в лед и упало обратно на землю, а слякотная вода, по которой они пробирались всего несколько минут назад, замерзла, превратившись в зубчатую голубую равнину. Единственный признак шадоварских принцев, которые пытались застать их врасплох с тыла, где виднелись испачканные сажей воронки, куда их швырнули в стены бассейна заклинания фаэриммов.

— Я гений, — сказала Арр. — Когда мы работаем вместе, никто не может бросить нам вызов!

— Это будет большим утешением для духа Безе, — сказал Туух.

Арр оглянулась и увидела, что Безе вернулась в истинную форму. Она осела на землю, ее хвост и четыре руки безвольно повисли, рот был открыт и из него лилась кровь.

— Туух, разве я не сказала тебе послать ее куда-нибудь? — спросила Арр. — Шпионы все еще могут быть.

Туух дотронулся до Безе, и маленькая капля открылась в воздухе и высосала труп из поля зрения. Судя по жужжанию насекомых и вони отбросов, Арр догадалась, что он отправил тело во второй или третий из Девяти Адов. Как только портал закрылся, Арр отпустила магические стены, которые она создала, и с радостью увидела теневой покров, усеянный мертвыми шадоварами. Не было видно ни Эсканора, ни тех, кто своими телами потушил охватившее его пламя.

— Я не вижу раненых, — разочарованно произнесла Райри. — Где раненые?

— Сейчас в Шейде, — сказала Арр. — Я уверена, что их забрали шадовары.

— Правда? — Райри посмотрела на Арр так, словно она спрятала раненых и хранила их для себя. — Почему?

Туух пожал плечами и сказал:

— Какое это имеет значение? Многие двуногие делают это, когда могут.

Райри с сомнением посмотрела на него, а затем, казалось, наконец приняла то, что видела.

— Если ты так говоришь... — она повернулась к Арр и спросила:

— Что теперь?

— Закончим работу, — сказала Арр, когда она вернулась к свернутому покрову и перелезла через него. — Именно так поступили бы Избранные.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ



15 Флеймрула, Год Дикой магии

Галаэрон и остальные ждали все утро, когда приглушенный треск телепортационного заклинания, наконец, прозвучал в центре двора, и их гостя появилась в вихре серебряных волос, слабый запах крови и серы тянулся за ней. Она была высокой даже для человека, и особенно для человеческой женщины, со стройным телосложением и поразительной фигурой. Хотя ее лицо было немного грубоватым по эльфийским стандартам, она, тем не менее, была потрясающей красавицей, с мерцающими глазами, высокими скулами и пухлыми губами. Руха налила в бокал кормирского вина, лучшего из доступных, хотя это мало что говорило после разрушительной Войны с Гоблинами, и вышла ей навстречу. Не уверенный в том, какое приветствие он получит, Галаэрон шел на шаг позади. Арис оставался скрытым в своей спящей аркаде, чтобы не напугать ее до того, как она оправится от оцепенения после телепортации. Руха остановилась рядом с женщиной и сказала:

— Добро пожаловать в Арабель, Шторм. Спасибо, что пришла.

Звук знакомого голоса, казалось, вывел Шторм из оцепенения. Она осушила вино одним большим глотком, затем сделала кислое лицо.

— Это самое кислое пойло, которое я пила за последние годы. — Она снова вложила кубок в руки Рухи. — Но я выпью еще. Я все утро обменивалась заклинаниями с шипастыми и глазастыми, и жажда, которую я испытываю, может осушить Лунное Море.

— Может быть, ты присядешь? — предложил Галаэрон, указывая на стол, который они поставили в тени дома. Дома, который они купили на выручку от продажи одной из статуй Ариса. — Мы можем принести немного еды, если ты голодна.

Шторм настороженно посмотрела на него, но последовала за ним к столу.

— Сидеть – это хорошо, но я не буду есть. Битва еще не закончена, а сражаться на полный желудок мне не по душе.

Когда они заняли свои места, Арис вышел из-под аркады и присоединился к ним. Его мрачное лицо выглядело еще более мрачным, чем обычно. Когда он сел рядом с ними, его тело упало так тяжело, что кружки зазвенели на столе. Шторм вытянула шею и посмотрела в глаза гиганта размером с тарелку.

— Рада тебя видеть, Арис. Ты выглядишь лучше, чем в нашу последнюю встречу.

— Я ждал случая поблагодарить вас должным образом за спасение моей жизни, леди.

Великан сунул руку под плащ и вытащил трехфутовую скульптуру Шторм, стоящей на коленях. Сходство, конечно, было совершенным, с выражением одновременно ангельским и яростно-покровительственным. Галаэрона поразило,

что она очень похожа на человеческую версию Ангарадх, эльфийской богини рождения, защиты и мудрости.

— Пожалуйста, примите это как маленький знак моей благодарности.

Шторм со вздохом взяла фигуру.

— Это ... это ... Арис, это прекрасно! — Она поставила его на стол, потом встала и принялась изучать со всех сторон.

— Слишком красивая, чтобы быть мной ... или любой смертной женщиной.

— Нисколько. Это лицо видят те, кому вы помогаете. — Арис посмотрел в сторону Рухи и добавил:

— Руха помогла мне выследить некоторых из них, так что я знаю.

Шторм оторвала глаза, блестящие от непролитых слез, от статуи и подошла к нему. Даже сидя на земле, великан возвышался над ней, и в конце концов она обняла его за руку.

— Я всегда буду дорожить ей, Арис. — Она откинула голову назад и послала ему воздушный поцелуй, который плавно поднялся к его лицу и лег на щеку, как серебряная татуировка. — Спасибо.

Галаэрон был рад видеть, что Шторм так высоко ценит дар Ариса, на самом деле он ничего другого и не ожидал, потому что искусство великана никогда не переставало волновать тех, кто его видел, но ее реакция также омрачила его собственное настроение. Великан не одобрял того, что собирался предложить Галаэрон, и, учитывая, что Шторм считала его ответственным за большую часть неприятностей Фазруна, его идею будет достаточно трудно продать, не добавляя никакого дополнительного веса оппозиции Ариса. Оставив Ариса с глупой улыбкой, Шторм вернулась на свое место и повернулась к Рухе.

— Предположим, мы перейдем к делу. — Хотя ее манеры были оживленными, ее настроение значительно улучшилось благодаря дару Ариса, и беспокойство за ее словами казалось скорее вопросом времени, чем неудовольствия.

— Сомневаюсь, что ты вызвал меня с войны в Шараэдиме, чтобы Арис мог преподнести свой дар.

Галаэрон поморщился. Избранных Мистры нигде не «вызывали», и тот факт, что она использовала это слово, чтобы описать их просьбу об аудиенции, не был хорошим знаком. Если Руха и заметила выбор слова, то глаза ее этого не показали.

— У Галаэрона есть идея. Я думаю, это может сработать. — Руха подняла взгляд на серое лицо Ариса и добавила:

— Арис так не думает.

— И вы пригласили меня сюда, чтобы разорвать связь? Заметив сарказм в голосе Шторм, Галаэрон сказал,

— Я хочу низвергнуть Шейд.

Шторм приподняла бровь.

— Низвергнуть?

Как старые города Незерила, — пояснил Галаэрон. — Низвергнуть его в пустыню.

— Если ты спрашиваешь разрешения, не стесняйся.

— На самом деле я не могу сделать это в одиночку.

Пока все шло хорошо, по крайней мере, идея ей понравилась.

— По правде говоря, мне нужно, чтобы ты и другие Избранные сделали это за меня.

Шторм закатила глаза, как будто ожидала чего-то подобного.

— В данный момент мы заняты спасением Шараэдима. Я думала, вы уже слышали.

— А я тебе говорю, как! — рявкнул Галаэрон. Он уловил проблеск беспокойства в глазах Ариса, затем сделал паузу, чтобы успокоить свой растущий гнев. Наконец он спросил:

— Ты выигрываешь?

Шторм отвела взгляд.

— Нет. Наступление лорда Рамеалаэруба остановилось у Курганов Вишаена.

— Курганы Вишаена? — ахнул Галаэрон. — Что он там делает?

— Это не очень хорошая база?

Галаэрон покачал головой.

— Похоже на засаду, но оттуда он не сможет добраться до Эверески, — сказал он. — Если фаэриммы поднимутся по Медному Каньону, он окажется в ловушке напротив Высокого Шараэдима.

Шторм подняла бровь и сказала:

— Я передам это. К сожалению, он продвигается вслепую.

Она оставила заявление висеть, предоставив Галаэрону спросить, хочет ли он услышать подробности. Он не знал, но должен был знать.

— Вслепую? — повторил он. — Я думал, с ним Такари Лунноснежная.

— Пропала в тот день, когда пал теневой барьер.

Манеры Шторм стали мягче, и впервые с тех пор, как Галаэрон узнал ее, он увидел ту мягкость, которая была изображена в скульптуре Ариса. Она устранила фаэримма, который задерживал продвижение лорда Рамеалаэруба. Галаэрон откинулся на спинку стула, его сердце болело так, словно кто-то ударил его. Он не видел Такари с тех пор, как вскоре после их путешествия в Карс он вернул ее, избитую и окровавленную, в Рейтхиллаэтор и оставил там, чтобы она пришла в себя. Они никогда не были любовниками, но он, наконец, пришел к пониманию, слишком поздно, после того, как оставил ее позади, что они были духовно близкими друзьями, связанными на уровне более глубоком, чем любовь. Выбор уйти с Валой, еще одной женщиной, которую обстоятельства вынудили его бросить на произвол судьбы, был его собственным, но он был бесконечно менее сложным из-за резкости Такари, когда она сказала ему, что надеется никогда больше его не увидеть. Мысль о том, что эти слова будут последними, которые он, когда-либо слышал от нее, наполнила его грубой болью, и горькой яростью, которая, как он знал, была не совсем его собственной, которая шептала ему, что Шторм лжет, и требовала, чтобы он ударил ее. Вместо этого Галаэрон опустил подбородок и прошептал молитву, прося Такари простить его глупость и умоляя Повелителя Листьев присмотреть за ее духом. Шторм положила ладонь на руку Галаэрона, и тут же убрала ее, когда его тень отшатнулась от ее прикосновения и заставила его вздрогнуть.

— Знаешь, Галаэрон, ты мог бы быть очень полезен лорду Рамеалаэрубу — сказала она. — Я сомневаюсь, что кто-то в эльфийской армии будет настолько глуп, чтобы отказаться от твоей помощи.

Но всегда оставался вопрос, думал Галаэрон, или, возможно, это была его тень. Именно он первым проломил Стену Шарнов, а затем пригласил шадовар в мир, чтобы исправить нанесенный ущерб. Он был причиной всех этих неприятностей, и даже если они были достаточно мудры, чтобы не говорить ему этого в лицо, он знал, что его собратья-эльфы будут шептать каждый раз, когда он повернется спиной.

— Теперь это план, который имеет смысл, — сказал Арис. — Почему бы нам не вернуться в Шараэдим, где мы сможем хорошо сражаться с фаэриммами?

— Потому что мы не можем выиграть войну, сражаясь с фаэриммами. И мы не сможем спасти Эвереску таким образом.

— Это часть, которая не имеет смысла, — сказал Арис. — Фаэриммы *хотят* убить шадоваров, а шадовары *хотят* убить фаэриммов. Уничтожение Шейда, даже если бы ты мог, не поможет Эвереске.

— Но это *так*, Арис, — сказала Шторм. — У эльфов мало надежды, я бы сказала, никакой, победить фаэриммов в одиночку. Остальная часть Фаэруна была слишком ослаблена Таянием, чтобы послать помощь, и те немногие войска, которые у них есть, должны остаться дома, чтобы защищаться от шадоваров. Шадовары находятся в такой же ситуации – они не осмеливаются вступать в бой с фаэриммами, опасаясь, что остальной мир нападет на них и остановит Таяние.

Для Галаэрона было большим облегчением, что именно Шторм объясняла это. Возможно, кто-то из Избранных сумеет переубедить упрямого великана.

Арис прервал эту мечту твердым покачиванием головы.

— Это не работает.

— Возможно, не сразу, — сказала Руха, — но когда королевства восстановятся, они смогут послать войска, чтобы присоединиться к эльфам. Даже фаэриммы не могут противостоять объединенной мощи всего Фаэруна.

Арис скрестил руки на груди. К удивлению Галаэрона, Шторм проигнорировала гиганта и повернулась лицом к нему и Рухе.

— Твой план работает только в том случае, если уничтожение Шейда будет быстрым, — сказала она.

— Без мифаллара город падет, — сказал Галаэрон. — Разрушение будет мгновенным.

Шторм кивнула.

— Я думала, что именно это ты и планировал для нас. Но как мы войдем в город? Магия Шейда защищает даже от нас.

Галаэрон улыбнулся и рассказал ей свой план. Когда он закончил, Шторм налила себе еще вина, откинулась на спинку стула и задумалась. Прошло всего несколько мгновений, прежде чем она выпила содержимое кубка и кивнула.

— Это может работать.

— Замечательно! — Галаэрон наполнил кубки для себя и Рухи. — Мы можем быть готовы...

— Я сказала «*может*». — Шторм подняла руку, чтобы остановить его, затем посмотрела на Ариса и сказала:

— прежде чем решить, что я хочу услышать аргументы Ариса.

Великан бросил виноватый взгляд в сторону Галаэрона, затем сказал:

— Галаэрон не сможет этого сделать.

Шторм нахмурилась.

— Что же тут поделать? Все, что ему нужно, — это казаться упрямым и беспечным.

Она взглянула на него и добавила:

— Это не в его характере.

— Потом, — уточнил великан. — Как только он окажется в городе, его тень станет слишком сильной. Мы потеряем его... и на этот раз, боюсь, навсегда.

Это риск, — согласилась Руха. — Он недостаточно силен, чтобы сражаться с Теламонтом.

Галаэрон пожал плечами и сказал:

— Я могу сопротивляться достаточно долго, чтобы это сработало. После этого... Ну, я сомневаюсь, что Избранным будет трудно устранить проблему до того, как она выйдет из-под контроля.

Шторм долго изучала его, а потом сказала:

— Ты принесешь эту жертву?

Галаэрон ответил без колебаний:

— Я уже потерял больше.

— И это тоже неправильно. — Арис уперся большим пальцем в середину стола и чуть не свалил его. — Когда он говорит не об Эвереске и ее страданиях, он говорит о Вале и о том, что она переживает. Я говорю, что он делает это, чтобы спасти ее.

Шторм подняла холодный взгляд на лицо гиганта и спросила:

— Почему это неправильно?

Арис нахмурился и какое-то время пытался придумать аргумент, потом сдался и отвернулся, не отвечая.

Шторм снова посмотрела на Галаэрона и тоже промолчала. Наконец он больше не мог выносить ее пристального взгляда.

— Так ты сделаешь это? — Спросил он.

Вместо того, чтобы ответить на его вопрос, Шторм задала свой собственный:

— Если твоя тень заберет тебя, ты просишь меня убить тебя?

Галаэрон кивнул. Шторм покачала головой.

— Нет, Галаэрон. Если ты хочешь этого, ты должен сказать это.

— Если... — У Галаэрона пересохло в горле, и ему пришлось остановиться и начать все сначала. — Когда, не если — потому что я проигрываю битву даже здесь — *когда* моя тень возьмет меня, я хочу, чтобы ты убила меня. Более того, я хочу, чтобы ты пообещала мне сейчас, что сделаешь это. Я принес достаточно зла в этот мир по глупости и случайности. У меня нет желания вызывать его напрямую.

— Если ты этого хочешь, я обещаю, — ответила Шторм. Она встала и повернулась к Арису. — А как же ты, мой большой друг? Ты пойдешь с Галаэроном?

Он? — спросил Галаэрон, тоже вставая. — Это не касается Ариса. Ему нет нужды возвращаться в Шейд.

Шторм не отводила взгляда от великана.

— Арис повсюду ходит с тобой, Галаэрон, — сказала она, — и он поклялся отомстить за Тысячу Ликов. Если он вдруг останется позади, когда ты отправишься сражаться с фазриммами, что подумают шадовары?

— Она права, — сказала Руха. — Они заподозрят неладное, и это подозрение испортит ваш план. Это должно быть сделано правильно... Или вообще не должно.

Галаэрон опустил голову. Он уже однажды чуть не убил Ариса, во время их побега из Шейда, когда он поддался своей теневой сущности и использовал великана, чтобы заманить синего дракона в засаду. Если бы Шторм не откликнулась на призыв Рухи о помощи, Арис погиб бы, и на этот раз звать на помощь было бы некого. Если что-то пойдет не так, даже если все пойдет хорошо, это может привести к смерти их обоих.

Галаэрон покачал головой. — Тогда мы не будем этого делать. Он поднял глаза, встретился взглядом с Арисом и сказал:

— Я бы не стал просить тебя об этом. Ты уже сделал больше, чем я мог ожидать даже от друга-эльфа, и я не хочу, чтобы тебя убили.

— Ты думаешь, именно поэтому мне не нравится твой план? Потому что я боюсь за свою жизнь? Это оскорбление хуже любого, что когда-либо выплевывала твоя тень. — Большой кулак Ариса обрушился на стол, разбив его вдребезги и разбросав осколки кубка во все стороны. — Ты спас мне жизнь в Тысяче Ликов, — продолжал великан. — Ты можешь её потратить.

Во дворе воцарилась напряженная тишина. Галаэрон был так потрясен нехарактерным для великана проявлением гнева, что не осмелился поднять глаза, чтобы извиниться.

Наконец поднялась Шторм.

— Думаю, это все решает, — сказала она, руками стряхнув вино со своих кожаных доспехов. — Мы будем искать тебя завтра, после рассвета.

ГЛАВА ПЯТАЯ



15 Флеймрула, Год Дикой магии

К удивлению Малика, Эсканор все еще сиял, когда осмелился войти к Высочайшему. Принц был виден с расстояния пятидесяти шагов, сначала как тусклый жемчужный шар, плавающий под медным мерцанием его отличительных глаз, затем как светящаяся клетка ребер, заключающая в себе ядро пульсирующего света. Волна ошеломленного шепота последовала за ним через тронный зал, и когда он подошел ближе, Малик увидел, что Эсканор действительно шатается. Мантия из тени, которая обычно служила ему телом, истекала клочьями, придавая ему довольно тонкий и змееподобный вид. Эсканор остановился у подножия помоста, и его сияние осветило полдюжины молодых принцев, приближавшихся к нему сзади. Хотя ни один из них не был в таком плачевном состоянии, как Эсканор, они пошли с ним, чтобы напасть на Избранных на Высоком Льду, и трое из них истекали кровью из меньших ран. Эсканор поклонился и упал бы, если бы один из его братьев не бросил вызов призрачному свету и не протянул ему руку.

— Прошу прощения за то, что предстал перед Высочайшим в таком состоянии, — сказал он.

— Как и следовало бы, — сказал Хадрун. — Это оскорбление.

— Действительно, — согласился Малик, стоя на своем обычном месте чуть выше Хадруна. Устав от ревности сенешаля к своему положению самого доверенного советника Теламонта, и устав от постоянных покушений, — Малик решил попробовать стратегию союза, чтобы успокоить этого человека.

— Если бы Высочайший хотел, чтобы мы увидели его лицо, он бы показал его нам сам... Хотя, должен признаться, мне самому любопытно его увидеть.

Он даже не съежился от этой последней части своего заявления. Во многом, причиной того, что Высочайший так высоко ценил советы Малика, было проклятие, наложенное на него блудницей Мистрой, которое всегда заставляло его говорить правду, едва он откроет рот. Теламонт Тантул редко отчитывал его за неловкие промахи, которые он из-за этого допускал, а иногда даже находил их забавными.

Но не сегодня. Пара ледяных когтей впиалась ему в плечо, и холодный голос прошептал ему на ухо:

— Твое любопытство по этому поводу убьет тебя, мой рогатый друг, и если ты еще раз оскорбишь моего принца, ты получишь удовлетворение. Во рту у Малика стало так же сухо, как в пустыне.

— Я не хотел никого обидеть Высочайший... — Он изо всех сил пытался закончить, но правда вскипела в нем и сама собой выплеснулась из его рта. — По крайней мере, тебя, потому что я всегда чувствовал себя в безопасности под твоей защитой и был совершенно свободен оскорблять кого угодно.

Высочайший убрал ледяные когти, похлопал Малика по плечу и сказал:

— Теперь нет.

Теламонт проскользнул мимо и спустился по лестнице к сыну. Зная, что стоять выше Высочайшего было бы самоубийством, Малик последовал за ним вниз по лестнице. Высочайший остановился на нижней ступеньке, Малик, Хадрун и остальные служители тронного зала заняли места на полу. В свете ран Эсканора подхалимы выглядели жуткими и морщинистыми, со впалыми щеками и запавшими красными глазами. Только сам Теламонт казался невосприимчивым к свету и оставался скрытым в тени под своим капюшоном.

Воспользовавшись светом, он всегда старался извлечь максимум пользы из любой ситуации, Малик рискнул украдкой взглянуть на свои раны. Хотя холодные копья боли все еще пронзали его плечо в том месте, где его схватил Высочайший, не было ни дыр в его плоти, ни крови на одежде.

— Ты привлёк Избранных, сын мой? — спросил Теламонт. — Они сделали это с тобой?

Склонив голову, Эсканор кивнул и сказал:

— Это так, Высочайший. Платиновые глаза Теламонта сияли ярче в темноте, которая была его лицом.

— Хорошо. Он поднял мутный рукав, жестом приказав Эсканору встать, и продолжил:

— Встань и скажи мне, скольких ты убил. Тени Эсканора, казалось, стали еще тоньше, когда он встал.

— Боюсь, что ответ нет, Высочайший, — сказал он, не отрывая медного взгляда от пола. — Мы потерпели поражение.

— Побеждены? — это спросил Хадрун. — Семь принцев Шейда?

Эсканор перевел взгляд на сенешаля.

— Избранные – грозные враги.

— Вот почему я посоветовал Высочайшему послать семерых из вас, — возразил Хадрун, — и целую роту Стражи Врат.

Хотя попытки защитить себя истощили Эсканора, ни один из его братьев, казалось, не горел желанием броситься на его защиту.

— Твой план не учитывал ... быстроту Избранных. Они швыряют магию так же легко, как ты – клевету.

Хадрун ответил улыбкой, хищной улыбкой охотника, преследующего покалеченную добычу.

— Они всего лишь люди, — сказал он. — Как их заклинание может быть быстрее, чем у лорда-шейда?

— Для меня это загадка, — ответил Эсканор скорее искренне, чем саркастически. — В следующий раз, возможно, тебе стоит возглавить атаку и рассказать нам.

— Следующего раза не будет, — сказал Теламонт тем низким ровным тоном, который Малик привык ассоциировать с холодной яростью. — Мы не можем себе этого позволить.

— К сожалению, я сомневаюсь, что выбор за вами, — сказал Малик. Он уже давно обнаружил, что в такие времена, как сейчас, он мог получить максимум от Высочайшего, поскольку все остальные были слишком заняты, съежившись от страха, чтобы выслужиться. — Теперь, когда Избранные увидели, насколько вы бессильны остановить их, они наверняка вернутся, чтобы свернуть теневые покровы быстрее, чем вы успеете их уложить.

Теламонт повернулся к Малику, его платиновые глаза сияли достаточно ярко, чтобы видеть.

— Мы не бессильны!

— Н-н-нет, конечно, н-нет, — заикаясь, пробормотал Малик. — Только после потерь, понесенных Шейдом в Тилвертоне, будете, если будете терять роту воинов каждый раз, когда попытаетесь помешать Избранным украсть один из твоих теневых покровов. Один из темных рукавов Теламонта вытянулся, и щупальце тени вцепилось в мантию Малика и схватило его за лацканы.

— Почему ты всегда должен быть прав, маленький человек?

Малик пожал плечами и подумал, что было бы разумнее ничего не говорить, но это никогда не было вариантом, когда Теламонт Тантул хотел получить ответ. Он продержался всего один вздох, прежде чем воля Высочайшего заставила его заговорить.

— Это мое проклятие, Высочайший, — сказал он, но, разумеется, на этом не остановился. — В мои планы входит всегда говорить тебе то, что ты хочешь услышать, но поскольку это редко бывает правдой, то, прежде чем я это узнаю, я глупо выбалтываю то, что другие твои советники слишком мудры, чтобы говорить.

— Слишком мудры? — Спросил Эсканор, многозначительно глядя на Хадруна, — или слишком трусливы?

Взгляд Теламонта метнулся в сторону принца.

— Осторожнее, сын мой. Ты один из тех, о ком говорит Малик. Он опустил Малика обратно на пол, затем скользнул мутной рукой по ребрам Эсканора и схватил все еще пылающее сердце принца. — Интересно. Расскажи мне о заклинании, которое это сотворило.

Эсканор перевел взгляд на руку, лежащую у него на груди.

— Это был серебряный огонь. — Его голос дрожал. Он прожег мою магическую защиту.

— Нет. — Теламонт отдернул руку, и на конце его рукава появилась светящаяся ладонь. — Серебряный огонь – это необработанная магия Плетения. Если бы это было так, мы бы сейчас вращались в пространственном вихре.

— В самом деле? — ахнул Малик. Он видел достаточно сражений, чтобы знать, что, когда магия сырого Плетения соприкасается с магией сырого Теневого Плетения, результатом становится разрыв в ткани реальности. Именно такая случайность, когда магические стрелы патруля Стражи Гробниц Галаэрона Нихмеду встретились с одной из теневых стрел Мелегонта Тантула, разорвала Стену Шарнов и освободила фазриммов. — Тогда вы должны быть... — Слишком поздно Малик осознал, на какой риск идет, открывая, что знает истинную природу Теламонта. Он попытался придержать язык, но проклятие заставило его закончить начатое. — ... живой магией теней!

Наполненный мраком капюшон Высочайшего повернулся в сторону Малика.

— Не совсем живой. На месте человеческой улыбки появился слабый пурпурный полумесец, и Теламонт закончил:

— Ты все равно никогда отсюда не уйдешь.

— Высочайший? — Малик огляделся вокруг, словно ища дверь, но, конечно же, не было никакого выхода, кроме теней. — Это вряд ли нужно! Я могу хранить тайну, как...

— Анклав, червь, — сказал Хадрун. — Он имеет в виду, что ты никогда не покинешь Анклав Шейдов.

— Именно так — сказал Теламонт. — Я нахожу твой совет слишком ... *необходимым* ... чтобы отпустить тебя.

— И это все? — Малик облегченно вздохнул. — Тогда мы пришли к соглашению. С какой стати мне покидать Шейд? У меня здесь есть все, что я хочу: Вилла Дусари, уху Высочайшего, конюшня для моей любимой лошади и вдоволь еды для ее. Я был бы дураком, если бы оставил все это! В кои-то веки проклятие больше не заставляло его говорить.

— Как мы рады, — сказал Хадрун, проводя ногтем большого пальца по ладони. — Я уверен, что принцы в таком же восторге, как и я.

— Единственный восторг, которая имеет значение, – это мой, — сказал Теламонт. — Я буду в восторге, когда кто-нибудь скажет мне, что с этим делать.

Он поднял сияющую руку. Очевидно, это форма ложной магической ауры, — сказал Хадрун. — Обычно используется на базарах и в подобных местах, чтобы обычное оружие казалось заколдованным.

Теламонт промолчал, а когда Хадрун больше ничего не добавил, повернулся к Малику. Решив в этот день больше не подвергать опасности свое положение, сообщая плохие новости, Малик тоже старался молчать.

— У нас в Нарджоне, где я был когда-то уважаемым купцом, есть поговорка: если кто-то наполняет твой сосуд с маслом песком, то это не потому, что он хочет дать тебе песок.

Теламонт и принцы молчали и продолжали смотреть на него.

— У вас нет масштабных жульничеств в Шейде? — раздраженно спросил Малик. — Это значит, что кто-то пытается вас обмануть. Тот, кто создал эту ложную ауру, хочет, чтобы вы поверили, что его заклинание – серебряный огонь.

— Фаэриммы! — Теламонт и Эсканор прорычали это слово одновременно.

— Это объясняет быстроту их заклинаний, — сказал Хадрун, поворачиваясь к Эсканору. — Меня удивляет, что вы не заметили этого в сражении.

— Если бы ты когда-нибудь *был* в сражении, возможно, ты бы...

— Хватит, — сказал Теламонт тем же холодным, опасным тоном. — Вы оба виноваты.

Он поднял руку и взмахом рукава отправил Хадруна на Эсканора. Они кувыркались по полу тронного зала, заключенные в объятия боли. Теламонт подождал, пока они не скрылись в тени, прежде чем повернуться к остальным принцам.

— Пусть это послужит вам уроком, — сказал он. — Во всем вы преуспеваете или терпите неудачу вместе. Если один подводит меня, то все подводят.

Глаза принцев потускнели от страха, а затем, каким-то образом говоря в безупречном унисоне, они сказали:

— Мы понимаем, Высочайший.

Теламонт пристально посмотрел на них, потом махнул рукавом в ту сторону, куда упали Эсканор и Хадрун.

— Позаботьтесь о ранах своего брата и своих собственных. Эта война слишком близка, чтобы потерять еще одного принца.

Принцы поклонились и отступили в тень, оставив Малика и других слуг наедине с Теламонтом. Высочайший обнял Малика за плечи, развернул к помосту и начал подниматься обратно к трону.

— Мне приятно, что ты счастлив здесь, Малик.

— Очень счастлив, — сказал Малик. — За исключением, пожалуй, частых покушений на мою жизнь.

— Ах да, — вздохнул Теламонт. — Хадрун.

Малик ждал, что Высочайший скажет, что ему больше не нужно беспокоиться или что с этим что-то будет сделано, но они продолжали подниматься в молчании, пока не подошли к ступеньке, на которой обычно останавливался Малик. Теламонт обнял Малика за плечи, ведя его на тронный помост. Это вызвало удивленный ропот среди слуг внизу, но звук затих, когда Высочайший занял свое место и посмотрел в глаза Малику. Хадрун не так уж сильно отличался от тебя, когда-то, если ты простишь сравнение с эльфом.

От этого откровения у Малика отвисла челюсть, потому что он никогда не видел достаточно окутанного тенями лица Хадруна, чтобы заметить изогнутые брови или заостренные уши.

— Было время, когда он служил мне так же хорошо, как твой совет служит сейчас, — продолжал Теламонт. — Я говорю тебе это, чтобы ты знал, что я вознаграждаю тех, кто помогает мне, вечной преданностью, даже после того, как они потеряли свою полезность и стали обузой.

Малик склонил голову.

— Для меня большая честь, что ты так со мной обращаешься.

— Я мог бы, — сказал Теламонт, и в его голосе снова зазвучала опасная холодность, — если бы в этом фиаско не было твоей вины.

— *Моей* вины? — Малика прошиб холодный пот. — Как я мог провиниться, Высочайший?

— Это произошло потому, что мы не предвидели плана фаэриммов. Мы не предвидели их плана, потому что у нас нет знаний, которые мой сын Мелегонт передал Галаэруну. У нас нет Галаэрона, потому что он все еще в Арабеле. Разве ты не говорил мне, что если мы пошлем Валу в качестве постельной рабыни Эсканора, Галаэрон вернется в Шейд и попытается спасти ее?

— Возможно, я сказал, э...ух... — Вынужденный проклятием Мистры сказать точную правду, Малик запнулся и остановился, затем был вынужден продолжить. — Я действительно сказал, что это самый верный способ отвлечь его в спешке. У меня нет ни малейшего ... э-э ... разумного убеждения, что мой план все-таки сработает ... в конце концов.

Глаза Теламонта стали белыми и ледяными.

— В конце концов, моему терпению придет конец. Можно даже сказать, что сейчас оно уже идет на убыль.

В горле Малика появился комок размером с кулак, но он все же сумел сказать:

— В самом деле?

Теламонт молчал. Малик почувствовал, как кровь отхлынула от его головы, и понял, что близок к обмороку, что вряд ли могло внушить доверие Высочайшему. Зная по своему долгому опыту торговца и шпиона, что лучший способ скрыть слабость – это блеф, он заставил себя встретиться взглядом с Теламонтом. Ты должен знать, что, служа Цирику, я получил сотни ран и похуже, — это было самое правдивое заявление, которое он когда-либо делал. — Если ты хочешь вдохновить меня, ты должен сделать что-то получше.

Темнота под капюшоном Теламонта замерла от потрясения.

— Ты смеешь требовать милости?

— Когда риск велик, награда должна быть еще больше, — сказал Малик. — Это первое правило бизнеса, которому научил меня мой мудрый отец.

Теламонт несколько мгновений стоял неподвижно, недоверчиво глядя на Малика. Наконец, фиолетовый полумесяц улыбки появился под его глазами.

— Тогда как хочешь, — сказал он. — Приведи ко мне Галаэрона Нихмеду, и ты назовешь свою цену. Потерпи неудачу... И я назову свою.

ГЛАВА ШЕСТАЯ



16 Флеймрула, Год Дикой магии

Даже если бы между Галаэроном и Рухой не было гигантского разрыва в караване, группа богатых горожан, устроивших прощальную вечеринку у городских ворот, практически объявила, что Арис из Тысячи Ликов покидает город. Арабельцы явились во всем своем великолепии, многие стояли в задрапированных шелком повозках рядом со своими последними приобретениями – шедеврами из гранита и мрамора, купленными накануне по бросовым ценам. Все глаза были прикованы к длинной веренице всадников и тягловых животных, идущих по улице, и как только зрители увидели необъяснимое пространство, по которому шел невидимый гигант, они подняли сверкающие бокалы шампанского в молчаливой дани уважения.

— Я бы сказал, что твоя идея сработала, Руха, — тихо сказал Галаэрон. — Если бы мы наняли глашатая, чтобы он всю ночь бродил по улицам, мы не смогли бы быстрее распространить нашу «тайну».

— Да, я всегда считала, что самый верный способ заявить о чем-то – сказать, что нужно хранить это в тайне, — сказала Руха. — Я только надеюсь, что Арису не было больно расставаться с таким количеством работ так дешево.

— Почему это должно причинять мне боль? — прошептал Арис. — Их владельцы будут наслаждаться этими вещами еще больше, и мне не придется носить с собой так много золота.

— Есть много арабельцев, которые были бы счастливы взвалить на себя это бремя за тебя, — сказал Галаэрон. — Судя по тому, как они копят эту дрянь, можно подумать, что они ее едят.

Когда передняя часть каравана достигла сторожки у ворот, хозяин каравана выскользнул из очереди, чтобы заплатить налог за ворота. Казначей чопорно выпрямился и сделал вид, что подсчитывает каждое тягловое животное, проходящее через ворота. Его стражники стояли по стойке смирно, их взгляды были прикованы к противоположной стороне арки, а алебарды были выставлены в полный рост. Хотя кормирские чиновники считались в целом честными, по крайней мере, по человеческим стандартам, они были не более склонны к постоянному усердию, чем другие люди, и Галаэрон понял, что доброжелатели Ариса были не единственными, кто спустился, чтобы проводить их. Когда подошла их очередь проходить под аркой и пересчитываться, Галаэрон заглянул в стрелковую петлю позади стражников и обнаружил знакомый каскад золотых волос, сияющих в глубине сторожки. Он склонил голову в знак благодарности. Волосы придвинулись ближе, и знакомое лицо принцессы Алусейр появилось с другой стороны петли. Ее глаза были красными и стеклянными, хотя невозможно было сказать, от слез или от усталости.

— Спасибо. — Галаэрон произнёс эти слова одними губами, не произнося их вслух. — Ваша доброта зажгла моё сердце.

Алусейр улыбнулась.

— И твоё мужество – моё. Она тоже произнесла эти слова беззвучно. — Сладкой воды и легкого смеха, мой друг.

— Живите хорошо.

Галаэрон не дал традиционного ответа «скоро вернусь», потому что они оба знали, что он не вернется в Кормир. — Пусть ваше королевство восторжествует, и ваш народ познает мир.

Галаэрон не был уверен, что Алусейр видела достаточно этого последнего желания, чтобы понять, потому что она исчезла за краем петли для стрел, когда караван продолжил движение вперед. Они прошли под шипами железной решетки и протопали по подъемному мосту к началу Главного Тракта. Как только они оказались за городскими стенами, небольшая армия нищих – фермеров и ремесленников, обездоленных разрушениями Войны с Гоблинами, вышла из палаток и ветхих хижин Города Нищих, чтобы просить милостыню. Арис сунул мешки с золотом Галаэрому и Рухе, которые пытались не привлекать внимания к щедрости своего друга, провозглашая:

— Вот тебе медяк, и крепко прижимая подарок к руке просителя каждый раз, когда они раздавали одну из золотых монет. стратегия оказалась еще менее эффективной, чем их «попытка» улизнуть из города незамеченными. Всякий раз, когда изумленные нищие, особенно дети, открывали руки и видели, что им дали, они не могли удержаться от восторженных криков. Вскоре Галаэрон и Руха были окружены движущейся толпой, многие из которых заметили гигантский разрыв между ними и догадались об истинной личности своего благодетеля. Они достигли небольшого моста, отделявшего поля построения от Города Нищих, и толпа попрошаек почти остановила продвижение каравана. Проклятия погонщиков позади Галаэрона и Рухи начали нарастать как по громкости, так и по ярости, но были заглушены непрерывным хором: «Благословение Ильматера Великану!» Или «Спасибо, здоровяк!». Именно в разгар этого безумия тонкая рука с двумя серебряными кольцами потянулась за монетой. На запястье над ладонью, почти скрытый из виду под манжетой пурпурного рукава, был надет серебряный браслет с изображением черепа и звезды – символа Цирика, Принца Лжи. Галаэрон пробежал взглядом по рукаву к отделанному серебром воротнику, где обнаружил, что смотрит в запавшие глаза женщины с впалыми щеками и вьющимися светлыми волосами.

— У меня было видение, — прошипела она. Та, кого ты любишь...

Галаэрон вложил ей в руку монету и сказал:

— Вот твой медяк. Возьми его и уходи.

Она уронила монету в пыль, едва не сбив лошадь Галаэрона, когда кучка нищих нырнула под ее копыта, чтобы забрать подношение.

— Послушай меня, эльф! — Ее рука схватила его за поводья и остановила его движение. — Ты должен вернуться в Шейд. Я видела Серафима во сне.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, — сказал Галаэрон.

Он вытащил ботинок из стремени и поставил ногу в центр ее груди. — Этот караван направляется в Ириебор. Он начал отталкивать ее, и обнаружил, что кончик стилета скользнул под броню на его икре. Ощущение холодной стали, уколотившей его ногу, вызвало в Галаэроне темную ярость. Оставив полупустой мешок с золотом

соскользнуть с седла и рассыпаться по земле, он потянулся через тело и схватился за рукоять меча.

— Шейд, — прошипела женщина. — Иди, или она умрет.

Сердце Галаэрона забилося, как боевой барабан Вишаана. Хотя ему отчаянно хотелось спросить женщину об ее видении, он придержал язык и наполовину вытащил меч из ножен. Даже если бы он думал, что может доверять Цирикистке, он никогда бы не рискнул своим планом, сказав ей, что Шейд был именно той целью, куда он намеревался пойти.

— Вы приняли меня за кого-то другого, мадам, — сказал Галаэрон. — А теперь отойдите, или потеряете голову.

Глаза женщины стали черными и в форме солнца, с длинными языками тьмы, извивающимися по краям.

— Верь.

Она вонзила свой стилет на четверть дюйма в его икру, и клинок Галаэрона со скрежетом вырвался из ножен почти по собственной воле. Женщина подняла подбородок и с жутким спокойствием ждала, когда он по дуге приблизится к ее ключице.

— Верь.

Атака Галаэрона внезапно прекратилась, когда его предплечье ударилось об огромную невидимую руку.

— Нет, — раздался сверху голос Ариса.

— Оставь ее в покое, друг, — крикнула Руха с другой стороны от Ариса. — Сумасшедших нельзя винить за их безумие.

— Как и посыльного за послание, — добавила женщина. Ее голос был хриплым и многоголосым, как будто одновременно говорили сто человек. — Иди.

Черные солнца исчезли из ее глаз. Оставив свой стилет висеть на икре Галаэрона, она отшатнулась и упала в толпу нищих, дерущихся из-за монет, которые он уронил. Хватка Ариса ослабла, и Галаэрон опустил клинок, его рука дрожала так сильно, что он едва мог вставить наконечник в ножны.

— Друг мой, в чем дело? — спросила Руха. — Почему ты так напуган?

— Скорее поражен, чем напуган, — сказал Галаэрон. Он наклонился и вытащил кинжал женщины из своей икры, затем показал окровавленный наконечник. — Сообщение от нашего друга-рогоносца. Он хочет нас видеть.

Темная бровь Рухи приподнялась, и Галаэрон бросил кинжал через нищих на пустое место в поле. Когда он повернулся, чтобы погнать лошадь вперед, то увидел, что это безнадежно. Дорога впереди была перекрыта по меньшей мере сотней нищих, все с протянутыми руками, восхваляя щедрость Ариса, а маленький мост был занят двумя дюжинами охранников каравана, возвращавшихся с полей построения. Как только они миновали мост, стражники начали кричать нищим, чтобы они расчистили дорогу, используя свои щиты и плечи своих больших боевых коней, чтобы привести в исполнение свои требования. Галаэрон изо всех сил старался сохранять терпение. Независимо от того, действительно ли сообщение пришло от Малика, оно только усилило его беспокойство за Валу. Его чувства к ней не были такими духовными, как любовь к Такари, которую он отрицал все эти годы на Южной Границе Пустыни, но только потому, что человек и эльф никогда не могли бы соединиться, как два эльфа.

Тем не менее, Галаэрон любил Валу, если не так глубоко, как Такари, то, по крайней мере, так же сильно, и ему было мучительно оставаться в Арабеле, пока она служила Эсканору в качестве постельной рабыни. Не проходило и дня, чтобы он не мечтал вернуться и освободить ее. Если бы только она могла продержаться, пока он не попадет в плен. Когда стражники начали проявлять нетерпение по отношению к нищим и бить их плоскостями клинков, Арис нашел полезное решение и начал швырять пригоршни золота подальше от дороги. Потребовалось два броска, прежде чем нищие поняли, что происходит, и убежали, всё выкрикивая похвалы Арису и умоляя его бросить горсть в их сторону. Как только дорога была свободна, стражники быстро двинулись, чтобы обезопасить караван, с грохотом проносясь мимо с обеих сторон и выкрикивая приказы двигаться. Пятеро из них отделились и подошли к Галаэрону и Рухе, расположившись так, чтобы любые нищие, возвращающиеся за подачками, должны были сначала пройти через них. Самая крупная, женщина с грубым лицом в шлеме и пыльной боевой коже, подошла к Галаэрону и помахала им через мост. Голос охранника был таким же знакомым, как и язвительным.

— Молодец, эльф. Я сомневаюсь, что в лиге отсюда найдется глухой мужчина или слепая женщина, которые не знают, что ты ускользаешь из Арабеля.

Галаэрон присмотрелся повнимательнее. Изможденные черты говорящей смягчились, превратившись в черты Шторм Серебряной Руки, волосы, выбившиеся из-под шлема, стали серебряными и шелковистыми, тонкогубый рот стал полным и красивым.

— Это не входило в план. — Опасаясь выдать личность своих охранников, Галаэрон старался избегать почетного обращения, которое обычно оказывал Избранным. — Благодарность нищих застала нас врасплох.

— Ну, тогда все в порядке, — проворчал всадник позади нее. — Как приятно знать, что *всё* вышло из-под контроля.

Они двинулись через мост. Галаэрон оглянулся через плечо и увидел, что лицо старого стражника с лошадиным лицом уступает черной бороде и хмурым чертам человека, который мог быть только знаменитым другом эльфов, Хелбеном Арунсуном. Галаэрон решил не упоминать о послании от Малика. Избранные и так выглядели менее восторженными, и последнее, чего он хотел, это дать им повод передумать.

— Я прошу прощения за ошибку, — сказал он. — Я должен был понять, как повлияет золото...

— Галаэрон не виноват, — сказал Арис, его голос гулко прозвучал в пустом небе. — Это я хотел отдать им золото.

— Ты будешь вести себя тихо, там, наверху? — потребовал Хелбен. — По крайней мере, притворись, что пытаешься улизнуть отсюда незамеченным.

— Я приношу свои извинения, — сказал Арис, его голос был таким низким, что доски моста задрожали под копытами лошадей, — но вы не должны винить Галаэрона.

— Не нужно никого винить, — сказал третий охранник. Сидя напротив Галаэрона, у него была только одна рука и голос, похожий на голос Шторм.

— Никто не должен быть осужден за то, что делится с голодными.

Пока она говорила, Галаэрон начал видеть сквозь иллюзию, охраняющую ее личность, и понял, что это, должно быть, супруга Хелбена, Лаэраль Серебряная Рука. Из обрубка руки, которую она потеряла в Шараэдиме, росла крошечная рука, но даже это не умаляло ее красоты. Она была, если уж на, то пошло, даже красивее своей сестры, с теплотой и очарованием, чуждыми резким манерам Шторм, или, возможно, это просто казалось Галаэрону, потому что Шторм никогда не удосуживалась скрывать неприязнь, которую она к нему питала.

Хелбен немного помолчал, потом сказал:

— Ты, конечно, права. Он тяжело вздохнул. — Снова.

Это вызвало смех у двух последних стражников, и Галаэрон узнал в их голосах то же серебро, что и в голосах Лаэраль и Шторм. Он рискнул взглянуть в их сторону и, когда начал видеть сквозь иллюзии, узнал в их сверкающих глазах и серебристых волосах еще двух сестер Шторм. Самой стройной из них и самой женственной в своей осанке и манерах могла быть только знаменитая Леди Серебряной Луны, Аластриэль Серебряная Рука. Другой, более внушительной фигурой, столь же мощно сложенной, как и человек, должна была быть могучая Дав Соколица – арфистка, Рыцарь Миф Драннора и друг эльфов. Избранные не только ответили на призыв Галаэрона о помощи, они ответили на него силой. Если Хелбен казался напряженным, это имело смысл. Поскольку Эльминстер все еще отсутствовал вместе с Симбул, а призрачная Силун более или менее была прикована к своей ферме в Долине Теней, единственным доступным Избранным, которого они не привели, была Темная Сестра, Куилу. Учитывая его ограниченный опыт общения с дроу во время его службы в Страже Гробниц, Галаэрон был так же рад.

Они покинули мост и бросились догонять головную часть каравана, который был остановлен на сортировочном поле, в то время как капитан стражи сгруппировал тягловых животных по скорости и нагрузке и назначил персонал для наблюдения за ними. Он поместил Галаэрона и Руху с группой слегка обремененных всадников и по магически усиленному предложению Шторм назначил пятерых Избранных присматривать за ними.

Как только капитан двинулся дальше, Избранные собрали своих лошадей в плотный круг вокруг Галаэрона, Рухи и все еще невидимого Ариса.

— Вот мой план, Галаэрон, — сказал Хелбен. Мы собираемся сделать несколько...

Дорогой? — перебила его Лаэраль. — Ты не забыл, кто придумал это в первую очередь?

Хелбен нахмурился, но сказал:

— Всё правильно. — Он снова повернулся к Галаэрону. — Твой план здравый, но мы собираемся...

— Прошу прощения, — сказала Аластриэль. — Но я бы предпочла, чтобы кто-то, кто действительно был в городе, занимался планированием.

Хелбен закатил глаза.

— Очень хорошо.

Он повернулся к Галаэрону и сказал:

— Нам всем нравятся твои идеи.

— Очень впечатляет, — сказала Дав.

Хелбен кивнул почти неохотно, а затем продолжил:

— Но есть некоторые вещи, на которые мы должны обратить ваше внимание.
Он остановился, чтобы проверить одобряют ли его остальные.

Шторм резко повернула руку, чтобы подтолкнуть его. Она оглянулась на заднюю часть каравана, который уже пересекал маленький мост. Хелбен выглядел раздраженным, но сказал:

— Во-первых, ты не сможешь есть, пока мы не войдем в город.

Галаэрон поднял бровь и сказал:

— Я не думал об этом.

— Мы и не думали, что ты думал, — сказала Аластриэль, — но я уверена, что ты понимаешь.

— Путешествие и так будет достаточно неприятным. В любом случае, я не думаю, что смогу ехать без еды больше нескольких дней, — согласился Галаэрон. — Мы отложим эту часть до тех пор, пока сможем.

В точности мои мысли, — согласился Хелбен. — Во-вторых, вы, возможно, заметили, что нас пятеро.

Я могу сделать это вместо тебя — сказал Арис. — Я больше.

— Вообще-то мы подумывали о том, чтобы разделить группу на две команды, — сказала Лаэраль. — В качестве страховки.

Хотя Галаэрон не хотел просить Ариса рисковать еще больше, чем он уже рисковал, он знал, что лучше не спорить. Великан ясно выразил свои чувства по этому поводу, когда разбил стол во дворе.

— Разделение – хорошая идея, если Арис согласится, — сказал Галаэрон. Хелбен улыбнулся.

— Хорошо, — сказал он, — тогда мы все согласны.

— Не совсем.

Галаэрон поднял руку и, избегая взгляда Рухи, сказал:

— Руха не может пойти с нами.

— Это не твое решение, — ответила Руха. Ее тон был сердитым, хотя и не удивленным. Они провели большую часть ночи, споря об этом, и в конце концов оставили этот вопрос только потому, что пришло время присоединиться к каравану. — Это не имеет никакого отношения к Эвереске.

Галаэрон проигнорировал ее и пристально посмотрел на Шторм. Шадовары нуждаются во мне, — сказал он, — и они ценят Ариса, но Руха для них не что иное, как проблема. Если она пойдет с нами, есть все шансы, что шадовары убьют ее.

— Это мой риск, а не твой, — сказала ведьма, переводя взгляд с одного Избранного на другого.

— Он пытается защитить Малика. Малик спас ему жизнь, и теперь глупый эльф верит, что они друзья.

— Это правда, — сказал Арис, — но также верно и то, что Хадрун считает, что ты нарушила его приказ и пыталась убить Малика. Если ты вернешься, все будет так, как говорит Галаэрон.

Пятеро Избранных выжидающе уставились на Руху. Когда ведьма просто отвернулась, Дав Соколиная Рука сказала:

— Я думаю, тебе следует остаться, Руха. Твое присутствие может поставить под угрозу миссию.

— Или сохранить ее, — возразила Руха. — Ты еще не можешь этого знать, и что станет с Маликом? Я слишком долго охотилась на пса, чтобы позволить ему жить, как шейху, в их дворцах.

— Если мы добьемся успеха, то, возможно, больше не будет Малика, о котором нужно будет беспокоиться, — сказала Шторм. — Если мы потерпим неудачу, он рано или поздно выйдет. Цирик слишком жесток, чтобы оставить его там в комфорте надолго.

Руха больше ничего не сказала, но сердитый взгляд, который она бросила в Галаэрона, не оставил сомнений в том, чью жизнь, по ее мнению, он только что спас. Темный внутренний голос прошептал, что она была неблагодарной ведьмой, которая заслужила смерть, которую она найдет в Шейде, но Галаэрон закрыл свой разум от этих темных мыслей и напомнил себе, что у нее были веские причины ненавидеть маленького человека. Он был безжалостным убийцей, который в одиночку спас Церковь Цирика и вернул безумного бога к власти, и он, несомненно, работал над распространением влияния своего бога по всему городу Шейдов. То, что он много раз спасал жизни Галаэрому и Арису, пока они путешествовали вместе, не имело никакого значения. Это был союз по расчету, и Галаэрон знал так же точно, как и Руха, что Малик без колебаний предаст их во имя своего бога.

Галаэрон снова подумал, не рассказать ли Избранным о сообщении, которое он получил от Малика, но его остановила ярость в глазах Рухи. Учитывая количество Избранных, которые пришли, и вежливость, которую они проявили к нему на стратегической сессии, он был уверен, что они намерены выполнить план, несмотря ни на что. Но Руха ухватила бы за любое предположение о предательстве со стороны Малика в качестве предлога, чтобы сопровождать их в город. Галаэрон нисколько не сомневался в том, что с ней будет, если она попадет в руки Хадруна. Для блага ведьмы было бы лучше, если бы он сохранил тайну. По крайней мере, так сказал себе Галаэрон.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ



16 Флеймула, Год дикой магии

Как только капитан устроил караван по своему вкусу, он отдал приказ отправляться. Как какая-то тысяченогая многоножка, линия ожила и начала змеиться на запад по Главному тракту. Галаэрон и Руха молча ехали по разные стороны от своего невидимого друга, Галаэрон изо всех сил пытался игнорировать темные мысли, постоянно возникающие в его голове, ведьма смотрела на него поверх своей вуали. Арис, страдая от фатальной честности, которая была проклятием его расы, несколько раз пытался урезонить ее, заставить понять, что они пытаются защитить ее так же, как и Малика. Руха услышала только часть о защите Малика и отчитала

великана за служение злему богу. На этом все разговоры до конца дня заканчивались. Они ели свой обед в холодном молчании, Хелбен убеждал Галаэрона и Ариса наесться и накопить столько жира, сколько смогут. Они сделали так, как предложил архимаг, и, хотя присутствие гиганта в караване было очень открытой тайной, Шторм возобновила заклинание невидимости на нем. Остаток дня они провели вялыми, пока хозяин каравана наконец не объявил привал. Было уже далеко за полдень, солнце низко опускалось за Штормовые Рога, и дорога впереди исчезала в его золотом сиянии. Неудивительно, что никто не поднял тревогу до того, как на них набросились драконы. Существа появились прямо из солнца, большое существо в центре низко пронеслось над центром каравана, одно его присутствие пугало, как лошадей, так и людей, заставляя охранников нырять за обочины, а лошадей сломя голову мчаться в лес к югу от дороги. Огромный зверь не дышал огнем, газом или чем-то еще, не пожирал лошадей и не хватал в когти кричащих людей. Он только и делал, что мотал длинной шеей с одной стороны дороги на другую, его огромная голова медленно проплывала над каждой кучкой съездившихся всадников. Слепленный ярким шаром заходящего солнца, Галаэрон не сразу понял, что у дракона нет ни плоти, ни шкуры. Он был весь из костей, с пустой клеткой ребер, достаточно большой, чтобы вместить Ариса, и синими звездами, горящими в глубине его пустых глаз.

— Малигрис! — Галаэрон ахнул. — Они сейчас придут за нами!

— В лес! — крикнул Хелбен, натягивая поводья на коня Галаэрона и заставляя его повернуть к лесу. — Арис, пригнись и беги!

Невидимый гигант, топая, направился к лесу, его большие ноги на бегу расправляли коричневую траву. Руха и остальные последовали за ним, и вскоре они галопом поскакали прочь от дороги. Они прошли не более тридцати шагов, прежде чем над их головами раздался низкий хлопок пульсирующих крыльев, а затем с неба упала стена из голубой чешуи, преградив им путь. Дракон был старым, около двухсот футов от носа до хвоста, с клыками длиной с мечи и когтями, которые могли схватить боевого коня за холку. Он повернул голову в их сторону и открыл пасть, чтобы показать шар молнии, потрескивающий в его глотке, а затем вообще ничего не сделал. Это было самое страшное, по крайней мере, для Галаэрона. Существо знало, кто они, иначе они были бы уже мертвы.

— Назад! — приказал Хелбен. Как один, они развернули своих скакунов и направились обратно к дороге, только чтобы остановиться мгновением позже, когда третий дракон рухнул перед ними. Такой же длинный, как тот, что был позади них, он был, возможно, на тонну или две легче, с длинным, извилистым телом и щетинистым забором шипов вдоль спины. Как и другой, он открыл рот, чтобы показать шар молнии, потрескивающий в глубине.

Окруженная Избранными Мистры, какая-то часть Галаэрона поняла, что у них нет никаких проблем. Любой из его товарищей мог убить обоих драконов одним словом и движением руки, но это было трудно вспомнить, глядя в полный рот клыков высотой с эльфа. Зная, что сзади приближается второй дракон, было почти невозможно оставаться спокойным. Выхватив меч, Галаэрон повернулся к ближайшему Избранному – это оказалась Шторм – и заорал:

— Сделай что-нибудь, бесполезная сквернословящая девка!

— Что бы это могло быть, милорд? — спросила Шторм, которая уже вытащила свой собственный меч. Она бесполезно подбросила оружие в воздух. — Я здесь не для того, чтобы сражаться с драконами.

Она пришпорила лошадь и помчалась прочь. Не успела она уйти, как остальные Избранные разбежались, ведя себя более или менее как типичные охранники каравана. Галаэрон бросился вслед за Хелбеном, и дракон прыгнул перед ним. Он развернулся, его конь споткнулся, отскочив от невидимой ноги Ариса, и направился вслед за Аластриэль.

Другой дракон приземлился на задние лапы в сотне футов впереди, вытянув одну лапу в направлении Галаэрона. внутри Галаэрона нарастал страх. Он почувствовал, как в него вливается Теневое Плетение, и обнаружил, что его рука опустила поводья, чтобы он мог произнести заклинание. В своем ужасе он почти не останавливался.

Но зверь всего лишь пытался схватить его, и ужас, который он испытывал, был всего лишь его естественной аурой паники. Если он позволит себе поддаться, его план провалится. Эвереска падет. Вала умрет. Галаэрон снова опустил руку и нащупал поводья, но он уже поворачивал лошадь, прижав колено к ее плечу.

Руха пронеслась мимо него и крикнула:

— Продолжай! Ведьма подбросила в воздух песок и закричала на языке бединов. Густое облако пыли поднялось, чтобы поглотить голову дракона, и его когти сомкнулись в воздухе. Галаэрон схватил поводья и дернул испуганную лошадь назад, к горе голубой чешуи впереди. Дракон издал трескучий рев и, свернув длинную шею в огромных змеиных дугах, попытался стряхнуть с себя клубящуюся пыль. Облако последовало за ним, куда бы ни направилась его голова.

Руха проскакала под волнистой шеей и помчалась в лес. Зверь взревел в отчаянии, послал голубую молнию, треснувшую над ее головой, и повернулся обратно в направлении Галаэрона.

Оглушительный грохот эхом разнесся по равнине, и рядом с покрытой пылью головой дракона появился Арис, сжимая в обеих руках свой самый большой молот для придания формы камню. Он снова опустил инструмент, пошатнув зверя и послав рябь по его шее.

Галаэрон увернулся от дико хлещущего когтя. Он увидел, как гигант поднял руки для нового удара.

— Хватит! — крикнул он. — Беги!

Арис все равно опустил молот, на этот раз с глухим стуком расколов череп дракона. Галаэрон нырнул под безумно колыхающуюся шею и был почти сбит с коня краем размахивающего крыла. Он оглянулся и увидел, как Арис перепрыгивает через спину ошеломленного зверя. Великан оттолкнул плечом тело с крыльями и бросился вслед за Галаэроном.

Покрытая пылью голова дракона неуверенно качнулась, и Галаэрон услышал характерное шипение, исходящее из горла существа.

— Следите за...

Ослепительная стрела энергии вырвалась из облака пыли, но Арис уже нырнул в укрытие под крылом дракона. Молния ударила в полудюжине шагов позади гиганта, разбрызгивая грязь и горящую траву на пятьдесят футов в воздух. Арис вынырнул с другой стороны крыла, перекатился на ноги и большими гулкими шагами помчался к

лесу. Галаэрон снова посмотрел вперед и увидел, что лес нависает впереди, как стена. Руха и две из Семи Сестер уже спешили и присели на корточки среди чахлах от засухи листьев. Он повернулся к ним. Ведьма поднялась и указала на небо позади него. Не дожидаясь, чтобы увидеть, произносит ли она заклинание или выкрикивает предупреждение, он резко рванул в противоположном направлении. Он почувствовал глубокую пульсацию в животе, когда пара огромных крыльев взмахнула в воздухе позади него. Пара огромных задних когтей вонзилась в землю рядом с ним, затем второй дракон рухнул на передние лапы и развернулся вслед за ним. Галаэрон слышал визг магических стрел Рухи и звон тетив, но знал, что атаки даже не отвлекут зверя. Он вытащил ноги из стремян и соскочил с седла, отбросив меч в сторону и перекатившись вперед. На такой скорости удар, казалось, сломал бы кости до лодыжек, но Галаэрон поднялся на ноги и каким-то образом пробежал два шага, прежде чем стать жертвой собственной инерции. Он кубарем полетел через луг. Чешуйчатое брюхо дракона дважды мелькнуло над его головой, после чего осталось только темное небо и пыльная земля. Галаэрон остановился, растянувшись на спине и хватая ртом воздух, уставившись на стену из синих чешуек. Он услышал крик своей лошади и увидел, как ее тело закружилось в воздухе справа от него, затем он почувствовал, как его собственное тело взорвалось болью, когда он начал скользить по земле. Он поднял подбородок и увидел, как Дав и Шторм тащат его за лодыжки.

— Хорошо действовал, эльф, — сказала Шторм. — Я подумала, что «сделай что-нибудь, бесполезная сквернословящая девка» – это особенно блестящий штрих.

Галаэрон испытывал слишком сильную боль, чтобы понять, издевается ли она над ним или действительно верит, что он выступал для дракона. Они добрались до леса, где подлесок усугубил унижение Галаэрона, ударяя его по лицу листьями и ветками. Сестры протащили его еще пятьдесят шагов туда, где ждала Руха. Наконец, они остановились и подняли его на ноги, вызвав серию хриплых стонов, когда он изо всех сил пытался вернуть воздух в легкие.

Хелбен Арунсун проскочил сквозь деревья на своем коне, затем спешился и шлепком отправил зверя в путь. Он бросил один взгляд на поле и спросил:

— Ты можешь бежать, эльф?

Галаэрон оглянулся. Второй дракон, тот, который только что стащил его с лошади, казалось, не понимал, куда он убежал. Зверь медленно вращался по кругу, вырывая огромные пучки травы и швыряя маленькие валуны, в поисках укрытия эльфа. Все еще охваченный облаком пыли Рухи, другой обезумел от ярости. Он на ощупь пробирался по дороге на четвереньках, круша и кромсая все живое, к чему прикасался. Он уже был вымазан по локоть в крови и быстро приближался к кричащей путанице лошадей и погонщиков. Видя ситуацию, Галаэрон кивнул Хелбену и сумел прохрипеть:

— Возможно, не быстро ... но я могу бежать.

— Конечно, можешь, — усмехнулась Шторм. — Ты даже говорить не можешь.

Взяв его за рукав, она наклонилась и подняла его на плечи. Хелбен одобительно кивнул и повел их вглубь леса.

— Подожди! — прохрипел Галаэрон.

Архимаг даже не замедлил шаг.

— В чем дело?

Хотя боль начала утихать, перекинутое через плечи Шторм, его тело ничего не делало, чтобы вернуть воздух в грудь.

— Караван! — сказал он. — Он ... он гибнет.

— Да, и это наша вина, — сказал Хелбен. — Очень прискорбно.

— Я думаю, Галаэрон спрашивает, не можешь ли ты что-нибудь сделать, — сказала Руха.

Дав взглянула на Галаэрона и спросила:

— Ты действительно спрашиваешь, можем ли мы убить этих маленьких ящериц, не так ли?

— Сейчас не время для нелепых вопросов, — добавила Шторм. — Может быть, ты заметил, что мы были застигнуты врасплох?

— Я заметил, — ответил Галаэрон. Либо к нему возвращалось дыхание, либо нарастающий гнев придавал ему сил. — Мы не можем просто позволить им умереть.

Хелбен остановился и сказал:

— Я думал, ты хочешь уничтожить Шейд. — Его голос был резким от нетерпения, но в выражении его лица была мягкость, которая, казалось, указывала, что он понял, о чем спрашивает Галаэрон, и почему. — Я думал, ты хочешь спасти Эвереску.

— Я знаю, — сказал Галаэрон, — но ты можешь также и спасти этих людей.

Увидев, что он, наконец, отдышался, Шторм опустила его на ноги. Хелбен шагнул к нему, его глаза горели гневом, и посмотрел на него сверху вниз.

— Избранные не могут спасти всех на Торице. — В его тоне было столько же страдания, сколько и обиды, как будто ему было больно констатировать этот очевидный факт. Он махнул рукой в сторону кричащих караванщиков и продолжил:

— Твой выбор, эльф. Те немногие, или тысячи в Эвереске и десятки тысяч по всему остальному Фаэруну погибнут, если мы раскроем себя и твой план провалится.

— Но это наша вина, — сказал Галаэрон. Он начинал чувствовать себя очень маленьким и наивным. — Должен быть способ, чтобы вы не раскрыли себя.

— Даже если бы это было так, ты же не думаешь, что мы бы это сделали? — спросила Шторм. — Ты оскорбляешь меня, эльф. Я бы больше так не делала. — Она повернулась и пошла через лес, более или менее к последнему месту, где Галаэрон видел Ариса.

Хелбен задержался достаточно долго, чтобы объяснить:

— Сам поступок выдаст нас. Сколько ты знаешь охранников каравана, которые могли бы победить Малигриса и двух старых синих?

— Никого.

— В этом-то и проблема, — сказал Хелбен. — Полагаю, ты выбираешь Эвереску?

Из-за криков далеких караванщиков, звенящих сквозь деревья, Галаэрон едва мог заставить себя кивнуть, но он сделал это.

— Я так и думал.

Хелбен бросил последний взгляд в сторону дороги, затем повернулся и пошел вслед за Шторм. Дав жестом пригласила Руху идти за ним, затем взяла Галаэрона за руку и пошла следом.

— Это тяжелый урок, — сказала ему Дав, — но ты должен его усвоить, если надеешься когда-нибудь жить с той силой, которую носишь в себе. Хотя они бежали почти бегом и старались делать это без шелеста листьев или треска веток, слова Дав

дались так легко, как если бы они прогуливались в саду ее дома на Эвермите. — Младенцы могут рождаться в этом мире невинными, как дождь, но у них на руках кровь еще до конца первого года жизни. Как и у всех нас.

— Утешительная ... мысль, — сказал Галаэрон. Хотя он, как и все, привык бегать на длинные дистанции, ему приходилось концентрироваться, чтобы сохранять тишину как в дыхании, так и в шаге. — Ты пытаешься заставить меня радоваться, что у меня нет детей?

— Я пытаюсь тебе помочь. Даже если ты ешь только фрукты и никогда не ступаешь на землю, ты не можешь жить, не убивая. Что-то умирает, чтобы ты мог жить, даже если только червяк, который никогда не вылупится в яблоке, которое ты съел.

— Я понимаю законы природы, — сказал Галаэрон. — Я все еще такой же эльф.

— Но не мудрый, — ответила Дав. — И ты должен стать мудрым, чтобы своими добрыми намерениями не погубить Фаэрун во зле.

Она не смогла бы отвлечь Галаэрона больше, даже если бы вонзила кинжал ему в грудь. Он зацепился ногой за корень и рухнул на землю, заставив всю группу остановиться и обернуться. Хелбен приподнял бровь, Шторм нахмурилась и покачала головой, и Галаэрон не мог прочитать выражение лица Рухи за ее вуалью.

— Прошу прощения, — сказал Галаэрон, поднимаясь на ноги. Остальные продолжили свой бег, и он схватил Дав за руку, чтобы удержать ее. — Я слушаю.

Выражение лица Дав сменилось почти жалостью.

— И все равно ты не слышишь, — сказала она, сжимая его руку, пока внутри что-то не щелкнуло. Всю его руку пронзила боль. — У тебя на руках много крови, Галаэрон. У сильных всегда так.

Галаэрон поднял дрожащую руку. Хотя он не видел, чтобы Дав произносила какие-либо заклинания или чувствовала, как она использует какую-либо магию, она стала цвета открытой раны. Он был так потрясен, что едва заметил сломанную кость, торчащую под кожей за указательным пальцем.

— Я ...— Галаэрон не знал, что сказать. Он все еще был слишком смущен, чтобы злиться, и даже его тень, казалось, была слишком ошеломлена, чтобы отреагировать. — Я не понимаю.

— Нет?

Дав пожала плечами, а затем пошла вслед за остальными, добавив:

— Когда ты это сделаешь, рука заживет.

Галаэрон воспользовался моментом, чтобы сделать перерыв, затем, кости все еще пульсировали болью, он отправился вслед за остальными. Травма оказалась полезным отвлекающим маневром. Когда он привык к боли, его гнев начал расти, а вместе с ним и его тень. Ему потребовалось всего дюжина шагов, прежде чем он так увлекся борьбой с темнотой внутри, что больше не слышал криков, доносившихся с дороги. Ему пришла в голову мысль, что именно этого и добивалась Дав, хотя он сомневался, что боль от простой сломанной кости когда-нибудь заставит его забыть страдания тех, кого они бросили. Через несколько сотен шагов они подошли к небольшому ручью, где их ждали Арис с Аластриэль и Лаэраль. Сестры наполнили водой пять маленьких пузырьков и поставили их на плоский валун на берегу. Четыре флакона уже сияли серебряной аурой магии, и Аластриэль произносила заклинание

над последним. Хелбен и остальные Избранные подошли к валуну и подождали, пока Аластриэль закончит. Арис заметил, как Галаэрон держит его за руку, и озабоченно нахмурился.

— Ты поранился. Может быть, я смогу...

— Тише! — прошипела Дав. — Драконы приближаются. Арис взгляделся в темнеющий полог леса и сказал:

— Я не вижу.

Руха приложила палец к вуали и прошептала:

— Слушай.

Арис замолчал. Галаэрон прислушался и не услышал ничего, кроме отдаленного ропота паникующих караванщиков, пробирающихся через сумеречный лес. Ему потребовалось мгновение, чтобы понять, что, Дав говорит о том, чего они *не могли* слышать. Не было ни стрекота сверчков, ни уханья сов, ни криков с дороги.

По верхушкам деревьев донесся слабый шорох. Галаэрон сначала подумал, что поднимается ветер, но шорох продолжал расти и вскоре превратился в отчетливое шипение воздуха, несущегося по чешуе. На севере появилась темнота в форме дракона и устремилась к ним через лес. Галаэрон и большинство остальных бросились в укрытие, Аластриэль задержалась, чтобы завершить заклинание, а Арис опустился на колени под ветвями большого дуба. Шипение становилось все громче, и темнота приближалась, извиваясь взад и вперед, огромная, как озеро, поглощая все на своем пути. Аластриэль закончила свое заклинание приглушенным шепотом, затем взяла последний флакон и легла в тени вдоль берега ручья. Галаэрон продолжал смотреть вверх, но полог был слишком плотным, чтобы он мог разглядеть что-либо, кроме крошечного клочка неба и горстки первых вечерних звезд. Шипение переросло в свист, затем край крыла заслонил даже этот слабый свет. Они погрузились во тьму, и Галаэрон ждал в ледяном молчании, забыв о пульсации своей сломанной руки. Он сосчитал один удар сердца, два, дюжину, затем две дюжины. Наконец, шум уменьшился до шипения, и темнота унеслась на юг. Он снова начал дышать, не осознавая, что прекращал, и одинокий сверчок начал стрекотать где-то за ручьем.

Хелбен появился первым, направившись прямо к валуну, чтобы взять зелье. К тому времени, как прибыли остальные, он уже взял пузырек и подносил его к губам. Прежде чем он успел выпить, Аластриэль схватила его за запястье и сказала:

— Держи это. — Она взяла флакон из его руки и передала его Лаэраль. — Возможно, тебе все равно, пьешь ли ты мужское зелье или женское, но нам не все равно.

Хелбен поднял бровь.

— Есть какая-то разница?

Аластриэль кивнула и сказала:

— Пара грудей выглядела бы на тебе так же странно, как борода на мне.

Она выбрала другой флакон, который выглядел точно так же, и дала ему. Как только Аластриэль раздала остальные зелья, Хелбен поднял руку, словно произнося тост, и Избранные выпили магию до дна. Эффект был быстрым, но не мгновенным. К тому времени, как они закончили пить свои зелья, Избранные уменьшились до размеров эльфов. Они продолжали уменьшаться на глазах Галаэрона, их пальцы становились такими маленькими, что им приходилось хватать флаконы целыми

руками. Аластриэль достала откуда-то из-под плаща две зеленые таблетки. Хотя они не могли быть намного меньше горошин, в ее пальцах они выглядели больше, размером с кошельки, полные кормирских золотых львов.

— Проглоти это, когда будешь готов избавиться от нас, — сказала она. — Нет никакой спешки, кроме той, что вызвана голодом ... Но, во имя Леди, ничего не ешь! Есть пути, которые я никогда не хотела бы пройти.

Галаэрон наклонился, чтобы взять таблетки, и сказал:

— Не бойся. Сомневаюсь, что мы с Арисом будем ужинать на каких-либо банкетах.

Галаэрон повернулся, чтобы передать пилюлю, и обнаружил, что великан смотрит на юг, в лес, его лоб был глубоко нахмурен.

— Арис?

— Дракон ... он возвращается прошептал великан. — Секунд десять, может, двадцать.

Галаэрон передал пилюлю Арису. Ему пришлось потянуть за подол туники великана, чтобы привлечь его внимание. Затем снова посмотрел на Избранных. Они все еще были по пояс.

Сквозь верхушки деревьев донеслось слабое шипение, и в лесу впереди появилась знакомая темнота.

— Мы не успеем, — прошептал Галаэрон. Хелбен посмотрел на Руху. Ведьма побледнела, по крайней мере, то небольшое, что можно было разглядеть сквозь ее вуаль, но кивнула и начала потирать руки. Галаэрон начал было протестовать, но вспомнил о трудных решениях, которые они уже приняли, когда его рука снова начала пульсировать. К тому времени, когда он повернулся, чтобы попрощаться, Руха уже убегала от них. Она пробормотала волшебное слово, и звук ее шелестящих ног начал эхом разноситься по лесу. Тихий гул прозвучал сквозь листья, когда дракон взмахнул своими огромными крыльями, затем его черная тень резко повернулась и понеслась в погоню за убегающей ведьмой.

— Прощай, мой храбрый друг, — прошептал Галаэрон.

— Ты не избавишься от нее так легко, эльф, — сказала Шторм. Она стояла примерно на уровне его колена, и ее голос был чуть громче, чем шепот. — Руха провела свое детство, уворачиваясь от синих драконов. Она будет ждать там, когда падет Шейд.

— Я молюсь об этом, — прошептал Арис. Он посмотрел вниз, затем опустил руку на колени и протянул руку. — Я думаю, что смогу сделать это сейчас, если ты готов.

— Не думаю, что мы когда-нибудь будем готовы к чему-то подобному, — сказал Хелбен, наступая на ладонь великана, — но если ты сможешь сделать это сейчас, то чем скорее, тем лучше. Арис запрокинул подбородок, затем повесил Хелбена над открытым ртом.

— И не забывай – не жевать! — приказал Хелбен.

Арис бросил его головой в глотку, затем сделал кислое лицо, пытаясь сглотнуть, не закрывая рот. На мгновение Галаэрону показалось, что его друг задохнется и отправит Хелбена в полет через лес, затем черные сапоги архимага, наконец, исчезли в разинутой пасти гиганта.

Арис издал громкий судорожный звук, затем снова опустил руку. Лаэраль и Шторм обменялись тревожными взглядами, и Шторм махнула сестре вперед.

— Леди вперед.

— Ты слишком добра, — сказала Лаэраль с гримасой, а затем наступила на ладонь Ариса. Она стала настолько меньше, что гигант смог проглотить ее, не подавившись, а Шторм проглотилась еще легче. Оставались только Аластриэль и Дав, которые доходя ростом до лодыжек эльфа все еще были слишком большими, чтобы Галаэрон мог их проглотить. Пока они ждали, Дав повернулась к Аластриэль. — Ты уверена, что мы не задохнемся?

— Вот для чего нужна магия дыхания водой. — Она посмотрела на Галаэрона и добавила:

— Ты не забудешь пить много воды.

Поняв, что это приказ, а не вопрос, Галаэрон просто кивнул.

— И нас не переварят? — настаивала Дав.

— Мы Избранные, — сказала Аластриэль. — Немного желудочной кислоты нам не повредит. И у меня *есть* защита.

В лесу мелькнула далекая молния, за которой почти мгновенно последовал приглушенный треск. Галаэрон оглянулся и увидел вдалеке зарево горящего дерева.

— Что теперь? — спросил он. Примерно в два раза больше его большого пальца, Аластриэль и Дав все еще были слишком большими, чтобы он мог проглотить, по крайней мере, не жуя сначала. — Дракон должен вернуться сюда.

— Остается только *одно*. — Аластриэль взмахнула крошечной рукой, и пять флаконов разлетелись в сверкающую пыль. — Если ты подождешь здесь, дракон поймет, что ты хочешь, чтобы тебя поймали.

Равномерное биение крыльев, бьющих воздух, раздалось со стороны горящего дерева и стало быстро нарастать, и темная тень дракона поплыла через лес в их направлении. Галаэрон схватил обеих Избранных здоровой рукой и закричал:

— Беги, Арис!

Гигант развернулся и с грохотом побежал на запад. Стараясь удержать съезжившихся Избранных, не задушив и не раздавив их, в панике, пытаясь сбежать от дракона еще на несколько мгновений, нелепость этого беспокойства не поразила его. Галаэрон повернул на юг и побежал вдоль берега ручья. Ему было труднее поймать их обоих, но он должен был изо всех сил стараться убежать. Такой старый дракон знал бы, если бы он попытался облегчить ему работу. Тень дракона заставила листья ужасно шуметь, когда деревья содрогнулись под ударами его крыльев. Галаэрон остановился, больше от ужаса, чем от сознательной воли, и прыгнул за упавшее бревно. Зверь пролетел над головой так близко, что он почувствовал запах свежей молнии, все еще цепляющейся за его чешую, и услышал, как высокие ветви царапают его брюхо. На мгновение он подумал, что ему потребуется время, прежде чем он сможет проглотить Избранных, но тот продолжал двигаться на запад, преследуя грохочущие шаги Ариса.

Галаэрон открыл рот, чтобы вздохнуть с облегчением, и обнаружил, что задыхается. Дракон нырнул в лес с ужасающим треском дробя деревья, и Арис заревел в шоке. Рев сменился криком боли и страха, а затем поднялся в воздух.

И это было все. Великан исчез, так же быстро.

Галаэрон оставался неподвижным, наполовину ожидая услышать, как тело Ариса рухнет обратно на деревья, когда дракон понял, что все еще не поймал его. Когда

крики гиганта стали только отдаляться, он, наконец, встал и посмотрел вниз на Аластриэль и Дав. Теперь они были размером с половину его большого пальца, достаточно маленькие, чтобы их мог проглотить даже эльф.

— Ариса взяли, — сообщил он, — но я думаю, что он промахнулся.

Листья вздрогнули с внезапным шумом, когда что-то осело на верхушках деревьев, затем деревья начали стонать и скрипеть под каким-то огромным весом. Галаэрон охватила такая аура холодного ужаса, что его тень поднялась внутри него и заставила его разум закружиться в черном торнадо. Он медленно поднял глаза и над верхушками деревьев увидел что-то похожее на черные голые ветви, изгибающиеся на нескольких видимых клиньях звездного неба.

Галаэрон стоял, застыв от ужаса и замешательства, пытаясь понять, что он видит. Огромный черный шнур голых позвонков змеился по пятну открытого неба в дюжине шагов справа от него, открывая вид на лишенный плоти рогатый череп размером с рофа.

Череп медленно вращался, пока Галаэрон не обнаружил, что смотрит в горящую голубую звезду огромного безжизненного глаза.

— *Галаэрон!* — Голос Аластриэль донесся до него в его голове, прорезая черный туман страха, который затуманил его разум. — *Сейчас!*

Даже в панике, вызванной драконом, а это было худшее, что он когда-либо испытывал, Галаэрон знал, что лучше не возбуждать любопытство Малигриса, проглатывая Избранных перед ним. Вместо этого, действуя скорее инстинктивно, чем по плану, он развернулся на каблуках и побежал, поднеся руку к губам и всасывая пару в рот. Огромный коготь обрушился на него, принося с собой поток листьев и щепок, и поймал его в клетку из костлявых когтей.

— Не так быстро, эльф, — сказал Малигрис. — Ты тот, кого я искал.

Галаэрон сглотнул и почувствовал, как Избранные скользнули по его горлу. К счастью, он вспомнил, что жевать нельзя.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ



16 Флеймрула, Год дикой магии

Кейя Нихмеду стояла в первой шеренге Роты Холодной Руки, дрожа от грохота и вспышки атаки, ее голова откинулась назад, когда она смотрела, как лист за листом багровая магия взрыва катится по мерцающему мифалу Эверески. Городские лучники ответили, затмив небо своими стрелами, и боевые маги эльфов стояли вдоль Луговой Стены, загораживая разрушенные террасы Виноградной Долины потрескивающими стрелами и дугами едкого пламени. Но, если не считать стены из багберов-рабов разума, за которой прятались фаэриммы, никто не умирал. Сами шипастые парили на краю досягаемости заклинаний, защищенные от атак Эверески снарядной защитой и

волшебными щитами, и они были еще более осторожны, чтобы держать свою оборванную армию бехолдеров и иллитидов рассеянными далеко в долине, где никакие стрелы и очень немногие заклинания могли причинить им вред. Эльфы были в такой же безопасности за своим мифалом. Пока он стоял, никакая атака, магическая или какая-либо другая, не могла пересечь Луговую Стену, чтобы причинить вред кому-либо внутри. Наверное, в тысячный раз за последние два дня лорд Дуирсар шел впереди Роты Холодной Руки, скрестив запястья за спиной и устремив взгляд на далекую шеренгу фаэриммов. события последних месяцев состарили его, как не стареют эльфы, сделав его длинные волосы более седыми, чем серебряными, и ссутулив плечи под тяжестью забот.

— Я вижу, что они делают, лорд-командующий, — сказал Дуирсар высокому лунному эльфу, известному Кииньону Колбатину, который шагал рядом с ним. — Это сработает.

— Мифал держался все эти месяцы, лорд Дуирсар, даже когда был отрезан от Плетения. — Одетый в потрепанные, но когда-то элегантные доспехи высшего дворянина Эверески, Кииньон выглядел таким же изношенным и измученным, как и сам верховный лорд. — Он продержится до прибытия лорда-командующего Рамеалаэруба.

Дуирсар повернулся к Кииньону, грозя костлявым пальцем ему в лицо.

— Если прибудет Рамеалаэруб, лорд-командующий ... Если, — сказал он. — Даже если он придет, это может быть не вовремя.

Кииньон не стал спорить. По последним сведениям, армия Рамеалаэруба все еще стояла лагерем в Курганах Вишаен, ожидая проводников из Эверески. К сожалению, послать проводников пешком было невозможно, и те, кто пытался телепортироваться, добрались только до границы долины, прежде чем упасть на землю в кровавых брызгах, без сомнения, перехваченные той же магией фаэриммов, которая препятствовала поступлению припасов и подкреплений в Эвереску через ее ворота перемещения. Дуирсар повернулся и посмотрел на фаэриммов.

— Они изматывают нас, лорд-командующий, истощают нашу оборону.

— Они *пытаются*, милорд. Это не то же самое, что делать.

Кииньон оглянулся на длинную вереницу молодых бегунов, доставлявших из города бочонки со свежими стрелами, и сказал:

— Потребуется десятилетие, чтобы истощить запасы дерева для стрел Эверески, и с появлением Плетения снова не нужно беспокоиться о нашей магии.

— Вы знаете, о чем я беспокоюсь, лорд-командующий, и это не стрелы или молнии, — ответил Дуирсар, взглянув на мерцающий мифал. — Я думаю, пришло время льву покинуть свое логово.

Кииньон нахмурился в сторону Кейи, и понял, что кивает в знак согласия. Она остановилась, но выдерживала его взгляд, пока долг не заставил его снова обратить внимание на лорда Дуирсара.

— Милорд, это то, чего хочет враг, — сказал Кииньон. — Они пытаются выманить нас туда, где мы будем уязвимы для их нападения.

— Или используют нашу безрассудность, чтобы исчерпать мифал.

Дуирсар продолжал изучать вспышки магии, разбивающиеся о поверхность мифала, и сказал:

— За все мои столетия я никогда не видел, чтобы он так ослаб. Мифал нуждается в нашей помощи, Кииньон.

Лорд-командующий поднял голову, прикрывая глаза от сверкающей магии, и сказал:

— Мы делаем все, что в наших силах. По крайней мере, наши лучники и боевые маги держат их на расстоянии. Представьте себе, какой ущерб могли бы нанести шипастые, если бы они могли свободно стоять рядом с самим мифалом.

Кейе пришлось прикусить язык, чтобы сохранить молчание, ожидаемое от солдата в строю. Кииньон Колбатин был одним из величайших магических клинков, которых когда-либо знала Эвереска, почти равным ее собственному отцу, который пал, спасая жизнь Хелбена Арунсуна, но он был неуверенным и, следовательно, робким генералом. Было бы неправильно обвинять Кииньона в неспособности Эверески прорвать осаду, хотя он, конечно, не колеблясь, обвинял ее брата Галаэрона в том, что он спровоцировал это, но не будет преувеличением сказать, что его единственная четкая стратегия, казалось, держалась до тех пор, пока кто-то извне не придет, чтобы спасти их. Лорд Дуирсар долго молчал после того, как заговорил Кииньон. Кейя подумала, что он, возможно, на самом деле пытается представить, что могло бы измениться, если бы фаэриммы стояли у мифала. Когда он опустил взгляд, она увидела на его лице больше гнева, чем неуверенности, и поняла, что он так же разочарован своим лордом-командующим, как и она и остальная Эвереска. Дуирсар уставился в землю и, казалось, что-то обдумывал, затем поднял взгляд и посмотрел прямо на нее.

— Что скажешь, Кейя? — спросил он.

Кейя знала, что лучше не показывать своего удивления и не колебаться, боясь обидеть Кииньона. Хелбен Арунсун был ее гостем большую часть осады, и за это время она провела достаточно времени в обществе обоих эльфов, чтобы знать, что лорд Дуирсар ожидал ответа, когда задавал вопрос, и что Кииньон будет держать ответ против нее, только если сочтет ее нечестной. Хотя лорд-командующий мог быть осторожен в своей стратегии, он был верен своему долгу и верен своему городу, и если это означало, что он был смущен перед верховным лордом, то так тому и быть. Кейе потребовалось все время, чтобы обдумать свой ответ. Думать быстро было нелегкой задачей, когда над головой грохотал боевой гром. Затем она склонила голову в знак уважения.

— Если армия Эверески пересечет Луговую Стену, чтобы встретить фаэриммов заклинание за заклинанием, она не вернется, — сказала эльфийка. — В этом милорд Колбатин прав. Наши потери были достаточно тяжелыми, когда на нашей стороне сражалась армия шадовар и двое Избранных. Без них наши потери были бы тотальными.

Хотя лорд Дуирсар достаточно привык к государственным делам, чтобы скрывать свои чувства за маской безразличия, он был слишком измучен и взволнован, чтобы скрыть свое удивление. Он смотрел на Кейю, как на притаившегося волка, его глаза сузились, а брови приподнялись. Но это был сам Кииньон, который потребовал:

— И в чем я ошибаюсь, леди меча?

Кейя склонила голову в сторону лорда-командующего и сказала:

— В сражении, чтобы не проиграть, милорд. Мы не можем прорвать осаду, сохранив наши силы. Мы должны собраться с духом и бороться за победу.

Заметив тревогу, промелькнувшую в глазах лорда-командующего, Кейя повернулась к Дуирсару, чья кривая улыбка свидетельствовала о том, что он точно понял, о чем она говорила.

— Продолжайте, леди Нихмеду. Кейя почувствовала тайный трепет от того, что ее называли по наследственному титулу. Ей было чуть больше восьмидесяти, но она все еще была на десять лет моложе, чтобы официально принять титул, и обращение к ней верховного лорда Эверески было знаком его уважения. Осмелившись поднять голову и заговорить более решительно, она сказала:

— Слишком долго мы доверяли другим делать то, что должны делать сами. Никто, кроме нас, не сможет прорвать эту осаду.

— Тогда мы обречены, — сказал Кииньон. Без посторонней помощи нам не сравниться...

— Когда вы наконец поймете, лорд-командующий? — перебила его Кейя. — Помощи *не* будет.

— Следи за своим тоном, — приказал Кииньон. Лорд Дуирсар поинтересовался твоим мнением. Он не дал тебе разрешения...

— Я слышала, как вы звали Хелбена и остальных, — продолжала Кейя, становясь все смелее. — Они пришли? Кто-то из Избранных?

Кииньон нахмурился, услышав ее дерзость, но сказал:

— Они придут.

— До падения мифала? — спросил Дуирсар. — Я тоже взывал к Избранным. Отвечает только Силун, и только для того, чтобы сообщить, что остальные не могут прийти.

Отчаяние, появившееся на лице Кииньона, почти повергло Кейю в уныние.

— Наше положение не безнадежно, — сказала она скорее себе, чем Кииньону. — У нас есть ресурсы, и мы должны только использовать их.

— Как? — спросил лорд Дуирсар. — Пока ты мне этого не скажешь, ты мне вообще ничего не сказала. Если мы не осмелимся пересечь Луговую Стену, чтобы встретиться с ними, и мы не сможем победить, стоя за ней, что нам делать?

— Заставить их заплатить — сказала Кейя. — Если они хотят напасть на мифал, мы должны заставить их заплатить за это.

— Опять же, я спрашиваю, как?

— Вот этим, — сказал Кул, один из двух людей, стоявших по бокам от нее в первом ряду роты. Дородный и чернобородый, он был ростом с рофа и круче, чем ткаэрт, со смуглым круглым лицом и руками размером с тарелку. Он шагнул вперед, держа в руке свой блестящий темный меч. — Мы проберемся туда с Холодной Рукой и начнем рубить их по одному.

— И мы продолжим делать это до тех пор, пока они все не уйдут или не умрут, — добавил Берлен, человек, стоящий по другую сторону от нее. — Или до тех пор, пока нас больше не останется, чтобы вернуться.

— Так мы делаем это в Ваасе, — сказал Кул.

Кейя улыбнулась своим горным друзьям, затем кивнула лорду Дуирсару и сказала:

— Мы телепортируемся туда небольшими ударными группами, нанесем сильный удар и вернемся.

Дуирсар улыбнулся.

— Мы видим, насколько *они* решительны, для разнообразия.

— Рискнуть темными мечами? — спросил Кииньон, качая головой. — Каждый, которого мы потеряем, – это тот, кого у нас не будет в Эвереске, если они...

Лорд-командующий был прерван сначала потрескивающим ревом извергающегося огненного шара, а затем хором мучительных криков. Кейя и остальные повернулись на звук и были поражены, увидев боевого мага и его сопровождающих, катающихся по земле в огне, кольцо дыма размером с фургон над ними быстро сжималось вокруг пролома в мифале. Прежде чем дыра успела закрыться, по Луговой Стене в их направлении пронеслась малиновая сфера. Лорд Дуирсар вскинул руку, поднимая заклинание-защиту с достаточной скоростью, чтобы убедить Кейю, что слухи о том, что он один из тайных высших магов Эверески, были правдой. Огненный шар расплющился о мистический щит и с треском исчез, оставив лишь слабое оранжевое свечение, отмечающее место, куда он попал. Дуирсар наблюдал достаточно долго, чтобы убедиться, что мифал снова запечатал себя, затем повернулся к Кииньону и сказал:

— Я бы сказал, что это решает вопрос, не так ли? — Не дожидаясь ответа, он повернулся к Берлену и Кулу. — Команды по шесть человек? Четыре воина и два боевых мага?

Недовольная тем, что ее оставили в стороне от планирования, и совершенно уверенная, что она была единственной, кто понимал, почему верховный лорд предложил именно эти цифры, Кейя сказала:

— Это будет прекрасно, милорд, один маг для телепортации и один для создания приманки.

— Приманки? — спросил Берлен.

— Значит, у тебя будет время для атаки, — сказал Дуирсар, одобрительно кивнув Кейе. — Иначе фаэримм набросится на тебя прежде, чем ты успеешь оправиться от оцепенения.

— Оправиться? — Кул усмехнулся. — Мы не собираемся оставаться там так долго. Просто дайте нам магов, которые могут вытащить нас так же быстро, как и они, и в командах должно быть три воина, а не четыре.

— Только трое? — спросил Дуирсар. — Я не понимаю.

— Я всё подготавливаю — ответил Кииньон. Он одарил Кейю улыбкой, настолько близкой к извинению, насколько она когда-либо получала от великого героя, затем он приступил к организации Роты Холодной Руки в команды по трое. Хотя у отряда было меньше двадцати темных мечей, позаимствованных у ваасанцев, павших, когда фаэриммы сбежали из тюрьмы, у Кииньона было около сотни лучших магических клинков Эверески на выбор. Темные мечи были выкованы архимагом Мелегонтом Тантулом более ста лет назад и передавались от родителей к детям в течение четырех поколений, и они заморозили бы руку любого владельца, не принадлежащего к семье. Чтобы обойти эту проблему, для каждого меча в Роте Холодной Руки было пять воинов, которые передавали меч из рук в руки, когда их пальцы слишком онемели, чтобы держать его. Для этих атак у каждого меча будет только один владелец,

поэтому Кииньон мог свободно выбирать самые опытные и мощные магические клинки. Когда он подошел к Кейе и двум ваасанцам, единственным трем членам роты, которые могли держать свои темные мечи так долго, как они хотели, лорд-командующий сначала назначил Берлена и Кула в разные отряды. Когда Кейя настояла на том, чтобы ее тоже включили в группу, они настояли на том, чтобы объединиться с ней.

— Декс уже зол, как дракон, из-за того, что она взяла его темный меч, — объяснил Берлен.

Как любовница Дексона, или, точнее, мать его нерожденного ребенка, Кейя стала членом его семьи и могла держать его темный меч, не замораживая руку. Пока Дексон все еще пытался оправиться от раны, полученной в последней большой битве, она взяла его меч и помчалась, чтобы присоединиться к битве, когда фаэриммы начали атаковать. Дексон гнался за ней по Вершине Древа и на полпути через Звездный Луг, крича, чтобы она вернула его и осталась там, где он сможет защитить ее. Кейя почти ожидала, что он в любой момент выскочит на луг, волоча свою иссохшую от заклинаний ногу и все время крича, что они должны защитить ее. Люди были странными в этом смысле, полагая, что они могут хранить то, что они любят, как золото, и надежно прятать его в своих хранилищах.

Лорд Дуирсар вернулся с семьей самыми могущественными боевыми магами Эверески, большинство из которых были преподавателями в Академии Магии, когда еще существовала такая вещь. Кииньон объяснил план, затем выстроил пять команд в треугольник, с волшебником в середине и тремя воинами, окружающими его, лицом наружу. Шестую команду, команду Кейи, он выстроил в квадрат, сам заняв четвертую сторону.

— Ты уверена, что это сработает? — спросил Кииньон.

— Как жир на льду, — ответил Кул. — Когда мы доберемся туда, просто держись за мой пояс свободной рукой и размахивай мечом.

— Очень хорошо. — Кииньон вытащил свой позаимствованный темный меч и дал сигнал к атаке. Кейя услышала, как боевой маг начал свое заклинание, а затем наступила темная вечность падения. Ее желудок поднялся к груди, и она почувствовала слабость, головокружение и холод. Мертвая тишина заполнила ее уши, и она не чувствовала ничего, кроме собственного сердца, быстро и сильно колотившегося в груди, и она была где-то в другом месте, земля грохотала под ее ногами, а ее глаза и нос горели серным зловонием Ада.

— Замахнись! — крикнул знакомый грубый голос.

Вспомнив о мече в своей руке, Кейя замахнулась, хотя ее разум изо всех сил пытался осмыслить ее дымное, обожженное огнем окружение. Она ни во что не попала, но услышала за своим плечом влажный шлепок меча, рассекающего плоть, и инстинктивно повернулась на звук, размахивая темным мечом в яростном ударе наотмашь.

На этот раз Кейя ударилась обо что-то и почувствовала, как ее лезвие глубоко вошло в плоть. Кровь, горячая и кисло пахнущая, брызнула ей на челюсть и горло. Визжащий вихрь наполнил воздух грязью и пеплом, затем из ниоткуда появились золотые стрелы магии и начали ricochetить от ее наручей, отворачивающих

заклинания. Некоторые из них отскочили назад мимо ее головы, отраженные одинаковыми наручами, которые носили все воины в Компании Холодной Руки.

Кейя мельком увидела пространство, покрытое шипастой чешуей, и, наконец, вспомнила, где она была и что она там делала. Она перевернула клинок и снова провела им по телу фаэримма, на этот раз остановившись в конце удара, чтобы глубоко вонзить острие.

Существо снова закричало на своем ветреном языке. Хвост по дуге поднялся к ее лицу, с колючего кончика уже капал парализующий яд. Кииньон протянул руку мимо ее плеча, поймав атаку своим одолженным темным мечом и отбросив шип, прежде чем он успел нанести удар. Кейя поблагодарила его, проведя свое собственное оружие, все еще погруженное глубоко в их врага, по всей длине его змеиного тела.

Фаэримм оторвался от ее клинка, отлетев на несколько футов назад. Кейя думала, что он телепортируется в безопасное место, пока темный меч Берлена не пролетел мимо и не расколол его на части. Он упал на землю грудой крови и внутренностей. Берлен протянул руку к мечу. Он поднялся из запекшейся крови и упал обратно в его руки, затем большая рука Кула схватила Кейю за пояс и вернула ее на прежнее место. Пора уходить.

Осознав, что сама ослабила хватку, Кейя потянулась к поясу Берлена, и тут услышала чей-то крик сверху.

— Кейя? — Голос был таким слабым и хриплым, что его невозможно было узнать, но он говорил по-эльфийски. — Неужели это ты?

Кейя посмотрела на долину и двумя террасами выше увидела полуистощенного разведчика лесных эльфов, выглядывающего через щель в разрушенной стене. На плечах и голове у нее был импровизированный маскировочный брезент, покрытый увядшими виноградными лозами, но Кейя видела достаточно лица разведчицы, чтобы сказать, что ее покрасневшие глаза были запавшими, как у банши, а губы потрескались и кровоточили от жажды. В сотне шагов позади нее смешанная компания бехолдеров и иллитидов спешила вниз по долине, чтобы исследовать.

— Время! — настаивал Берлен. — Держись крепче.

— Подожди! — позвала Кейя, направляясь к эльфийке. — Ей нужна помощь.

— Нет времени, — сказал Кул. Все еще держа ее за пояс, он поднял ее обратно на боевую площадь. — Мы убиваем и убегаем. Кейя попыталась вырваться, но хватка ваасанца была слишком сильной.

— Я не могу просто бросить ее!

— И ты не поможешь ей, убив себя, — сказал Кииньон. Обращаясь к боевому магу, он добавил:

— Доставь нас туда, и я...

Боевой маг произнес свое заклинание, ее живот поднялся к груди, и наступила холодная вечность падения. Мертвая тишина наполнила ее уши, и она почувствовала тошноту, затем она оказалась в каком-то не слишком отличном месте, земля все еще дрожала под ее ногами, а зловоние серы все еще жгло ее ноздри. Кейя почувствовала тяжесть темного меча в своей руке и, вспомнив последний раз, когда они телепортировались, начала размахивать. Ее меч не задел ничего, но знакомый эльфийский голос закричал:

— Что вы делаете, вонючие болваны? Держите свои клинки! Ваасанцы нахватались достаточно эльфийского, чтобы понять, что к ним обращаются, и Кейя оглянулась через плечо, чтобы увидеть измученную лесную эльфийку, уставившуюся на них. Несмотря на то, что эльфийка был изможденной, Кейя узнала карие глаза и лукавую улыбку купидона, как у любимого разведчика ее брата Галаэрона, Такари Лунноснежной. Лежа на земле, покрытая по плечи грязью и увядшими виноградными лозами, Такари выглядела так, словно выползала из-под земли, и это зрелище только добавляло смутнения Кейе после оцепенения.

— Такари? — Кейя ахнула. — Что ты здесь делаешь?

Грохочущее облако черного дыма появилось двумя террасами ниже и начало осыпать крошечные сферы магии. Когда шары падали на землю, они взрывались потрескивающими брызгами огня, молний или шипящего зеленого тумана. Кейя почувствовала, как ее колени ослабли, когда она поняла, как близко был удар, как близко *она* заставила его подойти, к брызгам заклинания.

— Хорошо, что ты пришла! — сказала Такари. Увядшие виноградные лозы откатились в сторону, и из-под маскировочного брезента появилась Такари. Она была защищена немногим больше, чем рваным кожаным костюмом, продырявленным в стольких местах, что его уже нельзя было назвать броней. И на ней не было никакой магии, ни сапог секретного прохода, которые давали всем рейнджерам, служившим Эвереске, ни даже пары наручей для отвращения заклинаний, ни одного из шлемов для защиты разума, которые Эвермит послал, чтобы вооружить эльфийскую армию. Кейя жестом пригласила Такари войти в группу, когда на них упало розовое сияние. Она повернулась и увидела розовый конус магического луча, освещающего их из большого центрального глаза бехолдера на следующей террасе. С бехолдером было еще полдюжины таких же, как он, и вдвое больше пожирателей разума.

— Клыки Ллос! — Кииньон выругался. — Через стену!

У Кейи не было возможности подчиниться. Кул уже поднял ее за пояс, обхватил рукой размером с ткаэрта и нырнул через стену. Кейя едва успела повернуть лезвие своего темного меча, прежде чем они опустились с другой стороны, Кул рухнул на землю словно роф, и Кейя приземлилась на него, легкая, как перышко. Берлен пронесся над их головами и рухнул рядом с ними грудой грохочущих доспехов.

— Не высовываться! — крикнул Кииньон откуда-то из-за ног Кейи. — Приготовь свои магические стрелы.

— Магические стрелы? — боевой маг ахнул. — Нам нужно уходить ... и немедленно!

— Делай что говорю! — приказал Кииньон. — Кул, Берлен, прикрывайте наши спины.

Кейе показалось, что лорд-командующий готовился к сдерживающим действиям, а не к быстрому отступлению, но, подойдя так близко к катастрофе всего несколько мгновений назад, она знала, что лучше не подвергать сомнению приказ. Она соскользнула с Кула как раз вовремя, чтобы не быть раздавленной, когда он перекатился на живот и пополз по террасе. Розовое сияние антимагического луча исчезло, и едкий запах каменной пыли начал наполнять воздух, когда бехолдеры провели своими лучами распада взад и вперед по стене. Кейя приготовила свои магические заряды, затем лежала, слушая шипение растворяющегося камня, ожидая

приказа Кииньона. Он, казалось, тянул целую вечность, хотя, возможно, так казалось только потому, что она знала, что фазриммы, которые напали на их предыдущую позицию, будут знать, где они находятся, и будут двигаться, чтобы атаковать.

Наконец, на удивление спокойным голосом, Кииньон сказал:

— Только бехолдеры. Три, два, сейчас.

Рассчитав свое движение так, чтобы она оказалась позади луча распада, Кейя выглянула из-за дымящейся стены и выпустила свое заклинание на второго бехолдера в очереди. Три золотые стрелы вылетели из ее пальцев, ударив в центральный глаз и заставив его взорваться кровавыми брызгами. Существо взвизгнуло от боли и принялось рассеивать лучи оставшихся глаз по всей длине стены.

Встав рядом с Кейей, Такари выпустила пять зарядов в первого бехолдера в очереди и убила его на месте. Кииньон и боевой маг уничтожили остальных существ, волшебник распределил свои атаки среди трех глаз-тиранов и не оставили ничего, кроме звездных вспышек красной крови, магия Кииньона четко разделила обе цели по центру.

— В укрытие! — приказал лорд-командующий. Кейя и Такари бок о бок упали за стену, а затем услышали, как позади них раздался душераздирающий взрыв огненной бури. Вспомнив, что у Такари не было магической защиты, Кейя повернулась, чтобы броситься перед лесной эльфийкой. Она обнаружила, что смотрит в горло огненной струи крошечных красных сфер. Горстка мерцающих сфер, их могло быть три или тринадцать, полетела по дуге в ее направлении, затем столкнулась с магией ее наручей, отвращающих заклинания, и отрикошетила в дымящуюся сеть пламени. Кейя легко приземлилась на бок и мгновенно поняла по запаху горелой кожи и обугленной плоти, что она не предотвратила попадание всех огненных шаров. Она вскочила на ноги лицом к направлению атаки, пытаясь через запах и догадки встать впереди раненой лесной эльфийки.

— Как ты там, сзади?

На террасе внизу она увидела пару фазриммов,двигающихся за полуразрушенной стеной напротив нее, уплывающих друг от друга, обнажая только руки и зубастые рты. Не было никаких признаков Берлена или Кула, хотя Кейя знала, что об этом лучше не беспокоиться. У ваасанцев была сверхъестественная способность оставаться невидимыми, даже на самой голой земле, пока они не нападут. Кейя думала, что это как-то связано с темными мечами, но если так, то это был трюк, которому Дексон еще не научил ее. Когда Такари не ответила, Кейя снова спросила:

— Ты там жива?

— Я что, похожа на мертвеца? — голос Такари был тонким от боли. — Как ты это делаешь?

— Что?

Волна пепла и пыли покатила по террасе в их сторону. Кейя знала, что, что бы ни случилось, она не сможет защитить Такари от этого, стоя перед ней. Кейя начала:

— На моем...

Далеко впереди нее Такари приземлилась на спину Кейи и просунула руку ей за воротник, чтобы удержаться. Кейя почувствовала, как другая рука безвольно повисла у нее на спине.

— Темный меч — сказала Такари. — Почему у тебя рука не замерзла?

Кейя взглянула на оружие в своей руке, но была избавлена от необходимости объяснять свои обстоятельства, когда волна прибыла с низким, едва слышным грохотом.

— Прыгай! — закричал Кииньон.

Кейя сделала три бегущих шага и прыгнула.

Хотя Такари была маленькой для лесного эльфа, а мышцы Кейи были закалены за полгода военной службы, она все еще не была достаточно сильной, чтобы нести их обоих на чем-то, что было почти на уровне ее груди. В последнюю минуту она решила, что ее единственная надежда – нырнуть. Волна подхватила Кейю чуть ниже бедер. Хотя наручи защищали ее от самой магии, инерция удара онемела в ногах и подбросила ее высоко в воздух. Рука Такари выскользнула, и зеленая эльфийка покатилась прочь. Мир пронесся мимо в кружащемся калейдоскопе голубого неба и почерневшей земли, серой стены террасы и мерцающего оранжевого мифала. Кейя почувствовала, как темный меч вылетел из ее руки, затем она рухнула на спину и почувствовала, как воздух покинул ее легкие в едином болезненном вое.

Откуда-то сверху донесся оглушительный грохот. Кейя вытянула шею и увидела, как стена, которую она только что покинула, взорвалась в воздухе. Она ошеломленно смотрела, как сухие камни, каждый размером с голову эльфа, отделились друг от друга и разлетелись в разные стороны. Когда камни, наконец, достигли вершины своих дуг, ей пришлось в голову, что то, что поднимается, обычно опускается, и что серые фигуры, быстро увеличивающиеся в воздухе, собирались обрушиться на нее. Кейя перекатилась на бок и обхватила голову руками, затем сосчитала один, два, три ближайших удара, прежде чем первый сокрушительный удар обрушился на ее наплечник. Плечо Кейи взорвалось в безвольной агонии, и только пальцы, сцепленные за ее шеей, помешали ей упасть и оставить ее голову открытой. Ее бедро заболело и стало бесполезным, когда в него ударил камень. Другой отскочил от ее спины и послал стрелы пульсирующего огня, стреляющие в ее виски и вниз к ногам. Она попыталась – безуспешно – не закричать и сказала себе, что боль – это хорошо, что, пока она может чувствовать, она все еще может идти, или бежать, учитывая, где они были. Кейя получила еще два удара: один по заду, другой по ребрам, прежде чем камни, наконец, перестали сыпаться. Ее отцу удалось вдолбить в нее достаточно тактического чутья, чтобы она знала, что фаэриммы не начали бы шоковую атаку, если бы они не намеревались последовать за ней быстрым наступлением, поэтому Кейя позволила себе только одну попытку втянуть воздух обратно в грудь – это было так же безуспешно, как и ее попытка перепрыгнуть волну, прежде чем она перекатилась на четвереньки и развернулась к нападавшим. Она нашла их на полпути через террасу, с их шипастых хвостов капал яд, а их зазубренные зубы показывались в улыбках поверх их слизнеобразных тел. Темного меча Дексона нигде не было видно, но Такари лежала в дюжине шагов дальше по террасе, извиваясь в болезненном оцепенении, одна голень была согнута под неправильным углом, и кости ее плеча виднелись сквозь дыру, которую первая атака фаэримма прожгла в ее броне. К

удивлению Кейи, потрепанная лесная эльфийка каким-то образом умудрилась выхватить меч и встать на колени. Фаэриммы не обратили на Такари никакого внимания, но это зрелище вдохновило Кейю протянуть руку и позвать темный меч, как учил ее Дексон, представив ощущение рукояти в своей руке. Мгновение спустя темный меч упал в руку Кейи откуда-то сзади. Всего в шести шагах от Такари фаэриммы остановились и начали свистеть друг другу на своем странном языке ветров.

— Такари, я прямо за тобой, — позвала Кейя. Она не двинулась к лесному эльфу, опасаясь подтолкнуть фаэриммов к действию. — Если ты сможешь вернуться ко мне.

— Да ... Я могу это сделать. — Голос Такари звучал странно издалека, и Кейя тихо выругалась, зная, что один из шипастых завладел разумом зеленой эльфийки. Где были ваасанцы? Они должны были защищать тыл ... И что делали Кииньон и боевой маг? На последний вопрос, по крайней мере, был дан ответ чередой мистических слогов и глубоким звоном, который всегда сопровождал призыв большого количества железа. Кейя обернулась и увидела что-то похожее на ржавое квадратное облако, трепещущее на террасе наверху. Она даже не заметила атакующих иллитидов, пока они не увидели тень, не подняли глаза и не начали кричать в панике. Стена рухнула мгновением позже, так близко, что Кейя почувствовала порыв вытесненного воздуха и услышала треск лопающихся черепов иллитидов. Горстка самых быстрых иллитидов избежала сокрушения и бросилась на боевого мага, их щупальца метались в его направлении, когда они пытались оглушить его своими ментальными взрывами. Атаки были не более эффективны против магической защиты разума его шлема, чем попытка фаэриммов сделать из него раба разума. Когда боевой маг поднял руки в их направлении, Кейя оглянулась на Такари и обнаружила ее в полудюжине шагов от себя, с мечом в руке, все еще поднимающуюся по террасе. Позади нее фаэриммы продолжали плыть, довольные тем, что лесная эльфийка выполняла за них их работу. Потревоженная их спокойствием, Кейя рискнула взглянуть в сторону Кииньона и обнаружила его в окружении трупов лемуров, без сомнения, вызванных фаэриммами, чтобы помешать ему использовать магию побега. Пока она смотрела, появилось еще три маленьких дьявола. С темным мечом, надежно спрятанным в ножнах, Кииньон уложил двоих ударом ноги и ударом кинжала, но третий убежал и сделал круг, чтобы напасть сзади. Кейя почти не сомневалась, что знаменитый магический клинок сможет отбросить его так же быстро, как и остальные, но стратегия фаэриммов работала. Магия перемещения была слишком сложной, даже для кого-то с его навыками, чтобы использовать ее в рукопашной, и у шипастых было больше бехолдеров и иллитидов, спешащих со всех сторон. Они должны были что-то сделать, и быстро. Кейя двинулась вперед, протягивая руку, как будто хотела помочь Такари подняться на ноги. Взгляд лесной эльфийки все еще был пустым, когда она протянула руку, чтобы принять руку Кейи, но ее меч остался у бедра, готовый нанести удар. Хватка Такари была холодной и липкой, когда она сомкнулась на руке Кейи. Что-то похожее на тревогу мелькнуло в глубине ее карих глаз, затем ее рука крепко сжалась. С удивительной для настолько избитой силой Такари дернула Кейю вниз. Клинок лесного эльфа описал плавную дугу, которая, если бы по пути не встретила темный меч Дексона, опустилась бы на шею Кейи. Как бы то ни было, темный меч рассек клинок Такари так же гладко, как и чешую фаэримма. Лезвие отлетело в

сторону, не причинив вреда, сверкнув, как форель в лесном ручье. Кейя уперлась ногой в грудь Такари и толкнула ее на землю, затем шагнула вперед и направила свой темный меч, вращаясь, в сторону ближайшего шипастого. Перед фаэриммом появилось три визжащих лемура. Они были мгновенно разрезаны пополам кувыркающимся лезвием, но служили своей цели, поглощая достаточно энергии, чтобы темный меч, вращаясь, упал на землю. Оба фаэримма повернулись, чтобы броситься за мечом, и тут позади них появились Берлен и Кул, поднявшись из-за дальней террасы, как воры, вышедшие из переулка. Они, как один, метнули свои мечи, застав изумленных фаэриммов настолько врасплох, что Кейя сомневалась, что существа поняли, что их убили. Шипастые просто опустились на землю в полудюжине ярдов от меча Кейи и лежали там с оружием ваасанцев в спине.

— Самое время, — сказала Кейя. — Почему так долго?

— Спор, — ответил Берлен. — Кул не считает, что мы должны использовать тебя в качестве приманки.

Он вернул свой темный меч в руку, и Кииньон, наконец, крикнул, чтобы они бежали. Кейя обернулась и увидела черный прямоугольник пространственных врат, мерцающий в воздухе рядом с ним. Она призвала к себе темный меч Дексона, затем осторожно убрала ногу с груди Такари и, посмотрев вниз, обнаружила, что эльфийка изучает ее с выражением крайнего изумления.

— С тобой все в порядке? — спросила Кейя. — Готова идти домой?

Такари кивнула, но, казалось, не могла отвести глаз от темного меча Дексона.

— Ты должна сказать мне, как ты можешь держать его!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ



17 Флеймрула, Год Дикой магии

Даже для драконов полет в Шейд был долгим. Галаэрон висел в лапах Малигриса всю ночь и весь следующий день. В сумерках он наконец увидел город, далекий алмаз сумрачной тьмы, низко плывущий над пурпурным зеркалом Озера Теней. Как всегда, он был окутан клочьями черного тумана, что придавало ему вид одинокой грозовой тучи или миража. Кружащиеся пятнышки сотен или около того стервятников кружились под ним, постоянно преследуя мусор, который дождем падал из его мусоропроводов. Были также более крупные точки, в форме крошечных крестов, которые кружили над городом в плотном строю патрулей везерабов. Малигрис поднял голову, и кожу Галаэрона внезапно начало покалывать, а волосы встали дыбом. В нескольких ярдах над его спиной раздался глубокий треск, и в воздухе заплескали серебристые вспышки. Он вытянул шею и увидел огромный шар голубой молнии, сверкающий в пустой клетке из ребер драколича. Малигрис открыл пасть, и молния выстрелила из его горла ослепительно белой вспышкой энергии, которая

заставила Галаэрона изо всех сил моргать, чтобы погасить свечение в глазах. Когда Малигрис объявил о своем триумфальном возвращении в Шейд, ужасное чувство страха и одиночества охватило Галаэрона. Его план был разумным, иначе Избранные никогда бы не согласились на эту попытку, но он также требовал больше сил, чем он был уверен, что у него есть, и жертв, которые не он один должен был принести. В последний раз, когда он видел Ариса, гигант висел на плечах, подбородок покоился на груди, а когти его похитителя глубоко вонзились в плоть. Учитывая жару Анаврока и отказ драконов остановиться за водой, были все основания полагать, что Арис будет страдать от солнечного удара в дополнение к тем травмам, которые он перенес во время захвата. Уже не в первый раз Галаэрон проклинал себя за то, что слушал Шторм. Он уже начал сомневаться, насколько отсутствие Ариса на самом деле вызвало бы подозрения шадоваров. Увидев, как бессердечно Избранные тратят смертные жизни, было легко поверить, что они рисковали жизнью его друга только ради скромной выгоды. Если Арис умрет во имя плана, решимость Галаэрона будет настолько ослаблена чувством вины, что он поддастся своей темной стороне. На самом деле, он начинал думать, что это было именно то, чего они хотели, что у них был какой-то другой секретный план спасения Фаэруна, который не включал спасение Эверески. Разве это не было бы похоже на Избранных? Возможно, они тихо заключили сделку с фазриммами, чтобы разрушить оборону города изнутри, чтобы шипастые могли атаковать снаружи и уничтожить их общего врага. Хорошо, что Галаэрон промолчал о послании от Малика. Маленький человечек еще может оказаться полезным. Когда они пересекли Озеро Теней, Шейд превратился из крошечного алмаза мрака в более туманную форму, которая могла быть одинокой грозовой тучей на грани взрыва или шлейфом пепла, дрейфующим по небу от какого-нибудь соседнего вулкана. Патруль всадников везерабов вышел и занял фланговые позиции по обе стороны, их нервные скакуны шипели и извергали черный дым, когда они чувствовали ауру страха, которая окружала всех драконов. Не обращая на эскорт никакого внимания, Малигрис продолжал лететь вперед, пока черная дымка не заполнила все небо впереди, затем он нырнул на дно облака и вошел в темную мглу. Оказавшись внутри облака, стал виден сам анклав – огромная опрокинутая вершина горы, испещренная служебными проходами и вентиляционными шахтами. Малигрис начал кружить вокруг скал опрокинутого пика по постоянно растущей спирали, его аура страха удерживала постоянно растущие колонии летучих мышей и птиц на осторожном расстоянии. Даже часовые с глазами цвета драгоценностей, которые постоянно стояли на страже из своих скрытых щелей, отпрянули назад, когда дракон прошел мимо. Хотя город можно было покинуть любым обычным мирским способом: полетом, магией перемещения, даже прыжком – кружение снизу было единственным способом войти. Даже тогда те, кто искал вход, должны были приходить только в сумерках, когда скрытый город ненадолго становился видимым. Любой другой подход привел бы несчастного путешественника через план тени к любому из тысячи планов, которых он коснулся. Галаэрон знал, что это была защита, которую шадовары считали неприступной для любой армии на Фаэруне, и которая заставляла их чувствовать себя достаточно неуязвимыми, чтобы относиться к остальному миру так, как ни один уважающий себя лорд не относился бы к своим собакам. Наконец, они приблизились к вершине горы, где большие Врата Пещеры уже были открыты, ее огромная пасть,

похожая на эбеновую пустоту, открывалась в еще более темную стену из черного камня. Малигрис, казалось, получал огромное удовольствие, расправляя крылья и хлопая по обеим сторонам портала пожелтевшими костяными наконечниками. Должным образом благоговейный шепот прошелестел в глубине пещеры, когда он резко остановился в задней части огромной Площади Маршалинга и рухнул с Галаэроном, пригвожденным к полу его огромными когтями. Пара подобных ударов, раздавшихся ближе ко входу в пещеру, подтвердили, что спутники драколича приземлились позади них.

Удерживая Галаэрона так крепко, что его лицо царапнуло об пол, Малигрис толкнул его вперед.

— Я приношу дары, соответствующие моему великолепию, — сказал Малигрис. Его тон был на удивление почтительным, по крайней мере для драколича. — Вот теплокровные, которых ты искал.

— Вижу. — Голос был свистящим и всепроникающим, как шепот, доносящийся в пещеру из какого-то отдаленного прохода. — Меня не должно удивлять, что драконье племя преуспело там, где мои собственные принцы потерпели неудачу. Тебе следует сделать комплимент, Малигрис. Это просто превосходно.

Говорившим был Теламонт Тантул, Высочайший Шейда и отец Тринадцати Принцев. Но даже если бы повелитель теней не заговорил, Галаэрон почувствовал бы его присутствие в холодной тишине воздуха, и в холодном страхе, который держал пещеру в своих объятиях. Даже Малигрис, которому, как Синему Суверену Анаврока, не нужно кланяться никому другому, склонил череп в знак уважения. Без каких-либо подсказок вслух драколич заговорил снова.

— Конечно, все пошло так, как я и предполагал. Двуногие прятались в моей тени, а те, кого мы искали, бежали в лес.

Драколич уколол Галаэрона кончиком когтя и добавил:

— Хотя эти млекопитающие думали скрыть гиганта своим жалким волшебством, они были глупцами. Их магия не имеет ничего общего с моей, и простая попытка показала нам, кого мы искали.

Желудок Галаэрона внезапно похолодел и его затошнило, и это было связано не столько с Избранными, которых несли в нем, сколько с простым страхом. Если сила воли Теламонта могла справиться даже с силой воли драколича, то какие шансы у Галаэрона скрыть свое предательство? Когда внимание Высочайшего обращалось на него, истина становилась слишком долгим вздохом, и чем сильнее он пытался удержать ее внутри, тем отчаяннее ему хотелось ее выпустить. Его единственным шансом было признаться во всем и заявить, что план был идеей Шторм, что Избранные вынудили его...

“Нет.”

Это говорила его тень. Эта идея пришла ему в голову так легко, казалась такой естественной, что он почти принял ее как свою собственную. Но если он предаст Избранных, то предаст и своего верного друга Ариса, и эта мысль послужила спасательным кругом, возвращающим его к истинному я. Высочайший продолжал молчать, и из уст драколича полилось еще больше слов.

— У моих почитателей есть шпионы в каждом городе Фазруна, — продолжил Малигрис. — Когда они сообщили моим жрецам, что великан продает всю свою резьбу по камню, я знал, что те, кого вы хотите, скоро покинут город.

— Как и мы, — ответил Теламонт. Его голос был холоден и спокоен. — И все же ты действовал, в то время как мои сыновья планировали и волновались. Шейд у тебя в долгу.

— Действительно, — произнес шелковый голос, в котором Галаэрон узнал голос Идера Тантула, Шестого Принца Шейда, — но удивительно, как легко эта «тайна» была раскрыта. Наши агенты наблюдали, как они покидали Арабель. Начало бунта нищих не кажется очень скрытным способом покинуть город.

— Ты бросаешь мне вызов, шейд? — В голосе Малигриса послышался тревожный треск, и Галаэрон был почти раздавлен, когда драколич переместил свой вес вперед. — Из вежливости к твоему лорду, — продолжил драколич, — на этот раз я стерплю твое оскорбление. Но твоя вонь меня оскорбляет. Уйди.

— *Уйти?* — Идер кипел от злости. Галаэрон пожалел, что не может дотянуться до маленькой пилюли, которую дала ему Аластриэль. Даже драколич не разговаривает с принцем Шейда в такой манере, и он подумал, что предстоящая стычка может стать как раз тем развлечением, в котором он нуждался, чтобы извергнуть Избранных и сбежать в город. Но Идер больше ничего не сказал, и через мгновение, уставившись в пол сквозь когти Малигриса, Галаэрон понял, что принц действительно ушел.

— Идер не хотел обидеть, Могучий, — сказал Теламонт мягким и почти гипнотически успокаивающим тоном. — Ему всего несколько столетий, и он еще не способен оценить всю глубину хитрости дракона. Он благоговеет перед твоим великолепием.

— Тогда мне будет приятно оставить его в живых, — ответил Малигрис. — Считаю это подарком.

— Ты оказываешь мне слишком большую честь, друг мой. Есть ли подарок, который ты хочешь получить взамен?

Воздух стал холодным и неподвижным, как лед. Подол темного одеяния Теламонта – всё, что Галаэрон мог видеть от повелителя теней – поплыл вперед.

— Нет ничего — сказал Малигрис. — Честь твоей дружбы – это все, чего я добиваюсь.

— Она у тебя есть.

Между парой воцарилось выжидательное молчание, затем Малигрис, наконец, сказал:

— Но Техора предъявляет ко мне требования.

— А кто такая Техора?

— Новенькая, посланная Культom Дракона, — объяснил Малигрис. — Я упоминаю об этом только потому, что ее просьбы часто мешают нашей дружбе.

— Это уже седьмой раз за много десятидневок, — ответил шейд. Это была констатация факта. — Можно подумать, что ты просто пытаешься избежать сделки, заключенной с Культom Дракона.

— Вряд ли я виноват в том, что жрецы, которых они посылают, все грубые и глупые, — пророкотал Малигрис. Его когти сжались так, что Галаэрон невольно застонал. — Должен ли я терпеть неумелость среди моих слуг?

— Не больше, чем я. — Тон Теламонта был почти смиренным. — Идер позаботится о ней. Это будет его искупительный дар тебе. Какую защиту она носит?

— Только обычные защитные амулеты, — сказал Малигрис, поднимая свой коготь и освобождая Галаэрона, — и это млекопитающее даже не так сильно, как другие. В культе начинают заканчиваться жрецы.

— Это было бы хорошо, — сказал Теламонт. — Не то чтобы я когда-либо был недоволен великолепием *твоих* даров, Малигрис.

Драколич развернулся с громким стуком костей, едва не раздавив Галаэрона небрежно поставленной задней ногой и опрокинув своим длинным хвостом дюжину телохранителей Теламонта.

— Как ты мог? Они от дракона! — Малигрис подпрыгнул в воздух и покинул Площадь Маршалинга над головами двух своих помощников. Теламонт жестом приказал принцу Кларибернусу присматривать за Галаэроном, затем обменялся подарками с двумя другими драконами, пообещав подорвать стены раздражающего замка для того, кто захватил Ариса, и перенаправить караванную тропу ближе к логову другого. Когда соглашения были заключены, у Галаэрона был шанс увидеть, что, хотя Арис не получил ран хуже, чем проколы когтями в плечах, жара и жажда взяли свое. Великан лежал на полу в полубессознательном состоянии, с остекленевшими глазами, раскрасневшимся лицом и конечностями, белыми, как мел. Его руки дрожали, а дыхание было быстрым и неглубоким.

— Арису нужна вода, — сказал Галаэрон. Он с удивлением обнаружил, что его собственное горло распухло и саднило от жажды. У нас ничего не было со вчерашнего вечера, и пустыня...

— Он может подождать, — ответил Кларибернус. — После тех неприятностей, которые вы нам причинили, я надеюсь, он подавится своим языком.

— Я уверен, что это сделает Высочайшего очень счастливым, — мяукнул знакомый голос. — Особенно после того, как он всё это время ждал, когда ты их вернешь.

Приземистая фигура Малика эль Сами ин Насера протиснулась между талиями Кларибернуса и Бреннуса и появилась в поле зрения. Одетый в серую тунику с накидкой из черной тени сверху, он казался невольной пародией на внушительные формы двух принцев, особенно с его усталыми, налитыми кровью глазами и оленьими рогами, гордо выставленными на макушке. Малик повернулся и крикнул между Кларибернусом и Бреннусом:

— Идите и принесите несколько бочек воды, и поторопитесь. Если великан пострадает, я позабочусь о том, чтобы у Высочайшего были ваши головы.

К изумлению Галаэрона, половина отряда повернулась и поспешила подчиниться. Любые сомнения в том, что Малик хотел заманить Галаэрона в ловушку, сразу же исчезли.

— Я вижу, ты смог подняться в иерархии, — сказал Галаэрон.

— Не благодаря тебе.

Маленький человечек вышел вперед и, отбросив в сторону черную пику, которую Кларибернус выставил, чтобы не подпустить его слишком близко, встал над Галаэроном.

— Как ты мог оставить Валу так долго страдать? Из-за твоей жестокости меня чуть не убили!

Отложив на время вопрос о том, как одно может быть связано с другим, Галаэрон спросил:

— Значит, она все еще жива? Из пророчества я услышал...

Кларибернус использовал пику, чтобы оттолкнуть Малика.

— Не место этой ящерице обсуждать рабыню принца.

Малик пожал плечами, развел руками и сказал:

— Он прав. Возможно, если ты угодишь, Высочайшему, он вмешается и позволит тебе увидеть своими глазами все ужасные вещи, которые Эсканор делал, навещая ее по ночам.

Галаэрон улыбнулся бы сообразительности Малика, если бы сам ответ не наполнил его голову таким количеством ужасных образов. Кости в его сломанной руке начали пульсировать, и он подумал о багровом пятне, оставленном на ней Дав, и о том, как он объяснит это Теламонту Тантулу. Принесли воду, и, не оставив ее для Галаэрона, Малик повелел солдатам нести ее своему другу Арису. Кларибернусу, казалось, доставляло удовольствие наблюдать, как Галаэрон облизывает губы, наблюдая, как маленький человечек поит великана. Наконец, Теламонт Тантул вернулся от своих подарков и, увидев, к чему приковано внимание Галаэрона, жестом приказал ему встать.

— Пойдем, ты, должно быть, тоже хочешь пить и интересуешься состоянием своего друга.

Он подождал, пока Галаэрон встанет, затем положил ледяной рукав на плечи Галаэрона и направился к гиганту.

— Я сожалею о трудном путешествии, — продолжил Теламонт. — Я намеревался привезти тебя сюда более приятным способом, но ты же знаешь драконов. ... Я боюсь, что Малигрис и его спутники, возможно, были несколько грубее с вами, чем это было необходимо. Тот молодой синий, которого ты убил в Сайяддаре?

Галаэрон кивнул, с трудом веря, что Высочайший говорит с ним так, словно он только что вернулся из короткой поездки за пределы анклава.

— Это был один из его детей, — объяснил Высочайший, когда они подошли к Малику и бочонкам с водой и остановились. — По правде говоря, тебе повезло, что ты вообще добрался сюда. Они продолжали давать нам бехолдеров и асаби и требовали, чтобы мы помогли выследить убийц.

В горле у Галаэрона пересохло еще сильнее. Синие драконы не были особенно ориентированы на семью, но он достаточно говорил с ними, служа вдоль Южной Границы Пустыни, зная, что это оскорбляет их чувство величия, когда теплокровный убивает змея их собственной линии.

— Тогда я бы сказал, что нам очень повезло, — сказал он.

— Мы кое о чем договорились, — сказал Высочайший. Он поднял пустой рукав и вытащил из тени черпак черного дерева, затем наполнил его водой и передал Галаэрону. — Они действительно не могут отличить запах одного лунного эльфа от запаха другого, и это было простое дело – однажды ночью протащить шкуру в лагерь. Галаэрон обнаружил, что вода течет не в то горло, и поперхнулся, разбрызгивая ее конусом серебристых капель.

— Не может быть!

— Какой выбор ты мне оставил? — сказал Теламонт. Его голос приобрел ту холодную ровность, которую он приобретал всякий раз, когда пытался сдержать свой гнев. — Они продолжали приносить подарки, и я с трудом мог сказать им, что это не ты.

Галаэрон посмотрел на пустой ковш и подумал, осмелится ли он наполнить его снова. Попробовав воды, он не мог думать ни о чем, кроме своей жажды, но он видел Теламонта в таком настроении и знал, как рискованно было осмелиться в его присутствии. С другой стороны, чего ужаснее собирался сделать Высочайший? Конечно, не убить его, и может быть вывести его из себя может облегчить Галаэрону сопротивление его воле. Он снова наполнил ковш и выпил.

Теламонт наблюдал, его платиновые глаза горели яростью, но его пустые рукава спокойно сложились перед ним. Когда Галаэрон закончил, он спросил:

— Лучше?

Галаэрон встретился взглядом с повелителем теней и причмокнул губами.

— Выпей еще.

Теламонт взял ковш и снова наполнил его, затем передал обратно и сказал:

— Я настаиваю.

Галаэрон поймал себя на том, что глотает воду, как пьяница, нарушивший долгое воздержание. Как только ковш опустел, Теламонт взял его и снова наполнил.

— Вы покинули Арабель с караваном, направлявшимся в Ириебор, не так ли?

— Это так, но мы направлялись в Эвереску.

Галаэрон быстро солгал, пытаясь выговориться до того, как воля Теламонта начнет давить на него и заставлять говорить правду. — Присоединиться к борьбе с фаэриммами.

Теламонт передал ковш обратно Галаэрону, и снова он поймал себя на том, что глотает жидкость, как будто она может испариться, прежде чем он успеет закончить.

— Это то, что предположили наши агенты, и все же точка зрения Идера беспокоит меня. Что он сказал?

Прежде чем Галаэрон успел ответить, в темноте за спиной Теламонта появилась пара желтых глаз.

— То, что начало бунта нищих не кажется очень хорошим способом улизнуть из города. Изможденное лицо Идера обрело форму вокруг его золотых глаз, затем он вышел из тени и встал рядом с отцом. — Мне также показалось странным, — добавил Идер, — что они объявили о своем уходе, продав все работы гиганта.

Идер взглянул на Ариса, который лежал, растянувшись на спине, не замечая окружающего, а Малик стоял на коленях верхом на его груди, капая ковшами воды на его потрескавшиеся губы.

Теламонт снова наполнил пустой ковш Галаэрона, и Галаэрон начал глотать его. Он больше не испытывал жажды, он уже чувствовал, как Аластриэль и Дав хлупают внутри, ударяясь о стенки его желудка, но он не мог удержаться, чтобы не проглотить его, как и все остальные. Если бы им понадобились деньги для путешествия, — продолжал Идер, — я бы списал это на необходимость.

— Но если им нужны были монеты, зачем отдавать их нищим? — спросил Кларибернус. — Что-то здесь воняет, как в серных ямах Карцери.

Теламонт снова наполнил ковш. Хотя желудок Галаэрона уже так раздулся, что болел, он обнаружил, что тянется к нему.

— Звучит странно, не правда ли?

Высочайший убрал его руку и спросил:

— Может быть, ты потрудишься объяснить?

И снова Галаэрон заставил себя солгать, прежде чем воля Теламонта смогла заставить его сказать правду.

— Статуи дали больше, чем мы ожидали. Его пальцы коснулись ручки ковша, но Теламонт не позволил ему взять его.

— Правда? — спросил Теламонт.

Он отпустил ковш, и Галаэрон начал вливать еще воды в свой раздутый живот. Ему уже было больно, но разум настаивал, что он так же хочет пить, как и раньше. О том, чтобы остановиться, не могло быть и речи.

Теламонт подождал, пока Галаэрон закончит, затем снова наполнил ковш и поставил его перед собой. Хотя Галаэрону казалось, что он в любой момент может выблевать то, что уже проглотил, и пролить Аластриэль и Дав к ногам Высочайшего, он хотел этой воды. Он жаждал этого так же, как жаждал прикоснуться к Теневому Плетению, как задыхающийся человек жаждет воздуха.

— Их было слишком много, — сказал Галаэрон. — Мы не могли их нести.

Теламонт продолжал держать ковш подальше, но молчал. Его воля начала давить на Галаэрона, и на этот раз Галаэрон мог думать только о том, как он хотел пить, пересекая пустыню, и как сильно он хотел этой воды, о том, как сильно у него уже болел живот, о том, как хорошо будет, когда он выпьет последний ковш и, наконец, насытится настолько, что ему придется поднять все, что он проглотил. Он услышал, как говорит:

— Кроме того, принц Идер прав. Мы хотели, чтобы нас схватили.

Это вызвало ухмылку у Идера и вспышку интереса у Высочайшего. Теламонт позволил Галаэрону взять ковш, затем с фиолетовой тенью улыбки наблюдал, как содержимое исчезло в горле эльфа. Галаэрон почувствовал, как вода хлещет ему в горло, а челюсти начали болеть. Теламон взял ковш и снова наполнил его, и Галаэрон обнаружил, что его рука снова потянулась к нему. Теламонт отодвинул ручку и промолчал. Тяжесть его воли была сокрушительной, и Галаэрон не мог думать ни о чем, кроме ноющих челюстей, раздутого живота и непреодолимой жажды.

— Мы пришли, чтобы спасти Валу, — сказал он.

— Вот видишь? — Малик поднялся и соскользнул с груди Ариса, разбрызгивая воду во все стороны, размахивая своим ковшом. — Мой превосходный план сработал!

Теламонт молчал и продолжал держать ковш вне досягаемости. Галаэрон почувствовал, как воля повелителя теней давит на него, пытаясь выдавить из него остальную часть правды. Он стиснул зубы и думал только об Эвереске и своем верном друге Арисе, о том, как великан и Избранные так рисковали, чтобы помочь, и в этом была его ошибка. Темный голос возник внутри него, напоминая ему о крови на руках Избранных, говоря ему, что им нельзя доверять, шепча о необходимых компромиссах и тайных сделках с фаэриммами. Рот Галаэрона начал открываться, и ему показалось, что он принадлежит кому-то другому, темному существу внутри.

И Малик был на стороне Высочайшего.

— Все, что я захочу, — сказал он. — Такова была наша сделка.

— Если *ты* приведешь мне Галаэрона Нихмеду, — сказал Теламонт. — Насколько я помню, это сделал Малигрис.

Тяжесть его воли уменьшилась, и рот Галаэрона снова стал его собственным.

— Это *мое* сообщение, выманило его, — сказал Малик. — Если бы я не послал ему весточку, чтобы он пришел и спас Валу, он все еще прятался бы от твоей магии в своем арабельском убежище.

— Будь осторожен с теми, с кем споришь, малыш.

Теламонт отвлекся достаточно, чтобы позволить ковшу дрейфовать в пределах досягаемости. Все еще охваченный жаждой, Галаэрон схватил ручку и начал пить ... и понял, что его желудок достиг своего предела. Даже когда он осушил последнее его содержимое, его начало тошнить.

— Это не какой-нибудь блошинный рынок в глухом переулке, — продолжал Теламонт, не обращая внимания на дискомфорт Галаэрона. — И я не торгую безделушками.

— И я не какой-то идиот-дракон, которого можно подкупить твоими невыполненными обещаниями, — парировал Малик.

Это было слишком для Высочайшего. Рукав Теламонта рванулся в сторону Малика, и маленький человечек отлетел в тень. Три удара сердца спустя из темноты высоко под сводчатым потолком раздался громкий стук. Потом послышался долгий вздох, и из темного угла донесся более мягкий стук. Галаэрон осушил последние капли в ковше и почувствовал, как содержимое его желудка начинает подниматься. Понимая, что с рефлексом собственного тела бороться бесполезно, он отбросил ковш в сторону и закрыл рот обеими руками, а затем начал лихорадочно искать место, в котором он мог бы изгнать Избранных, там где Высочайший и его принцы не увидят. Удара, который Теламонт нанес Малику, было бы достаточно, чтобы убить большинство людей, не говоря уже о столкновении со стеной, которое последовало за этим, или о долгом падении, которое последовало за ним. Тем не менее, даже когда Галаэрон протискивался мимо Кларибернуса, зажав рот обеими руками, Малик, прихрамывая, вышел из темноты, подняв одну невероятно вывернутую руку в направлении Галаэрона.

— Спроси его, — сказал Малик. — Спроси его, не получил ли он от меня сообщения о том, что жизнь Валу в серьезной опасности, и не позволил ли он схватить себя, чтобы спасти ее жизнь.

На мгновение воцарилась тишина, затем Теламонт сказал:

— Как пожелаешь ... но я предупреждаю тебя, мое терпение на исходе.

Галаэрон почувствовал, как на него наваливается знакомое бремя, но на этот раз Высочайшему придется проявить терпение. К тому времени Галаэрон склонился над ногой Ариса, извергая водянистый поток между коленями гиганта. Он увидел, как пара серебристых вспышек вспыхнула и исчезла в тени под огромными бедрами Ариса. Его по-прежнему рвало вонючей желчью, и тяжесть воли Теламонта исчезла.

— Думаю, мы пока оставим этот вопрос без ответа, Малик. — Высочайший звучал немного приторно. — Факт возвращения Галаэрона имеет большее значение, чем то, кто несет за это ответственность. Назови свою цену, но не предполагай слишком многого.

— Мне? Предполагать слишком многого? — Восторг Малика был очевиден даже по звуку продолжающейся рвоты Галаэрона.

Маленький человечек на мгновение задумался, а затем сказал:

— Я не из тех, кто просит много, э-э, гораздо больше, чем, как мне кажется, я могу получить. Все, что мне нужно – это мой друг Арис.

— Великан? — спросил Теламонт. — Ты хочешь, чтобы я сохранил ему жизнь?

— Да, именно этого я и хочу, — сказал Малик. — И чтобы он был моим рабом, так как я очень уверен, что вы не хотите, чтобы он снова свободно разгуливал по вашему городу ... и так как его статуи принесут еще большую прибыль, если мне не нужно будет делиться.

— Понимаю. — Теламонт начал хихикать. — Ты можешь иметь гиганта рабом, а вместе с ним и ответственность за то, чтобы твой раб не причинил вреда Шейду.

Галаэрона наконец перестало рвать. Вытирая рот, он обернулся и увидел очень потрепанного Малика, стоящего в нескольких шагах от него и осматривающего гиганта с головы до ног.

Холодный рукав опустился на плечо Галаэрона, и он повернулся, чтобы найти Теламонта, стоящего рядом с ним.

— Пойдем, Галаэрон, вернемся во дворец, — сказал Теламонт, ведя эльфа к мрачному выходу с Площади Маршалинга. — После такого трудного путешествия, я уверен, ты, должно быть, умираешь с голоду.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ



1 Элеасиаса, Год Дикой магии

Ни один молот никогда не был таким тяжелым в руке Ариса, ни один камень не был таким неподатливым, ни одна работа не была более вынужденной. Он стоял у Черного Портала внутри новой церкви своего хозяина, Храма Единого и Всего Малика, вырезая трехуровневый рельеф с изображением солнца и черепа Цирика над входом. Это была небрежная фигура без сердца, и, учитывая яйцевидную корону, окружающую череп, она была сильно испорчена. Он говорил себе, что таков результат рабского труда, когда художника заставляют исполнять чье-то видение, но он знал, что это не так. Правда заключалась в том, что ему не хватало сил. С тех пор как он прибыл в Шейд, не было ни одной возможности изгнать Хелбена, Лаэраль и Шторм из своего желудка, он отказался есть, и долгое голодание оставило его слишком слабым, с затуманенными глазами и головокружением, что мешало хорошо работать. Охранники Ариса, трое из дюжины воинов Шадовар, нанятых Маликом, чтобы постоянно следить за ним, издавали снизу одобрительные возгласы. Как и большинство их товарищей, эта троица действовала скорее, как помощники, чем хранители, передавая ему инструменты и бегая за бочонками с водой, когда ему

хотелось пить. Они также хвалили все, что он делал, даже формы, которые он делал перед началом новой работы. Арис не знал, было ли это то, что они действительно чувствовали, или то, что Малик поручил им сделать в надежде сделать его счастливым и продуктивным. В любом случае, обожание стало настолько нелепым, что формы должны были начать исчезать, когда он заканчивал с ними. Он начал разбивать черновики, прежде чем выбросить их, чтобы охранники, или, что более вероятно, Малик, не продали их как оригиналы Ариса. Даже у рабов были свои стандарты. Наконец он вернулся в притвор, чтобы изучить свою работу, и ударился головой о ребро сводчатого потолка. У него закружилась голова, и ему пришлось прислониться к колонне. Его молот, который он даже не заметил, как уронил, с грохотом упал на пол, и кусок мрамора размером с коршуна полетел вниз по галерее. Охранник выглянул из-за колонны, за которой он нырнул в укрытие, его сапфировые глаза сияли, как голубые звезды на темном лице.

— Арис? — Тонкий голос принадлежал Амарарлу или Гельтезу, Арис никогда не мог отличить одного шадовара от другого. — С тобой все в порядке?

Арис кивнул, но продолжал стоять, прислонившись к колонне.

— Ты уверен?

Этот охранник был достаточно смел, чтобы подойти к колену Ариса и спросить:

— Тебе нужен бочонок воды?

— Нет, я в порядке.

Он махнул свободной рукой в направлении рельефа с изображением солнца и черепа и сказал:

— Хотя по этому трудно сказать.

— О чем ты говоришь? — спросил первый охранник. — Это не совсем красиво, но убедительно, *очень* убедительно. И эти пустые глаза ... — Он вздрогнул. — Я почти вижу, как в них горят темные солнца.

Арис оттолкнулся от колонны и наклонился вперед, изучая глазницы.

— Вы не думаете, что левый глаз имеет грушевидную форму? — спросил великан.

Охранник вытянул шею, изучая темный знак.

— Может быть, немного.

— Или другой слишком большой? — спросил Арис.

— Больше, чем тот, другой — сказал третий охранник. — Но это только усиливает эффект. И утверждает его во времени.

— Во времени? — Арис нахмурился. — Каком времени?

— Времени твоего рабства, — сказал первый охранник. — В то время как твое превосходство в деталях ускользнуло под давлением Малика. Широко известно, что в условиях рабства твоя работа подняла мрачность до уровня возвышенного.

— Среди принцев идут ожесточенные споры о том, лучшая это твоя работа или худшая, — сказал второй стражник.

— Высочайший еще не издал указа.

— А ты как думаешь? — спросил третий. — Было бы интересно услышать мнение художника.

— По-моему, ваши принцы ничего не смыслят в искусстве, — проворчал Арис. Он начал было доставать свой молот, но вдруг понял, что есть причина, по которой его хранители вели себя скорее, как помощники, чем охранники. Пытаясь подавить

улыбку, он положил руки на колени и наклонился, чтобы говорить спокойно. — Но я польщен тем, что вы так высоко оцениваете мою работу.

— В самом деле, — сказал первый. — Если бы не возможность понаблюдать за тобой, думаешь, кто-нибудь стал бы работать за то, что готов заплатить Малик?

Теперь Арис действительно улыбнулся. — Так вот почему вы брали мои формы?

— Не совсем так.

Охранники нервно переглянулись, затем второй продолжил:

— Мы взяли немного для себя - это единственный способ, которым кто-то ниже, чем лорд, может позволить себе твою работу, но Малик потребовал больше всех.

— Он предлагал их в качестве подарков всем, кто присоединился к его церкви, — сказал третий охранник.

— Почему я не удивлен? — Арис зарычал. — После всего, чему я его научил, он знает, что лучше не показывать черновики!

Шадовары обменялись улыбками, а затем первый сказал:

— Он, конечно, знал, что тебе не понравится то, что он делает. Видел бы ты его лицо, когда мы сказали ему, что ты начал их ломать.

— Я думал, у него глаза вылезут из орбит, — усмехнулся второй. — Он на самом деле бился об пол в ярости.

— Да, мне бы хотелось на это посмотреть.

Из всех предательств, которые Малик совершил по отношению к нему, Арис считал распространение своих форм-черновики худшим. Но у него были более насущные проблемы, о которых нужно было беспокоиться, а именно найти несколько минут уединения, чтобы проглотить пилюлю Шторм и освободить Избранных прежде, чем он умрет от голода. Опустившись на колени, чтобы говорить еще тише, он пристально посмотрел на первого охранника, который, казалось, был более или менее лидером этой троицы.

— Гельтез, несправедливо, что Малик так много получает от моей работы, — сказал Арис, — в то время как он платит тебе жалованье, на которое толком нельзя прожить.

— Амарарл, — поправил охранник. Он пожал плечами. — В этом мире есть много несправедливых вещей.

Арис внутренне поморщился и заставил себя продолжать в небрежной манере.

— Это так, но также верно и то, что друзья должны делать все возможное, чтобы сделать мир лучше друг для друга. Я думаю, что сделаю по статуе для каждого из вас, если вы этого хотите.

У всех троих открылись рты.

— Нет ничего, чем бы я дорожил больше! — выдохнул Амарарл.

— Это правда, что говорят арабелы, — добавил второй стражник. — Твое сердце такое же большое, как и ты сам. третий охранник не проявил такого энтузиазма.

— А что сказал бы Малик?

— Малик может владеть мной, но моя работа принадлежит мне.

— Я уверен, что он думает иначе, — сказал третий охранник. — И Высочайший согласился бы. Все, что делает раб, принадлежит хозяину. Это закон столь же древний, как и сам Шейд.

— Как жаль, — тяжело вздохнул Арис. — Это странный закон. Ни один великан никогда не почтил бы его.

Арис оставил заявление висеть и поднял свой молот, но продолжал стоять на коленях на полу и делал вид, что изучает свою работу. Точно так же, как он учил Малика основам скульптуры, Малик научил его принципам ведения переговоров. Если его план должен был увенчаться успехом, он знал, что охранники сами должны будут предложить критический незаконный шаг. Прошло всего мгновение, прежде чем первый охранник, Амарарл, повернулся к третьему.

— Малику не обязательно знать, Карбэ.

— Конечно, он должен знать, — сказал Карбэ, его янтарные глаза вспыхнули гневом. Он – Серафим моего лорда Цирика, Единого и Всего! Мы не могли обмануть его больше, чем Высо...

Возражение оборвалось, когда кончик кинжала, он принадлежал второму стражнику, Гельтезу, вырвался из груди Карбэ. Арис вскрикнул от шока, но Амарарл отреагировал, зажав рукой рот умирающего шадовара и толкнув его обратно на клинок нападавшего. Гельтез закончил убийство быстрым движением туда-сюда, затем вытащил оружие и позволил своей жертве рухнуть на землю.

— Я так устал слушать всю эту болтовню о «Едином», сказал Гельтез. — Он собирался сделать меня сумасшедшим, как его бог.

Амарарл пнул труп, чтобы убедиться, что он мертв, затем кивнул, посмотрел на Ариса и сказал:

— Я думаю, мы можем что-нибудь придумать.

Арис не мог оторвать взгляда от трупа. Хотя он видел много смертей в бою, это был первый раз, когда он присутствовал при... нет, был *вовлечен* в убийство.

— Ты убил его! — Ахнул великан.

— Не беспокойся о нем, Арис. — Гельтез склонился над телом и вытер кинжал о плащ. — Он обратился. Это не меньше, чем он заслужил.

— Обращился? — Спросил Арис. — Во что?

— Это не важно. Итак, чего же ты хочешь? — спросил Амарарл. — Возможно, мы этого не сделали...

Их прервал приглушенный голос кого-то, приближающегося к Черному Порталу.

— Как вы можете видеть, принц, — говорил Малик, — все скульптуры делает мой раб, Арис, когда он, конечно, не занят своими статуями.

Амарарл и Гельтез переглянулись, их глаза цвета драгоценных камней вспыхнули тревогой.

— *Принц?* — произнес Гельтез одними губами.

Их взгляды опустились на труп между ними, и Амарарл произнес какое-то проклятие, которого Арис не понял.

— И если вы решите стать членом Храма Единого и Всего Малика, — продолжал Малик, — вы получите скидку в четверть цены на любую из работ Ариса, которую захотите купить.

Через портал донесся звук шагов Малика, шаркающих по лестнице. Арис выглянул наружу, но увидел только мрачные фасады зданий на другой стороне площади.

— Скидка? — Это был слабый голос принца Идера. — Это не кажется большим подарком за престиж, который я принес бы, обратившись.

Гельтез схватил Карбе за руки и начал тащить его прочь, но растекающаяся лужа крови делала тщетной любую надежду скрыть труп. Арис толкнул тело обратно на пол, затем жестом отодвинул двух шадоваров в сторону.

— Конечно, скидка предоставляется только на покупки, сделанные *после* того, как вы станете поклонником Единого. — Голос Малика стал более отчетливым, когда он приблизился к верхней ступеньке лестницы. Как только вы объявите о своем обращении, я с удовольствием подарю вам любую работу, которую вы пожелаете.

— Вы слишком добры. — Голос Идера был еще более холодным и свистящим, чем обычно. — Я с нетерпением буду ждать экскурсии по мастерской Ариса.

Снаружи как раз показалась корона на голове принца. Арис встал и бросил свой молот на Карбэ. Он ударился с оглушительным глухим стуком, уничтожив все доказательства убийства в брызгах крови и костей. Разговор снаружи затих.

Арис упал с грохотом, гораздо более громким, чем звук, издаваемый молотком, затем обхватил голову руками. Не было нужды притворяться, что у него кружится голова. Его голова уже кружилась от того, что он поднимался и опускался слишком быстро. Малик бросился через Черный Портал. За ним по пятам следовал Идер, а за ним – дюжина сопровождающих в золотых доспехах. Все взгляды мгновенно упали на беспорядок под молотом Ариса.

— Что это я вижу? — Малик ахнул.

Гельтез быстро ответил:

— Это сделал Арис!

Арис оглянулся и увидел, как шадовар, дрожа от страха перед Идером, вытаскивает меч.

— Да, именно это и произошло. — Амарарл подошел к Арису с другой стороны. — У него закружилась голова, и он уронил молот. Случилось так, что он приземлился на Карбэ. — Так?

Малик изучал беспорядок под каменным молотком и лужу крови, растекающуюся по темному полу. Когда он увидел обломок, который Арис вытащил ранее, он прошел через притвор, выпучив глаза и помахивая пальцем.

— Посмотри, что ты сделал с моим полом, неуклюжий великан! Он остановился и встал в углублении. — Если бы ты ел, как я приказал, у тебя хватило бы сил держать свои инструменты!

Идер и его сопровождающие последовали за Маликом через притвор.

— Арис не ест? — Спросил принц.

Малик съежился от своего промаха, затем повернулся лицом к принцу.

— Вам не о чем беспокоиться. — Он попытался замолчать, но его лицо исказилось в горькой маске, которая появлялась всякий раз, когда проклятие Мистры заставляло его разъяснить ложь упущения. — Он, конечно, погибнет, если не поест в ближайшее время, но это только увеличит стоимость фигур, которые вы купите, прежде чем он покинет нас.

Идер прошел мимо Малика туда, где сидел Арис. Высокий даже для принца Шейда, он слегка запрокинул голову, чтобы встретиться взглядом с Арисом.

— Арис, почему ты моришь себя голодом? — Боясь, что принц вынудит его ответить той же магией, которую использовал Теламонт, Арис отвернулся и сказал первое, что пришло в голову, хорошо, второе, поскольку последнее, что он хотел сделать, это признать правду.

— Еда мне не по вкусу.

— Что? — сказал Малик. — Разве я не предлагал приготовить все, что пожелает твое сердце? Разве я не привез целых кабанов из твоего собственного дома в Горах Серых Пиков и не зажарил их у тебя под носом, только чтобы увидеть, как все звери исчезли в мусоропроводе, когда тебя не удалось соблазнить съесть хоть один кусочек?

У Ариса потекли слюнки при одном воспоминании об этом запахе.

— Я никогда не любил свиней.

Его желудок заурчал в знак протеста против лжи, но он добавил:

— Я больше люблю яддлескви.

— В тысячный раз спрашиваю, — потребовал Малик, — как я могу подать яддлескви, если ты отказываешься сказать, что это такое?

Это вызвало у Идера усмешку с острыми клыками.

— Понятно, — сказал он. — Мне кажется, я знаю, что такое «яддлескви».

Арис сглотнул, искренне надеясь, что принц этого не знает. Любимец огненных гигантов, яддлескви было едой, которую он ненавидел больше всего на свете. Почему-то у него просто никогда не было вкуса к маринованным мозгам бехолдера.

— Вы знаете? — Спросил Малик. Идер кивнул.

— Это не так уж трудно выяснить.

Он снова поднял взгляд на Ариса и сказал:

— Ты отказываешься есть, потому что несчастлив с Маликом, как хозяином.

Арис облегченно вздохнул и кивнул.

— Когда-то он был моим другом.

— Я все ещё им являюсь! Если бы я не попросил Высочайшего сделать тебя моим рабом, кто знает, что бы с тобой случилось?

Малик помолчал, борясь со своим проклятием, затем продолжил:

— Хотя я сомневаюсь, что твоя судьба была бы намного хуже, потому что Шейд слишком высоко ценит твое искусство, чтобы казнить тебя сразу.

Арис проигнорировал протест и сказал:

— Но теперь он предаёт меня при каждом удобном случае.

Арис свирепо посмотрел на Малика и, позволив горечи в своем тоне выдать его самый настоящий гнев, сказал:

— И он предаёт мое искусство.

— Предаю твое искусство? Неблагодарный великан! Сколько раз я должен спасти тебе жизнь, прежде чем ты поблагодаришь меня?

Малик встретил взгляд Ариса с яростью, порожденной его собственными оскорбленными чувствами. Затем он, казалось, вспомнил о принце, на которого пытался произвести впечатление, и поморщился, без сомнения, огорченный тем, как плохо идут дела. Он вздохнул и взял себя в руки, затем повернулся к Идеру.

— Не обращайтесь внимания на болтовню темпераментного художника, принц Идер. Я разберусь со своим рабом позже, и уверяю вас, он *будет* есть. — Малик бросил

на Ариса взгляд, полный яда, затем осмелился коснуться локтя принца и указал на неф. — А пока, однако, позвольте мне показать вам остальную часть храма.

Идер остался на месте и сказал:

— Я думаю, что нет. — Он смотрел на руку на своем плече, пока Малик не убрал ее, затем снова посмотрел на Ариса. — Мне приятно слышать, что ты несчастлив на службе у Малика.

Глаза Малика расширились в тревоге, и он сказал:

— Если ты думаешь, что сможешь украсть моего раба...

— Тише. — Рука Идера лежала на горле Малика, сжимая его до тех пор, пока не показалось, что глаза маленького человечка вот-вот выскочат из орбит. — Когда я захочу снова услышать твой непристойный голос, я что-нибудь сломаю и позволю тебе кричать.

Учитывая, что лицо Малика приобрело пурпурный оттенок, Арис сомневался, что серафим мог бы протестовать, если бы осмелился попытаться. Арис спросил:

— Почему чувства раба должны интересовать принца Шейда?

Желтые глаза Идера весело блеснули.

— Потому что было бы большой потерей уничтожить тебя, — сказал он, — и теперь я знаю, что ты не сделаешь...

Фраза закончилась визгом, когда Малик вытащил кинжал, который прятал под одеждой, и вонзил изогнутое лезвие в запястье Идера.

Рука принца разжалась, и Малик, не теряя времени, собрался с мыслями и отдышался. Он пробежал через неф и исчез в темноте между двумя колоннами. Идер выбросил руку вперед и, не выказывая никакого видимого беспокойства по поводу руки, хлюпающей на конце его кровоточащего запястья, закричал:

— За ним!

Эскорт Идера пронесся мимо в темной спешке, оставив Ариса наедине с двумя стражниками и принцем. Прошло всего мгновение, прежде чем храм наполнился выкриками команд и звоном клинков, пробирающихся под черными скамьями. Хотя Арис не мог решить, рад ли он побегу Малика или сожалеет об этом, он не беспокоился о том, что случится с маленьким человеком, когда его поймут. Серафим обладал сверхъестественной, по утверждению Рухи, данной богом, способностью исчезать в тот момент, когда он скрывался из виду. Все еще пытаюсь понять, почему Идер преследовал Малика, Арис спросил:

— Ты пришел сюда не для того, чтобы обратиться?

— Вряд ли. — Наконец-то обратив внимание на свою рану, Идер схватил его болтающуюся руку и прижал ее к запястью. Кровотечение немедленно прекратилось, и черные тени начали кружиться над раной. Идер продолжил:

— Было достаточно плохо, когда червь украл ухо Высочайшего, но это ... — он закатил глаза к сводчатому потолку храма, — это не нельзя терпеть. Хорошо, что ты в этом не участвовал.

Арис взглянул на рельеф, над которым он работал, и задался вопросом, насколько принц действительно знал о том, что он делал.

— Я имею в виду, что ты не цикикист, — сказал Идер. — Твое исчезновение было бы трудно объяснить.

Арис спросил:

— А Малика не будет?

— Никто не заметит. Ты закончишь его храм, но Малик станет отшельником, которого никогда не увидит никто, кроме его личных слуг, личных слуг, которые верны Сокрытой.

Арису не нужно было спрашивать, кем была Сокрытая. Хотя у Шар не было храмов в Шейде, по крайней мере, ни одного, которого он, когда-либо замечал, Владычица Ночи была достаточно популярна в городе, чтобы Арис, одаренный острым слухом большинства великанов, редко проводил больше нескольких часов, не подслушав прошептанную ей молитву. Наконец один из сопровождающих Идера вышел из нефа и опустился на колени.

— Ваше высочество, богохульник исчез.

— Исчез? — Идер взглянул на охранников Ариса, которые, уже дрожа от страха за свою судьбу, могли только пожать плечами и покачать головами. Его золотистые глаза стали темно-карими, и он снова посмотрел на своего сопровождающего.

— Ты использовал Дар Сокрытой?

— Мы использовали его, но все равно не смогли найти, — сказал воин. — Должно быть, он сбежал.

— Сбежал? — Голос Идера был холодным и ровным. — Как ты позволил этому случиться?

Взгляд сопровождающего по-прежнему был прикован к полу. «Это тайна» было любимой фразой почитателей Шар,

— Выходы остаются заблокированными, и мы обыскали каждый вестибюль и часовню.

Идер выругался себе под нос, и до Ариса дошло, как сильно принц рискует. Малик много раз хвастался своими отношениями с Теламонтом и тем, как его стратегия заманить Галаэрона обратно в Шейд заслужила бессмертную благодарность Высочайшего. Если хотя бы половина того, что утверждал серафим, было правдой, а Арис знал, что проклятие Мистры не позволяло ему лгать, тогда все, что нужно было сделать Малику, чтобы спастись – это добраться до Дворца Высочайшего и сообщить о случившемся. Если бы Идер вообще пережил гнев Теламонта, его политическая база была бы значительно ослаблена.

Познав на собственном горьком опыте предательство Малика, Арис подумал, что видит способ повернуть ситуацию в свою пользу. Он не мог слишком охотно поделиться информацией. Малик учил его, что самый верный способ манипулировать кем-то – это напомнить ему о его проблеме, а затем позволить ему думать, что ты знаешь способ ее решить.

— Возможно, я знаю, куда он пошел, — сказал Арис. Идер повернулся к нему.

— И ты молчал?

— Мне и в голову не приходило, что тебе нужно мнение раба.

— Ты раб по указу Высочайшего, — сказал Идер.

— С этим я ничего не могу поделать. — Арис пожал плечами. Это был также его указ, чтобы Малик был моим...

Движением, плавным, как скользящая тень, Идер прыгнул на колени Ариса и прижал кончик черного меча к его горлу.

— Если мне суждено пострадать один раз за то, что я бросил вызов Высочайшему, я могу пострадать и дважды.

— Под алтарем есть люк.

Арис начал задаваться вопросом, не слишком ли хорошо он сыграл в эту игру, и добавил:

— Гельтез может показать тебе.

Идер перевел свои желтые глаза на охранника.

У Гельтеза отвисла челюсть.

— Л-л-люк? — Какое-то мгновение он продолжал заикаться, а затем, наконец, понял, что с ним делает Арис. — Он лжет!

— Иди и посмотри. Он открывает его, нажав на левый угол основного камня.

Арис понятия не имел, куда бежал Малик, но, сам построив потайную дверь, он знал, что Идер найдет проход. Если Гельтез отказывается открыть его для тебя, — добавил великан, — возможно, это значит, что он обратился.

— обратился? — Гельтез ахнул. Он потянулся за мечом и процедил:

— Лжец!

Сопровождающий Идера схватил стражника за руку, прежде чем тот успел дотянуться до ножен, затем скользнул ему за спину и прижал кинжал к его спине. Гельтез повернулся к Идеру с выражением отчаяния на лице.

— Ты не можешь слушать его, мой принц. Он убийца! Он убил Карбэ.

Идер сошел с колен Ариса и сказал:

— Я думал, это был несчастный случай.

— Нет, это был...

— Я не с тобой разговаривал, — сказал Идер. Когда он повернулся к Амарарлу, Арис едва сдержал улыбку. У Амарарла не было выбора, кроме как поддержать Ариса или признать, что он солгал ранее.

— Молот был брошен, мой принц, — сказал он. — Мне это не показалось намеренным.

Этого было достаточно для Идера, который кивнул сопровождающему и сказал:

— Возьми его и посмотри. Если он покажет тебе, как открыть дверь, пощади его жизнь. — Сопровождающий поклонился и, все еще держа кинжал за спиной мужчины, повернулся, чтобы уйти. — Пошлите отряд в сокровищницу храма, — сказал Идер. — Я присоединюсь к вам там после того, как разберусь с великаном.

— Сокровищница, мой принц? — спросил сопровождающий.

— Куда еще Малик мог проложить секретный туннель? — сказал Идер.

У Ариса упало сердце. Он держал Амарарла в своих руках, как и учил его Малик, но это не принесло бы ему никакой пользы, если бы рядом стоял принц Тени. Идер свирепо посмотрел на Амарарла и сказал:

— Почему ты не рассказал мне об этом люке, стражник? Ты тоже поклоняешься Цирику?

— Никогда, мой принц! Амарарл сплюнул на пол и сказал:

— Это все, что у меня есть для Сумасшедшего.

Идер молчал, ожидая ответа.

— Я ... я ничего не знал о двери, — сказал Амарарл. — Я не охранял великана, когда он строил алтарь.

Принц посмотрел на Ариса, который подтвердил это утверждение кивком.

В тот день Гельтез был с другой группой, — солгал Арис. Он начинал думать, что провел слишком много времени в храме Малика; ложь начинала приходить так же легко, как его собственное дыхание. — Именно тогда Малик обратил их в свою веру.

— Ты назовешь мне эти имена, великан.

Арис неопределенно пожал плечами, затем, наконец, понял, как он собирается получить то, что хотел. — Если хочешь, но они не принесут тебе пользы, если ты не опередишь Малика в его сокровищнице.

Глаза Идера вспыхнули тревогой.

— У него там есть магия побега?

— Ему это не нужно, — сказал Арис. — У него есть благословение от своего бога, которое помогает ему скрываться. Вот как он...

Арису не нужно было заканчивать. Идер уже вбежал в неф, крикнув через плечо Амарарлу, чтобы тот присмотрел за рабом.

Как только принц скрылся из виду, Амарарл прислонился к черной колонне и опустил на пол, его ноги дрожали, а со лба капал пот.

— Молодец, великан, — сказал он. — Чего ты хочешь?

— Ничего такого, что могло бы навлечь на тебя неприятности, — ответил Арис. Чувствуя почти такое же облегчение, как и охранник, он направился в темный угол. — Всего несколько минут побыть одному.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ



1 Элеасиаса, Год Дикой магии

Малик забрался в фальшивый сундук в своем хранилище сокровищ и встал там на колени в тесной темноте, его дыхание было тяжелым и быстрым, горло саднило и болело там, где Идер чуть не раздавил его. Тревожный скрежет и грохот нарастали позади него, когда его преследователи спешили по туннелю, и даже с дарами скрытности и выносливости, дарованными ему Единым, ему нужно было поторопиться, если он хотел остаться впереди них. Это будет нелегко, не тогда, когда каждый глоток воздуха раздувал боль, горящую в его раздавленном горле, но он должен был добраться до дворца раньше Идера и сообщить Высочайшему о предательстве принца. В подобных обстоятельствах выводы правителя всегда диктовались тем, кто прибыл первым. В туннеле начали шептаться голоса, и Малик знал, что ему не помешает собрать даже мешки с самыми ценными драгоценностями, прежде чем они войдут в хранилище позади него.

— Проклятый великан! — прошипел он. Только Арис знал о секретном туннеле, так как Малик заставил его построить его тайно ночью, когда все предполагали, что

он будет спать. — Почему я злюсь на друзей, которые никогда не думают ни о ком, кроме себя?

Поклявшись, что великан заплатит за свой эгоизм, Малик отпустил защелки, удерживающие сундук закрытым. Используя спину, чтобы поднять крышку, он поднялся на корточки. Хранилище было темным, тихим и огромным. За исключением, возможно, двух дюжин коробок с монетами и мешков с драгоценными камнями, оно также было в основном пусто. Строительство храма стоило дорого, даже когда богатые новообращенные жертвовали большую часть материала в обмен на статуи Ариса, но Малик не сомневался, что инвестиции окажутся стоящими. Как только работы по внутреннему фризу будут завершены, он планировал начать взимать солидную плату за то, чтобы прийти и постоять в притворе. Любой, кто хотел бы увидеть возвышенную работу в остальной части храма, должен был бы обратиться - процесс, который потребовал бы значительного пожертвования в качестве доказательства искренности послушника.

Шлем шадовара с грохотом врезался в низкую притолоку, где туннель пересекал фундамент хранилища сокровищ. Вспомнив о срочности своего положения, Малик выскользнул из сундука и как можно тише опустил крышку. Защелки мягко звякнули, и он начал нащупывать волшебную лампу, которую держал на полу в углу сундука. Вместо гладкой петли ручки лампы его рука нащупала что-то похожее на шершавый носок сапога из шкуры везераба. Во рту у Малика мгновенно пересохло, как в пыли, и он потянулся за кривым кинжалом, спрятанным под плащом. Сильная рука схватила его за рог и оторвала от земли. Вторая рука, все еще дрожащая из-за перерезанных Маликом сухожилий, но достаточно сильная, чтобы удержать его неподвижно, сжала его запястье.

— Не в этот раз, мой рогатый друг, — раздался шипящий голос Идера. — Даже ты не удивишь меня дважды. — Принц согнул руку Малика так, что тот закричал и выпустил кинжал.

— Единый этого не потерпит! — Предупредил Малик. На мгновение ему показалось, что проклятие Мистры действительно позволит угрозе остаться в силе, но вскоре он услышал еще несколько слов, срывающихся с его губ. — Он, конечно, ужасно накажет меня за то, что я позволил вам помешать завершению его работы.

Принц отпустил запястье Малика и поднял кулак. Удар свел челюсти Малика вместе с треском, от которого ломались зубы, и у него было достаточно времени, прежде чем погрузиться в темноту, чтобы задаться вопросом, что бы с ним случилось, если бы Идер ударил его здоровой рукой.



Мокрые, бледные и крошечные, Избранные выглядели как трио новорожденных щенков, как трио *мертворожденных* щенков, таких же неподвижных и молчаливых, как и они. Обеспокоенный тем, что падение на пол ризницы, возможно, было слишком долгим для таких маленьких существ, даже на четвереньках, расстояние было больше шести футов, Арис наклонился и подтолкнул Хелбена ногтем указательного пальца.

Ничего не произошло, за исключением того, что Хелбен плюхнулся на спину. Арис приложил кончик пальца к груди Хелбена и ничего не почувствовал. Конечно,

учитывая их разницу в размерах, поиск сердцебиения был сродни человеческому ощущению пульса саранчи.

— Проснись, — прошептал он. — Ты, *должен* быть, сильнее этого, ты – Избранный!

Когда Хелбен остался неподвижен, Арис вздохнул и перевернул сначала Шторм, а затем Лаэраль на спину. Когда ни одна из них не пошевелилась, он положил их рядом и проверил, нет ли признаков жизни, как это было с Хелбеном.

— Эй, осторожнее с пальцами! — предупредил тоненький женский голосок. Удивленно приподняв бровь, Арис опустил руки и опустил голову на расстояние ярда от пола, теперь щурясь в попытке удержать Избранного в фокусе на таком близком расстоянии.

— Мои извинения, — прошептал он. — Я только нащупывал...

— Мы знаем, что ты нащупывал, — хихикнула вторая крошечная женщина. — А я думала, что художник должен быть другим!

Арис повертел головой из стороны в сторону, пытаясь получше рассмотреть три фигуры, растянувшиеся у него под головой. Никто из них, казалось, не говорил и не двигался, но, учитывая, что они были Избранными, это мало что значило.

— Сюда, большой парень, — сказал первый голос. — Рядом с тобой.

Арис повернулся в сторону говорившего и обнаружил, что смотрит на пару крошечных пятен цвета слоновой кости. Он отстранился, и расплывчатые пятна медленно превратились в прекрасные лица Аластриэль Серебряной Руки и Дав Соколицы. По-прежнему размером в половину его большого пальца, двое Избранных были одеты в развевающиеся черные плащи, которые, когда они парили рядом с ним, придавали им вид каких-то теневых духов.

— Откуда вы взялись? — Арис ахнул.

— Мы следили за тобой, — сказала Дав, посмеиваясь над его удивлением.

— Сейчас не время играть в игры, — пожаловался Арис. Он бросил взгляд в коридор, чтобы убедиться, что его охранник, Амарарл, все еще находится в нефе, как он и обещал, и чтобы убедиться, что к ризнице не приближаются другие шадовары. — Идер здесь с небольшой армией.

— Я бы назвала это скорее ударной командой, — сказала Аластриэль. Когда мы поняли, к чему все идет, мы подумали, что нам лучше последовать за ними и посмотреть, что происходит.

— Хорошо, что мы тоже это сделали, — сказала Дав. — Это первый раз, когда мы застали тебя одного.

— Как видите, я впервые *остался* один. — Арис махнул рукой в сторону неподвижно лежащих на полу Избранных. — Слишком долго? Я ничего не ел, но не думаю, что кто-то ожидал, что это займет так много времени.

Голос Аластриэль стал успокаивающим.

— С ними все будет в порядке, как только я их разбужу.

— Они впали в волшебную спячку — объяснила Дав. Она зависла рядом с головой Ариса, наблюдая за проходом вместе с ним. — После третьего или четвертого дня без еды, раньше, если бы они отказались пить воду, которую ты уже выпил, их тела начали бы использовать Плетение, чтобы поддерживать себя.

Она слетела на пол и опустилась на колени рядом с Хелбеном, затем начала бить его по лицу и шептать ему на ухо его имя.

— Даже великан не смог бы долго противостоять такому количеству магии, проходящей через него, поэтому они использовали заклинание, чтобы отключиться.

— Как медведи, когда идет снег.

— Что-то вроде того. За исключением того, что через твоё тело всё ещё течёт немного магии. Это дало тебе силы работать в темпе Малика, но это также нанесло некоторый ущерб: повлияло на твою координацию и восприятие, затруднило выполнение вещей, которые должны быть легкими. — Дав указала на кривобокое изображение Цирика на стене. — Как только ты сожжешь последние остатки этой энергии, ты заснешь на очень долгое время. Прежде чем это произойдет, ты должен поесть. Ешь столько, сколько сможешь.

— Столько, сколько я смогу? — От такой перспективы у Ариса потекли слюнки. — Когда я могу начать?

— Скоро, — засмеялась Дав. — но сначала понаблюдай, пока я напому Черному Посоху, где он. — Она указала на пол, где веки Хелбена трепетали, а грудь поднималась через равные промежутки времени. Аластриэль перешла к Лазраль. Хелбен открыл глаза. Он бросил один взгляд на изображения безумия, украшающие ризницу, и в тревоге нахмурился.

— Тебе лучше поторопиться, — сказал Арис. — Один взгляд на эти стены, и он может подумать, что попал в Девять Кругов.

Дав уже опускалась на его сторону. Она откинула капюшон и позволила своим серебристым волосам свободно рассыпаться, затем взяла Хелбена за руку. — А теперь не начинай швыряться заклинаниями, — сказала она. — Не о чем беспокоиться.

— Конечно, есть о чем беспокоиться, — Хелбен заставил себя сесть, — разве ты не видишь, что вырезал Арис?

Выйдя в неф, Амарарл, нахмутив брови, заглянул в коридор ризницы.

Арис посмотрел на пятерых Избранных, жестом указал в сторону нефа и сказал:

— Терпение моей стражи подходит к концу. Давайте рискнем ещё на несколько минут, на случай, если нам понадобятся твои знания, — сказал Хелбен. Он повернулся к Дав и Аластриэль. — Какого прогресса вы добились? Учитывая, что город всё ещё плавает, я так понимаю, что вы не уничтожили мифаллар.

— Мы даже не нашли его, — подтвердила Дав. — О помощи Галаэрона не может быть и речи. Он был заперт внутри Дворца Высочайшего с тех пор, как мы прибыли, и мы не можем войти внутрь.

— Не смеем заходить внутрь — поправила Аластриэль. — Похоже, это нексус в Теневом Плетении. Чем ближе мы подходим, тем слабее наша связь с Плетением. Если мы войдем....

— Нет смысла убивать себя, — согласился Хелбен.

Но мы сделали это, — сказала Дав, доставая что-то из-под плаща. Оно было таким крошечным, что Арису потребовалось мгновение, чтобы узнать в нём сложенный лист пергамента. — Мы составили карту большей части города, за исключением того, что находится внутри стен Дворца Высочайшего.

Хелбен взял пергамент и начал его разворачивать.

— Может быть, Арис сможет нам помочь, — сказал он.

— Боюсь, что нет. Я никогда не был в мифалларе. — Арис выглянул в неф и увидел, что Амарарл направляется к проходу в ризницу. Я должен уйти, прежде чем...

— Я сказал, *помочь*. — Хелбен расстелил пергамент на полу и продолжил:

— Даже если ты не знаешь, где он, у тебя есть лучшее представление о том, где искать, чем у нас. Арис с сомнением посмотрел на пергамент. Хотя она открылась на ширину руки Хелбена, для него она была чуть больше ногтя большого пальца.

— Как я могу читать карту, которую едва вижу? — Спросил он.

— Попробуй, — сказала Дав.

Арис оглянулся и увидел Амарарла, идущего по боковому проходу к ризнице, затем вздохнул и наклонился, чтобы повиноваться. В тот момент, когда его взгляд упал на него, изображение соскользнуло с пергамента и начало расширяться, становясь таким большим, что он едва мог охватить все, что мог видеть. Пораженный, Арис старательно изучал карту, систематически пробегая взглядом по каждой улице и по каждому служебному проходу. Ему не потребовалось много времени, чтобы понять, что изображение приспособлялось к его пристальному взгляду, скользило под ним, чтобы удерживать объект его внимания в центре, становясь больше или меньше в зависимости от того, как долго его глаза оставались прикованными к определенной области.

Из коридора донесся голос Амарарла:

— Арис? — его голос звучал скорее обеспокоенно, чем требовательно. — Что ты там делаешь? Что это за свет?

— Наша сделка была об уединении! — хотя голос, который прогудел это, звучал как голос Ариса, слова исходили из крошечного рта Аластриэль.

— Мы договаривались о нескольких минутах уединения, — поправил Амарарл. — Прошло уже десять, и я услышал голоса.

— Эхо, — парировала Аластриэль. — Храм полон воинов Идера.

Амарарл на мгновение задумался и сказал:

— Воинов, которые скоро вернутся. Если тебя здесь не будет, я скажу, что ты сбежал.

— А я, что ты позволил мне, — сказала Аластриэль. Поэтому я предлагаю тебе вернуться на свой пост. Скажи мне, когда услышишь, что кто-то идет.

— Я - твой охранник, а не слуга!

— Теперь нет никакой разницы, — ответила Аластриэль. — Если только ты не хочешь встретить тот же конец, что и Гельтез или Карбэ.

Она подняла свою крошечную руку и щелкнула пальцами в заклинании, затем сказала своим обычным голосом:

— Не обращай на него внимания, Арис. Мы все еще можем услышать, если он поднимет тревогу, но теперь он ничего не слышит и не видит в этой комнате.

Арис провел еще пять минут, изучая карту, затем, наконец, посмотрел сквозь полупрозрачное изображение на Избранных внизу.

— Я просто не знаю, — сказал он. — Если бы мне нужно было угадать, я бы сказал, что это внутри Дворца Высочайшего.

— Наша первая мысль была такой же, — сказала Дав, — но во время битвы, описанной Галаэроном, фазриммы использовали магию. Если только они не научились подключаться к Теневому Плетению.

— Мы не видели никаких признаков этого, — сказала Лаэраль, стоявшая вместе со своей сестрой Шторм рядом с Хелбеном, — но это все равно не значит, что тебе не нужно проходить через дворец, чтобы добраться до него.

— Да, это так, — сказала Шторм. — Фаэриммы добрались туда.

— С помощью малаугримов, — заметила Дав. — Он мог бы провести их через дворец.

— Ты бы доверила свою жизнь малаугриму? — Возразила Шторм. Не дожидаясь ответа, она продолжила:

— Если фаэриммы смогли добраться туда, то и мы сможем. Если Галаэрон не сможет нам помочь...

— Мы должны спросить Валу, — закончил Хелбен.

— Я могу помочь тебе найти её, — сказал великан. Арис перевел взгляд на огромную площадь мрачных скульптур, которые окружали Дворец Высочайшего, затем медленно перевел взгляд вдоль края, пока не подошел к огромному особняку со множеством шпилей, с процессией летающих контрфорсов и длинным туннелем бочкообразных сводов.

— Вы найдете ее здесь, где-то во дворце Эсканора.

Избранные некоторое время изучали карту снизу, а затем Хелбен сказал:

— Было бы неплохо, если бы кто-нибудь из нас действительно встретил ее. Шадовары явно пытались заманить Галаэрона обратно всеми этими слухами о том, что она рабыня Эсканора. Что, если это просто слухи?

— Хорошая мысль, — согласилась Шторм. — Вала и ее люди служили Мелегонту, и у меня есть достоверные сведения, что она убила для них трех фаэриммов в Миф Дранноре.

— Вала и ее люди служили Мелегонту, чтобы сдержать клятву, данную их предками, — сказал Арис. — Их долг был исполнен, когда Шейд вернулся.

— Но это не значит, что она рабыня Эсканора, — настаивала Шторм. — Руха сказала, что это был ее выбор – остаться с принцем.

— Значит, Галаэрон сбежит до того, как его заберет тень, — сказал Арис. Клевета Шторм начинала раздражать его, и он не скрывал этого. — Она любит Галаэрона, как журавль любит свою пару. Если она сейчас с Эсканором, то не по своей воле.

Шторм приподняла бровь, услышав его тон, но пожала плечами и слегка кивнула.

— Как скажешь, Арис.

— Да, — сказал он. — Если вы хотите ее помощи, всё, что вам нужно сделать - это сказать, что вы друзья Галаэрона.

— Хорошо, — сказал Хелбен. Он начал складывать пергамент, и карта потемнела. — Именно это мы и сделаем. Благодарю тебя за помощь, Арис. Мы постараемся забрать тебя до того, как город падет, но это может быть...

— Мы все сильно рискуем, — перебил Арис, — но только жертва Галаэрона несомненна. Если вы цените это, сначала спасите Валу. Остальные из нас здесь по собственному выбору.

— Если ты этого хочешь, мой друг. — Хелбен встретился с ним взглядом и кивнул. — Мы сделаем все, что в наших силах.



Малик пробудился от звука змей, шипящих в оба уха. Судя по тому, как он себя чувствовал, они кусали его дюжину раз, сто раз. Голова раскалывалась, спина болела. Его глаза пронзали булавки света, по венам текли огненные реки, а мочевого пузыря был похож на два галлона вина в одном галлоне пространства. Змеи собирались тянуть его на четыре части. Они держали его за каждое запястье и за каждую лодыжку, и все они тянули в противоположных направлениях. Его руки были готовы оторваться от плеч, а ноги – отделить то, что ни один мужчина никогда не хотел бы потерять. Когда в голове у Малика начало проясняться, шипение стало тише и отдаленнее, и он понял, что это не змеи шипят ему в уши. Это были голоса, шепчущие голоса, наполнявшие тронный зал Теламонта Тантула. Если он был в присутствии Высочайшего и испытывал такую сильную боль, могло быть только одно объяснение. Идер опередил его во дворце.

— Это неправда! — Закричал Малик. — Что бы ни говорил принц, все это ужасная ложь! — На этот раз проклятие не заставило его сказать больше, и шепот затих. Рядом с ним послышалось странное хлюпанье. Малик открыл глаза и увидел белый огонь в своем мозгу. Он снова закрыл их, и огонь погас. — Почему ты так мучаешь меня? — Он попытался повернуться в сторону хлюпанья и обнаружил, что его голова неподвижно удерживается ремнем, перекинутым через лоб. — Я не сделал ничего плохого!

— О, но ты сделал, Серафим, — прошипел холодный голос, знакомый холодный голос. — Ты украл у Сокрытой.

— Украл? — Воскликнул Малик. — Что я украл ... кроме нескольких десятков монет из карманов верующих в моем собственном храме?

— Самих поклоняющихся, — сказал голос. — Ты украл верных Леди Потерь.

Малик с огромным облегчением узнал голоса принца Идера. Если это он, то их не было во Дворце Высочайшего, и Теламонт Тантул не мог быть тем кто, назначил это ужасное наказание. Пара холодных пальцев подняла веки Малика. Яркий огонь вернулся, но на этот раз белый огонь был только серебряным светом, таким же ослепительным, как солнце, и в центре была бездонная тьма с двумя пылающими глазами и сердцем из остывающих углей.

— Леди сердится, Малик.

Пока Идер говорил, глаза Малика привыкли к боли, и он различил пару огромных крючковых рогов, венчающих голову темной фигуры над ним.

— Д-д-ействительно, — заикаясь, пробормотал Малик. — Я и сам это вижу ... Хотя, по правде говоря, должен сказать, что она не очень похожа на леди.

Это вызвало странный ропот вздохов и смешков, распространившихся за спиной Идера. Последовало мгновение тишины, и у Малика возникло ощущение, что его похититель отвернулся, чтобы посмотреть на своих последователей.

— Если хочешь, можешь подшутить над своим собственным богом, маленький человек, — сказал Идер, — но когда ты смеешься над Сокрытой - смеется Леди.

Пальцы принца надавили так, что Малику показалось, что его глаза вот-вот лопнут.

— Кто шутил? — Воскликнул Малик.

Ропот, следовавший за этим, был еще громче, чем первый. Рука Идера оторвалась от головы Малика.

— Молчать!

Приказ прозвучал приглушенно, как будто принц отвернулся, когда произносил его. Малик сморгнул пятна с глаз и снова обнаружил, что смотрит на темную фигуру над головой. Это был ужасный демон размером с Ариса и черный, как сама ночь, с длинными изогнутыми когтями на концах вытянутых рук. Идер снова обратил свое внимание на Малика и сказал:

— Еще раз поиздевайся над Сокрытой, и я вырву твои мозги за твои собственные рога.

Принц схватил Малика за один из его рогов, и темная рука появилась на крючковатом роге фигуры над головой. Малик укусил себя за щеку, чтобы не вскрикнуть от изумления и не дать принцу повода сделать то, чем он угрожал. Чудовище наверху, несомненно, было его собственной тенью, но это не принесло ему и намека на облегчение. Мелегонт Тантул однажды вызвал несчастное существо в качестве стражника, и проклятая тварь ясно дала понять, что не хотела бы ничего лучшего, чем задушить Малика собственными руками.

— Ты учишься, Серафим, — сказал Идер. — Возможно, это будет не так трудно, как я опасался.

— Не трудно было бы, — согласился Малик. — Я пленник в храме Шар, но...?

Идер нанес ему удар, который вернул его мысли в их запутанное состояние.

— Не произноси имени Сокрытой!

Я только пытаюсь быть уверенным, — пожаловался Малик. — Как ты собираешься обратить меня, если не скажешь мне, кому я должен поклоняться?

Впервые в поле зрения появилось лицо Идера. На нем была черная тюбетейка и пурпурная маска верховного жреца.

— Ты бы обратился? — спросил он. Грудь Малика начала холодеть и сжиматься, как это было, когда Фзоул Чембрил задал подобный вопрос в скрытом храме Ияхту Звима. В то время он был слаб от пыток и мог рассчитывать только на нищенскую жизнь в рабстве у безумного бога, и ничто не доставило бы ему большего удовольствия, чем найти защиту в церкви какого-нибудь другого божества. Но это было до того, как он понял, насколько невозможно для него предать Единого, и до того, как он установил то, что обещало стать, в дополнение к алтарю, который даст Цирику контроль над Теневым Плетением, самым богатым храмом во всем Фаэруне.

— Обратился? — Напряжение в груди Малика превратилось в сокрушительную тяжесть. Сердце, бьющееся, хлюпающее, в его груди, было не его собственным, а гниющей массой творога, которую в припадке безумного гения безумного бога Единый вырвал из собственного тела и обменял на смертное, хотя и гораздо более здоровое, сердце Малика. С того дня одна только мысль о предательстве Цирика приносила сокрушительную агонию. Это было все, что Малик мог сделать, чтобы продолжить говорить.

— Конечно, я обращаю. — В груди у него было такое ощущение, будто кто-то стоит на ней. — Я обращаю тебя и всех твоих последователей в Церковь Цирика, Единого и Всех!

Тяжесть исчезла. Кулак Идера появился из ниоткуда, попав Малику в угол рта. Два зуба оторвались и застряли у него в горле. Малик начал задыхаться.

— Шути со мной, сколько хочешь, — сказал Идер. — Богиня наслаждается твоей кровью на своем алтаре.

Единственным ответом Малика было покашливание. У него закружилась голова от нехватки воздуха, и мир начал смыкаться вокруг него. Он изо всех сил старался оставаться в сознании, вызывая свой гнев, представляя свое богатство в руках принца Идера и его грязных последователей Шар.

— Нечего сказать?

Идер снова ударил его, и рот Малика наполнился кровью, которая пузырилась на его губах и стекала по щекам на алтарь Шар. Не в силах больше ничего сделать, Малик уставился на чудовищную тень, нависшую над ним. На том месте, где должен был быть рот предателя, появился фиолетовый полумесяц-улыбка. Ему показалось, что он сейчас задохнется.

Малик продолжал кашлять.

— Ты обратишься, Серафим, — сказал Идер. — Все, что ты контролируешь – это то, сколько времени это займет.

— Сокрытая правит всем, — сказал кто-то позади принца.

Хор шепота наполнил комнату, когда поклонники Шар повторили пение. Если бы Малик не был так занят кашлем и удушьем, он бы рассмеялся. Он мог умереть на алтаре Шар или даже сгнить на нем, но он никогда не обратится. Это была единственная вещь, которую он вообще не контролировал. В следующее мгновение чья-то большая рука ударила его между плеч, а ледяные пальцы другой руки повисли на его лодыжке вниз головой.

— Дыши, трусливый маленький ранаг!

Рука снова ударила Малика. Зубы, которыми он давился, вылетели у него изо рта вместе с полным ртом крови и горькой на вкус желчи. Он начал задыхаться и кашлять одновременно, два противоречивых действия, которые заставили его беспомощно икать, пытаясь вдохнуть.

— Ты действительно думал, что сможешь так легко сбежать? — спросил Идер. — Сокрытая не будет лишена своего удовольствия.

Малик открыл глаза и был ослеплен тем же болезненным сиянием, что и в прошлый раз, когда он пришел в сознание.

— И я очень благодарен за это, — сказал Малик, — хотя я знаю, что это, вероятно, будет стоить мне месяца ужасных мучений! — Зная, что Идер истолкует его благодарность как прогресс на пути к обращению, Малик хотел бы остановиться и насладиться наградой, которую любой хороший палач даровал бы ему в качестве стимула для дальнейшего прогресса, но проклятие Мистры не позволяло этого. Теперь я могу закончить то, что начал, обратив тебя и твоих последователей в Церковь Цирика ... — Малик попытался поднять руки, чтобы прикрыть рот, но обнаружил, что его запястья скованы за спиной. Слова продолжали сыпаться:

— Чтобы я мог избавить свою душу от опасности оказаться в Разрушенном Замке после того, как я не смог захватить контроль над Теневым Плетением для Единого, как он велел.

Идер затрясся от такой ярости, что цепи, связывающие запястья Малика, зазвенели. Малик съежился и попытался угадать, потеряет ли он меньше зубов, если стиснет челюсть или оставит ее безвольно висеть, но удара так и не последовало. Вместо этого принц молчал и продолжал держать его вверх ногами, давая Малику несколько драгоценных мгновений, чтобы изучить его окружение. Они были, как Малик догадался по алтарю, в храме Шар, хотя, конечно, это было далеко не то, как он представлял себе такое место. В то время как стены были покрыты ожидаемыми изображениями таинственной женщины и темными дисками, обведенными пурпурным пламенем, сама комната была ослепительно яркой, настолько, что тени, танцующие на стенах, казались более реальными, чем молящиеся, неподвижно стоящие в длинных рядах скамей. Там было около тысячи шадоваров, погруженных по колено в мерцающую лужу зеркально-яркой жидкости. Густая и вязкая, как ртуть, жидкость медленно вытекала к краям камеры, где собиралась у стен и исчезала в дренажных ямах ленивыми водоворотами. Малик мгновенно узнал жидкость. Это было то же самое, что он и его друзья нашли в Красном Холме в Карсусе, вылившемся из Камня Карсы, который Галаэрон использовал, чтобы вызвать Шейд обратно в мир. Принц поднял Малика за цепь между наручниками, заставляя его руки подниматься и опускаться, пока он не подумал, что его плечи сломаются.

— За свои столетия, — сказал Идер, — я кое-что узнал о боли.

Малика затошнило. Хотя Единый благословил его способностью переносить любые муки и все еще иметь силы для выполнения своих обязанностей Серафима, это не означало, что он был невосприимчив к боли. Совсем наоборот. Ему казалось, что он всегда чувствует боль острее, чем окружающие, и обычно гораздо сильнее. Когда Идер повернулся к алтарю, Малик не очень удивился, обнаружив, что смотрит на светящийся белый валун размером с лошадь. В центре была неровная трещина, и из этой трещины лился постоянный поток серебристой жидкости, которая заполняла храм. Малик знал по своим прежним приключениям в Красном Холме, что ручей был последней целой магией в мире. Семнадцать веков назад безумный незерезский архимаг по имени Карсус попытался украсть силу Мистрил, богини магии в то время. Это была ужасная ошибка. Плетение заполнило Карсуса до отказа и убило его на месте, и оно разделилось на Плетение и Теневое Плетение. Светящийся белый валун был сердцем Карсуса - все, что осталось от безумного архимага, и серебряная магия, льющаяся из него, была всем, что осталось от первоначального, нерасщепленного Плетения. Хотя прогорклое сердце Цирика начало так сильно стучать, что Малик едва мог слышать свои мысли, он заставил себя оставаться спокойным. Камень Карсы, как они окрестили валун, несомненно, был артефактом несказанной силы, но Малику казалось, что для того, чтобы поклонники Шар терпели его яркий свет в своем скрытом храме, это должно было быть что-то большее, что-то гораздо большее.

— Камень Карсы! — Малик ахнул, как будто только что понял, на что смотрит, потому что для его плана было важно, чтобы Идер не понимал, как много Малик понимает в том, что он видит.

— Это место кажется странным алтарем для последователей Хозяйки Ночи.

— Тень рождается из света, — ответил Идер.

Эта фраза была повторена тысячью шепчущих голосов, когда Идер поднял Малика на камень и положил лицом вниз.

— Тем не менее, так много яркого света должно быть большим оскорблением для вашей богини ... если, конечно, Камень Карсы не является источником Теневого Плетения. — Малик молча поклялся, потому что именно проклятие Мистры заставило его добавить такой неуклюжий намёк, затем он поспешил добавить:

— Или та, кому вы поклоняетесь здесь, на самом деле не Шар, а какая-то другая Сокрытая. — Лицо Малика окаменело, когда его тактика преуспела в том, чтобы разозлить принца и отвлечь его от остроги.

— Я же говорил тебе никогда не называть Сокрытую по имени.

— Мои извинения, — сказал Малик. Его голос звучал довольно гнусаво, потому что его нос был разбит и заливал Камень Карсы кровью. — Я только имел в виду, что это, безусловно, последнее место, где Высочайший будет искать его украденный Камень Карсы.

— Почему ты думаешь, что он украден? — спросил Идер, не в силах скрыть самодовольство в голосе.

Всегда опасаясь, что Серафим сможет сбежать, принц одной рукой прижал шею Малика к камню, а другой снял цепь с кандалов и прикрепил ее к кольцу, висящему на железном столбе рядом с алтарем. Малик не знал, радоваться ли тому, что его план сработал, или стыдиться, что ему потребовалось так много времени, чтобы увидеть истинную природу вещей.

— Чтобы поклоняющиеся Шар терпели блеск Камня Карсы в своем храме, и, что более важно, чтобы богиня не убивала тех, кто позволил ему быть там, валун должен был иметь неоценимую ценность для Хозяйки Ночи.

Малик больше не сомневался - это был источник Теневого Плетения, поскольку проклятие Мистры заставляло его говорить то, что Шар хотела скрыть от других богов. Что еще более ужасно, если Шар считала Шейд безопасным местом, чтобы спрятать такую вещь, и, если Теламонт Тантул действительно отдал Камень Карсы Идеру для храма Сокрытой, тогда она должна была чувствовать себя в безопасности, контролируя город. Чтобы Шар чувствовала себя в безопасности, командуя шадоварами, она должна была контролировать само Теневое Плетение.

— Злобная ведьма! — закричал Малик. — Она управляла им все это время!

— Проклинай ее теперь сколько хочешь, Малик. — Идер развернул его, затем перевернул на спину и пристегнул еще одну цепь ко второму наручнику. Прежде чем всё будет сделано, — добавил принц, — ты будешь петь ей дифирамбы.

— А ты будешь слизывать потроха с моих сапог! — Парировал Малик. — Теневое Плетение принадлежит Цирику по праву! Разве не я спас жизнь этому дураку Галаэруну, чтобы он мог предать свое слово Джингелшоду и украсть этот камень? — Это был его собственный гнев, который заставил его сказать это, а не проклятие Мистры, но он знал, что это было ошибкой в тот момент, когда слова сорвались с его губ. Желтые глаза Идера стали яркими, как солнце. Он обнажил свои аристократические клыки и наклонился так низко, что Малик испугался, что принц откусит ему нос.

— Ты поэтому пришел сюда? — Потребовал он. — Чтобы украсть корону Сокрытой?

Малик ничего не ответил и отвернулся.

— Отвечай! — Скомандовал Идер. — Отвечай, или я скормлю тебя твоей собственной тени.

Принц отвел голову в сторону, чтобы Малик мог видеть ненавистные глаза своей тени, смотрящие на него сверху вниз. Чудовищная тварь больше не зависела от Малика в своей форме. Она выглядела такой же толстой и прочной, как любой гигант, которого он когда-либо видел. Малик отвернулся под предлогом встречи с сердитым взглядом Идера.

— Ты думаешь, я боюсь собственной тени? — Спросил он. — Я пользуюсь благосклонностью Единого. Я видел тысячу вещей, которые были в сто раз хуже ... хотя никогда не видел никого, кто знал бы все те ужасные вещи, которые я делал в своей жизни.

— Смотри! — Идер схватил Малика за ноющую челюсть и заставил его посмотреть в сердитые глаза своей тени. — Ты видел, какие неприятности навлекла на Галаэрона его тень. Как ты думаешь, что бы сделал твоя, если бы я впустил её в тебя?

— Почему я должен этого бояться? — Пискнул Малик. — Если тень - это все, чем я не являюсь, то эта, несомненно, столь же милосердна, сколь я эгоистичен, столь же надежна, сколь я продажен, столь же храбра, сколь я труслив. Моя тень только сделает меня всем тем, чего желают женщины, а мужчины восхищаются.

— Что насчёт Цирика? — именно тень задала этот вопрос, и при этом сверкнула жестокой пурпурной улыбкой. — Как бы он отнесся к Серафиму, который был бы одарён всем этим?

Кровь застыла в жилах Малика, и он перевел взгляд на Идера.

— Еще раз, о чем ты спрашивал?

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ



1 Элеасиаса, Год Дикой магии

В тусклом свете камеры Вале было легче почувствовать звено, чем увидеть, даже с кожей, онемевшей от холода и мозолей. Она провела ногой по цепочке, пока не почувствовала шероховатый металл, затем зажала петлю между пальцами ног и поднесла ее ко рту. Даже такая гибкая, какой она стала за последние пару месяцев, она не могла полностью выразить это на своем лице. Как только цепь натянулась, она использовала мышцы ног, чтобы подтянуться ближе. Она позволила пальцам ног скользнуть вниз по одному звену, а затем выплюнула полный рот слюны на изъеденную поверхность. Вала сомневалась, сможет ли она на самом деле проложить себе путь к свободе, но со скованными за спиной руками и без других инструментов для работы, это было лучшее, что она могла сделать, и это давало ей возможность сосредоточиться на чем-то, когда она не подвергалась насилию со стороны Эсканора

или его слуг. Она не могла просто сидеть в темноте и ждать между сессиями. Она должна была продолжать пытаться, чтобы знать, что, по крайней мере, пытается сбежать.

Кроме того, когда она начинала, в звене вообще не было ям. Вала позволила цепи ослабнуть, затем обхватила ее пальцами ног и начала дергаться вниз к крюку, который крепил ее к стене. Сто раз, потом найти звено и плюнуть. Если она просто продолжит работать над этим, что-то даст. Крюк в стене ослабнет, или звено заржавеет и сломается, или охранник подумает, что она сошла с ума, и станет достаточно беспечным, чтобы позволить ей убить его. *Что-нибудь* случится. Так и должно быть, если она хочет когда-нибудь снова увидеть своего сына.

Чей-то голос прошептал:

— Вала?

Вала ударилась о конец цепи и снова оказалась на полу, прежде чем поняла, что прыгнула. Она развернулась на своем сиденье, подняв ноги для толчковых ударов, и никого там не обнаружила.

“Отлично”, подумала она. “Кое-что всё-таки случилось. Я начала слышать голоса”.

— Мы не причиним тебе вреда, — сказал голос.

Вала прищурилась в сторону голоса и не увидела ничего, кроме мрака, затем крошечный человечек в черной мантии запрыгнул ей на ногу. Она не просто слышала. У мужчины-иллюзии, поправила она себя, - была непослушная черная борода и темные глаза, но его лицо и руки были слишком светлыми, чтобы быть шадоваром.

— Не нужно прятаться моя дорогая, — сказал он. — Мы друзья...

Вала сбросила фигурку с ноги и услышала, как она ударилась о стену с настоящим глухим стуком. Она съежилась, испугавшись собственных фантазмов своего измученного разума. Я не позволю этому случиться, сказала она себе. Вала расправила плечи и вздернула подбородок, но ногу не опустила. — Уходи!

— Тише, дитя мое! — На этот раз голос был женским и доносился из-за двери. — Следи за охранником.

Другой голос, с другой стороны, начал что-то похожее на заклинание. Бородатая фигура вернулась, на этот раз в сопровождении двух женских фигур с развевающимися серебристыми волосами, и Вала поняла, что, призраки они или нет, они все вокруг нее. Там, в темноте, их могли быть сотни, они роились по полу. Тысячи, может быть, армия темных маленьких теневых фей пришли на пир теперь, когда ее плоть была достаточно избита и покрыта синяками. Она закричала. Она ничего не могла с собой поделать, звук просто вырвался, когда она сделала следующий вдох. Феи теней съежились и посмотрели на дверь, и в следующее мгновение Вала замолчала. Ее рот оставался открытым, а горло продолжало вибрировать, но больше не было слышно ни звука.

Мужчина-фейри посмотрел на дверь и спросил:

— Охранник? Все еще думаю над этим, — прошептал женский голос. — Он любопытен, но не встревожен.

Вала видела ее, еще одну сереброволосую фею, лежащую на полу, выглядывающую из-за угла арки.

— Приглядывай за ним. — Сказал мужчина.

В сопровождении двух серебряноволосых женщин он направился к голове Валы. К ним присоединилась третья женщина, которая выпорхнула из-за спины Валы и села на пол рядом с ними. Вала попыталась развернуться, чтобы подойти к ним, но одна из женщин сделала движение палочкой размером с щепку, и она обнаружила, что не может пошевелиться.

— Мне жаль, что мы напугали тебя, — сказал мужчина. — Очевидно, твое испытание нанесло больше ущерба, чем мы предполагали.

Если бы Вала была в состоянии говорить, она предложила бы им поменяться местами и посмотреть, какую плату за то, чтобы быть рабами шадоваров, они взяли бы себе.

— Ты можешь перестать кричать? — Спросила одна из женщин. — У нас есть несколько вопросов.

Вала осознала, что у нее болит челюсть, и поняла, что ее рот по-прежнему открыт, а горло пересохло от крика. Она закрыла рот и уставилась на одетых в черное фейри рядом с ней. Они определенно выглядели достаточно прочными. Женщина кивнула, сделала пренебрежительный жест, и до ушей Валы донесся хныкающий, хриплый звук. Потребовалось мгновение, чтобы определить источник – ее собственное горло.

— Хорошо, — сказал мужчина. Он протянул руку и сделал умиротворяющее движение, от которого Вале захотелось пнуть его. Мы друзья Галаэр...

— Галаэрона? — Вала закончила за него. Она взяла свое дыхание под контроль. Призраки или нет, она не могла допустить, чтобы эти феи рассказали Галаэру, что она хныкала, когда они пришли за ней. — Он послал тебя? — спросила она.

Женщины посмотрели друг на друга. Они выглядели смущенными.

— Что случилось? — спросила Вала. — Он ранен?

— Мы не знаем, — сказал мужчина, чье поведение было грубым.

Одна из женщин-фей встала перед мужчиной и сказала:

— Галаэрон выполняет миссию чрезвычайной важности для всего Фаэруна.

— Как и мы, — сказала вторая женщина, тоже встав перед мужчиной. — Возможно, будет лучше, если мы представимся. Я - Шторм Серебрянная рука.

— Меня зовут Дав Соколица, — сказала женщина в дверях.

— Я - Аластриэль Серебрянная Рука, — сказала женщина, которая произнесла заклинания. Она указала на последнюю женщину, которая все еще стояла рядом с чернобородым мужчиной. — Это наша сестра Лаэраль.

— И это делает меня Хелбенем Арунсуном. — Мужчина-фейри протиснулся между двумя женщинами, которые встали перед ним. — Теперь, когда ты испытываешь благоговейный трепет, может быть, ты ответишь на пару вопросов и поможешь нам спасти Сердцеземье?

Вала хмуро посмотрела на мужчину, совершенно уверенная, что сошла с ума. Когда она ничего не сказала, Хелбен закатил глаза и повернулся к той, которая представилась Аластриэль.

— Как она может не знать, кто мы? — он спросил. — Неужели Вааса такая отсталая?

— Мы знаем об Избранных даже в Ваасе, — сказала Вала. — Мы также знаем разницу между плотью и фантазмом. Зачем бы вам пятерым появляться в моей камере размером с куклу, если бы я не была сумасшедшей?

— Потому что нам нужна твоя помощь, — сказала Аластриэль. Она подошла и положила руку на подбородок Валу. Ее прикосновение было достаточно реальным, твердым и теплым. — Мы должны найти мифаллар, и ты единственная, кто может помочь.

— Беда! — прошипела женщина у двери. — Охранник идет.

Фейри исчезли так же быстро, как и появились, оставив Валу одну в камере.

— Подождите! — Она чувствовала себя более одинокой, чем когда-либо, и более уверенной, что сходит с ума, более напуганной. — Не надо!

В дверях появился охранник, неуклюжий повелитель теней с рубиновыми глазами и острыми зубами. Вала подумала, что это Феслат, один из любимчиков Эсканора.

— Чего не надо? — спросил Феслат. — С кем ты разговариваешь?

Хотя его шадоварские глаза могли видеть в темноте так же легко, как Вала могла видеть при дневном свете, он даже не потрудился оглядеть камеру. Он знал так же хорошо, как и она, что в комнате никого не было, что ее разум, наконец, сломался. — Я задал вопрос, рабыня.

Вала уставилась на него и отказалась отвечать. Она не беспокоилась о том, чтобы выдать присутствие своих посетителей, заблуждения были надежно спрятаны в ее сознании, но она не могла повиноваться, даже в этом, как только она начнет сдаваться, это будет становиться все легче и легче, пока она, наконец, не станет принадлежать им не только телом, но и духом.

— Ты бросаешь мне вызов? — Феслат ухмыльнулся и снял кнут с крючка. Ему даже не нужно было искать, чтобы найти его.

— Как тебе будет угодно.

— Займи позицию.

Вала должна была повернуться спиной и склонить голову, чтобы защитить глаза. Вместо этого она посмотрела прямо в глаза Феслату и сказала:

— Иди пососи везераба.

Хлыст ударил Валу в грудь за мгновение до того, как она закончила произносить проклятие. Отказываясь доставить ему удовольствие криком, она стиснула челюсти и тоже молча приняла следующий удар, но третий пришелся ей по ребрам и заставил непроизвольно ахнуть. Феслат, в частности, был мастером этой техники и с удовольствием заставлял её тело издавать звуки, которые ее разум держал под контролем.

Следующий удар хлестнул ее поперек предыдущего, и у Валу закружилась голова. Нападение не закончится, пока она не потеряет сознание. Молясь, чтобы он продолжал наносить удары друг на друга, она посмотрела ему в глаза и увидела, как его рука отдернулась.

Фигура в темном плаще встала позади Феслата и схватила его за запястье. Черный посох врезался ему в голову сбоку. Его колени подогнулись, и он растаял на полу, как костюм из пустого шелка.

Хелбен Арунсун, ростом в шесть футов, пнул лорда шейда в ребра, сильно, чтобы убедиться, что он без сознания, а затем опустился на колени рядом с Валой.

— Ты могла бы ответить ему, — сказал он.

Вала покачала головой и, смутно сознавая, что у нее отвисла челюсть, выдохнула:

— Ты настоящий.

Хелбен кивнул, но не сделал ни малейшего движения, чтобы снять с нее наручники.

— Значит ли это, что ты поможешь нам? — спросил он.

Вала потрясла цепью, которой была прикреплена к стене.

— Значит ли это, что ты вытащишь меня отсюда? — спросила она в ответ.

Лицо Хелбена стало нетерпеливым. —

Мы вернемся за тобой, но наша миссия зависит от секретности и внезапности. Мы не можем взять тебя с собой сейчас, не рискуя привлечь к себе внимание.

Вала на мгновение задумалась, затем указала подбородком на упавшую фигуру Феслата.

— Ты и так рискуешь, — сказала она. — И без обид, но, если ты идешь за мифалларом, мне не нравятся твои шансы вернуться сюда, чтобы спасти меня, прежде чем этот камень упадет на землю.

— Судьба самого Фаэруна висит на волоске! — голос Хелбена был глубоким и праведным. — Ты готова торговаться за собственную жизнь?

— У меня есть сын, которому нужна мать.

Вала не дрогнула, когда Хелбен сердито нахмурился, но добавила:

— Я не из тех, кто торгуется.

— Она права, Хелбен. — Дав и трое других Избранных появились на полу между ними, все еще не выше ладони.

Дав продолжила:

— Мы обещали Арису

— Мы сдержим свое обещание, — настаивал Хелбен, — не рискуя нашей миссией.

— Ты уверен, что наша магия стирания разума сработает на шадоварах? — спросила Аластриэль. — Они не существа Плетения.

— Даже если подействует, у охранника все равно будет шишка на голове, требующая объяснения — сказала Шторм. — Он будет удивляться, как он её получил, и это само по себе может выдать нас.

— Я знаю, как это не будет иметь значения, — сказала Вала, увидев свой шанс.

Хелбен посмотрел на нее и поднял бровь. Вала объяснила свой план, и когда она закончила, Хелбен продолжал изучать ее, прищулив глаза.

— Он сработает, — сказала Вала. У него больше шансов, чем у твоей, похищающей память магии.

— Похищающей память магии Аластриэль, — поправил Хелбен. — Меня беспокоит не это.

— Тогда что же? — спросила Лаэраль.

— Вала, — просто сказал он. — Это не значит, что она помогает нам по доброте душевной. Если Галаэрон не мог сказать нам, где найти мифаллар, откуда мы знаем, что Вала может? Она может лгать, чтобы мы помогли ей сбежать.

— Галаэрон вернулся во Дворец Высочайшего с помощью магии Теламонта — сказала Вала. — Я пошла домой.

Хелбен продолжал сомневаться.

— Что, если я лгу? — спросила Вала. — Ты оставишь меня здесь, чтобы я пала вместе с городом?

— Конечно, нет, — сказала Аластриэль. — Мы обещали Арису, что не бросим тебя здесь.

— Тогда зачем мне лгать?

Наконец, Хелбен улыбнулся и сказал: ъ

— Я полагаю, что ты права, не так ли?

Хелбен подтащил потерявшего сознание стражника к Вале и положил его у ее ног. Пока она использовала пятку своей ноги, чтобы сделать вид, что *она* сбила его с ног, Хелбен снял ключи с его пояса и расстегнул ее наручники. Как только она освободилась, Вала обмотала цепь вокруг его горла и начала душить его. Никто из Избранных не смотрел эту часть. Они явно хотели, чтобы был другой способ. Только не Вала. Ей достаточно было подумать о побоях, которые она перенесла от рук Феслата, чтобы эта маленькая месть показалась ей недостаточной. От этой мысли у нее по спине пробежал холодок, и она поймала себя на мысли, что задается вопросом, могли ли только пользователи магии впустить свои тени внутрь. Как только стражник был мертв, Вала взяла его снаряжение и оделась в его одежду, а Хелбен уменьшился до размеров остальных. Она засунула всех пятерых Избранных в карманы и с помощью заклинаний невидимости и тишины спустилась по лестнице к основанию тюремной башни. Здесь ей пришлось убить еще двух охранников, первого, когда он повернулся к открывающейся двери, второго, когда он боролся с умирающим телом, которое она сунула ему в руки. Оставив тела внутри лестничной клетки за запертой железной дверью, она использовала плащ второго, чтобы вытереть кровь с пола, затем бросила его в гардеробную и покинула помещение. Оттуда было бы просто спуститься по черной лестнице и исчезнуть в городе. Вместо этого Вала вошла в коридор для слуг и пересекла заднюю часть большого дворца. Хотя она проходила мимо постоянного потока служанок, пажей и дворецких, она оставалась скрытой как от глаз, так и от ушей, поскольку магия Избранных была достаточно мощной, чтобы оставаться эффективной даже после вступления в бой. Четверть часа спустя Вала вышла из коридора для слуг в темный вестибюль перед личным крылом принца. Огромные двери в приемную были закрыты и охранялись, как и после его возвращения с битвы на Высоком Льду, и на мгновение она отчаялась осуществить свой план. Другого пути в крыло не было, по крайней мере, которого она, когда-либо видела, и даже невидимая, она не смогла бы одолеть дюжину лордов шейдов Эсканора.

Но, как и надеялась Вала, обязанности принца нельзя было игнорировать, даже когда он полумертвый лежал в своей постели. Вскоре к большим дверям подошел курьер с наполненной тенью бутылкой для писем. Вала последовала за ним по пятам, так близко, что, когда охранник приказал ему остановиться в трех шагах от дверей, ей пришлось увернуться, чтобы не врезаться в него. Охранник взял бутылку с посланием и отпустил курьера, подождав, пока тот исчезнет в коридоре, прежде чем повернуться и тихо постучать в дверь. Вала стояла рядом с охранником, казалось, целую вечность, едва осмеливаясь выдохнуть, чтобы ее дыхание не щекотало волосы на его руках. Наконец стюард приоткрыл дверь ровно настолько, чтобы высунуться и взять бутылку с посланием. Вероятно, было бы разумно подождать служанку или какую-нибудь другую домашнюю прислугу, чьи обязанности потребовали бы открывать дверь шире, чем на ширину плеч, но у них было очень мало времени, чтобы принять

решение, и Вала знала, что смерть в тюремной башне не останется незамеченной надолго. Она опустилась на корточки, развернулась перед охранником и, пригнувшись, боком прошла в узкий проем, так стараясь не наступить ему на пятки, что закрывающаяся дверь зацепила ее ногу.

Стражник что-то крикнул камергеру, который был уже в шаге от него, затем толкнул его плечом. Нога Валы, казалось, согнулась по всей длине, но тяжелая дверь отскочила достаточно, чтобы она втянула ногу в комнату за собой.

Дверь со щелчком закрылась, и Вала упала на свое место, сразу же вздохнув с облегчением и открыв рот в беззвучном крике боли. Было бы неплохо отложить в сторону оружие, которое она держала в руке, и проверить, нет ли сломанных костей, но такие поблажки убивали больше воинов, чем спасали. Она перекатилась на колени и встала лицом к большой приемной Эсканора, где сидело с полдюжины клерков, занятых личными делами принца. Вала на четвереньках пересекла комнату, направляясь к темному коридору, который вел вглубь внутреннего святилища принца. Там ей пришлось проскользнуть под скрещенными глефами другой группы охранников. Оказавшись в темном коридоре, она встала и перенесла вес на ногу. Боль была тупой и общей, больше похожей на сильный ушиб, чем на перелом. Она сделала несколько шагов. Поняв, что нога поддержит ее, она прошла через личный кабинет Эсканора в его гардеробную и, миновав еще одну пару охранников и небольшую группу слуг на каждом этапе, из его гардеробной в его большую и роскошную спальню. Эсканор лежал один в своей постели, похожий на человеческую тень, прилепившуюся к клетке из черных ребер. Его бьющееся сердце было видно внутри, все еще слабо светящееся светом пламени Плетения, которое почти поглотило его. С одной стороны кровати его сопровождал слуга, а с другой – жрица в черном одеянии и пурпурной маске Шар. В ногах кровати стояли два боевых лорда Эсканора. Темный меч Валы был выставлен на полке над изголовьем кровати принца, запертый за парой хрустальных дверей.

— Вала! — Голос Хелбена раздался у нее в голове. — *Во имя Плетения, что ты делаешь?*

Вала не ответила. Она не рассказала Избранным об этой части своего плана, но это было так же необходимо для их успеха, как и поиск мифаллара. Она подошла к изножью кровати и одним вращающимся ударом перерезала горло обоим охранникам. Едва мужчины упали, как жрица подняла руки и начала тихую молитву своей скрытой богине. Вала оборвала её, ударив хлыстом в другой руке. Веревка туго обернулась вокруг горла женщины, и молитва закончилась сдавленным вздохом, когда Вала рывком сбила жрицу с ног. Слуга направился к двери, его рот в шоке открывался и закрывался, но он издавал только сдавленные вздохи. Она пронеслась мимо края кровати, подняв больную ногу в ударе, который попал ему прямо в нос самой твердой частью ее пятки. Он так сильно отлетел, что сначала приложился затылком, а потом, с тошнотворным треском, ударился о каменный пол. Отказавшись от своего заклинания, жрица вслепую бросилась вперед, одной рукой оттягивая хлыст вокруг горла, а другой вслепую рассекая воздух кинжалом. Вала подождала, пока пройдет следующий удар, затем шагнула вперед и ударила внешней стороной ладони в челюсть женщины. Жрица мгновенно обмякла, ее глаза закатились, а кинжал выскользнул из ее руки. Вала бросила хлыст и повернулась к кровати. В

темных глазницах Эсканора горела пара медных огоньков, слабых и мерцающих, пока он пытался прийти в сознание.

— Вала! Если ты рассчитываешь, что мы поможем тебе убить...

— Тихо.

Хотя Вала произнесла это слово вслух, она слышала его только в своем уме. Она направилась к витрине. Пламя в глазах Эсканора вспыхнуло ярче, и она поняла, что принц пришел в себя. Она швырнула меч, потянулась за кинжалом и прыгнула на кровать. Из-под одеяла показалась темная рука. Ее меч срикошетил вверх и разбил хрустальную дверь, и что-то ударило ее в грудь, как один из молотков Ариса. Она упала с кровати навзничь и упала на пол лицом вниз.

— Стража! — Голос Эсканора был едва слышен, но стал достаточно громким, чтобы вызвать переполох в комнате. — Помогите!

Вала подняла руку и тихо позвала свой темный меч. Она услышала звон разбитого хрусталя, и оружие пролетело над изножьем кровати. Рукоять скользнула в ее ладонь, как рука старого друга. Лезвие оставляло за собой полоску тени там, где касалось тела Эсканора.

— У тебя есть твой меч. Пора уходить! — Настаивала Шторм. — Через балкон.

Вала перекатилась на колени и встала, подняв руку для броска. Когда она увидела Эсканора, качающегося с противоположной стороны кровати, она так и сделала. Лезвие попало ему между лопаток, рассекло два ребра и слабо пульсирующее сердце. Принц умер без единого крика. Его грудная клетка просто упала на пол в двух частях. Охранники из раздевалки ворвались в комнату и обнаружили, что расколотое сердце растворяется в облаке тени.

— Теперь точно пора уходить.

И снова Вала слышала ее слова только в своем сознании. Когда стражники бросились к умирающему принцу, она призвала темный меч обратно в свою руку. Она хотела бы остаться и найти волшебное кольцо, подаренное ей Коринеусом Драннекеном, в катакомбах под Миф Драннором, но об обыске такого масштаба не могло быть и речи. Она бросилась к двойным дверям и подпрыгнула в воздух, а затем врезалась в еще двух охранников, когда они ворвались внутрь. Вала поставила по одной ноге им на плечи: она целилась им в горло, но не прыгнула достаточно высоко, и ей удалось проделать достаточный зазор между испуганными шадоварами, чтобы остальная часть ее тела прошла сквозь него. Она упала на бок, ее голова была на расстоянии меча от любого из них, затем она подобрала ноги под себя и нырнула вперед, перекатившись через балкон в серии кувырков. Стражники подняли тревогу и вслепую звякнули мечами о камень всего в нескольких дюймах позади нее. Наконец Вала дошла до конца балкона и обнаружила, что балюстрада преграждает ей путь. Она сделала еще одно сальто, подобрала под себя ноги и прыгнула вниз головой.

Вала была в дюжине футов от улицы, когда волшебная рука, наконец, протянулась, чтобы остановить ее падение.

— В следующий раз, юная леди, мы вас не поймем, — предупредил Хелбен. — Это было ни что иное, как убийство из мести.

— Именно оно и было, — сказала она, — и, если бы я этого не сделала, никто бы не поверил, что мой побег был моим собственным. Не после того, что сделал со мной этот дьявол.

Ноги Валы коснулись улицы, и она побежала к нижним лабиринтам Шейда.



Ваасанцы сидели вместе по одну сторону стола, смеясь, брызгая слюной и сильно хлопая друг друга по спине, пока ели, пили и описывали дневную битву своему ревнивому товарищу Дексону. Послушать разговоры мужчин, так сражаться с фаэриммами было не опаснее, чем выслеживать лесного рофа, за исключением того, что фаэриммы делали все это гораздо более захватывающим, охотясь в ответ. Если бы Такари не была рядом и не видела своими глазами смертоносную эффективность людей в тот день, и многие другие, она бы поверила, что вино развязывает их языки. Но все произошло именно так, как они описывали, и они действительно добавили по три хвоста к своим поясам. Вооруженная темным мечом Дексона, Кейя Нихмеду потребовала два для своей растущей коллекции. Такари взяла только один, но у нее не было ничего, кроме ее собственной эльфийской стали. Если бы у нее был собственный темный меч, она убила бы больше фаэриммов, чем кто-либо другой. Такари взяла кувшин и наполнила его из бочки с вином в буфетной, затем остановилась в дверях и оглядела двух здоровых ваасанцев сзади. С их массивными плечами и заплетенными в косу черными волосами, они больше походили на ткаэртов, чем на людей, но она провела достаточно времени, сражаясь рядом с ними, чтобы знать, что ни один из них не был полностью тем зверем, каким казался. Она видела, как Берлен несколько раз рисковал своей жизнью, чтобы защитить Кейю, даже не позволяя ей заметить, в то время, как Кул вернулся из одного патруля с выводком осиротевших енотов, спрятанных под его плащом. После минутного раздумья Такари остановилась на Куле и подошел к нему сзади с кувшином. Они всегда останавливались, чтобы смыть кровь и сажу в Пруды Славы Рассвета, прежде чем вернуться домой на Вершину Древа, поэтому она знала, что Кул был немного более худым и менее волосатым, чем Берлен. Все равно это будет похоже на схватку с медведем, но она не видела причин делать это более неприятным, чем должно быть.

— Еще вина, Кул? — Не дожидаясь ответа, Такари прижалась к могучей спине Кула и потянулась через его плечо, чтобы наполнить его кубок. На ней была только тончайшая сорочка, поэтому она знала, что он чувствует ее так же хорошо, как и она его, но он только кивнул и поблагодарил, даже не взглянув в ее сторону. Видя, что бокал Дексона почти пуст, Такари воспользовалась возможностью, чтобы яснее выразить свою точку зрения, прижавшись к плечу Кула, когда она потянулась, чтобы наполнить его. Задержавшись там дольше, чем было необходимо, она повернулась и улыбнулась.

Кул отвел взгляд, на его щеках вспыхнул алый румянец. Берлен пододвинул свой кубок к кувшину и сказал:

— Я сам сделаю еще глоток, если ты не возражаешь.

Такари со стуком опустила кувшин и слезла с плеча Кула.

— Почему я должна возражать? Я уверена, что ты можешь налить.

Это вызвало громкий смех Дексона и обиженное выражение лица Берлена. Лицо Кула стало еще краснее. Такари задумалась, все ли люди такие же тупые, как тот, которого она выбрала, или в Куле было что-то, чего она не понимала. Она видела, как

он бросал на нее голодные взгляды, когда они купались. Такари обошла Кула с другой стороны и обнаружила, что Кейя Нихмеду изучает ее, задумчиво нахмурившись. Узнав, как Кейя приобрела способность держать темный меч Дексона, позволив ему поместить в нее ребенка, Такари совершила ошибку, спросив, есть ли у других ваасанцев дома семьи. Кейя, казалось, угадала ее план.

Такари проигнорировала осуждение, которое она почувствовала во взгляде молодой эльфийки, и придвинула стул поближе к своей добыче. Она провела пальцем по предплечью Кула, и его лоб заблестел от пахнущего пота.

— Я бы хотела, чтобы ты показал мне, как ты сегодня сделал этот переворот на багбере, — сказала она. В комнате воцарилось выжидательное молчание, Дексон и Берлен изучали Кула с волчьими ухмылками.

— Это был хороший ход, — вмешалась Кейя. Она не сводила глаз с Такари. — Может быть, ты покажешь нам все завтра?

— Мне лучше сейчас, — сказала Такари.

Она провела полтора десятка дней, молясь Крылатой Матери, чтобы та подготовила ее, и по теплу в ее утробе чувствовала, что она готова. Это должно было произойти сегодня вечером. Она положила пальцы на мясистый локоть Куля и слегка надавила. — Можешь показать остальным завтра — прошептала она.

Кул, казалось, растаял от ее прикосновения, но почему-то все еще не обращал внимания на то, что она предлагала.

— Я могу показать тебе сейчас. Это не займет много времени, — сказал он, поднимаясь и указывая на пол. — Ложись и будь мной, а я заберусь сверху и буду багбером.

Дексон съежился и сказал:

— Я не думаю, что хочу это видеть.

— И я тоже, — согласилась Кейя. — Такари, это несправедливо...

— *Справедливо?* — перебила её Такари. — Галаэрон сделал свой выбор, когда оставил меня в Рейтхиллаэторе и сбежал с Валой. Если я тоже решу попробовать человека, это не его дело, и не твое.

У Кейи отвисла челюсть, и по замешательству в глазах младшей эльфийки Такари поняла, что ей удалось запутать вопрос. Независимо от того, о чем догадывалась Кейя, она не могла знать, использовала ли Такари человека для удовольствия, мести или доступа к темному мечу.

— Э-э, Такари? — спросил Кул. — Что значит «попробовать человека»?

— Как ты думаешь, что я имею в виду?

Такари закатила глаза и сказала:

— Я видела, как ты смотришь на меня, когда мы купаемся.

Кул выглядел виноватым.

— Ты видела?

— Это трудно не заметить, — ответила Такари.

— Все в порядке? — вздохнул Кул. — Я думал, что когда мы подглядывали, это побеспокоило эльфов.

— По правде говоря, это немного тревожит, — сказала Такари. Увидев замешательство, промелькнувшее в глазах Кула, она решила, что будет лучше

изложить все как можно яснее. — Я даю тебе шанс сделать больше, чем просто попятиться, Кул. Тебе интересно или нет?

— Интересно.

— Хорошо.

Такари взяла его за запястье и начала размышлять, но их быстро перехватила неодобрительная Кейя Нихмеду.

— Кул, — сказала она, — ты понимаешь, что она использует тебя?

Ухмылка размером с полумесяц расплылась по лицу Кула, и он сказал:

— Я очень на это надеюсь.

Он поднял Такари и проскользнул мимо Кейи почти вплотную, и мгновение спустя Такари обнаружила, что борется с медведем. Опыт оказался не таким неприятным, как она опасалась, во многом потому, что все закончилось так быстро. Второй раз длился чуть дольше. Она с удивлением обнаружила, что больше не испытывает отвращения, за исключением того, что ближе к концу он действительно начал рычать, как медведь. В третий раз она действительно начала наслаждаться этим, и это стало сложнее, когда посланец лорда Дуирсара влетел в открытое окно. Не обращая внимания на происходящее, снежный вьюрок начал порхать вокруг их голов, щебеча и чирикавая, как будто мир приближался к концу.

— Манинест, — выдохнула Такари. — Не ... сейчас!

Птица села ей на плечо и закричала прямо в ухо. Настроение мгновенно испарилось, и Такари протянула палец.

— Птичка, лучше бы ты принесла хорошие новости.

Манинест разразился длинной серией свистков.

— Что? — спросила Такари. — Когда? — Она высвободилась из объятий Кула и спустила ноги на пол. Снежный вьюрок пискнул в ответ, затем чирикнул вопрос.

— Конечно! — сказала Такари, вскакивая. — Скажи ему, что мы встретим их у Ливрейных Ворот.

Кул приподнялся на локте и спросил:

— Встретим кого?

Она схватила с пола пояс с оружием Кула и бросила его ему, не касаясь рукояти темного меча. Она не хотела, чтобы Кул знал, почему она переспала с ним, пока не узнает, что семя было посеяно.

— Фаэриммы, — ответила Такари. — Они прорвали мифал.



Где-то в Дворце Высочайшего висел Галаэрон, закутанный в бархатную мглу, неподвижный, способный дышать и кричать, но не более того. Голоса шадоваров шипели в далеком мраке. Тень просачивалась в его поры, проникая в него с каждым вдохом, сомнение, подозрение и гнев неуклонно омрачали его сердце. Как долго он там пробыл, сказать было невозможно. Никто никогда не приходил, чтобы накормить его, или дать ему воды, или позаботиться о его сломанной руке, или даже спросить, готов ли он сотрудничать, но он, казалось, никогда не испытывал голода или жажды, или потребности ответить на зов природы. Он висел там, подвешенный в этом мгновении, пульсирующем, наполненном болью мгновении без начала и конца, без

какого-либо предела. Галаэрун казалось, что мифаллар должен был быть уничтожен задолго до этого, что Избранные должны были найти его, разорвать на части и привести Шейд, к падению в пустыню. Может быть, так оно и было. Пойманный в ловушку, каким бы он ни казался в одно мгновение, откуда ему знать? Или, может быть, он был там всего мгновение. Может быть, все его мысли с тех пор, как Теламонт повесил его там, промелькнули в его голове в одно мгновение, и Хелбен и другие все еще ждали своего шанса сбежать в город. Или, возможно, Избранные покинули его, где бы он ни был, довольные тем, что тень внутри него никогда не сбежит, чтобы накрыть Фаэрун. Это было бы очень похоже на них: пожертвовать одним человеком ради многих-до тех пор, пока этот человек не был одним из *них*. Галаэрун вспомнил о своем пленении и вспомнил, как быстро они покинули караван, как ловко они устроили все так, что никто из них не был призван принести окончательную жертву. Трусы, не колеблясь, оставили бы его там одного страдать целую вечность. И это было именно то, чего хотел бы Галаэрун. "*Настоящий Галаэрун*", напомнил он себе. Тень почти поглотила его. Каждая мысль содержала скрытое сомнение, каждая эмоция была окрашена подозрением. Пройдет совсем немного времени, и он сдастся. Ему нужно было только схватить пригоршню теневого вещества и использовать его темную магию, чтобы сотворить заклинание, и он был бы свободен, чтобы отомстить всем, кто причинил ему зло. Теламонт сказал это, когда заключил его в тюрьму, пообещал, что именно так закончится борьба Галаэруна, что все, что контролировал Галаэрун, будет, *когда* она закончится. Галаэрун поверил ему. Если время - это все, что он может контролировать, то он будет контролировать его.

Шипение далеких голосов стихло, и воздух стал тяжелым и холодным. Сердце Галаэруна подскочило к горлу, и он начал искать в темноте впереди горящие диски платиновых глаз Теламонта. Воздух становился только холоднее и неподвижнее.

— Ты сильнее, чем я думал, эльф, — прошипел в ухо Галаэруну тонкий голос Высочайшего. — Ты начинаешь меня злить.

Галаэрун улыбнулся. Он попытался повернуться на голос, но все его тело, казалось, повернулось вместе с ним, и Теламонт остался за пределами его периферийного зрения.

Галаэрун пришлось довольствоваться тем, что он говорил в тень.

— По крайней мере, это так, — сказал он.

— О, это еще не все, — сказал Теламонт. — Гораздо больше. Мой сын, Эсканор, мертв.

Галаэрун начал было говорить что-то злобное, но потом понял, что выразить такую злобу скорбящему отцу, даже *этому* скорбящему отцу, значило бы пригласить его тень войти.

— Мне очень жаль это слышать.

Рядом с ухом Галаэруна раздался глубокий смешок.

— Ложь тоже рождена тенью, эльф.

— Это было сострадание, а не ложь. — Мысли Галаэруна неслись вскачь. Неужели город пал и Теламонт пришел отомстить? Видел ли он способ использовать смерть своего сына, чтобы полностью загнать Галаэруна в тень? Или он просто пришел, чтобы выместить на нем свой гнев? — Что бы я ни думал об Эсканоре, — сказал эльф, — что бы я ни хотел сделать с ним сам, я уверен, что ты любил его.

Теламонт на мгновение замолчал, не используя свою волю, чтобы настаивать на ответе, как обычно, когда он замолкал, но, казалось, искренне обдумывал слова Галаэрона.

— Возможно, так оно и было, — сказал Высочайший. — Как жаль, что Вала не была такой милосердной, как ты.

В животе Галаэрона образовался холодный узел. Холодное присутствие Теламонта придвинулось к нему еще ближе. — Она сбежала из своей камеры, — сказал Шадовар. — Она убила его в постели, больного.

Узел в животе Галаэрона стал тяжелым, как свинец.

— Его охранники ...? — Он едва мог заставить себя задать вопрос:

— Она мертва?

— Это разозлило бы тебя, не так ли?

Закутанная в плащ фигура возникла во мраке перед Галаэроном. Когда Высочайший уже шептал ему на ухо, Галаэрому потребовалось мгновение, чтобы понять, что фигура перед ним тоже принадлежала Теламонту.

— Я мог бы сказать тебе, что это так, и ты бы пришёл в ярость.

Глаза Теламонта загорелись гневом, но его голос продолжал шептать на ухо Галаэрому:

— И с яростью придет твоя тень. Она будет претендовать на тебя навсегда.

— Тогда она не мертва.

И мифаллар не был уничтожен, понял Галаэрон. Если бы Шейд пал, Теламонт был бы больше заинтересован в том, чтобы убить его, чем заявить на него права.

— Ты не знаешь, где она. А с надеждой приходит сила, — прошипел бестелесный голос. — Сила, чтобы бросить мне вызов. Что же мне делать?

Он замолчал, и воздух стал тяжелым от ожидания. Опасаясь, что один ответ приведет к другому и еще одному, пока он не предаст их план, Галаэрон старался не отвечать. Теламонт молчал, и его воля давила на Галаэрона все сильнее. В конце концов, он больше не мог сопротивляться, и слова вырвались сами собой.

— Скажи мне правду.

Фиолетовый полумесяц улыбки появился в капюшоне под глазами Теламонта.

— Правду? Что такое «правда» на самом деле? — Прошептал голос Теламонта в другое ухо Галаэрона.

— Правда в том, что она будет. — Комок в животе Галаэрона начал становиться легче. Вала все еще была жива. — Если вы ее поймаете.

— *Когда* мы ее поймаем, — поправил Теламонт. — Куда она может пойти? До земли тысяча футов. Он сделал паузу, и Галаэрон на мгновение испугался, что Теламонт собирается заставить его ответить, что выдаст нападение на мифаллар, но у Теламонта было что-то еще на уме. — Ее поймают. Другие мои сыновья отслеживают ее даже сейчас.

Галаэрон с трудом сдержал улыбку. Он еще ничего не сказал об Избранных, и, если принцы заняты поисками Вала, они не будут следить за мифалларом. Возможно, они даже помогли ей сбежать, чтобы отвлечь внимание. Это было бы так похоже на этих трусов – пожертвовать беспомощной женщиной, чтобы им не пришлось рисковать собственной жизнью. Галаэрому пришлось в голову, что он мог бы спасти

жизнь Валы, предупредив Теламонта об их плане. Вот чего заслуживали эти предатели.

— Тебе все равно? — Спросил Теламонт. — Я думал, ты любишь эту женщину. Я думал, что это из-за нее ты предал нас, — Теламонт затих, и снова тяжесть его воли медленно сокрушала решимость Галаэрона.

Наконец, Галаэрон признал:

— Это правда. Я действительно люблю ее.

— Тогда жаль, — сказал Теламонт. — того, что произойдет, когда мы ее поймаем....

Он замолчал, предоставив Галаэру представить себе ужасы, которые обрушатся на нее. Учитывая наказание, которое понесла Вала только за помощь в его побеге, он не мог вынести мысли о смерти, которую она встретит после убийства принца Шейда. Он начал чувствовать, как воля Теламонта давит на него, заставляя говорить то, о чем он думал. Снова и снова Галаэрон ловил себя на том, что готов выпалить свой план, рассказать, как он обманом заставил Теламонта привести Избранных в Шейд.

Каким-то образом он сопротивлялся. Глубоко внутри, часть его хотела верить, что это честь остановила его, что что-то внутри него было достаточно сильным, чтобы противостоять воле Высочайшего Шейда. Но правда заключалась в том, что он снова попал в руки своего теневого я, и оно просто не верило, что Теламонту можно доверять. Каждый раз, когда Галаэрон начинал говорить, что он обменяет жизнь Шейда на жизнь Валы или что он может доставить пятерых Избранных в обмен на ее свободу, его тень отказывалась. Это напомнило ему, что Теламонт однажды предложил научить его управлять своей тенью, как будто это можно было сделать, и как плохо обернулась эта сделка. Это напомнило ему о том, насколько могущественен Высочайший. Галаэру стоило только намекнуть на нападение на мифаллар, и Теламонт начнет давить на него, требуя ответов. Шадовар узнает все в течение нескольких минут, Вала все равно будет приговорена к медленной смерти, а Галаэрон останется ни с чем за свое предательство. На этот раз теневая сущность Галаэрона была права. Теламонт не сделал ничего, кроме как предал его. Теламонт заслужил то, что должно было случиться с его городом. Все шадовары так и сделали. А Вала? Он хотел спасти Валу, но не мог этого сделать, уступив Теламонту. Наконец Теламонт сказал:

— Любовь не так сильна, как я себе представлял. — Давление не ослабевало, но его голос исходил от фигуры в капюшоне перед глазами Галаэрона. — Ты не хочешь спасти Валу?

— Я бы сделал все, чтобы спасти Валу, — казал Галаэрон, — но я не дурак.

— Нет? — Голос Теламонта звучал как треск ломающегося льда. — Тогда ты знаешь, что она не сбежит. И ты знаешь, что я могу тебе помочь.

Мрачный голос внутри Галаэрона кричал ему, чтобы он придержал язык, что он дурак, если думает, что сможет заключить сделку с Теламонтом Тантулом. Галаэрон проигнорировал голос и продолжил:

— Фаэриммы продолжают беспокоить тебя. Отведи меня к окну мира. Когда я увижу ее дома в Ваасе, я снова помогу тебе с ними.

Теламонт придвинулся ближе, пока Галаэрон не увидел перед собой ничего, кроме двух платиновых глаз. Он заставил себя выдержать взгляд, и в конце концов увидел, что глаза были серебряными коронами, горящими вокруг двух дисков тени, более черной, чем тьма. Давление его воли становилось сокрушительным, и все же Галаэрон не отводил взгляда. Наконец, сияющие короны замерцали с чем-то вроде веселья, и Теламонт немного отступил.

— Любовь не так сильна, как я себе представлял. — Глаза Высочайшего снова превратились в диски, и его темная фигура начала таять в темноте. — Но надежда ... — сказал шейд. — Это намного сильнее.

Сокрушительное бремя его воли осталось. Галаэрон ждал, ожидая, что в любой момент в нем возникнет желание ответить на какой-то невысказанный вопрос. Был только неосязаемый вес, и другое давление, поднимающееся изнутри, чувство, которое было ближе к страху и неуверенности, возможно, горе. Наконец, когда очертания тела Теламонта снова растворились в темноте и остался только бледный свет его угасающих глаз, именно это давление заставило Галаэрона нарушить молчание.

— Подожди! — сказал Галаэрон. — А как же Вала?

— Принятие.

Глаза исчезли, но голос Теламонта прошипел из темноты вокруг:

— Если ты хочешь спасти ее, тебе нужно только ухватиться за тени и освободиться.

Прежде чем Галаэрон успел возразить, в отдаленном мраке снова зашипели голоса, и сокрушительная тяжесть воли Теламонта исчезла. Галаэрон обнаружил, что разрывается между гордостью за то, что сразился волей с Высочайшим, и опасением из-за его комментария о надежде. Что он имел в виду, говоря, что надежда намного сильнее? Вероятно, это была просто какая-то уловка, чтобы заставить Галаэрона подчиниться воле Высочайшего, сдаться тени, но было что-то в том, как это было сказано, что заставило его почувствовать себя иначе, нотка откровения в голосе Теламонта, которая предполагала вспышку озарения. Его тон, когда он согласился обменять сотрудничество Галаэрона на жизнь Валы, был насмешливым, как будто он знал, что предложение никогда не будет принято.

Мрачный голос прошептал, что Теламонт держит его за дурака. Был только один способ спастись, и Галаэрон отказался им воспользоваться. Половина шадоваров в анклав, должно быть, смеялась над ним в этот самый момент. Галаэрон сопротивлялся этой мысли, напоминая себе о том, что произошло в последний раз, когда он использовал Теневое Плетение, о том, как он оттолкнул Валу и чуть не убил Ариса. Если Теламонт и обеспечил легкий побег, то только потому, что это был вовсе не побег. Галаэрон дал клятву никогда больше не использовать магию теней, и эту клятву он намеревался соблюдать. Галаэрон занимался тем, что казалось следующей вечностью мультивселенной, споря взад и вперед с темным голосом в своей голове, зная, что есть только один выход, и зная также, что судьба хуже смерти ждет его, если он воспользуется им. Если бы он был уверен, что узнает, когда Избранные разрушат мифаллар и город падет, возможно, у него хватило бы мужества подождать. Как бы то ни было, неопределенность была больше, чем он мог вынести: страх, что Шейд рухнет в пески Анаврока и будет похоронен на пятнадцать веков вместе с ним, все еще там, в

этот темный момент, гадая, удастся ли его план когда-нибудь, гадая, доживет ли Вала до того, чтобы снова увидеть своего сына, гадая, простила ли Такари когда-нибудь его за эгоистичный страх, который заставил его отвернуться от нее. Образ черного каплевидного тела возник в его сознании и начал увеличиваться. У существа было три выпуклых выступа, которые, учитывая полные клыков рты на конце, могли быть головами. Три руки, каждая из которых заканчивалась тремя ладонями с одним глазом на ладони, росли из его тела в трех разных местах. Призрак, ибо он не сомневался, что это был именно он, смутно напомнил Галаэрому шарна, которого он освободил, когда они уничтожили первого лича Вулгрета.

— Я искал тебя, эльф.

У Галаэрона отвисла челюсть. На этот раз его «теневое я» казалось слишком ошеломленным, чтобы воспользоваться ситуацией, и он испытал момент внутренней тишины, которой не наслаждался с тех пор, как совершил ошибку, которая позволила его тени впервые вторгнуться в него.

— Что, никакого «привет-хо, старый друг?» спросил шарн. Нет, «хорошо встретиться, Хрхвлаублеа?»

— Ч-что, э-э, как...?

— Полагаю, этого будет достаточно.

Шарн - Хрхвлаублеа - плавал в тени перед Галаэроном, все полторы тонны его, или его, или их, или как бы там ни называлось, сгусток трехголового ... вещества. Он помахал глазами в нескольких ладонях над Галаэроном.

— Т-ты настоящий? — Галаэрон запнулся.

Одна из голов приблизилась к лицу Галаэрона и, извергая слюну из пасти, полной клыков, рывкнула:

— Разве я не говорил, что вернусь, чтобы отплатить за услугу, которую ты оказал мне в Карсусе?

— Ты это сделал, — Галаэрон сглотнул.

— Сейчас я нужен тебе больше всего, не так ли?

Галаэрон сумел кивнуть.

— Конечно, это так, — выплюнула другая голова. — Иначе меня бы здесь не было.

Галаэрон покачал головой и подумал, не начались ли у него галлюцинации.

— Ну вот и все, — сказала третья голова. — Теперь ты готов. Услуга оплачена.

Шарн повернулся и начал уплывать в тень. Галаэрон попытался высвободить руку и обнаружил, что застрял, как всегда. Он размышлял, разумно ли разговаривать с галлюцинацией. Мрачный голос спросил, как это может навредить, и он ничего не решил.

— Подожди!

Шарн остановился, но не обернулся.

— Готов к чему? — спросил Галаэрон.

Готов сделать то, к чему ты не был готов тогда, — ответил шарн.

Галаэрон нахмурился.

— Но я все равно попался.

— Чья это вина? — спросила одна из голов, сзади было невозможно разглядеть, какая именно.

— Тебе лучше отлепиться.

— Ты не понимаешь, — сказал Галаэрон. — Я не могу использовать Теневое Плетение. Я дал клятву.

— Клятву? — Шарн развернулся и сунул две ладони в лицо Галаэрону, чтобы посмотреть ему в глаза. — Зачем ты сделал такую глупость? — спросил он.

— У меня был теневой кризис, — объяснил Галаэрон. — Когда я использую Теневое Плетение, мое «теневое я» берет верх. В следующий раз это может быть навсегда, поэтому я поклялся больше не использовать магию теней.

— Нарушать клятву – плохое дело.

Глаза на ладонях моргнули, и он сказал:

— Но не сердись на Тень. Это то, чего она хочет, и в любом случае это не её вина. Ты дал обещание, которое не можешь сдержать.

Шарн повернулся и снова поплыл прочь.

— И это все? — воскликнул Галаэрон. — Это и есть твоё большое одолжение?

Одна из голов повернулась, чтобы оглянуться через своё тело.

— Послушай, я здесь не для того, чтобы учить тебя, как жить. Ты можешь сделать это сейчас, или ты можешь сделать это позже, когда это не имеет значения. Твой выбор. Услуга оплачена.

— Ещё один вопрос, — добавила вторая голова, — и ты у меня в долгу.

— Ты этого не хочешь, — сказала третья голова.

— Действительно. Нет, — сказал Галаэрон. — Уверен, что нет. Благодарю вас и желаю вам всего хорошего.

— В этом нет сомнений, — сказал шарн и исчез в шепчущем мраке.

Прошло больше сотни ударов сердца, прежде чем темный голос внутри предположил, что, возможно, ему следует игнорировать шарна, что, возможно, это была иллюзия, созданная Теламонтом Тантулом, чтобы обмануть его для использования Теневого Плетения. Может быть, в конце концов, ему следует ещё какое-то время побыть в темноте. Галаэрон понял, что, возможно, его «теневое я» говорит противоположное тому, чего оно действительно хочет, что, возможно, оно действительно хочет, чтобы он сбежал, и просто предлагает противоположное, потому что знает, что он сделает противоположное этому...

— Может быть, — сказал Галаэрон. Он закрыл глаза, затем схватил пригоршню тени и сжал кулак. — А может, и нет.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ



2 Элеасиаса, Год Дикой магии

К ужасу Ариса, элегантность не вернулась вместе с силой. С исчезновением Малика великан оказался тайно на службе у принца Идера. Он стоял над Высоким Алтарем в Храме Единого и Всего Малика, вырезая рельеф Черной Луны Шар вокруг

продолговатого черепа и звездной вспышки, которую он сделал, когда храм все еще принадлежал Малику. Он вряд ли мог бы просить о лучших условиях работы, даже если бы был свободным гигантом. Ему нужно было только попросить, и все, что он хотел съесть или выпить, будет принесено из любого дальнего уголка Фазруна. Компания помощников удовлетворяла все его потребности, и он работал в свое удовольствие, а в остальное время был волен делать все, что пожелает. Он даже не был пленником, так как мог свободно бродить по городу Шейд по своему желанию, до тех пор, пока он не возражал против эскорта из нескольких вооруженных лордов-Шейдов. Его контроль над инструментами пришел в норму после того, как он отоспался от последствий сокрытия Избранных в своем теле, и Темная Луна была вырезана достаточно неглубоко, чтобы не привлекать к себе внимания. Тем не менее, было что-то присущее скрытой природе богини, что он не совсем передавал. Зрителю достаточно было только взглянуть на череп и звездную вспышку Цирика, чтобы увидеть, что он плавает внутри Темной Луны Шар, а это совсем не годилось. Она была более утонченной, более загадочной. Арис отступил в сторону, чтобы посмотреть в будущее, едва заметил, как послал дюжину слуг в укрытие, и решил, что ему придется все переосмыслить. Он бросил молоток и долото в сумку с инструментами на поясе и попятился из алтаря.

— Идите в мою мастерскую, — сказал он, указывая служителям на дверь в северном трансепте. — Принесите стопку парусных полотен и бочонок угля для рисования.

Слуги поспешили повиноваться, оставив только четырех стражей, лордов-шейдов, которые делали все возможное, чтобы оставаться тихими и не попадаться на глаза. Идер, очевидно, приказал им не напоминать Арису, что он пленник, но это не имело никакого значения. Он всегда знал, что они у него за спиной. Он *чувствовал* их там, просто вне поля зрения.

В центральном проходе нефа раздался хриплый скрежет, когда кто-то толкнул Черный Портал. Арис рассеянно махнул рукой в направлении звука и сосредоточил свое внимание на объекте своего разочарования. Пара охранников бросилась прочь, чтобы отослать посетителя. Последовало шипение разговора шепотом, затем потасовка, несколько слогов магии и грохот бронированных тел, падающих на пол.

— Что с вами, болванами, не так? — Рывкнул Арис, слишком поглощенный эстетикой, чтобы заметить что-либо, кроме раздражающего беспокойства. — Разве вы не видите, что я пытаюсь думать?

Двое других охранников уже топали по проходу, чтобы перехватить незваного гостя. На этот раз заклинание закончилось резким треском. Вспышка молнии осветила алтарь, и наконец Арис увидел решение своей проблемы. Весь Главный Алтарь превратится в Темную Луну, причем верхняя полусфера образует полукруглую заднюю панель сзади, а нижняя полусфера спустится вниз в хор. Хитрость заключалась бы в том, чтобы получить правильный ракурс, где уровень изменился, и найти способ обогнуть лестницу, ведущую вниз. Все больше возбуждаясь, Арис опустился на колени и начал искать в своей сумке на поясе комков угля для рисования.

— Трудно сказать, кто здесь раб, а кто охранники. — Голос показался смутно знакомым. — В Арабеле с тобой было не так сложно.

— У тебя есть чем рисовать? — Арис опустил руку, не глядя. — Я должен сделать эскиз, пока я все еще думаю об этом.

— Арис! — рявкнул голос. — Оставь это. Ты здесь закончил.

— Закончил?

Нахмурившись из-за того, что его прервали, Арис покачал головой и обнаружил, что рядом с ним стоит Галаэрон. Эльф выглядел почти так же, как и тогда, когда они расстались у Ворот Пещеры, за исключением того, что его лицо было изборождено морщинами усталости, а глаза скрывала блестящая тьма.

— Галаэрон ... — Арис чувствовал, что детали его идеи ускользают, даже когда он говорил, но он был так счастлив видеть своего старого друга живым, что ему было все равно ... очень.

— Что ты здесь делаешь? — спросил великан.

— А ты как думаешь? — возразил Галаэрон. — Я сбежал.

— Сбежал? Из Дворца Высочайшего?

Галаэрон кивнул.

— Мне пришлось использовать Теневое Плетение, — сказал он, оглядываясь на главный проход нефа, где четверо охранников Ариса лежали в различных формах смерти. — Мне очень жаль.

Сердце Ариса потянулось к другу.

— Ты никого не подвел.

Он положил два пальца на плечо эльфа и сказал:

— Я горжусь тем, что ты не сдался до этого.

— Я не сдался, — сказал Галаэрон. — Я выбрал. Теламонт охотится за Валой.

У Ариса внутри стало пусто.

— Значит, он знает? — Спросил великан.

— Знает?

— Об Избранных, — сказал Арис. Они не смогли найти мифаллар, поэтому я отправил их к Вале.

Тень легла на лицо Галаэрона.

Должно быть, Избранные освободили ее, — сказал он.

Галаэрон жестом поднял Ариса на ноги и повернулся к Черному Порталу. — Я их отдал. Вот что он имел в виду.

Арис встал, но не двинулся за ним.

— Кто имел в виду?

— Шарн, — ответил Галаэрон, продолжая идти по проходу. — Он явился мне во Дворце Высочайшего. Он сказал, что пришел, чтобы отплатить нам за услугу, и сказал, что у меня есть выбор.

— И?

— И он ушел, и я сделал свой выбор, — ответил Галаэрон. — Я не мог вынести мысли, что Теламонт снова захватит Валу, но теперь я вижу, что он говорил о большем, гораздо большем.

Видя, что Галаэрон не собирается ждать, Арис догнал его одним шагом. Он поднял Галаэрона с пола и поднял его на высоту головы.

— Шарн из Карсы пришел к тебе в Дворце Высочайшего?

— Разве не это я только что сказал? Опустить меня. Нам нужно найти Валу и Избранных.

Арис, продолжая удерживать Галаэрона, сказал:

— Шарн оставил тебя там, чтобы ты освободился? Он оставил тебя и велел использовать Теневое Плетение?

Если Галаэрон и понял причину тревоги Ариса, то не подал виду.

— Шарн предупреждал меня, — сказал эльф. — Теламонт только что был там, пытаюсь убедить меня использовать Теневое Плетение, чтобы спасти Валу. Когда я отказался, он странно посмотрел на меня. Теламонт сказал, что надежда оказалась сильнее, чем он себе представлял, и ушел.

— Это было то, о чем шарн предупреждал тебя?

Галаэрон покачал головой и ответил:

— Я думаю, Теламонт знал, что я бросаю ему вызов, потому что я ожидал, что скоро что-то произойдет. Должно быть, до него дошло, что Вале помогли сбежать, потому что он ушел в спешке. Мы должны найти Избранных и предупредить их.

— Все очень правдоподобно, — сказал Арис. — Но шарн оставил тебя там без возможности сбежать, кроме как использовать Теневое Плетение.

Галаэрон пожал плечами и сказал:

— Мне пришлось смириться с неизбежным, и я стал сильнее из-за этого.

Он оторвал большой палец Ариса и выскользнул, легко приземлившись на пол.

— Кто сильнее? — спросил Арис, немного напуганный тем, как легко Галаэрон вырвался из его хватки. — Почему ты уверен, что это был шарн, которого ты видел, а не какой-то трюк Теламонта?

— Потому что мы победили его, — ответил Галаэрон, снова направляясь к Черному Порталу. — Мы с моей тенью сразились волей с Теламонтом Тантулом и победили его.

— Галаэрон, послушай себя, — сказал Арис. Он перешагнул через эльфа, затем развернулся и наклонился, чтобы преградить ему путь. — Теламонт Тантул пытался обманом заставить тебя уступить своей тени с того самого дня, как мы прибыли в Шейд. Ты, наконец, делаешь это, и вдруг ты сильнее, чем он?

— Да, — просто ответил Галаэрон. — Шадовары процветают на обмане и уловках, я знаю это, но самый большой обман, который они когда-либо совершали со мной, был, когда Мелегонт обманом заставил меня сражаться с моей собственной тенью. Он наполнил меня сомнениями, и сомнения сделали меня слабым.

— И теперь ты уверен, — сказал Арис, наполняя свой голос насмешкой и недоверием. — Теперь ты сильный.

— Теперь я целый, — огрызнулся Галаэрон. — Это делает меня сильным. У меня нет времени объяснять это сейчас. — Он прошептал мистическое слово и махнул рукой на ногу Ариса, и нога начала скользить по полу. — Я отправляюсь к мифаллару, — сказал Галаэрон, шагая под Арисом к Черному Порталу.

— Подожди!

Арис повернулся, становясь все более подозрительным, и сказал:

— Там, в Арабеле, ты сказал мне, что не знаешь, как найти мифаллар.

— Только не на этом плане.

Галаэрон прижал ладонь к Черному Порталу и произнес несколько слов на древнем незерезском. Дверь растворилась в теновом тумане. Эльф повернулся к Арису и сказал:

— Надеюсь, ты пойдешь со мной. Так или иначе, я не думаю, что Шейд будет безопасен для тебя очень долго.

В голове Ариса крутились подозрения, и в первую очередь страх, что Теламонт использует Галаэрона, чтобы выдать Валу и Избранных шадоварам. Но для того, чтобы это было так, Галаэрон не мог находиться под властью Высочайшего, потому что, если бы он был Теламонтом, ему пришлось бы только спросить, чтобы узнать то, что он хотел знать.

Я пойду, — сказал он, шагнув к темному порталу, — но сначала ты должен пообещать, что, когда все будет сделано, ты никогда больше не прикоснешься к Теновому Плетению. Ты все еще можешь быть спасен.

— Я приглашал тебя, Арис, а не умолял, — сказал Галаэрон голосом, в котором звучали и презрение, и терпение. — Меня не нужно ни от чего спасать.

Галаэрон повернулся и шагнул через Черный Портал, оставив Ариса одного в Храме Единого и Всего, одинокого, злого и покинутого. Он не мог решить, был ли Галаэроном, тот кто только что ушел, или тенью Галаэрона, или кто-то, кого Арис даже не знал. Прощальный упрек эльфа вызвал у него чувство обиды и боли, и такая грубость просто не была похожа на его друга. Это заставило Ариса захотеть вернуться к своей работе, но, конечно, это было глупо. Если план Галаэрона сработает, все равно через несколько минут все превратится в руины, а если план провалится, последнее, что он хотел бы сделать в течение следующих нескольких сотен лет – это посвятить свой талант сокрытию Темных Лун в священных скульптурах других божеств. Кроме того, знал он эльфа или нет, Галаэрон был его другом, и какими бы странными они ни становились, никто не бросал своих друзей, когда они отправлялись сражаться с Теламонтом Тантулом и Принцами Шейда, по крайней мере, каменные гиганты этого не делали. Арис последовал за Галаэроном через Черный Портал в туманную тень. Воздух стал холодным, а пол стал мягким, как снег.

Арис позвал в темноту:

— Галаэрон? — Он сделал еще один осторожный шаг, изо всех сил стараясь двигаться по прямой. — Где ты?

Когда ответа не последовало, Арис решил, что ждал слишком долго. Тени не были местом, где можно заблудиться. Он повернулся и в точности повторил свой путь.

Три шага спустя он остался в темноте. Возможно, его первые два шага были длиннее, чем он думал. Держа руку перед собой, Арис сделал еще один шаг вперед.

— Галаэрон!

Маленькая рука прижалась к его коленной чашечке, и эльф прошептал:

— Тихо, мой друг.

Вздох Ариса был совсем не мягким.

— Я думал, ты меня бросил.

У меня слишком мало друзей, чтобы оставлять их бродить по Краю в одиночестве, — ответил Галаэрон. Он потянул Ариса за штанину брюк, направляя его вперед. — Мы должны быть осторожны. Я не знаю, кто еще может наблюдать.

— Наблюдать? — прошептал Арис.

Галаэрон остановился, и черный туман впереди медленно стал прозрачным. Арис увидел, что они остановились только внутри Края Тени. Впереди лежал большой кратер, выложенный обсидианом, без видимых швов и с поверхностью, гладкой, как внутренняя поверхность стеклянной чаши. Внизу, на равном расстоянии друг от друга вдоль внутренней стены, стояли Хелбен и четыре сестры. Они держали руки раскинутыми, кончики пальцев указывали на своих товарищей по обе стороны, так что они образовали большое кольцо вокруг внутренней части. Внутри этого круга лежал диск серого опалесцирующего света, по которому они медленно шли ко дну бассейна.

Валы нигде не было видно. Как и Теламонта и его принцев. Арис опустился на колени рядом с Галаэроном и наклонился, чтобы прошептать:

— Возможно, они не нашли...

Галаэрон сделал движение, и остальная часть предложения Ариса исчезла в тишине.

— *Мифаллар находится под этим пространственным порталом,* — сказал голос Галаэрона в его голове. — *Вала где-то здесь, можешь быть уверен.*

Арис уже собирался спросить, был ли там и Теламонт, когда примерно в четверти пути вокруг кратера из Края Тени появились темные фигуры всех десяти выживших принцев. Они не столько отошли от обсидиановой обшивки, сколько вылезли из нее. Они начали бесшумно сползать по стене.

Арис потянулся к своей сумке с инструментами, чтобы что-то бросить, и начал подниматься, но Галаэрон остановил его рукой.

— *Избранные предвидели это.*

Принцы были почти рядом с Избранными, когда они наткнулись на невидимый барьер и резко остановились, крошечные разряды золотой энергии потрескивали вокруг каждой точки соприкосновения. Они вскочили на ноги, вопя от боли и шока, и вскарабкались на несколько шагов вверх по стене, затем остановились там, истекая темным туманом, растворявшимся в воздухе. Трое из них почти сразу же снова рухнули и растворились обратно в Крае. Остальные швырнули шары теневой магии на дно кратера. Шары ударились о барьер и разлетелись огромными черными брызгами, а затем дождем посыпались вниз крошечными бусинками тьмы, которые скользили по невидимой поверхности, как капли воды на раскаленной сковороде.

Пока остальные продолжали атаковать барьер, изможденная фигура принца Ламорака вызвала теневой диск. Он и его брат Малат ступили на борт и поплыли к центру кратера, их пальцы бешено работали, сплетая нити теневое шелка в форме маленького ручного топора. Арис схватил одно из своих долот, но прежде чем он успел вытащить его из сумки с инструментами, чтобы бросить, с противоположного края кратера полетела стрела золотой магии, разорвав теневой диск Ламорака на осколки. Малат врезался головой в невидимый барьер и мгновенно обмяк, его тело сначала растаяло в черной луже, а затем развалилось на части и заскользило по поверхности дымящимися черными шариками. Ламорак ударился спиной, вскрикнул и сумел подпрыгнуть в воздух. Он исчез с резким треском заклинания телепортации.

Арис посмотрел через кратер в сторону источника золотой молнии и мельком увидел завиток золотых волос Валы, когда она исчезла из виду за краем. Хотя он никогда не видел, чтобы она произносила заклинания, не было диким

предположением, что кто-то из Избранных мог одолжить ей кольцо или палочку, способную метать магические стрелы. К сожалению, Арис был не единственным, кто заметил ее. Идер и Агларел поспешили за ней, их долговязые конечности странно напоминали пауков, когда принцы поднимались по скользкой стене. Арис посмотрел вниз и с облегчением обнаружил, что его друг смотрит вслед Вале, его эльфийские брови изогнулись в беспокойстве. И все же Галаэрон не сделал ни малейшего движения, чтобы последовать за ней. Вспомнив, как, столкнувшись с подобной ситуацией под влиянием своего “теневого я” в Сайяддаре, эльф чуть не убил его, используя его, чтобы заманить дракона в засаду, Арис схватил Галаэрона за плечо и потащил его за собой. Галаэрон высвободился из руки Ариса.

— *Они бы это предвидели. Мы должны ждать здесь, на Краю, того, чего они не предвидели.*

Арис начал сердито спрашивать, что это может быть, но заклинание Галаэрона заставило его замолчать. Он мог только ждать и наблюдать, как Избранные, игнорируя все более отчаянные попытки принцев проникнуть через мистический барьер, продолжали идти по пространственному portalу ко дну бассейна. Идер и Агларел достигли края кратера и исчезли за его вершиной. Бассейн задрожал и начал опадать под ними. У Ариса отвисла челюсть. Избранные сделали это: Шейд падал. Он схватил Галаэрона. Решив не отделяться от других, что бы ни сказал эльф, он прыгнул в бассейн, но приземлился на том же месте, где и был, а бассейн продолжал падать под ним.

— *Когда мы понадобится,* — прошипел Галаэрон. — Не раньше.



Малик не мог сказать, как долго он пролежал прикованным к алтарю Шар. Все, что он знал, это то, что он так ослабел от голода, что его живот потерял силу урчать, что его язык так распух от жажды, что он не смог бы пить, даже если бы кто-то дал ему воды, что его уши настолько привыкли к постоянному шипению поклоняющихся Сокрытой, что внезапная тишина заставила его чувствовать себя оглушенным. У него было ощущение парения, ощущение, которое только усилилось, когда его тень на потолке начала уменьшаться и становиться все темнее, когда поток серебристой магии, льющийся из камня, начал кружиться вокруг него бусинами, размером с его голову, и особенно когда сметенные фигуры поклонников Шар начали кувыркаться в воздухе и подпрыгивать на покрытом тенями потолке. Малик был настолько ослаблен жаждой и голодом, что на несколько мгновений он был слишком удивлен, чтобы понять, что он видит. Неужели он наконец умер и начал свое путешествие в Разрушенный Замок, или блудница Шар внезапно даровала всем своим поклонникам способность летать? Или, возможно, это была галлюцинация. Возможно, все трудности, которые он перенес ради своего бога Цирика, наконец-то взяли свое, оставив его таким же слабоумным и безумным, каким когда-то был его бог. Затем Малик ударил по концу своих цепей и почувствовал, как его иссохшие руки почти выскользнули из одного из наручников, и он понял, что произошло. Единый ответил на молитву. Наконец, Цирик сжалился над своим бедным слугой и поднял палец, чтобы помочь в невыполнимой миссии, которую он ему поручил, и вскоре шараанцы

заплатят за все мучения и оскорбления, которые они навалили на него, пока он лежал прикованным к украденному алтарю их богини.

— Вот тебе моя судьба! — прокричал Малик сквозь плавающий водоворот серебряных бусин. — Наконец-то Цирик пришел за мной, и он ужасно отомстит тебе.

— Дурак! — голос, который прошипел это, исходил от его собственной тени, лежащей на потолке не более чем в дюжине шагов над ним. — Ничто не может быть дальше от разума Цирика, чем твое страдание.

— Ты не можешь этого знать! — Сказал Малик, скорее для собственного утешения, чем потому, что считал, что его тень должна знать. — Ты для него ничто, — он хотел остановиться на этом, но почувствовал, как набухают новые слова, когда проклятие Мистры заставило его сказать всю правду. — Кроме еще одной муки для меня!

Это вызвало пурпурную улыбку у тени, которая сказала:

— Единственная служба, которую я счастлив выполнять для твоего лживого бога, но это не меняет правды о том, что происходит. Город падает.

— Падает? — Закричал Малик. Он заметил, что к нему начали присоединяться другие голоса. — Со мной в нем?

— Жаль, не так ли? — спросила тень.

— Больше, чем ты думаешь. — В этом Малик говорил правду, потому что Цирик любил рассказывать ему о судьбе, которая ожидала его, если он когда-нибудь потерпит неудачу в одной из божественных миссий, возложенных на него. Потребовалось всего мгновение, чтобы тысяча обещанных мук промелькнула в его сознании, потому что в своей бесконечной мудрости Единый заставил Малика запомнить их, пока он не запомнил их все так же хорошо, как свое собственное имя. Но избежать этого было невозможно. Город рухнет в пустыню, и он умрет вместе со всеми, без сомнения, раздавленный Камнем Карсы, поскольку он все еще был прикован к нему ... И тогда Малик увидел, как он спасет себя. Однажды, когда Цирик послал Малика за священной книгой из Башни Хранителя в Кэндлките, Единый сказал ему, что ему нужно только назвать имя Единого и Всех три раза, как только он выполнит свой долг, и он будет спасен. Учитывая, что Идер назвал Камень Карсы короной своей богини Шар, и учитывая, что он также был единственным оставшимся источником всей древней магии во всем Фазруне, возможно, даже в самом Ториле, казалось разумным предположить, что тот, кто контролировал Камень Карсы, мог также контролировать Теневое Плетение. Малик понял, что камень может быть похож на корону. Если на самом деле не источник власти Шар над Теневым Плетением, то, по крайней мере, его символ, и он узнал в Калимшане, что тот, кто контролирует символ, скорее всего обладает и властью. Когда истинный халиф города потерял свою корону из-за шайки воров, повелитель воров дерзко возложил корону на свою голову и бросил вызов халифу, чтобы тот вернул ее. Как ни старался старик, ему это так и не удалось, и вскоре город стал почитать вора, как нового халифа. Малик верил, что так будет и с Камнем Карсы. Нет, он *знал*. Не могло быть никакой другой причины, по которой богиня теней позволила бы артефакту такого яркого света служить Главным Алтарем в ее самом священном из храмов. Увидев, что он парил в пяти футах от потолка, и что его тень была немного больше, чем он сам, но такая же черная, как обсидиан, Малик закрыл глаза. Он понятия не имел, сколько

времени потребуется городу, чтобы врезаться в Анаврок, но они падали целых пять или десять вдохов, и скоро должны были удариться об землю.

— Он у меня, Могучий! У меня на спине приковано Теневое Плетение!

Когда проклятие Мистры не заставило Малика добавить что-либо еще или даже уточнить, что это был просто символ, он решил, что его план сработает, и позвал:

— Цирик, Единый, Всё! Ничего не произошло. Он парил так близко к потолку, что не мог видеть ничего, кроме ухмыляющегося лица своей тени.

— Как ты жалок, — сказала она. — Мне стыдно сознавать, что я произошла от твоего образа. Даже если бы Цирик мог тебя услышать, как ты думаешь, он бы ответил?

— *Если* бы он мог меня слышать? — Закричал Малик. — Что значит «*если*»?

— Как ты думаешь, что я имею в виду? — Парировала тень. Это храм...

Объяснение резко оборвалось, когда Малик коснулся потолка и вошел в контакт со своей тенью. Красные глаза мигнули, и её форма стала более приземистой и менее чудовищной. Малик ощутил прилив холодной магии, когда она вернулась в его тело.

— Это как раз то, что ты хочешь! — Прижавшись лицом к каменному потолку, он не мог говорить внятно. — Ты будешь со мной, когда я стану отцом гнева Единого!

Потолок оторвался от его лица, и Малик на мгновение подумал, что его тень ошиблась, что Цирик все-таки пришел за ним. Затем он услышал плеск и крики, и повсюду вокруг себя он увидел шадоваров, размахивающих руками, и бусинки серебряной магии, принимающие каплевидные формы, когда они падали обратно на пол храма. Закрыв глаза, Малик снова закричал:

— Цирик, Единый, Всё!

Ничего не произошло, за исключением того, что под Маликом начал нарастать равномерный рев. Не успел он опознать звук, как непрерывный поток магии Камня Карсы хлынул в бассейн внизу, и рев взорвался громовым всплеском, воздух вырвался из его легких, когда его спина врезалась в Камень Карсы. Он подпрыгнул один раз и почувствовал, как его ноги освободились, когда болт кандалов, удерживавший его ноги, вышел, затем он почувствовал, как кости хрустнули в одной руке, когда ее вытащили из закрытых кандалов. На мгновение Малику показалось, что на этом все закончится, что все потемнеет, и он проснется на Равнине Фуги, брошенный на грубое милосердие, которое обрушилось на всех неверных несчастных, которые вызвали недовольство своих святых хозяев, вороватым богом мертвых, Келемвором. Но этому не суждено было случиться. Все еще привязанный к Камню Карсы своей единственной неповрежденной рукой, Малик откатился в сторону и поймал брызги магии прямо в лицо. Прежде чем он успел закрыть рот и отвернуться, он сделал три огромных глотка, и, конечно же, они попали не в тот проход и сразу же заполнили его легкие. Малик ожидал, что утонет, и быстро, но это было волшебство. Оно прошло через его легкие в остальную часть тела, наполняя его новой энергией. Слабость, вызванная голодом и жаждой, исчезла, и рука, которую он только что сломал, начала заживать, хотя сломанная кость все еще не срослась, казалось, что Арис вонзил в нее зубило. Малик подобрал под себя ноги и повернулся, чтобы найти храм, заполненный потрепанными шадоварами, некоторые плавали лицом вниз в серебряной магии, а некоторые полу-плыли полубежали к аркам выходов так быстро, как только могли нести их темные ноги. Пара фанатичных почитателей Шар увидела его, стоящего

рядом с Камнем Карсы, и бросилась на него, крича, что это дело рук неверного вора. Именно в этот момент своды потолка прогнулись под напряжением внезапной остановки и начали падать в храм. Самый крупный фанатик был раздавлен секцией каменного ребра длиной в рост Ариса, а другой исчез за завесой падающих обломков.

Хорошо используя данную Цириком способность исчезать, Малик нырнул под поверхность серебряного пруда, чтобы спрятаться. Оставшийся в живых фанатик появился мгновением позже, рубя воду своим черным мечом и клянясь, что повесит рогатую голову Малика на стену. Хотя было бы просто проследить за последней цепью наручников до самой руки Малика, магия Единого не позволила шараанцу увидеть это. Малик подошел к нему сзади и потянулся, чтобы вытащить из-за пояса кинжал шадовара. Он использовал собственное оружие верующего, чтобы вспороть ему живот. Длинный участок стены рухнул позади Малика. Весь храм накренился, и он обнаружил, что его тащит за Камень Карсы, а течение несет всё в комнате к огромному водовороту в углу. У него было достаточно времени, чтобы понять, что его вот-вот затащат в одну из дренажных ям, которые он заметил, когда впервые очнулся в зале. На мгновение Малику показалось, что город снова начал падать, но затем его цепь наручников ослабла, натянулась и снова ослабла, когда Камень Карсы ударился обо что-то, отскочил и начал катиться. Он обнаружил, что сначала дико летит по воздуху, затем наблюдает, как камень пролетает над его головой, затем его дернуло за ним, прежде чем он, наконец, врезался в него лицом и остановился. По сравнению с треском и грохотом первого падения, комната казалась пугающе тихой. Это не означало молчания. Воздух был наполнен воплями и стонами раненых, отрывистым плеском обломков и людей, падающих в вязкие лужи магии, и ровным журчанием магического потока, все еще льющегося из трещины Камня Карсы. Малик медленно поднялся и, обнаружив, что выжил более или менее невредимым, повернулся, чтобы посмотреть, куда он приземлился. Он лежал, прислонившись к стене одной из пещер мастерской, где шадовары делали свои теневые покровы. Справа от него лежал огромный, похожий на комлю ткацкий станок, на котором они ткали шелк теней в ткань, а слева от него была щель в сто ярдов, которую они использовали, чтобы обеспечить свет, необходимый для создания тени. Однако самым интересным для Малика была неглубокая жестяная сковорода, стоявшая прямо перед ним. Наклоненная под крутым углом из-за наклона города, сковорода была огромной, площадью в сто квадратных шагов, но не более толщины ногтя в глубину. На дальней стороне, на несколько десятков ярдов выше головы Малика, стояло длинное корыто для сбора, в котором все еще хранилась часть серебряной магии, когда-то равномерно распределявшейся по корыту.

Чудовищный грохот потряс пещеру ткацкого станка, затем он медленно выпрямился. Серебристая магия Камня Карсы выплеснулась в жестяную сковороду и начала распространяться по дальним углам комнаты. Солнце ненадолго скользнуло по устью световой щели, затем исчезло за верхним краем и послало узкий клин тени, стреляющей поперек сковороды. Там, где тень соприкасалась с растекающимся листом целой магии, она мгновенно соединялась в тонкий, как вафля, треугольник теневого покрова.

— Они используют цельную магию! — Выдохнул Малик, внезапно поняв, что он видит. — Им нужен Камень Карсы, чтобы сделать одеяла. Город продолжал

наклоняться, проходя немного мимо центра и наклоняясь в противоположном направлении. Понимая, что все, что он узнал, не принесет ему никакой пользы, если он не выживет, чтобы рассказать Цирику, Малик вскочил на ноги. Иногда толкая, иногда таща, а иногда и сам раскачиваясь, он начал направлять Камень Карсы к солнечной щели вдоль правой стороны комнаты. Учитывая его обычную удачу, Малик подумал, что ему, вероятно, удастся вытолкнуть Камень Карсы в пустыню как раз перед тем, как весь Анклав Шейдов обрушится на них.



Каким бы темным ни стало сердце Галаэрона, оно едва не разорвалось на части, когда они с Арисом смотрели, как Агларел и Идер исчезли за краем бассейна в погоне за Валой. После того, как они покинули караван на Вечерней Звезде у него не было иллюзий относительно готовности Избранных рискнуть одним ради блага многих. То, что он также был готов пойти на такой же риск, и с кем-то, кого он любил, казалось ему ни добром, ни злом, только необходимым. То, что события доказали его правоту, не заставляло его чувствовать себя ни оправданным, ни виноватым, только опечаленным. Он, наконец, понял, что, Дав и другие пытались сказать ему в тот день, по крайней мере, он так считал, поскольку его рука наконец зажила и вернулась к своему нормальному цвету, что Избранные уже несут свои тени внутри, что невозможно нести столько ответственности и власти, не омрачая свой собственный дух.

— Приготовься, Арис, — сказал он. Галаэрон говорил нормально, потому что больше не было ни малейшего шанса, что шадовары услышат его. — Мы нужны.

Сквозь сгущающийся теневой туман, поднимающийся от битвы внизу, Высочайший был едва виден, призрачная фигура, стоящая на краю оплавленного защитного барьера Избранных. Он смотрел вниз, на дно бассейна, где мифаллар помещался среди дымящихся обрывков пространственного портала, который Хелбен и другие опускали над ним, когда он, наконец, показал себя, распылив волну теневого огня на их защиту над головой. Битва после этого была столь же быстрой, сколь и яростной, когда пятеро оставшихся принцев нырнули прямо сквозь черное пламя, чтобы атаковать.

За несколько мгновений, которые потребовались, чтобы барьер сгорел достаточно, чтобы Галаэрон увидел, что происходит, пространственный портал был разрушен, Избранные были заняты принцами, и город перестал падать, по крайней мере, временно. Обсидиановый мифаллар представлял собой усеченную сферу высотой не более ста футов, но внутри нее скользили призрачные фигуры и та же темная аура, что и в первый раз, когда Галаэрон увидел ее. Бой, бушевавший вокруг мифаллара, был одновременно яростным и диким, с шарами теней и молниями, разбивающимися о волшебные щиты, серебряными клинками, звенящими о черные, ногами и кулаками, летящими слишком быстро, чтобы глаз мог следить. Галаэрон указал на широкоплечую фигуру принца Кларибернуса, которого неуклонно отбрасывал назад ослепительный шквал ударов клинком и ногами Дав Соколицы.

— Посмотри, сможешь ли ты атаковать Кларибернуса сзади, — сказал он Арису, — и склонить чашу весов в нашу пользу.

Арис поднял свой гигантский молот и ответил:

— По крайней мере, я отвлеку его, но меня беспокоит, что мы видим только принцев и Высочайшего.

Гигант указал на Теламонта, который протягивал ладони к поврежденному мифаллару, без сомнения, контролируя поток Теневого Плетения, чтобы стабилизировать город, и спросил:

— Где их армия?

— Где угодно, только не здесь, — ответил Галаэрон.

Не нужно было догадываться, что шадовары не захотят рисковать тем, что один из их солдат встретит поток серебряного огня Избранных теневой стрелой. В результате разрыв в ткани мира вполне может засосать весь анклав в плоскость более адскую, чем та, из которой они только что сбежали.

Арис хмыкнул и спросил:

— Хочу ли я знать, что ты будешь делать?

Галаэрон указал на Теламонта и сказал:

— Я буду занят Высочайшим.

Глаза Ариса расширились.

— Твоя тень свела тебя с ума? — Выдохнул он. — Тебе не тягаться...

— Кровосос не может сравниться с рофом, но кто из них кусается?

Галаэрон жестом подозвал Ариса и сказал:

— Ты появишься позади Кларибернуса.

Арис скептически посмотрел на Галаэрона.

— Будь осторожен, друг мой. Я еще не отказался от тебя.

Галаэрон улыбнулся и сказал:

— Тогда это должно быть правдой, то, что говорят Си'Тель'Квессир: нет ничего более упрямого, чем каменный великан. — Он положил руку на колено Ариса и толкнул. — Поторопись, пока эти дураки не открыли еще один адский рот.

Арис рванулся вперед, ковыляя из-за Края. Галаэрон оставался позади достаточно долго, чтобы увидеть, как он появился из обсидиановой стены бассейна в нескольких шагах позади Кларибернуса, его огромный молот уже по дуге опускался к голове своей цели. Принц почувствовал атаку в последний момент и увернулся, но отвлечение было всем, что нужно было Дав Соколице, чтобы направить ее собственные атаки. Бросая магию одной рукой и размахивая сталью другой, она сначала рассеяла защиту клинка шадовара, а затем погрузила свой волшебный меч по рукоять в его живот. Он споткнулся под ногами Ариса, издав гортанный вой, который был слышен даже сквозь шум битвы. Принц отомстил, полоснув черным мечом по ноге Ариса. Колено гиганта подогнулось, и это было все, на что Галаэрон осмелился посмотреть, прежде чем выпрыгнуть из-за Края самому. Он вышел прямо за Теламонтом, брыкаясь обеими ногами, одной рукой вызывая вспышку черной молнии, а другой размахивая украденным мечом. Высочайший не дрогнул. Он даже не взглянул. Он просто отошел в сторону. Когда Галаэрон проплыл мимо, он взмахнул мечом и метнул молнию. Как только его черный клинок коснулся одежды Теламонта, он разлетелся вдребезги. Молния сверкнула в дюйме от его руки, затем Галаэрон обнаружил, что неподвижно висит перед своей целью, глядя в пару мерцающих платиновых глаз.

— Эльф! — Рывкнул Высочайший. В своем гневе Теламонт чуть не сжал одну из своих тонких рук, и город задрожал, когда его контроль над мифалларом ослабел. — Как ты освободился?

Галаэрон улыбнулся. Казалось, Высочайший не знал всего, что происходило в его дворце.

— Самым неожиданным из возможных способов ... — Галаэрон открыл себя Теневому Плетению и почувствовал, как его холодная магия течет в него со всех сторон.

— Я последовал твоему совету. — Галаэрон повернул ладонь наружу и выпустил стрелу чистой магии тени. Атака, казалось, застала Теламонта врасплох, хотя бы потому, что он не был готов увидеть, как Галаэрон взывает к Теневому Плетению. К сожалению, это также почти не возымело никакого эффекта, бросив лишь кратковременное облако на лицо Высочайшего, прежде чем оно исчезло в темноте под его капюшоном. Город, казалось, снова начал падать, всего на мгновение, а затем Высочайший опять поймал его.

— Я вижу, ты уступил своей тени, — сказал Теламонт. — Пройдет совсем немного времени, прежде чем ты сможешь вернуть информацию, которую Мелегонт так усердно собирал.

— Теперь я могу вспомнить её, — сказал Галаэрон, — но было бы неразумно рассчитывать на мою благосклонность. И «вернул» - не то слово, которое я бы использовал. Я соединился со своей тенью, но моя воля остается моей собственной.

Платиновые глаза Теламонта вспыхнули, и конечности Галаэрона раскинуло в стороны. Он крутился, пока не повис вниз головой над битвой. Арис лежал на полу бассейна, истекая кровью из трех разных ран и корчась от боли. Избранные действовали гораздо успешнее. Хотя и Дав, и Шторм теряли кровь из прорех в своих доспехах, только три принца остались в бассейне. Принц Маттик отступал под яростным натиском клинка и заклинаний.

Все, что нужно было сделать Галаэрону – это сосредоточить внимание Теламонта на нем, а не на битве. Он снова попытался открыться Теневому Плетению, но на этот раз все, что он чувствовал, было эфемерным ощущением, что никакая магия не сможет пройти.

— Что-то не так, эльф? — Спросил Теламонт. — Может быть, в конце концов, твоя воля принадлежит не тебе?

В бассейне внизу принц Маттик упал на колено под яростным натиском магии, исходящей от Аластриэль и Лаэраль. Дав и Хелбен отгоняли от него его брата Ваттика и скоро будут в состоянии прикончить его ударом сзади.

— Моей воли достаточно, чтобы поклясться, что ты никогда не получишь знания, которое передал мне Мелегонт, — сказал Галаэрон. — А если ты сомневаешься, что у меня хватит сил сдержать клятву...

— В твоей силе я не сомневаюсь. Ты слишком долго сопротивлялся своей тени. — Голос Теламонта был слабым и холодным. — Очень жаль, правда. Если бы ты сдался ей, как я настаивал, я мог бы спасти тебя, как я спас Хадруна. Теперь ты бесполезен для меня. Я буду вынужден вырвать знание из твоего никчемного разума ... Точно так же, как я вырву твою глупую надежду, что Избранные победят моих принцев.

Когда Теламонт произнес эти последние слова, принцы Агларел и Идер появились позади Аластриэль и Лаэраль. Агларел поймал Аластриэль сзади яростным ударом сверху, который рассек ее на полтора фута через лопатку, прежде чем она смогла телепортироваться в огромном брызге алой крови. Хелбен краем глаза заметил Идера и, направив свой черный посох через плечо Лаэраль, взорвал его бурей метеоров, отчего он кувыркнулся на полпути к стене бассейна. Это оставляло Маттику свободу для контратаки. Он поднялся, размахивая огромным черным мечом в одной руке и отбрасывая брызги крылатых черных пауков из другой. Пауки кружили над головой Хелбена гудящим черным облаком, но самым смертоносным оказался меч, отрубивший Дав ногу по колено. Она упала, ругаясь, и спасла себя от смертельного второго удара, выпустив длинную ленту серебряного огня.

Маттик избежал неминуемой смерти, только отскочив в сторону и опрокинув Хелбена, перекатившись ему на ноги. Тем временем серебристый огонь Дав горел сквозь призрачный туман над бассейном, и Галаэрон увидел далеко внизу изгиб песчаного берега озера. Ему потребовалось мгновение, чтобы осознать, что он видит, и он понял, почему мифаллар было так трудно найти даже в тени. Бассейн находился в том месте, которое когда-то было вершиной горы, но теперь было нижней частью города, лежащей вверх ногами и смотрящей прямо вниз, на пустыню.

Дыра в облаках закрылась так же быстро, как и открылась, и Дав тоже телепортировалась в безопасное место. Остались только Хелбен, Лаэраль и Шторм, а пятеро принцев шадоваров окружили их и безжалостно гнали троицу к кружащемуся циклону наполненного тенями воздуха. Там был и Арис, все еще корчащийся на полу, медленно скользящий к середине бассейна на луже его собственной алой крови. Никто не обращал на него никакого внимания, и Галаэрон быстро оглянулся на Теламонта, чтобы Высочайший не почувствовал растущую в его сердце надежду и не сделал что-нибудь, чтобы остановить умного гиганта. Галаэрон обнаружил, что даже эта стратегия чревата опасностью. По стене бассейна позади Теламонта скользила Вала, сжимая одну руку в кулак, чтобы направить кольцо в форме звезды на спину Высочайшего. В другой она держала свой темный меч, ее рука была поднята и готова броситься при первом признаке того, что он знал, что она здесь.

Отчаянно пытаясь сосредоточиться на чем-то другом, и в ужасе от того, что Теламонт уже почувствовал его мысли, Галаэрон оглянулся на Избранных.

— Используйте серебряный огонь! — крикнул он. — Это единственный...

— Молчи, дурак! — прикрикнул Теламонт. — Ты бы скорее уничтожил Фаэрун, чем позволил нам занять место...

Он тоже замолчал, когда, к изумлению Галаэрона, Хелбен поднял руку и выпустил поток мерцающего магического огня на Теламонта. Закричав от ярости и недоверия, Теламонту ничего не оставалось, как поднять обе руки и поднять перед собой щит-заклинание. Освободившись от хватки Высочайшего, Галаэрон рухнул на дно бассейна и едва успел выкрикнуть заклинание мягкого падения, как воздух взорвался свистящими белыми искрами и трескающимися копьями черных молний. Он подобрал под себя ноги и приземлился на самом мифалларе, как раз вовремя, чтобы обернуться и увидеть Валу, летящую в кувырке, нацеленном на спину на Теламонта. Что произошло дальше, сказать было невозможно. Он увидел, как полетели темные ноги Теламонта, меч Вала изогнулся дугой, и черная рука хлестнула в

потрескивающим воздухе. Все они растворились в тени. Удар огромного молота потряс мифаллар, и Арис торжествующе вскрикнул. Что-то похожее на вулкан взорвалось под ногами Галаэрона, и он обнаружил, что кувыркается в воздухе, черном и густом, как смола. Он врезался в обсидиановую стену и упал на ноги только для того, чтобы его ноги вылетели из-под него, когда бассейн качнулся рядом с ним. Он кувыркнулся вниз к краю, затем внезапно остановился, а затем покатился обратно к центру. Трижды он мельком видел мифаллар, расколотый и изливающий дым тени в чашу, с Арисом, закинувшим ноги под себя и все еще колотившим по мифаллару своим скульптурным молотом. Прежде чем Арис ударил по эльфу, великан остановился.

— Ага, Галаэрон! — Воскликнул Арис. — Это не самый пригодный для работы камень, но не слишком твердый, чтобы его нельзя было расколоть!

— Я думаю....

Бассейн дико качнулся в другую сторону, и Галаэрон едва удержался, чтобы не упасть, схватив сумку с инструментами великана, — ты сделал достаточно!

Галаэрон увидел, как мимо пролетела Вала и сбила Ваттика с ног, оставив за собой отрубленную ногу шадовара, прежде чем воительница исчезла в черном тумане и начала издавать дикий ваасанский боевой клич. Галаэрон выхватил пригоршню теневого вещества из темнеющего воздуха и превратил его в пару пауков. Одного из них он передал Арису с инструкцией проглотить, а другого проглотил сам. Два быстрых заклинания спустя, и они оба ползли по бассейну на четвереньках, их руки и ноги прилипали к скользкой поверхности, как будто покрытые липкой пастой. Они нашли Валу и трех последних Избранных в отчаянном положении, неспособных удержаться на ногах и оказавшихся в кольце принцев-шадоваров. Агларел швырнул теневой шар в Шторм, которая едва успела размахнуться ногами, чтобы принять атаку в бедро, а не в грудь. Шар просверлил дыру размером с кулак в мышцах и костях, что явно лишило ее возможности сражаться, но она не телепортировалась, как другие Избранные, когда они стали слишком ранены, чтобы сражаться. Хелбен направил свой посох на принца, который ранил ее, но единственное, что выстрелило с конца, была смехотворная морось желтого света.

Галаэрон прикоснулся пальцем к виску, затем использовал свою магию тени, чтобы мысленно поговорить с Арисом.

— *Они беспомощны!* — Объяснял он. — *Вещество теней душит их магию.*

Арис кивнул, затем указал на Агларела и Идера и поднял свой молот.

— *Хорошо,* — послал Галаэрон.

Они вместе бросились вперед, Арис застал обоих принцев врасплох, разбил их шлемы и отправил их кувырком по полу бассейна, прежде чем они исчезли в черном тумане. Галаэрон поймал Маттика сзади теневой стрелой, которая отправила его вниз головой в гущу Избранных, где Лаэраль и Хелбен быстро доказали, что они не совсем беспомощны, вонзив свои кинжалы по крайней мере дважды в каждый незащищенный дюйм, прежде чем принц поспешно отступил, растворившись в тени. Это оставило Бреннуса, Кларибернуса и Детхуда атаковать сзади. Пара темных стрел попала Хелбену в плечи и заставила его скользнуть через бассейн к Арису, в то время как теневой коготь вытянулся из предплечья Детхуда, чтобы сомкнуться вокруг горла Лаэраль и начать тащить ее обратно к рядам шадоваров. Галаэрон прыгнул

вперед, чтобы атаковать, но Вала уже метнула свой темный меч в грудь принца. Оружие вонзилось по рукоять, затем упало на пол, когда Детхуд отступил в тень. Вала вернула оружие в руки и начала атаковать Бреннуса, но была сбита с ног, когда тот сделал еще один дикий взмах. Ее бедро едва коснулось земли, прежде чем она снова встала на ноги и двинулась вперед. Галаэрон схватил ее за руку и сказал:

— Все кончено.

— Пока нет.

Она повернулась, указала на стену бассейна в черный туман и сказала:

— У меня есть одна из его рук, но Теламонт все еще там.

Пара темных дисков с шипением пролетела над бассейном и снесла бы им головы, если бы Арис не сбил их до того, как они приблизились. Галаэрон перекатился на колени и контратаковал полетом теневых стрел. Бреннус легко блокировал их и направил темные стрелы обратно в них. Арис получил две в руку, а Вала – одну в плечо, и еще три порезали Галаэрона по одной стороне его шеи и руки.

— Все кончено, — сказал Галаэрон. Это были самые трудные слова, которые ему когда-либо приходилось произносить, и самые верные. Он взял Валу за руку и подтолкнул ее обратно к трем избитым Избранным. — Мы не выиграем.

Арис отказался отступить.

— Но мифаллар...

— Треснул, — сказал Галаэрон. — Возможно, этого будет достаточно, чтобы разрушить город.

Арис повернулся и метнул молот в сердце мифаллара. Кларибернус махнул рукой и отправил инструмент кувырком прочь, затем Бреннус послал к ним полосу черного тумана. Галаэрон поднял заклинание ветра, которое, как он надеялся, направит туман обратно к принцам, но Бреннус развеял его жестом. Шторм начала задыхаться от дыма, и Галаэрону пришлось в голову, что он узнал кое-что еще о силе, что иногда самая трудная часть владения ею - знать, когда этого недостаточно.

— Мы сделали все, что могли. — Галаэрон жестом велел раненому гиганту собрать Шторм и других Избранных, затем схватил Валу и толкнул ее к остальным.

— Хорошо сказано, эльф, — ответил Хелбен. Он протянул руку за спину Вала, чтобы обнять Галаэрона за плечо. — Ты учишься.

Еще один теневой заряд с шипением вошел в группу, чтобы поймать Шторм в спину. Рука Лаэраль взметнулась, чтобы подхватить сестру под мышку, затем бассейн опасно накренился в противоположном направлении. Только липкие конечности Ариса и длинные руки удерживали группу от того, чтобы упасть через бассейн и снова разделиться.

— Все в порядке! — Воскликнула Лаэраль. — Галаэрон, будь добр, вытащи нас отсюда, пока еще есть откуда.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ



2 Элеасиаса, Год Дикой магии

Руха сидела, втиснувшись в тенистую расселину высоко в Шпилях Скимитара на востоке, наблюдая, как Анклав Шейдов медленно погружается в пурпурные воды Озера Теней. Как бы ни был он огромен и окутан черными тенями, анклав напоминал грозовую тучу, обрушивающуюся сверху, в комплекте с листьями серебряных молний, освещающих неровные полосы туманного занавеса и таинственный, едва слышный рев, грохочущий из его скрытого сердца. Всадники везерабов спускались из города массами кружащихся крыльев, и орды тенеходов начали появляться из темных мест по всем близлежащим холмам. Это увеличивало вероятность того, что ей придется бежать, прежде чем она найдет своих друзей (и Малика), но Руха была рада видеть, что так много шадоваров спаслись живыми. Какими бы ужасными ни были бедствия, которые они обрушили на Фаэрун своими теневыми покрывалами, у нее не было жажды мести. Смерть целого города ничего не сделает, чтобы вернуть орды, которые уже погибли. Анклав, или, скорее, черное облако, окружавшее анклав, резко снизилось на пятьсот футов, отправив десятки везерабов кувыркком по воздуху и приблизив город примерно к месту укрытия Рухи. Хотя было трудно что-либо разглядеть сквозь клубящуюся тьму, время от времени она мельком видела каменную скалу, проносящуюся мимо, или простор черной стены, резко падающей из тени только для того, чтобы внезапно изменить направление и исчезнуть обратно во мраке. Шейд шатался, поняла Руха, как будто кто-то из всех сил пытался удержать его в воздухе. Она могла только догадываться, что это означало для ее друзей, но это было не хорошо. Конечно, не они пытались спасти город.

— Шторм? — Громко произнесла Руха. — Как ты? Я здесь. — Зная, что Плетение донесет до ушей Шторм не больше нескольких слов, Руха остановилась. Еще несколько раз скалистый утес появлялся из черного тумана и проносился мимо. С каждым разом каменная грань казалось все более туманной и расплывчатой, как будто она смотрела сквозь более плотный туман, или что-то еще плотнее. Несмотря на это, она быстро начала узнавать черты скалы и поняла, что город больше не опускается.

Кто-то спасал его.

— Шторм? — Снова позвала Руха. — Хелбен? Вы там?

Когда ответа не последовало, она позвала Лаэраль, затем Аластриэль и, наконец, получила ответ.

— *Битва прошла плохо, и я тоже не могу связаться с ними.* — Даже придя к Рухе через Плетение, голос Аластриэль звучал слабо и полным боли. — *Я была ранена и вынуждена уйти. Шейд все еще ...?*

— Он перестал опускаться. — Руха ответила, используя заклинание Аластриэль. — *Что это значит, я не знаю.*

— Дав тоже была ранена, — сообщила Аластриэль. — Я не решаюсь спросить, но...

— Я узнаю все, что смогу, — предложила Руха. Грохот рушащегося здания, или, возможно, нескольких из них, прозвучал где-то внутри анклага, затем огромный каскад обломков вывалился из облака и выплеснулся в Озеро Теней.

— Ситуация здесь нестабильная, — послала Руха, — возможно, ты не сможешь слышать меня какое-то время.

— Спасибо, — сказала Аластриэль. — Будь осторожна. Мы с Дав вернемся, как только поправимся настолько, чтобы помочь.

Руха смотрела, пока щебень не перестал плескаться в озеро, затем она капнула немного слюны на руку. Она не использовала свою магию из страха предупредить патруль шадоваров о своем присутствии, но просьба Аластриэль сделала этот страх неуместным. Сияющая Леди никогда бы не обратилась за помощью, если бы не боялась, что план Галаэрона пошел наперекосяк. Руха сделала стирающее движение в воздухе перед собой, в то же время используя элементарную магию, излюбленную ведьмами пустыни, чтобы наложить заклинание ясного видения.

Туман теней становился прозрачным, пока она смотрела прямо перед собой. Впервые она увидела Шейд без маскировки. Город величественных дворцов и великолепных зданий, который казался таким захватывающим дух, исчез. На его месте висела беспорядочная гора разваливающихся жилых домов и обветшалых особняков, рушащихся один за другим, когда анклав шатался, как верблюд на палубе корабля, брошенного штормом. Даже опрокинутая вершина, на которой он покоился, была слоистым распадающимся сланцем вместо твердого гранита. По склону горы стекала потрясающая нить серебристой жидкости, не столько падая в озеро, сколько протягиваясь вниз по поверхности. Коснулась ли она дна на самом деле или продолжалась сквозь него вниз, в самое сердце Фаэруна, сказать было невозможно, но Руха знала, по тому, как нить оставалась натянутой сверху вниз, что это не падающая вода. Она проследила за ее сияющей линией до источника и обнаружила, что он исходит из расщелины в красном валуне в форме сердца, застрявшем в горизонтальной расщелине примерно на полпути вверх по горе. Под валуном раскачивалась, прикрепленная к нему каким-то способом, не видимым на таком расстоянии, маленькая пухлая фигура с парой крошечных шишек, поднимающихся из макушки его головы. Рухе не требовалось больше магии, чтобы распознать то, что она увидела. Она узнала пару рогов Малика, когда увидела их.



Черная удача Малика заключалась в том, что шадовары были худшими кузнецами на этом или любом другом плане бытия. Он висел, упершись ногами в нижнюю кромку освещенной щели, пытаясь вытащить Камень Карсы, который был на целую голову выше его роста, через отверстие, которое доставало ему только до подбородка. Одно из звеньев цепи его наручников открылось. Разрыв был не велик, но, учитывая его вес и жалкое состояние металла, даже это было показателем плачевного состояния металлообработки шадоваров.

— Цирик! — В отчаянии позвал он.

Он продолжал тянуть, но внимательно следил за связью.

— Единый!

Расселина устремилась вверх, когда город снова начал сильно трястись. Наверное, в сотый раз Малик обнаружил, что падает в противоположный угол. Он не мог думать ни о чем, кроме слабой цепи, о том, что с ним будет, если звено разорвется и он упадет в озеро внизу. Утонет – это самое меньшее. Как бы ему ни хотелось пить, это может быть даже приятно. Позже, однако, то, что произойдет с его духом, если он подведет Цирика и умрет ... он не мог даже думать об этом. Пустые наручники ударили его по голове, и цепь дернула его вверх ногами. Он врезался в верхнюю часть разлома и перевернулся перед вращающимся Камнем Карсы как раз вовремя, чтобы поймать поток сырой магии прямо в лицо. Он начал сильно кашлять, когда валун покатился ему на грудь. Ребра хрустнули, дыхание перешло в крик, и камень остановился. Прямо на нём. Малик ругался, пинался и пихался, но глыба не сдвинулась с места. Он был втиснут в потолок разлома, что означало, что он, каким-то образом, наконец, втащил его в отверстие. Он вытянул шею в сторону, и сквозь каскад серебристой магии, льющейся на его лицо, он увидел рваную зарубку на верхней части разлома. Малик начал верить, что ему действительно удастся украсть камень. То, что он, без сомнения, будет убит в процессе, было неприятным последствием, но на службе Цирику он перенес много вещей намного хуже. Боль была невероятной, и невозможно было дышать, но Малик давным-давно научился игнорировать мелкие неудобства, подобные этим. Он зацепился пятками за край отверстия и потянул. Камень Карсы немного проскользнул, и еще больший вес лег ему на грудь.

Возможно, это означало, что наверху будет больше места. Малик сильнее дернул ногами. Что-то хрустнуло у него в груди. Он потянул сильнее. Ничто не сдвинулось, но у него закружилась голова от нехватки воздуха. Таким образом, вспомнив, что камень лежит на *нем*, он увидел, что, если бы он только мог выбраться из-под него, у него было бы место, чтобы полностью упасть на бок и выскользнуть в пустоту. Не имея никаких других способов освободиться, Малик выпрямил ноги и начал раскачивать их взад и вперед по расширяющейся дуге, пытаясь освободить сначала бедра, а затем и все остальное тело. Позади него рев и грохот кричащих шадоваров и падающих камней поднимались и затихали в такт диким колебаниям анклава. Камень Карсы начал давить сильнее, когда просвет оказался внизу. Зрение подвело Малика, и по краям темнеющего туннеля начали появляться звездочки. Поток забвения наполнил его уши, затем разлом достиг максимальной величины своего размаха, и камень наконец пошел вниз. Тяжесть почти исчезла. Малик опустил ноги в том направлении, в котором они двигались, и почувствовал, как его бедра выскользнули из-под валуна. Он перекатился на бок, сильно толкнул и освободился. Камень Карсы качнулся к нему.

— Чертов камень!

Малик оттолкнулся и, повернувшись на бедре, свернул с его траектории и вернулся в ткацкую. Камень Карсы осел на бок, качнулся вправо, качнулся влево и соскользнул с края.

Наручники полностью вытянули руку Малика, и он подумал, что его рука освободится от кандалов. Вместо этого он вылетел из разлома вслед за ним и обнаружил, что следует за Камнем Карсы вниз сквозь клубящееся облако всадников везерабов. Валун нанес скользящие удары двум животным и отправил их кувыркаясь и шипя прочь, а затем, наконец, поймал одного между крыльями. Удар замедлил их

падение ровно настолько, чтобы в цепи, соединявшей Малика с камнем, образовалась небольшая слабина. Всадник проскользнул мимо, окровавленный и искореженный с одной стороны, а везераб, переломанный и визжащий с другой, затем пурпурные воды Озера Теней стали видны не более чем в тысяче футов внизу. Малик улыбнулся.

— Цирик! — Закричал он. — Услышь меня сейчас, Цирик, Единый...

Когда он выкрикнул последнее слово, из его рта не вырвалось ни звука. Озеро продолжало приближаться, хотя из-за свирепого ветра, наполнявшего его глаза слезами, его было почти невозможно увидеть. Он попробовал еще раз и остался нем, как черепаха. Он проклял Шар, думая, что она всего лишь пытается защитить свою добычу, затем заметил темную фигуру, которая тянулась, чтобы схватить его. Думая, что это всего лишь бдительный лорд шадоваров, Малик потянулся за украденным кинжалом, и мгновенно оказался в паутине липких магических нитей. В паутине магии Плетения.

Малик перестал падать и завыл скорее от разочарования, чем от боли, когда Камень Карсы натянул цепь наручников, снова, и выдернул его плечо из сустава. Он думал, что ужасное напряжение оторвет ему руку. Вместо этого валун перестал падать, и он обнаружил, что смотрит в небольшую щель вниз по цепи наручников к открытому звену. Щель была шириной с лезвие кинжала и росла перед единственным глазом, который мог ее видеть. Малик попытался разглядеть, кто его схватил, но волшебная паутина слишком крепко держала его голову, чтобы повернуться. Вряд ли это имело значение. Он знал, даже не глядя, кто это был. У нее был дар приходить, когда он больше всего нуждался в том, чтобы она была где-то в другом месте. Они развернулись и направились через озеро к Горам Скимитара.

— Где твои манеры, Малик? — Позвала Руха. — Разве ты не поблагодаришь меня за то, что я спасла тебе жизнь?

Разрыв в цепи продолжал расти, и в своей ярости он едва заметил, что Руха развеяла магию, которая заставила его молчать ранее.

— Назойливая ведьма-арфистка! — Воскликнул Малик. — Разве ты не видишь, что я лишая шадоваров их величайшей силы?

И отдаёшь её Цирику, я уверена, — парировала Руха, избавляя его от необходимости добавлять это самому. — Я думаю, что остальным из нас будет лучше, если Камень Карсы окажется в руках Избранных, а ты предстанешь перед судом Арфистов.

— С таким же успехом вы можете убить меня здесь!

Поняв, что он снова может говорить, Малик снова попытался сказать:

— Цирик...

И снова слова начали беззвучно слетать с его губ. Они вышли из тени города, но Малик видел, что цепь не выдержит их путешествия до берега. Открытое звено распрямлялась у него на глазах. Он попытался позвать, надеясь, что, если он сможет предупредить Руху, она, по крайней мере, сохранит камень, пока он не сможет украсть его позже, но единственное, что сорвалось с его губ, было его тихое, мучительное дыхание.

Звено потеряло свою последнюю часть кривой, и Камень Карсы резко упал. Малик и Руха взмыли ввысь, но ровно настолько, чтобы Руха успела восстановить контроль и начать спускаться вслед за падающим камнем.

— Ах ты, кусачая собака! — Бушевала Руха. — Что ты наделал?

Даже если бы он мог говорить, Малик не стал бы защищаться. Он был слишком занят, пытаясь понять место, где камень войдет в воду и запомнить его. Но следуя за ведьмой это было невозможно, она то и дело ныряла, заставляя нырять и его. Он видел лишь вспышки темной воды и потоки улетающих везерабов.

— Дыхание Кóза! — Выругалась Руха.

Она резко и внезапно остановилась. Когда Малик раскачивался под ней, перед ним не было ничего, кроме воды. Гигантский смерч поднимался навстречу Камню Карсы, семь водянистых пальцев протянулись, чтобы оплести его. Возможно, Единый все-таки услышал. Так молился Малик.

Серебристые пальцы сомкнулись вокруг валуна и потянули его вниз, в Озеро Теней, оставив после себя огромный черный водоворот. Малик молился, чтобы именно рука Цирика взяла корону Теневого Плетения и чтобы, следовательно, он не остался томиться вечно в аду недовольства своего бога. Но этому не суждено было случиться. Когда камень исчез в темных глубинах озера, в центре водоворота появился сверкающий фиолетовый глаз и подмигнул ему.

Малик знал, что лучше не надеяться, что глаз принадлежит Цирику. Единый никогда не посылал ему знаков, кроме тех случаев, когда был зол.



Голова кружилась от пережитого, Галаэрон подошел, сжимая руку Валы, другая его рука обвилась вокруг колена Ариса, его глаза болели от яркого солнца. Треск, удары и приглушенный рев грохотали с неба, в то время как вдалеке беспорядочный шум гулких брызг катился по широкому пространству воды. Там были неприятности, и до Галаэрона медленно дошло, что он и его спутники были причиной. Арис застонал, споткнулся и упал вперед, на колени, просыпав охапку окровавленных людей, пока не уперся рукой и не остановил падение.

Одного взгляда на черную бороду было достаточно, чтобы Галаэрон вспомнил, где он, и как здесь оказался. Вместо того, чтобы проверить раненых Избранных, он оглянулся и был разочарован, увидев, что окутанный мраком город все еще парит на высоте тысячи футов, поглощенный клубящимися облаками везерабов и выпускающий непрерывный дождь мусора в озеро. Не было никаких явных признаков преследования, хотя любой, достаточно сильный, чтобы вернуть Галаэрона и троих Избранных, пришел бы тенью, а не воздухом. Изучая анклав, Галаэрон заметил тонкую черту тьмы, протянувшуюся между озером и городом. Она была у самого берега и такой слабой, что её почти не было видно, но в то же время прямой и непоколебимой. Пока он смотрел, нижний конец двигался к более глубокой воде, рассекая фиолетовые волны, не оставляя следа. Сам Шейд остался там, где был. Галаэрон провел несколько мгновений, наблюдая, пытаясь понять, что он видит. Везерабы кружили вокруг неё, и обломки отскакивали от неё, как от прочной веревки, но она была прозрачна, как бледная тень. Сквозь неё он мог видеть проходящих мимо шадоваров, падающие валуны и даже горы на дальнем берегу озера. Галаэрон, наконец, перестал гадать и, видя, что анклав не собирается опускаться ниже, он повернулся к своим спутникам. Лаэраль протягивала Арису его третью фляжку с

целебным зельем, и раны, полученные Хелбеном и Шторм, уже закрывались. Хелбен протянул Галаэру флякон и указал на раны на шее.

— Ты можешь позаботиться о них до нашего возвращения.

— Возвращения? — Спросил Арис. Фляжка, которую дала ему Лаэраль, выскользнула из его руки и разбилась о каменистую землю. Он, казалось, ничего не заметил. — В Шейд?

— Там находится мифаллар, — ответила Шторм. Она встала и проверила свою раненую ногу. Она чуть не прогнулась, но это не помешало Избранной одобрительно кивнуть. — Мне понадобится четверть часа, не больше.

В другой жизни Галаэрон, казалось бы, был бы впечатлен тем, как быстро исцеляются Избранные. Увидев то, что он видел, и зная, как быстро любой воиншадовар, особенно принцы, может исцелить себя, он знал, что его товарищи прискорбно превосходят его.

— Но, — возразил Арис, — неужели этот серебряный огонь расплавил твои мозги? Мы не можем вернуться в Шейд без магии Галаэрона, и посмотри на него! — Казалось, не замечая двух теневых стрел, все еще торчащих в его плече, гигант махнул огромной рукой в направлении Галаэрона. — Ему и так будет ужасно трудно вернуться к нормальной жизни. Ты не можешь просить его использовать больше магии теней.

— Арис, нет никакой «нормальной», к которой можно было бы вернуться. Я уже говорил тебе об этом, — сказал Галаэрон, задаваясь вопросом, как он когда-нибудь заставит великана понять, что тень и свет – всего лишь иллюзии. Как только человек принял истину об этом, все стало светом ... и все стало тенью. — Раньше я не был таким уж хорошим, и моя тень не была такой уж плохой.

— Ты мог бы одурачить меня, — сказал Арис. — Или, может быть, ты забыл, что произошло в Сайяддаре?

— Конечно, нет, но это произошло из-за борьбы, а не из-за моей тени. Именно отказ уступить вызывает кризис.

— Это был кризис, который Теламонт пытался использовать, — предположила Лаэраль. — Он хотел заставить тебя бояться своей тени, чтобы ты продолжал бороться и оставался неуравновешенным, пока он не сможет взять контроль.

— В какой-то степени да, — согласился Галаэрон, — но борьба необходима. Вам нужно набраться сил. Тень очень сильна, и я думаю, что она сокрушит вас, если вы примете ее слишком рано.

— Я понимаю, лучше, чем ты можешь себе представить, — сказала Лаэраль. Она украдкой бросила взгляд на Хелбена, затем снова посмотрела на Галаэрона. — Как только ты будешь готов, принятие своей тени сделает тебя сильнее и лучше.

— Сильнее, да, но лучше? — Спросил Галаэрон. — Я не знаю. Сила побеждает слабость, поэтому сильные стороны в моей тени преодолели некоторые слабости в моем характере, а сильные стороны в моем характере преодолели большинство слабостей в моей тени. Так что я чувствую себя целым, но это вряд ли делает меня паладином. Мир – более темное место, чем я знал раньше, и я стал темнее, увидев это. Я не думаю, что это значит “лучше”.

На лицах всех троих Избранных появилось сочувственное выражение, и Хелбен сказал:

— Мы не можем знать, через что ты проходишь, Галаэрон, но будь уверен, что мы понимаем тебя. Бывают моменты, когда мы все хотим вернуться к ... э-э ... к тому, какими мы были раньше, но дверь открывается только в одну сторону.

— И даже если бы было возможно вернуться, я все равно использовал бы любую магию, необходимую, чтобы вернуть нас в город, — сказал Галаэрон. Как бы он ни был благодарен Избранным за понимание и дружеское отношение к нему, он также был убежден, что было глупо делать то, о чем они просили.

— Если мы вернемся сейчас, то не добьемся ничего, кроме собственной смерти. Принцы исцеляются так же быстро, как и Избранные, и их больше, чем нас. Вот почему мы должны нанести удар сейчас и быстро, — сказала Шторм. Ее глаза были прикованы к Галаэрону, фиксируя его на месте, как змею, зажатую когтем орла. — Это твой план. Доведешь ли ты его до конца или нет?

— Нет, если это означает потерю трех Избранных Мистры, — сказал Галаэрон. — Хотя вы и бессильны, но вы – единственная надежда Фаэруна, и я не стану этого делать.

— Бессильны? — Проворчал Хелбен. Он шагнул ближе, все следы его прежнего дружелюбия исчезли. Он поднял свой знаменитый черный посох, как будто собирался ударить им Галаэрона по лбу. — Я научу тебя бессилию!

Галаэрон стоял непоколебимо, готовый принять любой удар, который волшебник пожелает нанести, если это заставит его и других Избранных прислушаться. Лаэраль избавила его от необходимости, схватив Хелбена за руку и оттащив на шаг назад.

— Он прав, любовь моя. Теламонт не преминет заметить нашу беспомощность, как только мифаллар будет взломан.

— Тем больше причин нанести удар сейчас, — взгляд Хелбена скользнул с Галаэрона на Лаэраль, — Прежде чем он ожидает нашего возвращения. Если мы настолько «бессильны», как утверждает эльф, неожиданность может быть нашим единственным шансом.

— А если мы потерпим неудачу, у нас не будет никаких шансов, — возразил Арис.

— Мы? — эхом отозвалась Шторм. — Сомневаюсь, что есть смысл и тебе рисковать жизнью, друг мой. Твой размер – не что иное, как помеха, и твоя сила принесет нам мало пользы.

— Мало пользы? — Прогремел Арис. — Разве ты не заметила, что именно я взломал мифаллар? Ты не вернешься без меня, я обещаю тебе это.

Хотя от внимания Галаэрона не ускользнуло, как плавно Шторм сменила тему на то, как они вернутся он остался глух к спору и посмотрел на Валу. Она оставалась вне спора, молчаливая и замкнутая, наблюдая за ним все время в тупой ваасанской манере. Ее зеленые глаза оставались такими же загадочными, как и изумруды, которые они напоминали.

Галаэрон отдал бы все, чтобы узнать, о чем она думает. Считала ли она его слабым за то, что он поддался своей тени? Или у нее, как и у него, было неправильное представление о том, что это была жертва, необходимая для спасения Фаэруна? Он считал само собой разумеющимся, что она ненавидит его за то, что он бросил ее Эсканору. После всего, что с ней случилось, а Теламонт много раз описывал ему это, пока он был пленником во Дворце Высочайшего, он не понимал, как она могла

смотреть ему в лицо, не обнажая меча, но выбор был за ней. Она была той, кто причинил ему боль, чтобы спасти его, и, если ее план сработал, она должна была винить только себя.

Галаэрон понял, что увидел в глазах Валы: гнев. Она так много отдала, чтобы защитить его. Ей могло только показаться, что он бросил ей в лицо ее жертву, что он вернулся в Шейд, не думая о том, что она сделала, и стал тем, что она так отчаянно пыталась предотвратить. Она была права. Хотя он, конечно, надеялся освободить Валу, он пришел спасти Эвереску и Фаэрун. Иначе Избранные никогда бы не согласились помочь ему, и он понимал, насколько они были бы правы. Вала была всего лишь запоздалой мыслью, от которой даже Галаэрон отказался бы ради небольшого увеличения своих шансов на успех. Ничто из этого не изменило его любви к ней, или того, как он жалел, что не поговорил с ней об этом, когда еще был шанс, что она выслушает. Галаэрон почувствовал тяжелое молчание и понял, что остальные смотрят на него. Не сводя глаз с Валы, он сказал:

— Ты знаешь шадоваров лучше, чем кто-либо здесь. Что ты хочешь сделать?

— Чего я хочу, так это покончить со всем этим и вернуться домой, — взгляд Валы наконец оторвался от Галаэрона. Она повернулась к Хелбену и сказала:

— То, что я думаю...

Вала вытащила свой темный меч и развернулась в направлении Галаэрона, ее рука потянулась назад, чтобы бросить. Пораженный тем, насколько сильно он недооценил ее гнев, Галаэрон открыл себя Теневому Плетению. Он взмахнул рукой перед своим телом и прошипел тонкое заклинание шадоваров, и между ним и Валой возник темный диск защиты. Вала опустила взгляд и нахмурилась, и только тогда Галаэрон понял, что она смотрела мимо его плеча. Хелбен воспользовался этим, чтобы проскользнуть к ней и схватить ее за локоть.

— Не нужно, моя дорогая, — сказал он. — Это Руха.

Вала, прищурившись, посмотрела в небо над Галаэроном и сказала:

— Ей действительно стоит надеть какой-нибудь другой цвет.

Галаэрон обернулся и увидел фигуру Рухи в черном плаще, несущуюся с неба, ее *аба* и вуаль дико развевались на ветру, а знакомая фигура свисала с цепи наручников, прикрепленной к ее запястью.

— Ага! — Прогремел Арис, крича в сторону Малика. — Посмотрим, как тебе понравится жизнь в оковах!

Руха облетела их один раз, теряя высоту, затем позволила Малику упасть и протащила его полдюжины шагов по каменистой земле, прежде чем сама мягко приземлилась. Она поклонилась Шторм и, прижав ногой шею Малика к земле, коснулась пальцами лба.

— Приятно встретиться, друзья мои. Вы разговаривали со своими сестрами?

Шторм бросила быстрый взгляд в сторону другого Избранного, а затем сказала:

— Нет, после нашего поражения в Шейде.

Думая, что никто не обращает на него внимания, Малик протянул свободную руку, чтобы достать камень. Он нашел три метательных кинжала, Галаэрона, Валы и Рухи, воткнутого в землю вокруг его запястья, и быстро убрал руку.

Руха продолжала разговор без паузы.

— Я рада сообщить, что они обе выжили. Когда они не смогли связаться с тобой обычными способами, Аластриэль забеспокоилась и попросила меня всё выяснить.

— Как скоро они будут готовы снова напасть на мифаллар? — Спросил Хелбен. Повернувшись к Галаэруну, он добавил:

— Они бы сильно изменили ситуацию, особенно если мы готовы рискнуть серебряным огнем.

— Драться? В логове теневой блудницы? — Воскликнул Малик. — Я отрежу себе запястье, прежде чем позволю тебе затащить меня туда!

— Пока что твое запястье в порядке.

Галаэрон встретился взглядом с Хелбеном и сказал:

— Нет смысла сражаться на их земле. Лучше атаковать теневые покровы напрямую и выманить их, как это делали фаэриммы. Для тебя это вряд ли имеет значение, Малик, — сказала Руха. Она подняла его на ноги, отдернув его руку от кинжала Валы, как раз в тот момент, когда его пальцы коснулись рукояти. — Если я здесь не нужна, я прошу разрешения вернуть Малика судье Сумеречного Зала, пока он все еще прикован к моей руке.

Все трое Избранных склонили головы с выражением, которое говорило о том, что они были бы так же счастливы сами решить этот вопрос и покончить с ним на месте. Шторм сказал:

— Отличный план, и я думаю, что здесь осталось достаточно магии, чтобы мы могли видеть, как вы благополучно продвигаетесь по своему пути.

— В Сумеречный Зал? — Страх Малика был очевиден по тому, как надломился его голос. — Меня убьют!

— Только после того, как тебя признают виновным в нескольких твоих преступлениях, — ответил Хелбен. — И я бы использовал слово «казнен».

— Казнен или убит – все равно! — Малик бросил жалобный взгляд в сторону Ариса и сказал: — Ты будешь просто сидеть и позволять им делать это с тем, кто столько раз спасал тебе жизнь?

— Я буду рад описать, как ты спас меня, — сказал он, — а также как ты поработил меня, чтобы использовать мои навыки скульптуры и резьбы для развития твоей церкви!

Впервые на круглом лице Малика появилось выражение отчаяния. Он, казалось, обдумывал свои варианты на мгновение, затем повернулся к Хелбену с диким взглядом.

— Я могу рассказать вам, как уничтожить Теламонта Тантула одним ударом! Он молчал всего мгновение, прежде чем его рот начал дергаться, и из него вырвалось еще больше слов. — Конечно, есть все шансы, что ты уничтожишь весь Шейд и половину Анаврока вместе с ним....

Даже такой ужасной перспективы было недостаточно, чтобы удержать Хелбена от поднятия брови.

— Ты же знаешь, я никогда не могу лгать, — напомнил ему Малик.

— Мы слушаем, — сказала Лаэраль.

Выпученные глаза Малика, казалось, сосредоточились на кончике ботинка Рухи, пока он планировал, что скажет дальше. Учитывая то, что он уже рассказал им о

ловушках, Галаэрон не мог поверить, что Избранные даже заинтересовались этим предложением. Наконец, Малик оглянулся на Хелбена и сказал:

— Какая мне польза от спасения мира, если я умру до того, как увидеть его?

Руха опустила колено ему на спину и подняла его голову за его собственные рога, а затем обернула цепь, соединяющую их кандалы, вокруг его шеи.

— Почему ты думаешь, что я когда-нибудь позволю тебе сказать им что-то, что уничтожит Анаврок? — Спросила Руха. — Я предпочла бы видеть тебя мертвым и сама предстать перед судьями Сумеречного Зала!

Она затягивала цепь, пока он не начал задыхаться.

— Руха! — крикнул Хелбен. Он, казалось, был так же удивлен поведением ведьмы, как и Галаэрон. — Пусть говорит.

— Никогда! — ответила она, дергая, пока глаза Малика не начали выпучиваться. — Если хочешь знать...

Восклицание Рухи резко оборвалось, когда Шторм стащила ее со спины Малика.

— Арфистская ведьма! — Прохрипел Малик. — Я должен сказать просто им назло! И снова его лицо исказилось в противоречивой маске, и он добавил:

— Тем более, после того, что произошло в Долине Теней, я знаю, что ни один Избранный никогда не будет настолько глуп, чтобы бросить стрелу серебряного огня в существо чистой сущности тени.

Галаэрон не понял, что угроза Рухи была уловкой, пока не увидел, как она обменялась поздравительными взглядами с каждым из Избранных.

— Не очень-то полезно, Малик, — сказала Лаэраль.

— Вообще-то, мы уже пробовали серебряный огонь, — добавила Шторм. Она не стала объяснять, что нападение было всего лишь уловкой, рассчитанной на то, чтобы выиграть время для Валы.

— Теламонт заблокировал его защитным заклинанием. Хотя это вряд ли имеет значение, — добавил Хелбен. — В любом случае, я больше не имею большого влияния на Арфистов.

— Арфисты? — Взвизгнул Малик. — Я говорю о Рухе!

— В обмен на раскрытие того, что Теламонт Тантул – чистое вещество тени? — Галаэрон усмехнулся. Он начинал понимать, в какую игру играют Избранные. — Тебе придется придумать что-нибудь получше, если ты хочешь, чтобы я освободил тебя.

— Нет смысла слушать его, Малик, — предупредила Руха. — *Этого* никогда не случится.

Гнев в глазах Рухи был убедительным, и Галаэрону пришло в голову, что остальные могут не понять, что он присоединился к их игре.

— Возможно, нет, пока ты жива, — сказал Галаэрон, сохраняя ровный тон. Он опустил руку на рукоять меча. — Для меня это не имеет значения.

Глаза Малика загорелись, как пара факелов.

— Убить ее? — Спросил Малик. Он на мгновение задумался над ситуацией, затем засомневался. — Ты слишком труслив. Ты бы никогда так не поступил.

Чтобы спасти Эвереску? — ответил Галаэрон. — Как ты думаешь, чего бы я *не* сделал?

От внимания Галаэрона не ускользнуло, что Хелбен, Вала и все остальные медленно двигались в его направлении, как и от внимания Малика. Он обдумал это предложение лишь на мгновение.

— Ты уже победил! — Выпалил Малик. Нет необходимости уничтожать мифаллар или даже убивать Теламонта. Он бы остановился на этом, если бы не проклятие Мистры. — Они не могут создать свои теневые покровы без магии Камня Карсы, а Камня Карсы больше нет!

— Что? — Это сказала Вала, которая, наконец, начала проявлять интерес к дискуссии. — Как нет?

— Он в озере, — объяснила Руха. — Камень был прикован к другому запястью Малика и цепь оборвалась. Водяной смерч потянулся, чтобы взять его.

— Это была рука Шар, — мрачно объяснил Малик. — Она все время контролировала Теневое Плетение.

Этого было достаточно, чтобы Галаэрон выхватил меч и прижал лезвие к горлу Рухи. Шторм и Вала выхватили свои клинки и шагнули вперед, чтобы защитить ведьму, и Галаэруну было неясно, предупреждают ли они его или просто поддерживают его поступок. На самом деле он уже не был уверен, что делает. Из всех сил стараясь казаться обеспокоенным возможностью сразиться с двумя лучшими фехтовальщицами Фаэруна, Галаэрон держал свой клинок прижатым к горлу Рухи.

— Прежде чем я освобожу тебя, — обратился он к Малику, — скажи мне, откуда ты все это знаешь.

Малик охотно рассказал, как, будучи прикованным к Камню Карсы в скрытом храме Шар, он пришел к пониманию, что это был символ ее контроля над Теневым Плетением. Затем он рассказал о том, как, когда город начал падать, камень затащил его в одну из ткацких комнат, и о том, как сильно он боролся, чтобы украсть камень для Цирика, чтобы однажды он мог править Теневым Плетением, и, возможно, самим Плетением, поскольку если и был бог, способный соединить их вместе, то это был Единый и Все. К тому времени, как Малик закончил, Галаэрон был не только уверен, что Серафим говорит правду, но и что он правильно истолковал все, что видел. Даже Хелбен, казалось, был убежден.

— Я готов допустить, что Шар поймала Камень Карсы, — сказал Хелбен, — и даже то, что камень является символом ее контроля над Теневым Плетением, но если шадовары нуждаются в нем, чтобы создать больше теневых покровов, я не вижу, что может помешать ей вернуть его.

— Ничего, — ответил Галаэрон. — За исключением того, что Шар — богиня *нераскрытых* тайн. После того, как принц Идер позволил Серафиму своего заклятого соперника не только обнаружить роль и местоположение Камня Карсы, но и так близко подойти к его краже, я уверен, что она найдет более безопасное место, чтобы спрятать его.

— И пусть шадовары пострадают за свои грехи — сказала Лаэраль.

— Согласен.

Это вызвало широкую улыбку у Малика, который посмотрел на Галаэрона и сказал:

— Я жду.

Я бы многое сделал, чтобы спасти Эвереску, — сказал Галаэрон. — И одно из этих дел – ложь.

— Ложь? — взвизгнул Малик. — Единый накажет тебя за это, хотя я, несомненно, буду тем, кто страдает вместо тебя! После того, как я столько раз спасал тебе жизнь, как ты можешь так поступать со мной?

— Потому что это необходимо.

Хотя Малик никогда не причинял вреда Галаэрону, и эльфу было больно предавать старого друга, он опустил меч. Он отступил назад, и с маленьким человеком, все еще швыряющим ругательства ему в спину, он повернулся к Шторм.

Похоже, наш план сработал для большей части Фаэруна, если не для Эверески, — сказал он. — Я благодарю вас за попытку.

— Мы благодарим тебя, — ответил Хелбен, хлопнув Галаэрона по плечу, — но мы еще не закончили. Разве я не слышал, как ты говорил Теламонту, что теперь у тебя есть полное представление о фазриммах?

Галаэрон кивнул, не смея поверить, что Хелбен скажет то, что, как он надеялся, собирался сказать Хелбен.

— Ты это сделал. Хелбен оглянулся через плечо в сторону Озера Теней, где беспорядочный поток обломков, падающих из укрытого мраком анклава, наконец, уменьшился до морозящего дождя. Вместо того, чтобы бежать из города, большинство везерабов, казалось, пытались найти безопасный путь назад, и даже грохот рушащихся зданий становился все более прерывистым и приглушенным.

— Лаэраль, Шторм, что скажете? — Спросил он. — Мы достаточно навредили здесь?

— Недостаточно, — сказала Шторм, — но это все, что мы можем.

— Да, — согласилась Лаэраль. — Я думаю, нам самое время вернуться в Эвереску.

Она протянула руки, приглашая Галаэрона и остальных взяться за руки и немедленно вернуться в Шараздим. Арис опустил на колени и протянул ей мизинец, но Вала даже не пошевелилась, чтобы присоединиться к кругу. Галаэрон был удивлен, и, возможно, почувствовал слабое облегчение, обнаружив, что в груди у него что-то сжалось. Если его сердце разрывалось, то печаль не могла быть слабостью, которую преодолела его тень. Он подошел и встал рядом с Валой.

— Я знаю, что многого прошу, — начал Галаэрон, — особенно после того, через что я заставил тебя пройти, поэтому я не буду. Если ты хочешь пойти с нами в Эвереску, мы будем более чем рады тебе и твоему мечу.

Вала проворчала что-то, что могло быть согласием, отказом или просто признанием вопроса, затем сказала:

— Ты смотрел, как Идер и Агларел выгнали меня из мифаллара?

Галаэрон кивнул. — И ты не пришел за мной?

Галаэрон покачал головой.

— Почему нет? Потому что я хотел уничтожить мифаллар, и я знал, что наши шансы будут лучше, если мы с Арисом останемся в укрытии, пока Теламонт не покажет все свои трюки. Галаэрон сглотнул, затем добавил:

— И потому что я знал, что ты можешь позаботиться о себе.

— Знал, Галаэрон? — Спросила Вала.

— Во всяком случае, надеялся. Вала приподняла верхнюю губу в нерешительной усмешке, затем пожала плечами и улыбнулась.

— По крайней мере, ты честен.

Она схватила его за руку, подошла к телепортационному кругу Лаэраль и сказала:

— Конечно, я иду. Неужели ты думаешь, что я осмелюсь вернуться в Ваасу без моих людей и наших темных мечей?

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ



2 Элеасиаса, Год Дикой магии

После того, как Руха отправилась в Сумеречный Зал с Маликом, прикованным к ее запястью, Хелбен использовал свою магию, чтобы сообщить лорду Дуирсару об их скором прибытии. Заклинание не сработало. Он также не получил никакого ответа, когда попытался связаться с Кииньоном Колбастином, а когда Галаэрон попытался связаться с Кейей, единственным ответом, который он испытал, было мимолетное впечатление ужаса. Шестеро из них потратили еще несколько минут, рискуя неосведомленными догадками о том, как фаэриммы могут вмешиваться в коммуникационную магию, основанную на Плетении, а также на Теневом Плетении. Способные представить себе только ужасные сценарии, они в конце концов пришли к выводу, что просто не могут знать, что происходит, и разделились на две группы. Несколько мгновений спустя Галаэрон лежал между Валой и Хелбеном на закопченной террасе высоко в Долине Виноградных Лоз, глядя вниз с пустынной лестницы на испещренное кратерами пастбище внутри Луговой Стены. Некогда пышная трава исчезла, сожженная или уничтоженная боевой магией, или увядающая под гниющим трупом одного из тысяч эльфийских воинов, разбросанных по полю. В центре луга мраморные утесы Трех Сестер были усеяны вокруг основания пятнами сажи и брызгами запекшейся крови. На вершинах самих холмов завесы черного дыма поднимались из огромного синего Верхнего леса, сливаясь в одно темное облако, которое оставляло видимыми только самые нижние части величественных башен Эверески. Пока Галаэрон наблюдал, свинцовый свет вспыхнул в лесу под Стонущей Пещерой, и оглушительный треск разнесся по всей долине и эхом отразился от нависших скал Высокого Шараэздима. Когда Галаэрон сморгнул вспышку из глаз, он заметил кольцо падающих деревьев, клонящихся наружу, их кроны были направлены в сторону от центра взрыва. К тому времени, как разыгрался взрыв, круг разрушения достиг больше мили в поперечнике.

— Для Лаэраль и Шторм безопасно идти вперед с Арисом, — сказал Галаэрон. Он говорил, не поворачиваясь, чтобы посмотреть на Хелбена.

— Вы можете быть уверены, что в радиусе мили от нас нет фаэриммов.

— Это слишком быстро, чтобы быть настолько уверенным в своих позициях, — заметил Хелбен. — Мы не пробыли здесь и минуты.

— Минута - это все, что мне нужно, — сказал Галаэрон. Он поднялся на колени и махнул рукой в сторону горящего города. — Фаэриммы там, внизу, отнимают у Эверески ее магию.

— А их слуги? — спросил Хелбен. — Все, что нужно, чтобы поднять тревогу, — это бехолдер или даже гнолл.

— Фаэриммы думают, что они победили, — объяснил Галаэрон. — С ними будут их слуги, которые будут нести их добычу и помогать защищать их новые логова.

— Они не боятся контратаки? — Спросил Хелбен.

— В данный момент они боятся нас меньше, чем друг друга.

Хотя эти слова принадлежали Галаэрону, знание пришло к нему в форме странной полуосмысленности, ближе к предчувствию или чувству, чем к чему-то, что он действительно помнил. — Они узнают, как был озабочен Фаэрун проблемами, вызванными Шейдом, и как невозможно было бы для кого-либо послать армию против них.

— Как бы это ни было верно — сказал Хелбен, — не всегда требуется армия, чтобы победить одного.

— Они, конечно, беспокоятся о Избранных, — сказал Галаэрон, уловив смысл слов Хелбена, — но я сомневаюсь, что у них есть выбор в этом вопросе. Это не в характере фаэриммов – работать вместе. Теперь, когда приз в руках, каждый должен потребовать свою долю или посмотреть, как другой украдет ее у него.

Пока Галаэрон объяснял это, крошечная фигурка эльфа вывалилась из облака дыма, ударилась о край вершины утеса и покатилась вниз по лугу. Если бы мифал функционировал должным образом, этого бы не случилось. Защитное заклинание поймало бы жертву и мягко опустило его, или ее, на землю. Смерть заставила Галаэрона задуматься, что стало с его сестрой Кейей. Последнее, что он слышал, она хорошо справлялась со своей беременностью, а также, как воин, присоединялась к людям Валы в охотничьих набегах и требовала полдюжины хвостов для своего пояса, но это было до того, как пал мифал. Могла ли она быть одним из тел, лежащих на лугу, или, возможно, тем, за которым он только что наблюдал, падающим из дыма? Ему очень хотелось попробовать послать еще одну мысль, но он знал, что это было бы глупо. Если предположить, что она осталась жива, был хороший шанс, что в данный момент она сражалась, и отвлечение неожиданной мыслью, появившейся в ее голове, вполне могло оказаться фатальным. Галаэрон мог только надеяться, что момент мимолетного ужаса, который он испытал в первый раз, означал, что она все еще жива, и что его вторжение не изменило этого.

— Как долго фаэриммы будут вцепляться друг другу в глотки? — спросил Хелбен.

— Десять дней, по крайней мере, — ответил он, — но не намного дольше. Их внутренние ссоры быстры и смертельны.

— Десять дней. — Разочарование Хелбена было трудно не заметить. — Что тогда?

— К тому времени они уладят все дела и подготовят свою индивидуальную оборону. Галаэрону не нравилось, как развиваются вопросы Хелбена. — Их будет невозможно искоренить. Шадовары сделали это в Миф Дранноре — возразил Хелбен.

— Ценой их других амбиций на Фаэруне — заметила Вала. — И в Миф-Дранноре их было всего несколько десятков. Здесь их будут сотни.

Хелбен вздохнул и сказал:

— Мы потеряли Эвереску. — Его кулак врезался в землю, подняв небольшое облачко пепла и пыли. — Это все, что мы можем сделать, чтобы удержать их в долине.

Хотя Галаэрон не разделял отчаяния Хелбена, он молчал, приводя в порядок свои мысли и вызывая в памяти все, что знал о ситуации в Эвереске. У него было подозрение, что все не так безнадежно, как думал Хелбен, но было ли это чувство вызвано мудростью Мелегонта или его собственной потребностью исправить ужасные ошибки, которые привели к падению Последнего Дома, он не мог сказать.

Вала положила теплую ладонь на его предплечье и сказала:

— Ты сделал все, что мог.

Галаэрон начал было говорить, что он еще не все сделал, но его прервал мягкий треск заклинания телепортации. Он оглянулся через плечо, чтобы убедиться, что вновь прибывшие были теми, кого они ожидали, и увидел серое облако, поднимающееся двумя террасами выше. Лаэраль и остальные лежали на земле, сплевывая сажу и растерянно моргая.

— Придержите свои заклинания, миледи, — крикнул Хелбен своим соратникам Избранным. — Пока мы в достаточной безопасности.

Звук голоса Хелбена, казалось, вывел Лаэраль из оцепенения. Она посмотрела на дно долины, и ее лицо вытянулось.

— Помоги нам богиня! — Выдохнула она. — Мы опоздали.

Я думаю, что нет, — сказал Галаэрон, наконец убедившись, что вдохновение, которое он чувствовал, было больше, чем его собственное отчаяние.

Он встал и жестом велел Лаэраль привести остальных, затем достал из кармана кусок теневого шелка и начал наматывать его на мизинец, формируя из него маленький конус. — Мы пришли как раз вовремя.

Хелбен поднялся на колени и потянул Галаэрона вниз.

— Наберись терпения, эльф. Мы спасем столько Тель'квессир, сколько сможем, но сначала мы должны все спланировать.

— Лучший способ спасти мой народ — это убить фаэриммов в их городе. — Галаэрон вернулся к изготовлению своего конуса.

Лаэраль и Хелбен обменялись понимающими взглядами, и Хелбен сказал:

— Это не твоя вина, Галаэрон. Это Мелегонт освободил фаэриммов, а не ты.

— Правильно, — сказала Шторм. Придя в себя после оцепенения, она спрыгнула на террасу вместе с Галаэроном и остальными. — Теперь мы знаем, как думают шадовары. Они с самого начала планировали сделать фаэриммов проблемой всех остальных. Я готова поспорить на свои волосы, что Мелегонт пробил брешь в Стене Шарнов, и он это сделал нарочно. Что может быть лучше, чтобы выманить фаэриммов из Анаврока, чем предложить им мифал Эверески?

— Если это действительно был несчастный случай, это сработало в пользу шадоваров, — согласился Галаэрон. Он доделал свой конус и осторожно снял его с пальца, затем отложил на камень. — Но я не невинен в этом. Меня много раз предупреждали о Мелегонте, и все же я принес Шейд в этот мир.

— Ты не можешь винить себя, — сказал Арис. Он сидел на задней стене террасы, наклонившись, чтобы подставить руку под один из тысяч источников, которые когда-то поливали террасы Виноградной Долины. — Они нашли бы другой способ.

Галаэрон поднял руку, чтобы предотвратить более снисходительные слова, и сказал:

— Я не ищу отпущения грехов... и я не говорю из чувства вины.

— Тогда из мести.

Лаэраль сформулировала это как факт, а не как вопрос. Она взглянула на Шторм, а затем добавила:

— Я знаю, что бы я чувствовала, если бы моя сестра была там, и я не смогла бы связаться с ней.

— Если бы я хотел отомстить, мне не нужна была бы ваша помощь. — Галаэрон видел, что они все еще боятся, что его тень может влиять на него, и он не сомневался, что это так. Это не означало, что он ошибался. — Я говорю о победе, а не о возмездии. Выслушайте меня. Если вам не нравится то, что я говорю, я не буду держать зла на тех, кто решит остаться.

Хелбен нахмурился, явно недовольный тем, что кто-то другой взял на себя руководство. И все же он терпеливо слушал. Когда Галаэрон закончил, его хмурый взгляд стал задумчивым, и он посмотрел на других Избранных.

— А вы как думаете?

— Простые планы лучше всего, — сказала Шторм. — Это очень просто, надо отдать ему должное.

Возможно, слишком просто, — сказала Лаэраль. — Что помешает фаэриммам видеть сквозь него?

— Высокомерие самих фаэриммов, — ответил Галаэрон. — Они не поверят, что кто-то способен победить их заклинания ясновидения.

Предоставив остальным самим обдумывать достоинства своего плана, Галаэрон начал лепить еще один конус из теневого шелка. Через мгновение Арис снял камень со стены террасы и двумя быстрыми ударами молота превратил его в небольшую чашу, затем наполнил ее сажей из обугленного бревна и использовал источник, чтобы увлажнить ее. Когда он начал размазывать получившуюся пасту по ногам толстыми черными полосами, Вала с сомнением приподняла бровь.

— Ты немного великоват для маскировки, — сказала она. — Ты не доверишь магии Галаэрона?

— Я доверяю Галаэрону, — ответил Арис. Он взглянул на Галаэрона и мрачно кивнул. — Но учитывая, на кого мы собираемся напасть, я думаю, что для одного из нас разумно не использовать магию. Кроме того, камуфляж каменного гиганта лучше, чем ты думаешь. Сколько раз вы проходили мимо одного из нас и не знали, что это вас удивит.

— Меня больше ничто не удивляет, — сказала Вала. Она опустила руку в чашу и вскочила на террасу позади Ариса. — Нагнись, и я намажу тебе шею, прежде чем мы уйдем.

— Значит, ты тоже решила пойти? — спросила Лаэраль.

— Придется. Там внизу мои люди и наши темные мечи.

Она оглядела Ариса, посмотрела на Галаэрона и добавила:

— И мне действительно нужно посмотреть, как это обернется. Ее слова заставили Галаэрона сломать теневой конус, который он снимал с пальца. Она, вероятно, намекала на обещание, которое дала, убить его, если он когда-нибудь полностью попадет под влияние своей тени, но в ее тоне была теплота, которая заставила его надеяться, что она простит его, что в ее сердце все еще может быть место для любви к нему. Продолжая удерживать взгляд Валы, Галаэрон снова начал наматывать шелк тени на мизинец. В то же время он прошептал заклинание для передачи мыслей и начал мысленно разговаривать с ней.

— *Вала.*

У нее отвисла челюсть, и ее закопченная рука оторвалась от лысого черепа Ариса.

— *Прежде чем мы уйдем, я хочу извиниться за то, что оставил тебя там,* — сказал Галаэрон. — *Я пойму, если ты никогда не простишь меня, но надеюсь, что сможешь.*

Взгляд Валы смягчился.

— *Мне нечего прощать. Выбор был за мной, и я знала, что может случиться.* — Она вернулась к маскировке затылка Ариса, добавив:

— *Но я разрываюсь, Галаэрон. Внутри.*

— Сердце Галаэрона упало.

— *Я понимаю. Я не хотел тебе мешать. Пожалуйста, прости...*

— *Опять это слово,* — перебила Вала. — *Я не виню тебя, это не то, что я имею в виду. Но с тех пор, как Хелбен и другие помогли мне сбежать, я была переполнена этим... Я не чувствовала ничего хорошего. Я просто хочу пойти домой и выпить меда перед камином. Одна.*

— *А как насчет Шелдона? Ты, должно быть, хочешь его увидеть.*

Галаэрону стало стыдно за себя. Он позволил обычному стоическому поведению Валы убаюкать его, заставив думать, что она каким-то образом вышла целой из своего порабощения. Он думал только о том, как ее испытание повлияло на него, а не о том, что это могло сделать с ней.

— *Не так,* — ответила она. — *Не все сломано внутри.*

— *Ты не всегда будешь сломлена,* — сказал Галаэрон. — *Я буду рядом с тобой, сколько бы времени это ни заняло. Жаль, что я не сказал тебе об этом раньше, Вала. Я действительно люблю тебя.*

Вала одарила его задумчивой улыбкой.

— *А теперь расскажи мне. Теперь, когда твоя тень создала тебя.*

Галаэрон не осознавал, что они стали объектом внимания, пока глаза Валы не застеснялись, и она отвела взгляд. Хелбен откашлялся и, либо не обращая внимания на взгляды, которые мелькали между ними, либо делая вид, что не заметил, встал перед Галаэроном.

— Ты совершенно уверен, что фаэриммы не смогут обнаружить или рассеять твою магию? — спросил он.

— Им придется использовать Теневое Плетение, — сказал Галаэрон, — но мы должны быть осторожны с бехолдерами. Они могут уничтожить нас своими антимагическими лучами.

— С бехолдерами мы справимся, — сказала Шторм.

Хелбен вздохнул, затем сказал:

— Если ты полон решимости осуществить свой глупый план, похоже, у нас нет другого выбора, кроме как пойти с тобой, чтобы защитить тебя. Как скоро ты сможешь быть готов?

В ответ Галаэрон снял с пальца последний конус теневого шелка и прижал его к груди Хелбена.

— Держи его здесь.

Хелбен сделал, как было велено, и Галаэрон потянулся к Теневому Плетению, чтобы сотворить заклинание. Черный конус расширился до полных десяти футов в длину, поглотив Избранных в провале темноты. Галаэрон смастерил шипастый хвост на узком конце и четыре кривые руки на широком конце, добавил несколько зубов и другие детали, чтобы создать головной диск, и он обнаружил, что смотрит на то, что казалось окутанным тенью фаэриммом.

— Отличное сходство, — похвалил Арис. — Хотя локти находятся слишком далеко от рук, а хвостовой шип должен изгибаться немного больше.

Галаэрон внес необходимые исправления и еще несколько, когда Вала, Лаэраль и Шторм добавили свои мнения. Когда все согласились, что сходство было истинным, он отступил назад и произнес последнее слово, чтобы установить форму.

— В Эвереске мы должны стараться оставаться в лесистых районах, где тени не будут казаться неуместными, — сказал Галаэрон. — Я предполагаю, что ты можешь использовать свою собственную магию, чтобы летать и говорить на языке ветра фаэриммов.

Хелбен ответил свистящим порывом ветра и взмыл в воздух.

— Хорошо, — сказал Галаэрон. — Избегайте использования вашего серебряного огня. Если фаэриммы увидят это, они узнают, что вы здесь.

— А как насчет палочек и колец? — спросила Лаэраль.

— Теневая маска скроет их использование, как и ваши голоса и жесты, — ответил Галаэрон, — но вы должны быть осторожны, чтобы не выбросить какие-либо компоненты заклинания за пределы вашей маскировки. Фаэриммам не нужны компоненты, поэтому, если они увидят, что вы их используете....

— Понятно, — сказала Шторм, делая шаг вперед. — Я следующая. Мне всегда нравилось сражаться четырьмя руками.

Галаэрон прижал конус тени к ее груди и повторил заклинание, которое использовал, чтобы замаскировать Хелбена, затем сделал то же самое для себя и Лаэраль. Наконец он повернулся к Вале.

— Поскольку ты не заклинатель, было бы лучше замаскировать тебя под раба разума.

Вала закатила глаза и попыталась отнестись к этому предложению легкомысленно, но в ее глазах ясно читалась боль.

— Не слишком наслаждайся этим.

— Вовсе нет, — заверил он ее. Если ты думаешь, что сможешь изобразить пустой взгляд...

— Галаэрон, просто делай.

Галаэрон расплющил в руке маленький диск из теневого вещества и осторожно приложил его к ее лицу. Галаэрон расплющил в руке маленький диск из теневого вещества и осторожно приложил его к ее лицу. Когда он произнес заклинание, цвет

лица Вала потемнел на полдюжины оттенков. Ее глаза стали стеклянными и пустыми, а выражение лица стало мертвым и неподвижным. Галаэруну было больно видеть ее даже в этом фальшивом рабстве. Это напомнило ему о том, каким эгоистичным и обманутым он был во время своего теневого кризиса, и обо всем, чем она пожертвовала, чтобы спасти его. Как он сможет отплатить ей, он даже представить себе не мог. — Значит, все готово? — Спросил Хелбен. — Я открыл портал в лес у подножия Холма Облачной Короны. Если у вас нет идеи получше, я подумал, что дворец лорда Дуирсара – идеальное место для начала нашей кампании.

— Нет лучшей идеи, — сказал Галаэрон. Он повернулся и увидел волшебную дверь, мерцающую на краю террасы. — Фаэриммы наверняка будут сражаться там за добычу.

— Я так и думал. Хелбен махнул тонкой фаэриммовой рукой в сторону двери. — Шторм и Лаэраль ушли.

Не потрудившись спросить, почему Хелбен спросил его мнение, если он уже отправил двух сестер, Галаэрон направился к мерцающей двери. Он сделал всего один шаг, прежде чем Вала схватила его за воротник. Она, вероятно, думала, что держится за одну из четырех рук его маскировки, и оттащила его назад.

— Подожди.

Она развернула его и стояла, уставившись на него пустыми глазами. Наконец она спросила: — Куда мне тебя целовать?

Галаэрон наклонился вперед и прижался губами к ее губам. Это было немного похоже на поцелуй с зомби, по крайней мере, пока он не закрыл глаза, и даже тогда он оставался осторожным и сдержанным, по крайней мере, по ваасанским стандартам. Когда они, наконец, закончили и Галаэрон снова перевел дыхание, он спросил:

— На удачу?

— На всякий случай, — поправила Вала, вытаскивая темный меч. — Я бы не хотела, чтобы кулак шадоваров был последним, что когда-либо касалось моих губ.

Она прошла мимо Галаэрона в волшебную дверь и с треском исчезла. Галаэрон последовал за Валой в портал. Он так привык к магии телепортации, что его больше не беспокоил ни душераздирающий холод, ни вечное мгновение падения, но это не помешало ему быть ошеломленным, когда он, наконец, снова почувствовал землю под ногами. Воздух был наполнен слабым грохотом и долгими, неразборчивыми завываниями. Алый огненный шар медленно катился к нему, с оранжевыми усиками, вялыми завитками свисавшими с его боков. Галаэрон нырнул в сторону и обнаружил, что плывет среди огромных стволов величественного леса голубых деревьев, размахивая четырьмя тонкими руками перед лицом. Это зрелище напомнило ему, что он должен был изображать фаэримма, хотя почему именно, все еще оставалось для него загадкой. В то время как открытый лес вокруг него казался знакомым, было что-то, что казалось не совсем правильным, как будто он повернул за угол и оказался в неожиданной комнате. Огненный шар все еще медленно приближался. Позади него вспыхнула вилка молнии и скользнула между деревьями, как изогнутая белая змея, затем взорвалась в груди багбера и свернула в погоню за пожирателем разума. На атаку ответили десятью золотыми стрелами, летящими в плотном клиновидном строю, который направлялся к цели лунными эльфами со скоростью стаи мигрирующих гусей. Галаэрон отплыл с пути огненного шара. Присев за

свежеотколотым валуном в пятидесяти шагах от него, он увидел сильно потрепанного певца клинков, все еще держащего дымящуюся руку, которая бросила заклинание. Более оскорбленный нападением, чем обеспокоенный им, он вытащил из кармана несколько нитей теневого шелка и швырнул их в сторону певца клинков, прошипев заклинание. Эльф мгновенно оказался завернут в кокон липкой черной тени.

— *Галаэрон!* — знакомый голос Лаэраль Серебряной Руки прозвучал в его голове. — *Нет необходимости защищаться. Ты можешь летать быстрее, чем приближается это заклинание.*

Пара окутанных тенью фаэриммов появилась из-за деревьев позади него, Вала вплотную приблизилась к их шипастым хвостам. Как только Галаэрон увидел пустоту в ее глазах, он вспомнил их план и понял, что что-то пошло ужасно не так.

— *Это не Холм Облачной Короны,* — возразил он.

— *Нет, мы в Стонущей Пещере,* ответила Вала. *Я узнаю её по тому, как мы приехали во время моего первого визита.*

Галаэрон оглянулся через плечо и увидел пещеру менее чем в ста шагах вверх по холму. Небольшая группа эльфийских воинов собралась на входной веранде, присев за каменными балюстрадами и используя возвышенность, чтобы стрелять стрелами и заклинаниями по багберам и иллитидам в лесу внизу. Как и все остальное в этой странной битве, их атаки, казалось, происходили в замедленном темпе, стрелы парили, а не летели к своим целям, а заклинания меньше мелькали в небе, чем просто наступали. Галаэрон сошел с пути двух стрел, летящих в его сторону, затем услышал тихий треск, когда Арис появился в лесу. Огненный шар уже прошел мимо и был в процессе взрыва на склоне холма позади них. Галаэрон схватил великана за руку и потащил вперед, чтобы взрыв сзади не обжег его. Хелбен появился мгновением позже, в середине медленно виляющего хвоста пламени. Какое-то мгновение он парил в огне, ошеломленный и, без сомнения, находя, что приспособиться к новому окружению еще труднее, чем Галаэрону. Галаэрон подтолкнул руку Ариса к Вале, затем подплыл и вытащил Избранного из огня.

— *Где мы?* — в своем замешательстве Хелбен пренебрег мысленной речью. — *Это не ...* — он спохватился и переключился. — *Холм Облачной Короны!*

— *Мы вышли на другой стороне города,* — сообщила ему Лаэраль, *рядом со Стонущей Пещерой.*

— *Хуже того,* сказал Галаэрон. — *Мы вышли в прошлое.*

— *Как такое может быть?* — спросила Шторм. Она потянулась за спину Галаэрона и отбила стрелу в сторону. — *Это невозможно.*

— *Это уже произошло,* — ответил Галаэрон. *Вскоре после того, как мы прибыли в Виноградную Долину, весь этот лес был сровнен с землей взрывом. А теперь...*

— *Он все еще стоит,* — закончила Вала. — *Я тоже видела взрыв. Каким-то образом мы добрались сюда до того, как упали деревья.*

Разряд молнии змеился вниз от входа в пещеру и поймал Шторм в центре ее маскировки фаэримма. Взрыв отбросил ее на землю, но, казалось, не причинил ей вреда. Хелбен и Лаэраль подняли свои головные диски к источнику атаки, и одного этого было достаточно, чтобы несколько десятков эльфов медленно поползли прочь.

Маг последовал его приказу, спотыкаясь, вернулся к балюстраде и завершил свое заклинание. Молния полетела вниз по склону гораздо быстрее, чем предыдущие, почти слишком быстро, чтобы глаз мог уследить за ней. Галаэрон едва успел откатиться в сторону и выкрикнуть предупреждение, прежде чем снаряд был там.

Шторм встала на его пути и полностью приняла снаряд в тело.

— *Шторм!* — воскликнул Галаэрон.

Снаряд вонзился в тело Шторм и исчез без запаха обугленной плоти и даже без трещины. Она устроилась за стволом дерева и удовлетворенно рыгнула.

— *Не беспокойся, Галаэрон,* — сказала Лаэраль. — *Шторм может есть молнии весь день.*

— *Маленький подарок от моих сестер, когда я отправилась сражаться с Йахту Звимом,* — объяснила Шторм. — *А теперь, тебе не кажется, что нам следует убираться отсюда? Далеко отсюда?*

— *Что это может повредить?* — ответил Хелбен.

— *Для одного из Избранных ты говоришь не так уверенно,* заметила Вала.

— *Дело не в уверенности,* — сказала Лаэраль. — *Все зависит от того, сосредоточена ли волна временного смещения на нас или на нашей точке прибытия.*

— *А?* спросила Вала.

— *Она имеет в виду бежать!* — сказал Галаэрон.

Он поднял Валу на ноги и толкнул ее в лес в направлении, противоположном эльфам, которые напали на них. Хелбен и другие Избранные поднялись в воздух и поплыли рядом с ней, используя свою магию и свои тела, чтобы отразить шквал атак, которые сыпались с веранды Стонущей Пещеры. Прежде чем последовать за ними, Галаэрон воспользовался моментом, чтобы рассеять тeneвую паутину, которую он набросил на певца клинков.

— *Покинь ... это ... место ... сейчас же!* — настаивал он, расставляя слова так, чтобы эльф, скорее всего, понял. — *Большая опасность!*

Певец клинков выбрался из растворяющейся тeneвой паутины, выглядя скорее смущенным, чем встревоженным, но быстро последовал совету, когда бехолдер и его эскорт багберов бросились за ним со стороны фаэриммов. Галаэрон послал такое же предупреждение эльфам на веранде за Стонущей Пещерой. Их единственным ответом была мерцающая сфера силы, которая приблизилась на дюжину шагов, прежде чем Галаэрон заметил ее и покинул свое укрытие. Мгновение спустя позади него раздался глухой грохот, и он оглянулся, чтобы увидеть, как голубое дерево разлетелось брызгами осколков. Шар развернулся достаточно быстро, чтобы поймать его. Время определенно двигалось быстрее. Галаэрон догнал остальных и последовал за ними, уворачиваясь от серебряных змей молний и используя свою магию, чтобы поворачивать стрелы заклинаниями ветра или тeneвыми щитами. Арис бежал рядом на расстоянии двадцати шагов, проскальзывая через лес так же незаметно, как любой рейнджер. Пока спутники продолжали двигаться, им нечего было бояться нападавших эльфов, которые явно не могли поразить цели, которые, должно быть, казались просто размытыми. Хотя в лесу было множество багберов, иллитидов и бехолдеров, они были слишком заняты борьбой, чтобы обращать внимание на темную группу «фаэриммов».

Спутники без труда покинули пещеру, только чтобы обнаружить, что битва в остальной части леса была такой же ожесточенной и в два раза более запутанной. Казалось, не было никаких четко очерченных рядов или целей, только случайные группы эльфов и рабов разума и случайные фаэриммы, атакующие друг друга заклинаниями и сталью, иногда с расстояния в сотню шагов, иногда стоя лицом к лицу. Слишком часто битвы происходили между эльфами и поработочными эльфами, первые неохотно наносили смертельные удары, а вторые были слишком нетерпеливы. Кем бы ни были сражающиеся, они, казалось, двигались быстрее, их молнии сверкали в лесу быстрее, чем мог уследить глаз Галаэрона, их стрелы проносились мимо слишком быстро, чтобы отклониться. Всякий раз, когда это было возможно, Галаэрон убеждал воинов бежать и использовал свою магию, чтобы освободить эльфийских рабов разума. Именно это последнее доброе дело осложнило их бегство, когда шесть фаэриммов появились позади шеренги наступающих багберов и начали свистеть им на Ветру.

— *Ты!* — Вызов фаэримма был медленным и пронзительным, но не настолько медленным, чтобы магия речи Галаэрона могла понять его. — *Объяснись.*

Понимая, что никто другой не поймет важность ответа обвинением, Галаэрон поплыл вперед, чтобы противостоять фаэримму.

— *Ты украл ... моего раба.* — Хотя Галаэрон и не собирался этого делать, заклинание ветра, которое он использовал для модуляции своей речи, пронеслось по лесу, как циклон, срывая листья с деревьев и атакуя их противников палками. — *Я ... требую подарок!*

— *Подарок?*

Шестеро фаэриммов отошли на несколько шагов назад, явно образуя место для начала битвы заклинаний.

— *Кто ты такой? Почему ты так быстро свистишь?*

— *Кто смеет спрашивать?* — Это было все, до чего добрался Галаэрон, прежде чем три языка серебряного огня выстрелили, чтобы поглотить трех ближайших фаэриммов.

— Нет времени! — крикнул Хелбен в унисон, уже бросая пригоршню радужной пыли на землю под фаэриммом. — Мы должны идти дальше!

Галаэрон уже швырял теневой шар в ближайшего выжившего фаэримма, в то время как Вала вытащила свой меч и подняла руку, чтобы бросить. Хотя лесное время почти догнало их время, оставалось достаточно разницы, чтобы Хелбен и Галаэрон выпустили свои заклинания, прежде чем их враги отреагировали. Теневой шар поймал свою цель под косым углом и просверлил овал размером с голову через половину длины его тела. Фаэримм безвольно рухнул, его жизнь выплеснулась на лесную подстилку дымящейся кучей.

Призматическая стена Хелбена была не столь эффективна. Она возникла под фаэриммом, как он, очевидно, и намеревался, но существо проплыло сквозь его защиту в брызгах всплеск цвета драгоценных камней и контратаковало черным снарядам распада. Хелбен принял снаряд прямо в грудь и улыбнулся, затем протянул две руки в направлении существа. Тем временем последний фаэримм выпустил в Валу стаю магических снарядов. К ужасу Галаэрона, она осталась на месте и метнула свой темный меч в нападавшего.

— Вала!

Галаэрон протянул руку, чтобы поднять теневой щит перед ней, но даже со временем на его стороне, он был не так быстр. Снаряды попали в цель.

— Нет!

Вала пошатнулась от удара и отступила на фут, чтобы собраться с силами. Она подняла кулак, направив кольцо в сторону фаэримма, и выпустила тот же полет золотых стрел в нападавшего.

Темный меч прибыл первым, вскрыв существо от губы до хвоста. Он дико запищал и исчез в серебряном сиянии магии телепортации. Золотые стрелы с шипением унеслись в лес, вызвав мучительный крик какого-то эльфийского воина, которого Галаэрон даже не видел. Вала раскрыла ту же ладонь и, не опуская руки, отозвала меч. Фаэримм Хелбена отказывался так легко отступать. Стена пламени ожила между ним и нападавшими и мгновенно подожгла лес. Неспособный видеть, Хелбен решил сохранить свое заклинание, и кружащийся диск тени, который Галаэрон послал, вращаясь, через баррикаду, не срубил ничего, кроме длинной полосы синих деревьев, и, возможно, полдюжины эльфов, чьи голоса он слышал, кричащие в панике и ярости. Шары пламени размером с бехолдера начали шипеть от огненной стены в направлении Галаэрона и Избранных. Галаэрон едва успел оторвать свою тень от земли и бросить ее перед собой, и даже тогда жара было достаточно, чтобы опалить его волосы, когда потрескивающие шары ударили по его силуэту и исчезли в плоскости тени. Не успев среагировать достаточно быстро, Хелбен поймал одну из сфер в грудь и вспыхнул пламенем. Он спокойно опустился на землю, где и оставался до тех пор, пока Лаэраль, которая поймала две сферы в грудь, не выпустив ни облачка дыма, не накрыла его тело своим и не погасила огонь. Когда это произошло, Шторм стремглав бросилась в пламя. Она взяла три огненных шара, попавших в головной диск, и рассмеялась, а затем с головой нырнула в горящую стену ... и было слишком поздно. Арис уже вышел из леса по другую сторону горячей стены. Он наклонился и обхватил фаэримма своими большими руками, он был на ближнем конце огненного барьера, совсем не там, где ожидал Галаэрон, и сжимал, пока он не лопнул. Шторм ничего не оставалось, как рассеять магию фаэримма и погасить пламя. Галаэрон бросился к Хелбену и спросил:

— Насколько плохо...?

— Не так ужасно, — прорычал Хелбен. Его маскировка оставалась маскировкой окутанного тенью фаэримма, поэтому было невозможно увидеть, насколько сильно он ранен. — У нас нет времени. Эти фаэриммы были быстры. Потоки времени, должно быть, сходятся.

— Верно, — сказала Лаэраль. — Пойдем.

Арис и трое Избранных повернулись, чтобы снова двинуться через лес, и Галаэрон уже был готов броситься за ними, когда понял, что Вала не опережает их и не отстает.

— Подождите!

Шторм остановилась и повернула голову-диск, чтобы посмотреть на него.

— Подождать? У нас нет на это времени.

Галаэрон подлетел к тому месту, где видел ее в последний раз, и заметил на земле отпечатки ботинок. Отпечатки больших ботинок.

— Они забрали ее!

— Они? — Трое Избранных собрались вокруг и начали ругаться как один. — Из всей черной фортуны!

— Это человек, — сказал Галаэрон. — Мужчина и *крупный*. Очень большой.

— Ваасанец, — прорычал Хелбен. Он посмотрел в лес и на Общем крикнул:

— Кул! Берлен! Их ответ пришел в беспорядочном движении, когда дюжина эльфийских воинов выскочила из-за стволов деревьев, под бревнами, под грудями мертвых листьев и бросилась в атаку. Только небольшое преимущество их более быстрого потока времени спасло Галаэрона и его Избранного товарища от того, чтобы быть разрубленными на дюжину кусков темными мечами, которые когда-то принадлежали убитой роте воинов Валы.

— Стойте! — Крикнул Галаэрон на Общем. — Осторожнее!

Когда он прокричал предупреждение, он уже был выше досягаемости нападавших. Хелбен и другие Избранные последовали за ним, но бедный Арис оказался в окружении полудюжины эльфов, перебрасывающих свои блестящие черные мечи из руки в руку. Эльфы под Галаэроном и Избранные отвели руки назад, чтобы бросить.

— Держись! — воскликнул Галаэрон, говоря по-эльфийски. — Я Галаэрон Нихмеду, гражданин Эверески, когда-то начальник Стражей Гробницы, патрулирующий Южную Границу Пустыни, который живет на Вершине Дерева в Звездной Тени, сын Аобрика Нихмеду и брат Кейи Нихмеду из Долгой Стражи, друг.

— Странно, что ты не очень похож на эльфа, — произнес знакомый, хотя и сильно ожесточенный женский голос.

Молодая лунная эльфийка чуть старше восьмидесяти лет появилась из-за ствола синего дерева, ее бирюзовые волосы были убраны под показной боевой шлем, который мог быть сделан только золотыми эльфами Эвермита. Ее глаза с золотыми крапинками были прорезаны красными линиями, а лукавая улыбка купидона стала прямой и мрачной от беспокойства, но Галаэрон узнал бы свою сестру, если бы она выглядела в сто раз более опустошенной. Его сердце забилося от радости.

— Кейя! Ты жива!

Кейя подозрительно прищурилась и сказала:

— Похоже, что так, на данный момент.

Когда она заговорила, послышался легкий протяжный звук, как раз достаточный, чтобы предположить более медленное течение лесного времени. Она потянулась за дерево и вытащила Валу в поле зрения, и Галаэрон был поражен, увидев, что кто-то действительно взял темный меч Валы и связал ее руки эльфийской веревкой.

— Откуда у тебя взялся этот раб разума? — спросила Кейя. — Скажи мне это, и мы оставим тебя в живых, до тех пор, пока ты поклянешься покинуть Эвереску и никогда не возвращаться.

— Ты не очень хороший лжец, Кейя.

Он рассеял маскирующую магию, которая делала его похожим на фаэримма, затем опустился на землю, добавив:

— Но ни тебе, ни Эвереске нечего нас бояться.

— Остановись, дьявол! — Приказала Кейя. — Еще немного, и я дам тебе смерть, которую ты заслуживаешь за то, что выдал себя за моего брата.

Это вызвало смешок у Валу, который вызвал сердитый взгляд у Кейи.

— Кейя! — рывкнул Хелбен по-эльфийски. — Он твой брат. Освободите Валу и бегите отсюда, сейчас же!

— Ты думаешь, я подчиняюсь приказам червей?

Чтобы продемонстрировать, что она этого не сделала, Кейя метнула свой темный меч. Даже с более высокой скоростью своего потока времени, Хелбен едва успел развернуться в сторону и позволить оружию пролететь мимо. Две дюжины лучников внезапно появились из своих укрытий, стрелы были на тетивах, а руки снова натянули луки для стрельбы. Шторм и Лаэраль уже произносили заклинания парализации. Вся рота Кейи застыла на месте, наполовину согнув луки и наполовину подняв мечи. Хелбен поднял темный меч Кейи с дерева, в которой он застрял, и полетел к ней. Берлен вышел из-за дерева, где держали Валу, его собственная рука поднялась, чтобы бросить свой темный меч.

Галаэрон остановил его теневой паутиной. Хелбен кивнул в знак благодарности, затем развернул оружие и потряс рукоятью перед лицом Кейи.

— Вы испытываете мое терпение, юная леди. У нас есть причины для нашего появления, и сейчас нет времени объяснять их вам. Со стороны Стонущей Пещеры донесся громкий треск. Галаэрон оглянулся и увидел крошечный блеск, мерцающий сквозь ветви синего дерева.

Хелбен продолжал читать лекцию Кейе:

— Когда мы освободим вас и вашу роту, вы примете на веру, что я говорю вам правду, и покинете этот район.

— Э-э, Хелбен? — Пока Галаэрон говорил, он наблюдал, как крошечная блестящая сфера расширяется над деревьями. — Этого не будет ...

— Звездная Тень! — Закричала Лаэраль, уже открывая портал на земле в центре эльфийской компании. — Телепортируйся!

Шторм уже запикивала парализованных эльфов в круг. Хелбен бросил один взгляд на расширяющийся круг света и выругался, затем обнял Кейю, Берлена и еще двух эльфов и исчез. Галаэрон подскочил к Вале, схватил ее за связанные руки и направился обратно к телепортационному кругу Лаэраль.

Вала дернула его назад, едва не сбив с ног.

— Только не без моего меча!

Позади, возле Стонущей Пещеры, кривые вилки света начали танцевать между деревьями, и грохот войны там внезапно смолк. Галаэрон обошел Валу и обнаружил ее меч, прислоненный к дереву. Он схватил его и разрезал ее путы, никакой другой клинок не разорвал бы эльфийскую веревку, затем вернул оружие ей.

— Теперь мы можем идти?

Галаэрон схватил ее за запястье, повернулся к кругу телепортации и сломя голову налетел на маленькую лесную эльфийку с карими глазами лани, озорной улыбкой и обнаженным длинным мечом.

— Приятно встретиться, Галаэрон, — сказала она. — *Все еще спасаешь Валу, я вижу.*

У Галаэрона отвисла челюсть.

— Т-Такари?

Такари улыбнулась и сказала:

— *Значит, ты помнишь.*

Галаэрон удивил ее сердечным объятием, и она удивила его, ответив на него так же тепло.

— Я боялся, что больше никогда тебя не увижу, — сказал он.

Со стороны Стонущей Пещеры раздался долгий оглушительный треск, и в лесу перед верандой появился столб свинцово-серого света.

Рядом с ними появилась Вала.

— Разойдитесь, вы двое!

Она просунула руку между ними и ловким локтем заставила Такари отступить, а затем сказала:

— Не обижайся, но нам нужно идти.

Такари взглянула на задевший ее локоть, как будто собиралась убрать его, затем мило улыбнулась и сказала:

— Не обижаюсь.

Она оглянулась в направлении яркого столба света, затем повернулась и махнула рукой на то, что казалось кучей листьев.

— Пойдем, Кул! Мы позволим Галаэрону телепортировать нас отсюда.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ



2 Элеасиаса, Год Дикой магии

Галаэрон прибыл в клубок рук, как человеческих, так и эльфийских, Вала обхватил его за плечи с одной стороны, Такари прижалась к его ребрам с другой, Кул стоял напротив, заключив их всех в большие медвежьи объятия и глядя вниз, как будто он не был полностью убежден, что превращение Галаэрона из фаэримма в эльфа было возвращением к истинной форме. В воздухе пахло серой и обугленной плотью, и он оглашался грохотом, треском и воплями. Все еще борясь с оцепенением после телепортации, Галаэрон вспомнил, что он был где-то еще, пытаясь спастись от какого-то надвигающегося катаклизма. Воздух там пах так же, и шум битвы был таким же громким. Он начал опасаться, что они все-таки не сбежали, что они вот-вот пострадают от последствий какого-то ужасного события, от которого они спасались. Галаэрон взглянул на полог голубого леса и съезжился от того, насколько этот вид ему знаком.

— Я думаю, что мифал дал отпор...

Он уже собирался сказать «моему заклинанию телепортации», когда свинцовое сияние просочилось сквозь лес. Его потрясло страшное сотрясение, сотрясение, которое вспыхнуло у него в животе и вырвалось наружу. Его ладони и подошвы онемели, барабанные перепонки стучали, а голова наполнилась болью. Он обнаружил, что стоит на четвереньках рядом с Валой, Такари и Кулом, думая, что они все умрут, и

удивляясь, почему мифал вмешался в его магию, когда обычно отклонял заклинания перемещения только тогда, когда они пересекали его периметр. Конечно, Галаэрон использовал магию теней. Несколько месяцев назад здоровый мифал помешал Мелегонту прикоснуться к Теневому Плетению, но в своем ослабленном состоянии он не препятствовал ни одному из теневых заклинаний, которые Галаэрон наложил за пределами Стонущей Пещеры. Это было все, о чем думал Галаэрон, прежде чем ему пришло в голову, что он уже пережил ударную волну. Рев в ушах на самом деле был оглушительной тишиной, понял он, и земля под ним ни разу не содрогнулась от удара падающего синего дерева. Он поднялся на колени, огляделся и увидел, что, хотя лес был знаком, это был не тот, что под Стонущей Пещерой. Подлесок позволял укрыться птицам и животным, и местность была не такой крутой. Возможно, они все-таки добрались до Звездного Луга. Галаэрон начал подниматься ... и его потянула вниз мясистая лапа Кула. Ваасанец использовал разговор жестами, чтобы призвать к тишине, а затем скользнул обратно в подлесок так же незаметно, как любой эльф. Когда Вала и Такари сделали то же самое, Галаэрон упал на живот и последовал за ними, затем повернулся и выглянул из-за куста. Звездный Луг лежал прямо впереди, его небольшое пространство было покрыто едким дымом, а пышные травы почернели от битвы. В дальнем конце Пруд Славы Рассвета порозовел от пролитой крови и все еще кипел от какого-то магического жара. Тела как эльфов, так и других лежали разбросанными вдоль дальней стороны, где Избранные и Рота Холодной Руки были атакованы, все еще ошеломленные.

Как и Галаэрон и его спутники, те, кто был на поле боя, уже начали приходить в себя и подниматься. Обе стороны, казалось, были не готовы к сражению, эльфы и их союзники оказались на открытом месте, а фаэриммы и их рабы разума беспорядочно разбросаны по краю луга, примыкающего к Галаэрону и его спутникам. Эльф в изодранных доспехах поднял темный меч и с его помощью отрубил покрытую щупальцами голову пожирателя разума. Фаэримм всплыл и ответил черным лучом, который оставил дыру размером с дыню в груди воина. Еще один эльф вскочил, поймал меч, прежде чем тот упал на землю, и бросился на убийцу. Битва разгорелась в полную ярость, серебряные стрелы и белые вспышки прочерчивали блестящие полосы в воздухе, пламя вырывалось из почерневшей земли, головы, торсы и тела разрывались без видимой причины. Даже мифал приложил все усилия, чтобы присоединиться, забросав врагов Эверески градом слякотных шариков, которые растворились на их плечах и не имели никакого эффекта, кроме как заставить эльфов сражаться сильнее. Галаэрон подумал о Кейе и хотел броситься на поле, чтобы найти ее, но более спокойная часть его, темная, более хитрая часть, сдерживалась. Глупый героизм не принесет ничего, кроме глупой смерти, а Кейя нуждалась в нем живым. Вся Рота Холодной Руки нуждалась в нем, как и Хелбен и другие Избранные, как и вся Эвереска. Он был единственным, кто понимал фаэриммов, кто знал, как победить их. Он должен работать для достижения своей цели и доверять своей сестре, чтобы сохранить себя в живых. Сделать что-то меньшее означало предать воинственный дух в ней ... и в самой Эвереске.

Галаэрон нашел Избранных возле Пруда Славы Рассвета, все еще в масках фаэриммов и швыряющих заклинания обратно в основную часть Роты Холодной Руки. Сначала он думал, что они просто пытаются защитить свои личности и сбежать,

пока не смогут выполнить его план. Потребовалось мгновение тщательного наблюдения, прежде чем он понял, что все их заклинания были вспышками и громом, и что они тщательно позиционировали себя, чтобы поймать фаэримма в фланговой атаке. Видя, что они могут сделать еще лучше, он отступил глубже в подлесок, затем жестом приказал остальным вооружиться и следовать за ним.

Кул двигался скорее, как лесной кот, чем как пещерный медведь, на которого он так походил, и четверо спутников проскользнули мимо флангового стража фаэриммов. Галаэрон выскочил из кустов позади иллитида, и сердце твари остановилось, прежде чем та поняла, что кто-то пронзил ее мечом. Когда Галаэрон снова скрылся из виду, смертоносная стрела Такари пролетела мимо его головы и убила напарника иллитида, а затем Вала и Кул выскочили из подлеска, чтобы напасть на четырех изумленных багберов. Ближайшая пара подняла боевые топоры, чтобы блокировать удар. Темные мечи ваасанцев рассекли толстые дубовые стволы, как хлеб, а затем перерезали глотки обоим существам. Вторая пара багберов, встревоженных и ошеломленных, передумала драться и повернулась, чтобы поднять тревогу.

Это была ужасная ошибка. Галаэрон метнул темную стрелу, Такари выпустила еще две смертельные стрелы, а ваасанцы метнули свои темные мечи. Только Вала нацелилась на ближайшего, но ее черный клинок погрузился по самую рукоять между лопатками монстра. Он сделал еще три шага и рухнул на землю безжизненной грудой. Другой багбер упал там, где был, голова потеряна магией Галаэрона, сердце разорвано темным мечом Кула, ноги пронзены черными стрелами Такари. Первый признак контратаки появился, когда огромный ствол синего дерева разлетелся на пылающие осколки. Ужасный треск эхом разнесся по ветвям, и Галаэрон, подняв глаза, увидел, что на него обрушилось целое небо из листьев и стволов. Он бросил в него комок теневого вещества и прокричал слово на древнем незересском. Над головой появилась паутина темных нитей, прикрепляясь к окружающим деревьям, чтобы поймать падающее синее дерево. Вихревой треск метеоритных камней отразился от леса где-то впереди. Галаэрон нырнул за ближайшее синее дерево и увидел дымный след, изгибающийся к нему, когда камешки скорректировали курс. Они ударили по дереву серией отрывистых ударов. Он пробрался вперед, выглянул из-за ствола с другой стороны и чуть не потерял голову из-за черного луча. Он откатился в другую сторону и был ослеплен вспышкой приближающейся молнии. Галаэрон упал плашмя и укусил землю, когда снаряд с треском пролетел над головой. С течением времени с одинаковой скоростью для всех он не мог сравниться с фаэриммом. Он отстранился, приготовил теневой щит и едва успел поднять его, как подлесок расступился в дюжине шагов, и в поле зрения появилась голова шипастого. Вала появилась позади него, провела своим темным мечом по его спине и исчезла в кустах как раз перед тем, как луч зеленого сияния разрушил листву там, где она стояла. Лук Такари запел, и луч исчез. Вала вскочила, махнув отрубленным хвостом фаэримма в направлении Галаэрона, и снова пошла через лес. Прежде чем последовать за ним, Галаэрон сказал:

— Хелбен, они в ловушке между нами. Мы идем с противоположного конца.

К тому времени, как он выкатился из-за дерева, Кул уже убил второго фаэримма, бросившегося на помощь тому, которого убила Вала. Галаэрон вернулся на свое место

в боевой линии, и они пробрались через подлесок, убив еще нескольких багберов и двух иллитидов, прежде чем Такари послала свой голос в деревья над головой и издала предупреждающий птичий свист. Пламя огненных шаров и молний устремилось к звуку, заставив два синих дерева вспыхнуть и осыпать лесную подстилку горящими ветвями и сломанными конечностями. Галаэрон проследил за одним из заклинаний до его источника и заметил то, что выглядело как конусообразное бревно, подозрительно вертикально стоящее в центре большой медовой ежевики примерно в двадцати шагах впереди. Он послал полет теневых стрел в сторону бревна, затем нырнул в укрытие и начал катиться. На этом пути ему помогли несколько сотрясающих волн и стена магического тепла. К тому времени, когда Галаэрон остановился, лес впереди распадался на щепки и пламя. Он встал на колени и обнаружил иллотида, спотыкающегося в его направлении, его голова со щупальцами смотрела широко раскрытыми глазами через плечо. Галаэрон едва успел выхватить меч, как тварь налетела на острие и пронзила себя. Он закончил работу несколькими взмахами клинка, затем оттолкнул иллотида. Ситуация была почти такой же на остальной линии битвы, и Галаэрон не сомневался, что это было потому, что Избранные были позади врага, атакуя. Рабы разума фаэриммов слепо убегали из ада, стремглав бросаясь на Валу и Кула. Ваасанцы несли ужасную дань, вращаясь и кружась, разрезая надвое любого монстра, который оказывался в пределах досягаемости их темных мечей, и используя их рукояти, чтобы сбить с ног случайного эльфийского раба разума. Но их было только двое и, без сомнения, сотня рабов разума. Десятки проскользнули мимо и с грохотом скрылись в кустах. Такари сделала все возможное, чтобы остановить монстров, опустошив свой колчан в их спины и медленно продвигаясь вперед, чтобы она могла экономить стрелы, выдергивая их из мертвых тел. Галаэрон использовал стрелы теней, чтобы срубить пару багберов и бехолдера, повернувшихся к ней спиной, затем Такари сбила бегущего иллотида, и врагов больше не было.

Позади Галаэрона послышался шум падающего дождя. Он обернулся и увидел небольшой поток, затопивший линию битвы, потушивший огонь и наполнивший дрова клубящимся паром. Буря ничего не сделает, чтобы спасти уже горящие деревья, но, по крайней мере, предотвратит распространение пламени. Когда из облака пара появилось три фаэримма, Галаэрон обнаружил, что готовит теневой снаряд. По тому, как лесной мрак, казалось, цеплялся за их тела, он знал, что они были Избранными, но это не мешало ему съезжиться. Маскировка была более убедительной, чем он предполагал, и он внезапно понял, почему было так трудно убедить Кейю в его личности в Стонущей Пещере.

— Печально потерять так много синих деревьев, — сказал Хелбен, поворачивая свой головной диск, чтобы оглянуться на линию фронта. — Большинство из них старше меня.

— Эвереска подверглась вторжению, — сказал Галаэрон. — Деревья должны заплатить вместе с нами.

У Такари от возмущения отвисла челюсть. Она начала было упрекать его за такие слова, но передумала и просто бросила обвиняющий взгляд в сторону Валы.

Вала пожала плечами и сказала:

— Не смотри на меня. Я не та, кто велел ему принять свою тень.

— Я не говорю, что мы должны позволить лесу сгореть, — возразил Галаэрон. — Только то, что мы должны помнить, что станет с лесами Эверески, если мы позволим фаэриммам захватить город.

— Иногда меньшее из двух зол – единственное возможное благо, — согласилась Лаэраль. Она направилась к краю луга. — Давайте посмотрим, нужна ли Кейе помощь, а?



Но Рота Холодной Руки держала ситуацию под контролем. Без своих хозяев-фаэриммов, которые могли бы направлять и запугивать их, большинство рабов разума уже потеряли интерес к борьбе и начали отступать. Потребовалась всего пара молний с фланга, чтобы превратить отступление в бегство, и силы Эверески были одни в поле всего несколько минут спустя.

Кейя отдала приказ собрать раненых и забрать темные мечи, затем махнула Арису из его укрытия на противоположной стороне луга и подошла, чтобы присоединиться к Галаэрону и остальным. С измученным битвой лицом и морщинами беспокойства на лбу, глубокими, как вспаханные борозды, она выглядела неизмеримо старше и мрачнее, чем, когда Галаэрон видел ее в последний раз, но также и сильнее. С Берленом за спиной она остановилась и тепло, хотя и устало, обняла Валу, затем отступила назад и внимательно посмотрела на брата. В ее глазах была жесткость, которая заставила Галаэрона забеспокоиться, что она обвиняет его в том, что произошло в Эвереске, и он начал опасаться, что их воссоединение будет не слишком радостным. Он был более чем готов взять на себя ответственность за свои ошибки, но мысль о том, что его ошибки могут вбить клин между ним и его сестрой, была больше, чем он мог вынести. Достаточно того, что война, которую он начал, отняла у них отца; то, что она также уничтожит то небольшое, что осталось от его семьи, будет наказанием, достойным Ловиатар. Наконец, Кейя опустила руку на свой выпирающий живот и сказала:

— Ты слышал, я полагаю?

Задаваясь вопросом, какое отношение ее беременность имеет к его ошибкам, Галаэрон ответил:

— Шторм сказала мне.

— Ну, чего же ты ждешь? — Кейя снова положила руку на рукоять темного меча, висящего в ее ножнах, и сказала:

— Ты можешь высказаться, и покончим с этим.

Галаэрон озадаченно нахмурился.

— Что тут можно сказать?

Кейя съежилась, но сжала губы и явно начала собираться с мыслями.

— Я знаю, что ты этого не ожидал, но мне уже больше восьмидесяти лет. Я могу принимать свои собственные решения, и не похоже, что здесь был кто-то, кого можно было спросить.

— Спросить, — повторил Галаэрон. — О чем?

Вала толкнула его локтем в спину.

— Ребенок.

— Ах ты, роф! — Прошипела Такари. — Ты полностью превратился в человека?

Наконец Галаэрон понял, что Кейя не винит его за то, что произошло в Эвереске, что она даже не думает о войне. Она была напугана, а не рассержена, и хотела от него только того же, чего он хотел от нее. Он начал смеяться, что только заставило Кейю сжать челюсти.

— Это все, о чем ты беспокоишься? Что я думаю? — Спросил Галаэрон. Он взял ее за плечи. — Не могу выразить, как я счастлив!

Теперь это была Кейя, которая выглядела озадаченной.

— Почему мне все равно, что ты думаешь?

Прежде чем Галаэрон успел ответить, Такари встала между ними.

Галаэрон очень рад за тебя — сказала она, — и он думает, что Декс будет прекрасным отцом ... для человека. Верно, Галаэрон?

— Конечно, — сказал Галаэрон. — Я только подумал...

— И Кейя счастлива, что ты вернулся, — сказала Такари. — Что бы не говорили золотые, она знает, что это не твоя вина. Разве это не правда, Кейя?

— Даже золотые знают, что шадовары обманули тебя, — сказала Кейя. — Они планировали это на протяжении веков.

Такари кивнула Берлену и сказала:

— Давай уберемся отсюда, пока фаэриммы не вернулись, чтобы закончить работу.

— Вернулись? — Повторил Галаэрон. — Это единственное, о чем нам не нужно беспокоиться. Ни один оставшийся в живых фаэримм никогда не признает, что потерпел поражение.

Кейя и Такари обменялись взглядами, затем Кейя сказала:

— Галаэрон, они *всегда* возвращаются.

— Они полны решимости уничтожить Роту Холодной Руки, — добавила Такари, — но мы заставляем их платить.

— Решимости? — Галаэрону не понравилось, как это прозвучало. — Ты хочешь сказать, что они все еще ведут организованную битву?

Берлен хмуро посмотрел на Галаэрона и проворчал:

— Конечно, они организованы. Если вы хотите убить волчью стаю, вам лучше быть более организованными, чем они.

— Значит, они все работают вместе? — спросил Галаэрон. Это казалось ему неправильным, вопреки всему, что Мелегонт узнал о фаэриммах за столетие шпионажа. — Никто не сражается из-за магии Эверески? Никто не пытается претендовать на лучшее логово?

— Они слишком заняты охотой на нас, — сказала Кейя.

Она повернулась к Берлену и сказала:

— Пусть боевые маги наложат несколько защитных знаков смерти. Мы встретимся в Плавающих Садах, чтобы спланировать наш следующий удар.

Берлен едва успел повернуться, чтобы передать приказ, как Рота Холодной Руки начала таять в лесу. Кейя взяла Галаэрона за руку и, жестом приказав остальным следовать за ней, направилась через лес к задней стороне Пруда Славы Рассвета.

— Рада, что вернулся домой, брат, — таким, каким стал дом в наши дни.

Кейя бросила недовольный хмурый взгляд в сторону Избранных, затем тихо спросила:

— Почему костюмы фаэриммов? Мы чуть не убили тебя.

— Моя идея, — сказал Галаэрон. — Я ожидал, что фаэриммы уже вцепятся друг другу в глотки. Мы собирались раздуть пламя, чтобы все выглядело так, будто они убивают друг друга и крадут добычу друг у друга. Мы надеялись начать между ними тотальную битву.

Они добрались до ближайшего берега Пруда Славы Рассвета. Кейя остановилась, чтобы послать Такари на разведку с Кулом и Берленом, и Вала решила пойти вместе с ними. Когда они исчезли в подлеске, Кейя оглянулась на Галаэрона.

— С чего ты взял, что они клонут на что-то подобное?

— Я задавался тем же вопросом, — сказал Хелбен, говоря через их плечи. Он и сестры Серебряные руки оставались замаскированными под фаэриммов. — Очевидно, источник Галаэрона ошибся.

— Нет. Информация была верной. Вот почему Теламонт хотел, чтобы я вернулся.

— Это не первый раз, когда шадовары обманывает тебя или меня, — сказала Лаэраль, положив пару тонких рук фаэримма ему на плечи. — Они никогда не играют в ту игру, в которую мы думаем. Вот почему их так трудно победить.

— Или, может быть, что-то изменилось, — добавила Шторм.

— Неважно. Но эти маскировки сослужили свою службу. Если фаэриммы координируют свои усилия, я сомневаюсь, что мы снова их обманем, и, по правде говоря, я устала от костюма слизняка-переростка.

— Как и я, — согласилась Лаэраль. — В следующий раз, когда на меня нападут, я бы предпочла, чтобы это были не эльфы.

Галаэрон рассеял магию маскировки, но остался убежден, что информация, которую Мелегонт так усердно собирал, не просто устарела. Было что-то в этой ситуации, чего он еще не понимал.

Они двинулись через лес вслед за Такари и другими разведчиками, и Галаэрон сказал:

— Кейя, охота на Роту Холодной Руки не может быть единственной вещью, которую фаэриммы делают в Эвереске. Что еще они делают?

— О чем мы знаем? — ответила Кейя. — Во-первых, они держат лорда Дуирсара и Кииньона Колбатина в ловушке во дворце на Облаке Короны.

— Одних?

Кейя покачала головой.

— У лорда Дуирсара есть круг высших магов из Эвермита, и Джерили там с тем, что осталось от Долгой Стражи.

— Откуда ты все это знаешь? — Спросил Хелбен, идя по другую сторону от Кейи. — Я пытался связаться с лордом Дуирсаром и Кииньоном с помощью магии, но ничего не услышал в ответ.

— Фаэриммы осадил дворец антимагической оболочкой, — сообщила Кейя, — но Манинест приходит и уходит, когда ему заблагорассудится.

— Они держат лорда Дуирсара в плену? — Спросил Галаэрон.

— Изолируют его, — поправила Кейя. — Они не смогли пробить дворцовую защиту, поэтому не дали ему уйти.

— Скорее всего, Высшие Маги, — заметила Лаэраль. Если Рота Холодной Руки доставляет им неприятности...

— Вот оно! — Галаэрон взорвался. — Высшие маги!

— А что с ними? — спросил Хелбен.

Вместо ответа Галаэрон остановился и взял сестру за плечи.

— Ты сказала «во-первых», что фаэриммы держат лорда Дуирсара в ловушке, — сказал он. — А что еще?

— Помимо борьбы, которую ты ожидаешь в любой битве, на самом деле есть только одна вещь, — сказала Кейя. — Около десяти из них собрались у статуи Ханали Селанил. Мы не пытались проникнуть через их периметр безопасности, но многие говорят, что они используют много магии.

— Держу пари, что так оно и есть, — сказал Хелбен.

Кейя, казалось, была озадачена этим замечанием, но у Галаэрона было чувство, что он точно знал, что имел в виду Хелбен.

— Вот где был заложен мифал? — Галаэрон ахнул. Эта тайна так тщательно охранялась, что, кроме лорда Дуирсара и высших магов города, в нее мог быть посвящен только самый верный друг Эверески среди Избранных. — У статуи Ханали Селанил.

— Я сомневаюсь, что там была статуя, когда его заложили, — сказал Хелбен. — И меня там не было, ты понимаешь.

— Но именно это тебе и дали понять, — заключил Галаэрон.

Убежденность и возбуждение начали подниматься в нем, когда полусформированные мысли промчались в его голове, укладывая все части головоломки на свои места.

— Это объясняет, почему они до сих пор не поссорились. Это так? — сказал Арис, который крался за ними. — Они питаются мифалом?

— Не питаются, — сказал Галаэрон. — Питание вызовет драки.

— Тогда демонтаж — сказал Хелбен, следуя логике рассуждений Галаэрона. — Они разбирают его заклинание за заклинанием.

— Значит, магия вернется в Плетение? — спросила Кейя. — Зачем им это делать?

— Потому что магия не вернется в Плетение, — сказала Шторм. — Она больше не сырая. Это невозможно.

— Магия останется здесь, в границах старого мифала, объяснила Лаэраль. — Она зальет всю округу.

Они вышли на тропинку, которая вела от Пруда Славы Рассвета к Башне Звездного Луга. Услышав звонкую трель Такари, они пересекли холм Золотого Утра и пересекли склон, лес стал более открытым и, следовательно, более опасным. Как только вся группа благополучно переправилась, Хелбен посмотрел вниз поверх головы Кейи и сказал Галаэру:

— Похоже, фаэриммы научились делиться. Это вряд ли похоже на тех существ, которые, как ты утверждал, могли бы воевать с самими собой в течение дня.

— Это не так, — согласился Галаэрон, — но если они научились делиться, то только потому, что появился лидер, который достаточно силен, чтобы диктовать условия.

Если среди фаэриммов появился сильный лидер, — сказала Лаэраль, — мы не осмелимся позволить им заполучить Эвереску.

Шторм кивнула и сжала кулак, слегка коснувшись плеча Галаэрона.

— Нет. Если мы ценим остальную часть Фаэруна, мы этого не делаем.



Снежный вьюрок снова был на дереве, глядя вниз через голубую верхушку на кольцо фаэриммов, парящее вокруг статуи эльфийской богини. Он не пискнул ни в тревоге, ни в жалобе и на самом деле, казалось, следил за их продвижением, но Арр не осмелилась поразить пернатую помеху. Заклинательница наконец нашла нить свободной магии и собиралась вытащить первое заклинание из мифала, и последнее, что она хотела сделать, это нарушить их концентрацию. Даже с учетом того, что Зей, Яо и еще восемь лучших заклинателей ее расы, или любой другой, работали без остановки с тех пор, как они вошли в город, ее план все еще не принес ни капли магии. Уже два молодых мягких шипастых нарушили эдикт Военного Собрания против грабежа, и она была вынуждена пообещать Тууху подарок за службу, чтобы выследить их и прикрепить их шкуры к Камню Собрания в качестве предупреждения другим. И теперь ходили разговоры о четырех длинных шипах в Пещере-Которая-Насмехается, напавших на своих соплеменников незадолго до взрыва. Члены Военного Собрания начали сомневаться в ее плане, особенно в ее способности предотвратить захват добычи. Она чувствовала это в их частых расспросах о прогрессе в Собрании Заклинаний и в порывах, с которыми они предостерегали друг друга от большого арсенала в Академии Магии. Ее план должен был начать освобождать магию мифала в ближайшее время, иначе Военное Собрание распадётся вокруг нее. Арр не питала иллюзий относительно того, что с ней тогда случится. Она обещала слишком много подарков, а прощение не было добродетелью фаэриммов. Райри вынырнула из леса позади Арр и подплыла к ней.

— Как дела? — Спросила Райри.

— Ты получишь свою корону заклинания, — порывисто сказала Арр.

— Какие новости из Пещеры-Которая-Насмехается?

— После смертоносного взрыва теперь она называет нас плоскими червями, — сообщила Райри. — Она утверждает, что заклинание было её делом.

Арр поймала себя на том, что завивает хвост. Она заставила себя снова выпрямиться, затем решила, что это, должно быть, ложь. Кто когда-нибудь слышал о пещере, которая могла бы творить заклинания?

— Тогда я уверена, — начала Арр, — что ты спросила, почему она убила так много эльфов вместе с нашими полутора десятками.

— Конечно. Несколько фаэриммов Собрания Заклинаний начали работать своими четырьмя руками друг над другом, как будто тянули длинную веревку. Арр протянула руку, чтобы заставить Райри замолчать, и застыла как каменная, молясь, чтобы у них наконец появилась ниточка, даже маленькая, чтобы продемонстрировать прогресс, который она обещала Собранию Войны. Снежный вьюрок пискнул. Руки заклинателей одна за другой замерли, и они вернулись, чтобы схватить то, что нашли. Арр заскрежетала острыми зубами и снова проверила, нет ли на птице магии, но она

казалась пустой, как камень. Еще один такой писк, поклялась она, и он будет камнем, и ей было все равно, сколько дней концентрации разрушит заклинание. Успокоившись, Арр снова обратила свое внимание на Райри и спросила:

— Что ответила пещера?

— Ничего, — спокойно ответила Райри. — Я уверена, что её заявление было ложью.

— Без сомнения, — ответила Арр. Почти наверняка это Райри, лгала, чтобы прикрыть свою оплошность, но Арр только оттолкнула бы товарку по Военному Собранию, выдвинув обвинение. — Это оскорбление, что дыра в земле говорит на нашем языке.

— Действительно.

— А как насчет четырех предателей? — Спросила Арр.

— Они не предатели. — Шипы Райри ошетинились от гордости. Арр ждала в тишине, потому что она поняла ценность того, чтобы позволить союзникам воспользоваться моментом.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ



2 Элеасиаса, Год Дикой магии

— Ты уверен, что этот план сработает? — спросила Такари. — Я не думаю, что кто-то был настолько впечатлен последним.

— Уверенности нет, — сказал Галаэрон, — но шанс есть.

— Хороший шанс? — спросила Вала.

Они прятались среди пахнущих плесенью корней, свисающих под Плавучими Садами Аэрдри Фэйниа, ожидая в грязной воде пруда глубиной по колено. Арис и Избранные уже отправились на Холм Короны Облака, чтобы спасти, извлечь если быть более точным, лорда Дуирсара и высших магов.

Галаэрон снова принял облик фаэримма, и вся Рота Холодной Руки поклялась, что они готовы потерять пальцы, или даже целые руки, из-за холода своих заимствованных темных мечей.

Галаэрон повернул свой головной диск к Вале и выдержал ее взгляд.

— Больше шансов, чем у тебя было в Миф Дранноре. Этого хватит.

Вала закатила глаза.

— Мне пришлось убить только шестерых фаэриммов, — сказала она. — Мы говорим о десяти – всех сразу.

Манинест, только что вернувшийся со своей шпионской миссии и сидевший на плече Кейи, чирикнул срочную поправку.

— Двенадцати, — перевела Кейя для тех, кто не понимал язык птицы, затем нахмурилась в сторону Галаэрона. — Я не понимаю, как ты можешь это сделать.

— Мне не нужно убивать всех, — объяснил Галаэрон. — Мне нужно только убить вожака. После этого Военное собрание развалится.

— Это мы понимаем, — сказала Вала, беря четырехпалую руку Галаэрона. — У меня проблемы с той частью, где ты не выживаешь.

— С этим у нас проблемы, — добавила Такари.

Она подошла к Галаэрону с другой стороны и просунула руку в изгиб одной из его тонких рук. Ваасанцы нахмурились: Вала на Такари, Кул на Галаэрона, и Кул положил руку на рукоять своего меча. Их ревность ничего не значила для Галаэрона. Он любил Такари так же сильно, как и Валу, и если это кого-то и злило, то его это не касалось. Он накрыл руку Такари своей.

— Со мной все будет в порядке, — сказал Галаэрон. — Вы будете прямо за мной.

— Мы должны пробиться сквозь кольцо бехолдеров и иллитидов, — напомнила ему Вала.

— Это займет время, — добавила Кейя — . Почему бы тебе тенью не провести туда дюжину из нас...

— Потому что нам повезет, если мы продержимся до последнего вздоха, — перебил ее Берлен. — Мы не будем выглядеть как фаэриммы, помнишь?

Хотя Галаэрон знал, что Берлен больше заботится о защите матери ребенка Дексона, чем об обеспечении их успеха, он беззвучно поблагодарил ваасанца. Его план зависел от времени. Рота Холодной Руки должна была зачистить оборону вокруг Заклинания, прежде чем прибудет Арис с Избранными и высшими магами. Потребуется время, чтобы сделать то, что намеревался Галаэрон, и Кейе и остальным нужно будет создать собственное защитное кольцо, прежде чем фаэриммы соберутся вместе, чтобы контратаковать.

Голос Хелбена прозвучал в голове Галаэрона

— *Мы на позиции, с ясным видом на холм статуй.*

— *Хорошо, мы выходим,* — ответил Галаэрон.

Он посмотрел на Манинеста и послал маленького снежного вьюрка вперед с чириканьем, затем использовал две свободные руки, чтобы махнуть остальным вперед. Они последовали за Манинестом к берегу и оставили свисающие корни позади, выйдя из-под садов над головой в густую живую изгородь из сумеречного мрака. Снежный вьюрок с веселым чириканьем попрощался и поднялся над изгородью к Холму Короны Облака, затем развернулся и нырнул обратно, взвизгнув в тревоге. Думая, что за их курьером охотится сова или ястреб, Галаэрон подбросил прядь теневого шелка в воздух позади Манинеста и произнес двусловное заклинание. Он понял свою ошибку, когда серебряная молния пробила гребень живой изгороди и, извиваясь, пробралась через илистый пруд, оставив за собой туннель длиной в милю с обгоревшими концами корней. В следующее мгновение фаэримм, который произнес заклинание, перемахнул через изгородь в теневую сеть. Нити не могли быть разорваны, но Галаэрон не был готов к удару, и, вероятно, не был достаточно силен, чтобы удержать его, даже если бы он был, и сеть соскользнула. Изумленный шипастый попытался развернуться, чтобы посмотреть, что его поймало, но потерял контроль над своим полетом и покатился боком в массу корней под плавучими садами. Он быстро запутался и повис в воздухе, завывая порывами разочарования и превращая воду внизу в пену. Трое ваасанцев отреагировали

первыми, Вала и Берлен бросились через изгородь навстречу надвигающейся атаке, а Кул плюхнулся в пруд, чтобы прикончить пойманного в ловушку фаэримма. Кейя бросилась в бой почти так же быстро, приказав половине своей роты двигаться на юг с фланга, а другую половину послала через изгородь, чтобы поддержать Валу и Берлена. Так же удивленный, как и впечатленный командиром, которым стала его младшая сестра, Галаэрон приготовил темную стрелу и повернулся, чтобы метнуть ее, прежде чем фаэримм телепортируется из своего затруднительного положения. Но он не собирался уходить. Он просунул две руки сквозь сеть теней, и перед ним появилось мерцающее зеркало магии, пославшее черный дротик обратно в Галаэрона. Он повернулся в сторону и услышал приглушенный треск, когда снаряд врезался в землю позади него. Третья рука махнула в сторону Кула, и ваасанец, кувыркаясь, полетел через пруд. Он врезался головой в Такари, которая пыталась прокрасться для чистого удара с фланга, и они оба плюхнулись в воду и больше не поднимались. Галаэрон уже подбрасывал в воздух осколок обсидиана. Он выкрикнул команду, и щепка стала длиной с его руку и начала вращаться, расплываясь в большой черный диск. Он разбил зеркало фаэримма и оторвал одну из рук, державших щит. Прорезав туннель в клубке корней, он исчез. Когда рана не заставила фаэримма телепортироваться, в животе Галаэрона образовался холодный комок. Он начал опасаться, что Военное Собрание каким-то образом узнало об их планах и уже начало атаку, чтобы остановить их, но если так, то зачем посылать только одного нападавшего через изгородь? Галаэрон скатал нитку теневого шелка в комок. Прежде чем он успел произнести мистическое слово, которое должно было превратить крошечный шарик в шар тени, фаэримм забросал его золотыми стрелами магии Плетения. Когда болты рассеялись, не причинив вреда заклинательной защите, которую он наложил на себя, шипастый мгновенно переключился на рассеивающую магию.

Заклинение-охранник начало мерцать и мигать. Галаэрон швырнул свою теневую сферу только для того, чтобы увидеть, как фаэримм просунул руку в сеть и открыл портал в дополнительное измерение на своей ладони. Черный шар вытянулся, затем изогнулся к руке и исчез, как ястреб в глотке голодного дракона. Новая стая магических стрел полетела в Галаэрона. Первые три рассеялись на фоне мерцающего защитного экрана, но четвертый прожег его насквозь и отправил обратно в воздух. Пятый и шестой попали в цель, прижав его к живой изгороди из сумеречных цветов и прожигая дыры размером с большой палец в его теле. Хотя его маскировка фаэримма не позволяла даже ему увидеть, где они приземлились, жгучая боль пронзила его бедро, а плечо онемело. Кейя закричала от ярости и послала свой темный меч мимо головы Галаэрона. Фаэримм поднял руку и отразил атаку взрывом силы.

Такари поднялась из пруда под ним и вонзил темный меч Кула в самую толстую часть тела врага. Шипастый наполнил бурую чашу ревущими порывами боли и, наконец, телепортировался прочь.

Или, скорее, попытался телепортироваться.

Через мгновение после того, как он исчез, он снова появился за пределами теневой сети Галаэрона, рассыпавшись по пруду точно нарезанный квадратами. Такари поймала большую часть брызг и вышла с кубиком плоти фаэримма,

свисающим с конца шипа, вонзившегося ей в плечо. Не обращая на это внимания, она бросилась к изгороди, все еще держа темный меч Кула, и проскользнула на другую сторону. Кейя бросилась к Галаэруну.

— Насколько плохо?

Нормально, — сказал он. — Я выживу.

— Это хорошо. — Кейя протянула руку, и темный меч Дексона вернулся в ее хватку. — Ребенку понадобится дядя.

Она улыбнулась и проскользнула через изгородь, чтобы присоединиться к остальным. Только когда она ушла, Галаэрон понял, что он видел. Такари держала меч Кула. Ее рука не выглядела холодной.

Неудивительно, что Кул был недоволен, увидев его. Галаэрон оглянулся на пруд и увидел ваасанца, плавающего на спине, розовое облако окутывало его голову, где длинная рана заливала воду кровью. Голова Кула лежала на бревне. Его грудь поднималась и опускалась через равные промежутки времени, а глаза уже начали открываться. Оставив ваасанца приходить в себя самостоятельно, Галаэрон перелетел через изгородь. Он чуть не потерял ногу, когда воин Холодной Руки поднялся с другой стороны и, приняв его за врага, потянулся за своим одолженным темным мечом.

— Пощади свои пальцы, — сказал Галаэрон по-эльфийски. — Я *наш* шипастый.

Эльф покраснел от смущения. Он позволил своему оружию скользнуть обратно в ножны.

— Прошу прощения за ошибку, лорд Нихмеду.

Хотя с тех пор, как он вернулся в Эвереску, к Галаэруну впервые обращались с официальным титулом, это заставило его почувствовать больше раскаяния, чем уважения. Лорд Нихмеду был его отцом. То, что теперь он носил титул, только напомнило ему, что его ошибка стоила его семье не меньше, чем городу. Галаэрон поблагодарил воина за вежливость, опустив голову-диск, а затем продолжил путь по официальной дорожке сада в открытый лес за ним. Бой там тоже закончился, Вала и остальные рыскали по кустам в поисках отставших. Судя по всему, бой не был трудным. Среди деревьев было разбросано не более дюжины рабов разума, большинство из которых были багберами. Галаэрон видел только двух бехолдеров и одного иллитида. Каким бы ни было нападение, это была не контратака, которой он боялся. Галаэрон вытянул палец и присвистнул. Манинест выпал из синих веток, безостановочно насвистывая о том, как он был близок к тому, чтобы быть разорванным в перья, и как быстро он летел, чтобы избежать этого. Галаэрон позволил птице пропищаться, а затем сказал:

— Теперь ты должен лететь на Холм Короны Облака. Хелбен ждет тебя, и он будет беспокоиться, если ты не появишься.

Манинест пискнул вопрос.

— Я знаю, что истекаю кровью, — сказал Галаэрон, — но не стоит об этом беспокоиться. Атака продолжается, как и планировалось.

Манинест пропищал другой вопрос.

— Да, я видел, как быстро ты летел, — сказал Галаэрон, — но нет, я не думаю, что все шипастые сейчас охотятся за тобой. У них есть другая добыча для охоты. А теперь прочь.

Галаэрон поднял руку и запустил снежного вьюрка, который исчез под пологом леса.

— Такари! — раздался сердитый рев из живой изгороди позади Галаэрона.

Галаэрон обернулся, чтобы увидеть дородную фигуру Кула, пробирающуюся сквозь сумрак. Непрерывный поток крови лился из его раны на голове, скрывая его запавшие глаза за красной пеленой и наполняя его пышную бороду густым, дымящимся малиновым цветом. Каким-то образом он видел сквозь поток достаточно ясно, чтобы найти Такари, которая использовал его темный меч, чтобы проткнуть запутанные стебли гигантской колокольчатой ежевики.

— Вор! — Кул шагнул вперед, его рука поднялась, чтобы призвать свой темный меч. — Мой меч!

Костяшки пальцев Такари побелели, когда она попыталась удержать оружие.

— Позволь мне немного им воспользоваться. Ты едва можешь ходить.

— Эльфийская шлюха! — Кул продолжал идти вперед, казалось, не понимая, что в случае с лесной эльфийкой, по крайней мере, это было немного похоже на то, чтобы назвать змею рептилией. — Ты никогда не хотела меня. Я это вижу.

— Это неправда. Такари обхватила рукоять второй рукой. — Иногда я тоже хотела тебя.

Она начала пятиться. Хотя казалось, что она отступает, Галаэрон был поражен, увидев, что Такари держит темный меч острием вниз, сжимая рукоять обеими руками, сохраняя полуоткрытую позицию. Она пыталась выглядеть беспомощной и неподготовленной, приглашая Кула атаковать. И Кул бросился вперед со всей силой и скоростью раненого рофа. Даже летя, Галаэрон знал, что никогда не перехватит этого человека вовремя, чтобы спасти ему жизнь. Вместо этого он бросил прядь теневого шелка в сторону Кула и произнес быстрое заклинание, поймав его в ту же самую теневую сеть, которую он использовал, чтобы запутать фаэримма. Сеть появилась вокруг Кула всего в трех шагах от Такари, и инерция пронесла его вперед еще на два шага, прежде чем он рухнул на землю. Обеспокоенный тем, что Такари в любом случае выполнит свой план, Галаэрон использовал конец сети, чтобы безопасно оттащить брыкающегося ваасанца от опасности.

Кул повернулся, чтобы оказаться лицом к лицу с Галаэроном.

— И *ты* ее сводник! — закричал ваасанец. Это был твой...

Галаэрон сжал пальцы, произнес заклинание, и ваасанец замолчал. Он передал веревку воину, который обратился к нему, как к лорду Нихмеду, с инструкциями держать Кула в безопасности, но связанным, затем повернулся, чтобы разобраться с Такари.

Вала уже занялась этим вопросом. Она подкралась сзади к Такари, нелегкий подвиг, и оторвала лесную эльфийку от земли. Вала обхватила ее крепкой рукой и ухватила за руку с мечом чуть выше локтя. Когда ноги Такари оторвались от земли, у нее не осталось другого способа защититься, кроме как отпустить темный меч и нанести удар, а она не отпускала меч. Вала обхватила своими толстыми пальцами запястье Такари и медленно повернула его обратно к большому пальцу, и темный меч выпал на свободу. Она передала свою пленницу Берлену с инструкциями придушить ее до потери сознания при первых признаках неприятностей, затем взяла меч Кула и использовала его, чтобы разрезать теневую сеть, удерживающую его. Вот твой меч —

сказала она, возвращая оружие. — Убери его, займись порезом и даже не *смотри* в ее сторону.

— Но она...

— Кул! Я позабочусь об этом.

Вала подтолкнула его к изгороди, затем перевела взгляд на Галаэрона и сказала:

— Нам нужно поговорить.

Вовсе не обрадовавшись, увидев Кула свободным, а Такари плененной, Галаэрон опустил голову-диск в знак согласия. Вала повела их к небольшой лощине, где они могли поговорить наедине.

Я должна была знать, что это произойдет. Ее тон был сердитым, но не обвиняющим. — Тебе придется взять одного из них с собой.

— Почему? — спросил Галаэрон. Он все еще был недоволен, и немного подозрителен, ее решением освободить Кула и удержать Такари. — Потому что ты ревнуешь ее?

— Ты думаешь, это из-за тебя? — Вала закатила глаза. — Приди в себя. Такари носит ребенка Кула.

— Я понимаю это, — сказал Галаэрон, — но я не настолько человек, чтобы ревновать.

Вала подняла руку и сумела найти голову Галаэрона сквозь его маскировку и дать ему подзатыльник, более или менее мягко, над ухом.

— Ты меня слушаешь? — потребовала она. — Мы сможем разобраться с этим позже, если проживем достаточно долго.

— У нас проблема с Такари и Кулом. Это было очевидно, — сказал Галаэрон, наконец преодолев свою первоначальную реакцию на то, как она обошлась с Такари. — Возможно, тебе следует объяснить остальное.

— Спасибо, — сказала Вала. Прежде чем она успела начать объяснения, на краю лощины появилась Кейя и спустилась, чтобы присоединиться к ним.

— Я послала Берлена следить за Кулом и поручила эльфу присматривать за Такари. Кейя информировала, не спрашивая разрешения, и Галаэрон снова был впечатлен командиром, которым она стала. Ее замысел был и более безопасным, и, вероятно, вызовет меньше негодования у остальной части компании. — Я думаю, что они действительно готовы убить друг друга, — продолжила Кейя. Она повернулась к Галаэрону. — И ты не помогаешь делу. Я знаю, что у вас с Такари есть прошлое, но тебе обязательно тыкать Кула в него носом?

— Это не настоящая проблема, — сказала Вала. Даже она не ставила под сомнение лидерство Кейи; она просто повернулась, чтобы включить молодую эльфийку в разговор. — У темного меча Кула есть история.

— История? — спросил Галаэрон. — У них у всех есть истории.

— Не такие, — сказала Вала. — Большинство наших темных мечей прошли через руки пяти или шести воинов, самое большее восьми. Двадцать два носили меч Кула.

— Двадцать два? — Кейя ахнула.

— Это один раз в пять лет. Носителя считают счастливым, проноси он его хотя бы столько, — сказала Вала. — Первой была Йондала, которая подняла оружие, чтобы защитить своего ребенка от стаи ящеров. После этого ее муж начал ревновать ее к власти, которой она обладала. Однажды утром мы нашли ее плавающей в болоте, и у

Громба был меч. Когда было установлено, что он убил ее во сне, он попытался избежать правосудия Бодвара и использовал темный меч, чтобы убить еще двух воинов. Оружие было передано их старшему сыну, но он умер год спустя, когда ему на голову упал камень, когда он играл со своими братьями.

— И Бодвар позволил семье сохранить такой меч? — спросила с негодованием Кейя.

— Он не мог взять его, и он вернулся бы в тот момент, когда какой-нибудь родственник Йондалы протянул бы руку и позвал его.

“И они не посмели бы уничтожить оружие”, понял Галаэрон. Даже он не мог сказать, что произойдет, если один из клинков будет сломан, и как отреагировал бы Мелегонт. Он кивнул Вале.

— Ты права, мы не можем держать их вместе, особенно во время битвы.

— Я уволю Такари из Холодной Руки, — сказала Кейя. — Она может вернуться в Скрытые Пещеры, чтобы помочь Дексону охранять детей.

— Если ты освободишь ее от Холодной Руки, ты не сможешь приказывать ей что-либо делать, — сказал Галаэрон. — Ты действительно думаешь, что она останется в стороне от битвы?

— Вряд ли, — сказала Вала. — Один из них должен пойти с тобой. Это почти смертный приговор, — возразила Кейя. — Галаэрону повезет, если он выживет с помощью своей теневой магии.

— Нам всем повезет, если мы выживем, где бы мы ни были, — ответила Вала, — и один из них наверняка умрет, если мы сделаем что-то другое.

Кейя обдумала это, затем кивнула.

— Галаэрон должен выбрать.

Она повернулась к нему и продолжила:

— Кто бы это ни был, он будет сражаться на твоей стороне. Ты должен выбрать того, кто больше всего поможет. Галаэрон знал, что предложение Кейи, нет, ее приказ, имел смысл, но ему казалось, что она просит его выбрать между Такари и Валой. Он уже сделал это однажды, во время битвы со вторым Вулгретом, когда ему пришлось выбирать между спасением жизни Валы и защитой Такари. Он спас Валу, а Такари была ужасно ранена, и он больше никогда не хотел принимать подобное решение.

Если он возьмет Такари, у него будет хороший шанс потерять ее навсегда. Если он возьмет Кула, Вала поймет, что он спасает жизнь Такари за счет одного из ее последователей. Хотя Вала уже ясно дала понять, что согласится на это решение, он сомневался, что она когда-нибудь простит его за это. Галаэрон оглянулся на Кейю и спросил:

— Кто виноват в этой ситуации? Такари преследовала Кула или Кул...

— Это не имеет никакого отношения к твоему решению, — сказала Кейя. — Выбери того, кто принесет тебе больше пользы.

— Рана Кула несерьезна, — сказала Вала, — и он получит свой темный меч.

Но Такари сражалась на твоей стороне в течение двадцати лет, — сказала Кейя. — Она узнает, что ты собираешься делать, прежде чем ты это сделаешь.

Аргумент Кейи ясно дал понять, какой выбор, по ее мнению, он должен сделать, и Галаэрон знал, что она была права. Даже без темного меча Кула Такари будет лучше прикрывать его спину, а он будет лучше прикрывать ее.

— Кейя, ты стала слишком мудрой для такой юной.

Галаэрон закрыл глаза, затем сказал:

— Такари.

Кейя положила руку ему на плечо. — Она – лучший выбор, Галаэрон.

Мы начнем теневую тропу отсюда, — сказал он. — Это даст нам время подготовиться.

— Как пожелаешь. Я пошлю ее с тобой.

Прежде чем уйти, Кейя потянулась, чтобы поцеловать его в щеку, но промахнулась из-за маскировки фаэримма и вместо этого получила подбородок.

— Тихих песен, брат мой.

— И легкого смеха, сестра моя, — сказал Галаэрон. Отец бы гордился.

— За нас обоих.

Ее глаза стали стеклянными и влажными. Она отвернулась, вытерла их и исчезла за краем ложбины. Вала схватила Галаэрона за уши, без сомнения, введенная в заблуждение его магической маскировкой, думая, что она взяла его за руки.

— Не беспокойся о своей сестре, Галаэрон. Дексон поручил Берлену и Кулу присматривать за ней. Я тоже буду там.

— Тогда с ней все будет в порядке, я не сомневаюсь, — сказал Галаэрон. — Пока мой план работает.

— Так и будет, я в этом не сомневаюсь.

Вала наклонилась, впервые нашла губы Галаэрона и поцеловала его долго и крепко, по-ваасански крепко. Он обхватил ее за талию своими настоящими руками и держал так, пока у него не закружилась голова от нехватки воздуха. Когда он, наконец, отпустил ее, она отступила назад и посмотрела на Галаэрона, приподняв бровь.

— Никогда не думала, что сделаю это.

Галаэрон в замешательстве нахмурился, потом понял, что она не видит выражения его лица, и вынужден был спросить:

— Что?

Вала сделала кислое лицо и сказала:

— Поцелую фаэримма.

Она пошла за Кейей, но остановилась на вершине впадины, чтобы оглянуться через плечо.

— Но я рада, что сделала это, я бы все равно сделала это, даже если бы ты выбрал Кула.

— Ты бы так поступила?

Вопрос вырвался прежде, чем Галаэрон понял, что он действительно задал его, но он не пытался ослабить сомнение, которое он подразумевал. Когда дело доходило до оскорбления других, даже тех, кого он любил, его тень делала его бесстрашным. Тон Вала стал серьезным, хотя и не сердитым.

— Я понимаю Такари. Я действительно понимаю.

Галаэрон почувствовал, как будто узел в его груди развязался.

— Я рад, — сказал он. — Благодарю тебя.

— Нет причин благодарить меня. Я бы никогда не хотела, чтобы ты делал для меня что-то настолько холодное. Я знаю, что не стала бы ради тебя. Вала выхватила меч и повернулась к Роте Холодной Руки.



Покрытый пятнами сажи и окутанный дымом, дворец Вершины Облака был лучшим образцом природной архитектуры Эверески, который Арис когда-либо видел. Со склона вниз, где он прятался в деревьях на краю того, что осталось от леса, который когда-то покрывал весь холм, дворец Облачной Короны напоминал поляну синих деревьев, так тесно прижатых друг к другу, что огромные стволы вросли друг в друга. Чешуя на коре была сделана так искусно, что даже его опытный глаз скульптора не узнал бы, что это камень, за исключением нескольких мест, где вражеское заклинание действительно проникло в защитную магию и разрушило одну из древних башен. Антимагическая оболочка, которую фаэриммы воздвигли вокруг дворца, была функциональной, но бесхитростной, колоколообразный купол мерцающей прозрачности, который поднимался из-под земли и исчезал из виду на высоте тысячи футов или более над головой. Арис знал, что она должна подниматься намного выше и изгибаться внутрь, чтобы охватить вершины башен, но даже его глаза не были достаточно острыми, чтобы увидеть такое тонкое изменение на таком большом расстоянии. Сами шипастые стояли на страже на склоне выше, прячась среди зарослей поваленных взрывом деревьев, покрывавших склон холма. До сих пор на этой стороне Облачной Короны расположилось только трое, через равные промежутки в полукруге, как раз вне досягаемости стрел. Их рабы разума, и более чем несколько их собратьев-фаэриммов, лежали разбросанными по зонам поражения под скрытыми бойницами дворца, разлагающимся свидетельством жестокости битвы, которая закончилась тупиком. Волнообразное пятнышко крошечного снежного вьюрка обогнуло дворцовую стену на высоте, равной высоте верхушек деревьев, если бы там еще стояли деревья, а затем исчезло в направлении статуи Ханали Селанил. Хотя Арис еще не посещал эту конкретную работу, все, кто ее видел, уверяли его, что она была одной из лучших в городе. Ходили слухи, что она также стара, как сама Эвереска, что делает ее одним из немногих сохранившихся образцов религиозного искусства высших эльфов периода до Незерила. Что-то острое укололо его колено, и он посмотрел вниз, чтобы увидеть, как Шторм Серебряная Рука убирает кинжал в ножны. Она сделала это, не глядя, потому что хмурилась на него с озабоченным выражением лица.

— *Красные глаза?* — Ее речь была такой же быстрой, как у Галаэрона, что затрудняло понимание.

— *Это и есть символ.*

— *Символ?* — Своими длинными пальцами Арис подозревал, что его ответ прозвучал так, будто он растягивал слова или заикался. — *Там есть символ?*

— *Меховая снасть!* Шторм указала на дворец, и Арис, наконец, понял, о чем она пыталась ему напомнить. — *Отправка Манинеста была сигналом.*

— *Извините, просигналил он. Я немного нервничаю.*

— *Из - за чего нервничать?* — Ответила Шторм. — *Этот план должен быть лучше, чем предыдущий.*

— *Это должно заставить меня чувствовать себя лучше?*

Он снял с пояса два самых больших молотка и уставился на конусообразный сверток примерно в двадцати футах от земли. Самой трудной частью его работы будет держать этот узел в поле зрения. Если он пойдет не туда, план Галаэрона провалится.

На противоположной стороне холма раздался оглушительный рев, и веера золотой и малиновой магии взрыва распространились по небу за дворцом. Трое фаэриммов поднялись из своих укрытий и вызвали в воздухе бурю, забрасывая друг друга вопросами, но ни один из них не выказывал никаких признаков того, что покидает свой пост. Сердце подскочило к горлу, Арис поднял молоты и приготовился бежать, зная, что не выживет. Шторм положила руку ему на колено. Арис посмотрел вниз и увидел, что она качает головой. Она подняла палец, затем снова посмотрела вверх по склону.

Битва продолжалась на другой стороне дворца. Холм содрогался под их ногами, языки пламени лизали стены дворца, а фаэриммы все еще оставались на посту. Арис приподнял бровь. У них была всего минута или две, прежде чем шипастые поймут, что весь шум производили только двое Избранных. После этого пройдет всего несколько секунд, прежде чем они поймут, что нападение было отвлекающим маневром, и вернуться на его сторону дворца. Будучи самой большой мишенью на холме, Арис знал, что с ним будет, если он все еще будет на поле боя. Он бы даже не возражал, не очень, за исключением того, что это означало бы, что план Галаэрона провалился. Искусство Эверески будет потеряно навсегда. Шторм убрала руку с колена Ариса. Арис кивнул, она кивнула в ответ, и два фаэримма улетели на другую сторону холма.

У Шторм отвисла челюсть. Она закрыла рот, а затем быстро произнесла фразу: *“Я же тебе говорила!”*. Она указала на последнего фаэримма, ее палец потемнел до черноты, когда она шептала заклинание так тихо, что даже Арис не мог его услышать. Последний фаэримм покинул свое укрытие и помчался за своими товарищами.

На мгновение Арис был слишком потрясен, чтобы отреагировать. Между ним и дворцом никого не было. Все, что ему нужно было сделать, это подбежать туда, протянуть руку сквозь антимагическую оболочку и пробить дыру в стене. Затем лорд Дуирсар и Кииньон Колбатин, Высшие Маги и Долгая Стража начнут скользить на своих веревках, перепрыгивая через антимагическую оболочку на истерзанный битвой луг, где Шторм к тому времени проложит телепортационный круг, который приведет их прямо к статуе Ханали Селанил, которую Арис так отчаянно хотел увидеть.

— Чего ты ждешь? — Она вытащила из-под плаща пакет с янтарной пылью, подняла руки, чтобы Арис мог поднять ее и отнести во дворец, и сказала:

— План сработает лучше, если у тебя будет это.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ



2 Элеасиаса, Год Дикой магии

Галаэрон и Такари подошли к статуе Ханали Селанил и обнаружили небольшой круг фаэриммов, использующих все четыре руки, чтобы стянуть золотые нити магии с подола платья богини. Они вытягивали нити за собой, наполняя воздух мерцающим клубком петель и завитков, таких плотных и ярких, что было трудно разглядеть самих шипастых. Там, где клубок касался земли, он проходил сквозь камни мостовой, как солнечный свет проходит сквозь воду, оставляя впечатление, что огромная статуя стояла на поверхности темного, неподвижного пруда, а не во дворе из гранитных булыжников. Галаэрон насчитал двенадцать фаэриммов, тянущих нить, с тринадцатым, наблюдающим из-под дерева на краю площади.

— Это тот самый, о котором нам рассказывал Манинест. Он не утруждал себя разговорами на пальцах. Хотя фаэриммы, несомненно, могли подслушивать в тени, где он и Такари прятались, они не могли сделать это, не используя магию Плетения, а в Тени, магия Плетения будет сиять, как маяк для Галаэрона. Я совершенно уверен, что это их лидер. Это единственный, кого мы обязательно должны убить, так что, если что-то пойдет не так...

— Теперь, когда ты пришел в себя и решил взять меня с собой, все будет в порядке. — Такари опустила руку на рукоять своего позаимствованного темного меча. — Я только хотела бы, чтобы Кейя дала мне меч Кула. Тот, за который я могу держаться.

— Меч Кула не принадлежит Кейе, — сказал Галаэрон. — И Кул сам в нем нуждается.

Он напоминал ей об этом уже в пятый или шестой раз, и его терпение уступало место тревоге.

— Наша нужда больше.

Она указала на лидера фаэриммов и сказала:

— Ты сам сказал, что мы обязательно должны убить этого.

— Это то, что мы *обязательно* должны сделать. Кул и остальные должны уничтожить оборонительный периметр. Обязательно. Если они потерпят неудачу, наш успех ничего не значит.

Говоря это, Галаэрон смотрел Такари прямо в глаза. Хотя они едва скрывались в темноте, радужки были пронизаны крошечными полосками тени. Ей нужно было сказать; это был ее единственный шанс обуздать жажду меча.

— Такари, я не пришел в себя. Мы подумали, что лучше держать тебя подальше от Кула и его темного меча.

— Что? — Спросила она. — Почему ты держишь меня подальше от того, что принадлежит мне по праву?

— Потому что это не твое ни по какому праву. Ты так думаешь, только потому, что тебя коснулась тень.

— Коснулась тень! — Горячо возразила Такари. — Я заслужила этот меч!

— Это фамильная реликвия. Как ты могла заслужить...

Галаэрон позволил вопросу затихнуть, когда понял, о чем говорит Такари. Он посмотрел на ее живот, который еще не начал выпирать, и спросил:

— Ты сделала это специально?

Такари вздернула подбородок и сказала:

— Конечно, это было специально. Неужели ты думаешь, что я случайно переспала с этим рофом?

— Конечно, нет, но я также не думал, что ты сделала это, чтобы украсть его темный меч.

— «Украсть» - такое человеческое слово, — сказала Такари, закатывая глаза. — Я просто хотела использовать его и, возможно, сохранить после его смерти.

— После того, как ты убила бы его, — поправил Галаэрон. Он повернулся, чтобы посмотреть на ветку дерева. Скоро прибудет Манинест.

— Ты всегда хотела сохранить его.

— Откуда ты знаешь, что я имела в виду...

— Я узнаю тень, когда вижу ее, Такари, — ответил Галаэрон.

Лидер фаэриммов послал сердитый порыв ветра по братьям, и Собрание Заклинаний начало тянуть нити в два раза быстрее. Это должно быть известие о нападении на Холм Вершины Дерева. У Галаэрона не было много времени, чтобы убедить Такари в ее опасности. Как она думала, как только начнется битва, она побежит вниз, чтобы забрать темный меч у Кула.

— В твоих глазах тень, — продолжил Галаэрон. — Ты хотела темный меч для себя, и Кейя показала тебе, как получить то, что ты искала.

— Это не значит, что я собиралась его убить, — возразила Такари. — У людей короткая жизнь, особенно здесь, и я терпелива. — Может быть, именно это ты и намеревалась сделать, прежде чем прикоснуться к мечу, но ты собиралась убить его в Плавучих Садах.

— Он напал на меня!

— Ты могла бы залезть на любое из дюжины деревьев. Я видел, как ты стояла, Такари, и как ты держала меч. Это была двойная стойка.

— Ты не представляешь, каким быстрым может быть Кул, — сказала Такари. — Мне пришлось защищаться.

Галаэрон рискнул отвлечься от фаэримма на достаточно долгое время, чтобы встретиться взглядом с Такари.

— Когда он схватился за меч, ты собиралась упасть и позволить лезвию вонзиться ему в пах. В его голосе не было обвинения, только настойчивость и уверенность. — Это выглядело бы как несчастный случай.

Такари встретила с ним взглядом всего на мгновение, прежде чем отвести взгляд. Ее защита, наконец, начала рушиться. Она отступила к краю Тени и выглянула сквозь клубок магических нитей.

— Платье Ханали начинает выглядеть потрепанным, — сказала она. — Если мы в ближайшее время не нападём на Собрание Заклинаний...

— Ты не можешь игнорировать это, Такари, — прервал её Галаэрон. — Вспомни, как ты одолжила меч Кула в Плавучих Садах. Ты нашла время, чтобы перевернуть его лицом вверх.

— Я не хотела, чтобы он утонул. — Она говорила так, словно вспоминала, а не объясняла. — Для человека он не так уж плох.

— Но после того, как ты позаимствовала меч....

— Я его не *одалживала*. Ты не можешь одолжить то, что уже есть ...

Такари позволила фразе затихнуть, затем поднесла руку ко рту и снова повернулась, чтобы посмотреть на Галаэрона.

— А теперь я хочу, чтобы он умер! — Все дело в мече. Этот несет в себе проклятие. — Галаэрон взял ее за руку и мягко оттащил от Края. — Это открывает тебя твоей тени.

— Моей тени? — Такари ахнула. Это был первый раз, когда Галаэрон мог припомнить, чтобы видел настоящий ужас в ее глазах. — Я превращусь в одну из *них*?

— Я думаю, это будет зависеть от того, как ты отреагируешь, — ответил Галаэрон. — Я не уверен, но знаю, что ты не должна снова отнимать меч Кула. Если ты потерпишь неудачу в этом, тебе придется убить его, а если ты убьешь его, ты *будешь* потеряна.

— Отлично.

Глаза Такари скользнули в сторону, сосредоточившись где-то за его плечом. — Манинест.

Галаэрон обернулся и увидел маленькую птичку, летящую на дерево над головой лидера фаэриммов. В клюве он нес что-то остроконечное и вдвое длиннее его самого.

— Что это у него? — Спросила Такари. Галаэрон скрутил несколько прядей теневого шелка вместе, затем произнес заклинание и начал водить по коже концом получившейся кисточки.

— Не знаю, — сказал он. — Это не входит в план.

Манинест приземлился на самую нижнюю ветку над головным диском фаэримма. Он вытянул шею вперед, издав резкий писк, и выпустил то, что нес. Заостренный конец опустился первым, слегка вращаясь, так что длинный позвонок, поднимающийся вдоль одной стороны, стал виден.

— Это хвостовой шип! — Ахнула Такари.

Шип ударил фаэримма по краю рта и отскочил от его толстой кожи. Существо удивленно фыркнуло и наклонилось вперед, чтобы поднять шип. Оно на мгновение поднесло вещь к открытому рту, а затем подняло свой головной диск к ветке, на которой сидел Манинест, ругая его на языке щебета.

— *Я думаю, это наш сигнал*, — слова Галаэрона вырвались в спешке, потому что заклинание скорости, которое он наложил на себя, уже подействовало. — Помни о плане.

Не дожидаясь ответа, Галаэрон подплыл к краю Тени и послал две шипящие темные стрелы, в лидера фаэриммов. Первая прожгла дыру размером с кулак в середине его груди и отправила его, шатающегося, обратно в ствол дерева. Вторая подрезала его по краю рта, проделав длинную борозду вдоль стороны диска головы и отрубив руку у плеча. Обутые в сапоги ноги Такари приземлились прямо в спину Галаэрона, когда, выполняя свою часть плана, она поймала его летящим ударом,

который отправил его кувыркающимся хвостом через руки во двор. Он не столько проходил сквозь нити магии Плетения, сколько они проходили сквозь него, пылая, как крапива, и окутывая его потрескивающим ореолом зеленых искр. Это не входило в план. Он мельком увидел предводителя фаэриммов, обернувшегося вокруг основания дерева. Три его оставшиеся руки безвольно лежали на земле, а из дыры в теле сочилась черная кровь. Галаэрон заставил себя остановиться и повернулся лицом к статуе Ханали. Члены Собрании Заклинаний перестали использовать магию и уже начали отдаляться от круга. Галаэрон указал двумя руками назад на тень, из которой он вышел. Такари уже отступала в нее, ее ноги и кончик позаимствованного темного меча просто исчезли в Тени, как и планировалось. Галаэрон дико жестикулировал в ее направлении, его руки выбрасывали огромные листы зеленых искр, когда они рассекали воздух.

— За ней!

Он использовал свою магию, чтобы говорить на Ветрах:

— Она уходит!

Был ли это его акцент или размашистые линии зеленых искр, фаэриммы не купились на это. Они подняли руки в его направлении, и даже с его магией скорости Галаэрон едва успел поднять теневой щит, прежде чем сотня золотых стрел полетела в его сторону. Он съежился за кругом и старался не кричать. Шипение приближающихся стрел переросло в треск, треск – в рев, а рев – в оглушительный грохот, когда снаряды достигли его щита и исчезли в плоскости тени. Грохот исчез в звенящей тишине, от которой земля задрожала, а барабанные перепонки Галаэрона запульсировали, в ноздрях защекотало от запаха дождевой воды остатка магии. Галаэрон не стал ждать. Он развернул щит и нырнул сквозь него в тень, и даже тогда он был почти пойман бурей магии огня и лучей распада, которые сошлись на том месте, где он стоял на коленях. Он задержался на мгновение, чтобы посмотреть, не окажется ли кто-нибудь из нападавших настолько глуп, чтобы преследовать его в темном круге, затем закрыл его за собой и пронесся сквозь тени обратно к Такари.

— Этот план сработал примерно так же, как лестница пикси, — сказала Такари. — Не думаю, что их обманула твоя маскировка.

Она вглядывалась во двор, наблюдая, как две тройки фаэриммов пробираются к тени, где она и Галаэрон стояли и смотрели.

— Не похоже, — ответил Галаэрон, — мой план сработал.

Галаэрон рассеял магию иллюзии, которая делала его похожим на фаэримма, затем взял стрелу из колчана Такари и начал натирать ее теневым шелком.

— В самом деле? — В голосе Такари звучало больше, чем сомнение. В ее голосе звучало недоверие.

— Да.

— Они перестали нападать на мифал, не так ли?

Галаэрон вытащил из ее колчана смертоносную стрелу и потер наконечник теневым шелком. Он произнес звучное заклинание и вернул ей снаряд. Такари наложила стрелу на тетиву и подняла лук, но, прежде чем выстрелить, повернулась к Галаэрону и откинула голову назад, слегка приоткрыв губы.

— На случай, если и этот тоже не сработает.

— Он *сработает*.

Галаэрон достал из колчана еще одну стрелу, и Такари закатила глаза.

— Все тот же старый Галаэрон. В ее голосе звучало неподдельное отвращение. —
Никогда не даст лесной эльфийке шанса.

Она направила наконечник стрелы на ближайшего фаэримма, который находился не более чем в двадцати шагах, и натянула тетиву.

Галаэрон положил свободную руку на ее предплечье. Такари повернулась с выражением раздражения на лице.

— Я действительно люблю тебя, — сказал Галаэрон.

У Такари отвисла челюсть. Если бы Галаэрон не усилил хватку, она бы выпустила стрелу.

— Ты говоришь это только потому, что мы вот-вот умрем.

Галаэрон покачал головой, затем снова посмотрел на приближающихся фаэриммов. Они приблизились на пятнадцать шагов. Он наложил еще одно усиливающее заклинание на стрелу в своей руке. Такари проигнорировала шипастых и продолжил изучать Галаэрона.

— У тебя всегда было паршивое чувство времени, — сказала она, — но я возьму то, что смогу получить.

Она выпустила стрелу, и стрела попала в цель, прямо в тело. Теневая магия Галаэрона позволила ей проникнуть сквозь защиту фаэримма и вонзиться до самого оперения. Шипастый взвыл от боли и телепортировался, хотя и не так быстро, чтобы Галаэрон не заметил черный кратер распада, образовавшийся вокруг стрелы Такари. Пятеро выживших атаковали настоящим штормом заклинаний: пламенем, метеоритными камнями, молнией и полудюжиной других видов магической смерти. Когда заклинания вошли в тень, где прятались Галаэрон и Такари, они были направлены через теневую дверь, которая открылась на противоположной стороне двора, и фаэриммы были поражены сзади их же собственными заклинаниями. Двое погибли мгновенно, а еще двое телепортировались в безопасное место. Галаэрон передал стрелу смерти Такари. Она натянула тетиву и выпустила ее в оставшегося шипастого, в то время как она щелкнула пальцами в их укрытии. Межизмеренческая дверь Галаэрона мигнула один раз, а затем с треском исчезла. К тому времени фаэримм, который рассеял ее, неподвижно лежал на земле, черная дыра расширялась вокруг стрелы, вонзившейся в его головной диск. Галаэрон схватил Такари за руку и положил себе на пояс.

— Держись крепче, — сказал он.

— Можешь быть уверен.

Он повернулся и бросился в глубокую тень. Хотя его сила была достаточно велика, чтобы держать в страхе большинство меньших существ, на которых они, вероятно, наткнутся в таком коротком путешествии по Глубинам, Галаэрон был осторожен и продолжал двигаться, и двигаться быстро. Несмотря на то, что она была тронута Тенью, Такари все еще была достаточно существом Плетения, чтобы Галаэрон мог чувствовать ее согревающее тепло на своей спине ... тепловое и отчетливое ... и если он мог чувствовать это, то и бесформенные рты, которые охотились на несчастных посетителей, которые забредали слишком далеко от Края. Они прошли около дюжины ударов сердца, когда в отдалении позади них раздался

ужасный булькающий рык. Такари остановилась, ее рука потянула за пояс Галаэрона, когда она обернулась, чтобы посмотреть через плечо.

— Продолжай двигаться! — Предупредил он. — Или мы будем следующими.

— Что это? — Спросила Такари.

Он охраняет наши следы, — ответил Галаэрон. — Это все, что имеет значение.

Вдалеке затрещала и затихла молния. Не было ни проблеска света, даже слабого, и Галаэрон знал, что если бы они смотрели прямо в ее пламя, то ничего бы не увидели. Они были так глубоко в тени, что свет исчез почти у самого источника. Теневой монстр снова зарычал, а затем умер с мучительным воплем.

— Это не хорошо, — сказала Такари.

— Мы можем сами делать свою грязную работу, — сказал Галаэрон. — Атака замедлит их. Звук привлечет вещи, с которыми даже фаэриммы не хотят сталкиваться.

— А как насчет нас? — Спросила Такари.

— Мы тоже не хотим столкнуться с этими вещами.

Галаэрон потянул ее к Краю и добавил:

— Вот почему мы пошли первыми.

Как только они вышли из Глубокой Тени, Галаэрон подошел к дереву, где опустилсЯ Манинест. Галаэрон остановился на краю. Хотя они не могли заглянуть во двор со своего наблюдательного пункта, любой фаэримм, все еще скрывающийся в этом районе, с меньшей вероятностью стал бы рыскать в тени. Он наложил свою пронзающую магию на еще одну смертельную стрелу и вернул ее Такари.

— Используй её, только если за нами придет фаэримм, — сказал он.

— Позволь мне одолжить темный меч.

Такари отстегнула ножны, но не отдала их.

— Куда ты идешь? — Спросила она.

— Застать наших преследователей врасплох, — ответил он, вытаскивая темный меч из ножен. Это должно быть не трудно, но ты догадываешься, что делать, если я не вернусь.

Хотя рукоять начала холодить его руку, холод больше не причинял ему никакого дискомфорта. Как и Мелегонт, Теламонт и Хадрун, он был частью тени.

— Да, — сказала Такари. — Умереть.

— Я имел в виду проверить лидера, — сказал Галаэрон. — убедись, что он мертв.

Такари покачала головой в притворном отчаянии и сказала:

— Я знаю, что ты имел в виду, Галаэрон. — Она хотела отвернуться, но передумала и обхватила Галаэрона за шею. — Сперва, ты докажешь, что не лгал. Сначала ты докажешь, что любишь меня.

Она притянула его голову к себе и поцеловала его долго и крепко. Поцелуй, рожденный двумя десятилетиями страстного желания, поцелуй, в котором больше нельзя было отказать. Хотя он знал, что их преследователи быстро приближаются, Галаэрон позволил себе раствориться в этом, позволил своему духу, губам и языку коснуться Такари, как никогда раньше. Они сошлись так, как могут сойтись только эльфы, и Галаэрон почувствовал то, что она всегда знала, что они были родственными душами, что они принадлежали друг другу, независимо от того, какую душевную боль, одиночество и печаль обрушила на них их судьба. Не осталось ничего, что могло

бы разлучить их. Ничего, кроме их человеческих любовников. Такари, конечно, почувствовала это, как и Галаэрон, и первой отстранилась.

Галаэрон не заставит ее просить еще.

— Я все еще люблю ее, — сказал он. Он не признался ни в чем, чего Такари уже не знала, но он должен был сказать это вслух. Он был многим обязан ей, и себе тоже.

— Надо быть слепым, чтобы не заметить этого, — сказала Такари. — Она улыбнулась, немного грустно, и посмотрела на свой живот. — У меня есть несколько собственных проблем.

Галаэрон снова поцеловал ее, коротко, и скользнул обратно в тень. Как только он остался один, у него не осталось никакого страха перед невидимыми существами, которые обитали в Глубинах Тени. Он был такой же частью тьмы, как и они, и все, кто достаточно силен, чтобы найти и преследовать его, также будет достаточно разумным, чтобы почувствовать силу, которую он нес. Эта мудрость также была рождена даром, переданным ему Мелегонтом, как и его знание фаэриммов, и путей Глубин Тени, и знания теневых заклинаний, и кто знает, скольких других секретов шадоваров. Насколько Галаэрон мог судить, единственная часть опыта Мелегонта, которую старый архимаг не смог передать, заключалась в том, что делать с такой большой силой и как мудро ее использовать. Мелегонт, вероятно, никогда не знал или, если и знал, не заботился об этом. Через двадцать шагов Край скрылся из виду. Галаэрон остановился в ожидании. Ему не нужно было прятаться, да он и не хотел этого делать. В Глубине была только тень, и в руках тех, кто знал это искусство, тень могла быть сформирована в то, что было необходимо или желаемо. Вскоре Галаэрон почувствовал огненное присутствие, приближающееся по пути, по которому шли они с Такари. Хотя для эльфа, или любого существа, заключенного в кожу, было невозможно различить форму, он почувствовал по интенсивности жара и его очевидным размерам, что это был фаэримм. Он подождал достаточно долго, чтобы убедиться, что осталось только одно существо, затем поднял перед собой стену тени и стал ждать. Будучи далеко не потерянным, фаэримм был явно напуган. В тщетной надежде удержать теневых монстров на расстоянии, он тихо разговаривал сам с собой, используя свои силы, чтобы заставить тени постоянно кружиться. У шипастого также было подготовлено с полдюжины заклинаний, готовых к применению, Галаэрон чувствовал обжигающие узелки магии Плетения, свисающие с его тела. Он позволил шипастому пройти, затем отпустил свою теневую стену и вышел за нее. Нервный фаэримм отреагировал быстро, заключив себя в огненный кокон и выпустив залп магических дротиков. Удар пришелся Галаэрону в плечо и отбросил его вниз головой — небезопасный способ путешествовать в Глубинах Тени, даже для него. Пара челюстей открылась под ним и вцепилась в его ногу, пытаясь затащить его в какое-нибудь скрытое логово. Он опустил свой темный меч рядом с ногой. Это было похоже на разрезание воздуха, но рот открылся, и он вырвался. Фаэримму было хуже, чем ему. Галаэрон чувствовал это в дюжине шагов впереди и в стороне, превращая безмолвные тени в пену, когда стоя теневых существ, некоторые летающие, а некоторые скользящие, появилась вокруг и потянула в шести направлениях одновременно. Шипастый защищался как мог, но его заклинания телепортации не работали, а другие заклинания были неэффективны. Независимо от того, сколько существ он уничтожил, еще больше приходило, чтобы занять их место. Независимо от

того, какой броней он себя прикрывал, их теневые клыки и темные когти прорывались сквозь нее. Оторвалась рука, потом хвост и, наконец, длинная полоска шипастой шкуры. Галаэрон оставил бы существо на произвол судьбы, если бы мудрость Мелегонта не научила его не считать фаэримма мертвым, пока он не будет лежать выпотрошенным и горящим на земле. Двигаясь обратно к дереву, где он оставил Такари, чтобы не привлекать внимания стаи своих собственных нападающих, он приготовил залп теневых стрел и послал их в своего пойманного в ловушку врага. Удар застал врасплох и жертву, и мучителей. Фаэримм буквально развалился на части, куски разлетелись в дюжине разных направлений, в которых его тянули. Разъяренные теневые существа, те, что не были пригвождены к месту темной стрелой растаяли в темноте и волнообразно двинулись в направлении Галаэрона.

Галаэрон открыл теневую дверь и шагнул внутрь, оказавшись в относительно безопасном мире Края. На мгновение он погрузился в оцепенение и не знал, где находится. Затем, когда вспышка и мерцание боевой магии начали просачиваться сквозь деревья со склона вниз, он вспомнил, что он был в середине битвы и что это была его и Такари работа – убедиться, что статуя Ханали Селанил была свободна от фаэриммов, когда Хелбен и Избранные прибыли с Высшими Магами, и что Такари должна была ждать его прямо там, на Краю.

— Такари? — Галаэрон оглядел Край, никого не увидев, прихрамывая, вышел на склон холма. У него кружилась голова и болела рука, настолько слабая, что он едва мог ее поднять. — Такари!

Единственный ответ пришел в виде серии возбужденных писклов с дерева над его головой. Галаэрон поднял подбородок и обнаружил, что на него смотрит знакомая белая мордочка Манинеста.

— Что она сделала? — Галаэрон ахнул. Такари была не из тех, кто покидает свой пост, даже когда к ней прикасается тень. — Этого не может быть.

Манинест ответил резким чириканьем, а затем указали клювом вниз по склону.

— А как насчет лидера?

Манинест прочирикал вопрос.

Лидер фаэриммов, — сказал Галаэрон. — Тот, на которого ты уронил шип.

Снежный вьюрок сердито пискнул.

— Хорошо, тот, на которого ты напал, — поправил Галаэрон. — Что она сделала с этим фаэриммом?

Ответ птицы заставил Галаэрона заковылять вокруг дерева так быстро, как только мог. Во дворе, окружавшем статую, не было фаэриммов, по крайней мере, на первый взгляд, и там, где должен был быть лидер, не было ничего, кроме лужи дымящейся черной крови.

— Она отпустила его! — воскликнул Галаэрон. — Такари покинула свой пост!

Манинест слетел с дерева. Он приземлился на один из дровиков, все еще торчащих из плеча Галаэрона. Он запищал длинный вопрос, затем наклонил голову и посмотрел вниз с холма на битву.

— Нет, — прорычал Галаэрон. — Я действительно не думаю, что Кул нуждался в ее помощи.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ



2 Элеасиаса, Год Дикой магии

Был ли едкий привкус во рту пеплом или страхом, Кейя Нихмеду не могла сказать. Она знала только, что ее язык стал сухим, как пламя, что стало невозможно отличить дрожь земли от ее собственной дрожи, и что ребенку в ее животе повезет, если он увидит мир своими собственными глазами. Горящие синие деревья грохотали вокруг нее, валуны размером с лошадь падали вниз по склону непрерывным каскадом, а воздух был достаточно горячим, чтобы испечь желуди. Цель Холодной Руки казалась достаточно простой, когда Галаэрон объяснял ее под Плавучими Садами, но она надеялась, что у него есть запасной план. Ползя на животе, Кейя прокралась под верхним склоном тропы, ведущей туда, где Вала укрывалась вместе с Кулом и Берленом. В отличие от ее эльфов, которые либо лежали на животе, наблюдая за падающими валунами, либо вслепую пускали стрелы в направлении врага, ваасанцы сидели спиной к битве. Они делились палочками вяленого мяса ткаэрттов, смеялись и толкали друг друга в плечо, хотя и сделали достаточно уступок сражающимся, чтобы вынуть мечи из ножен и оставить их лежать по бокам в пределах легкой досягаемости. Когда Кейя приблизилась, Вала достала из сумки с пайками кусок вяленого мяса и предложила ей.

— Нет, спасибо, — крикнула Кейя, чтобы ее услышали сквозь рев битвы. — В последнее время у меня не очень-то тянет на ткаэрта. Хотя она надеялась, что ваасанцы подумают, что это из-за ее беременности, правда заключалась в том, что она просто больше не могла выносить вида жареного мяса; это слишком напоминало ей об обгоревших телах, которые лежали разбросанными и непогребенными по всей Эвереске. Стараясь выглядеть такой же беззаботной, как и ваасанцы, она встала рядом с Валой и вынула меч из ножен.

— Что ты как думаешь? — спросила Кейя. — Сконцентрировать наших заклинателей и попытаться совершить прорыв?

Вала ответила:

— Это только сделало бы их легкой добычей для фаэримма.

— Какого фаэримма? — Спросила Такари. — Манинест ничего не говорил о фаэримме.

— Манинест – птица. То, чего он не видит, для него не существует. Но у них есть один.

Вала ткнула большим пальцем через плечо и сказала:

— Там, наверху.

Берлен наклонился к Вале, озабоченно оглядывая Кейю, и протянул ей кусок вяленого ткаэрта.

— Ты уверена, что не хочешь? — Сказал он. — Тебе нужно набраться сил.

Кейя отмахнулась от него и продолжила, обращаясь к Вале.

— Откуда ты знаешь, где находится фазримм?

Вала бросила острый взгляд в сторону линии обугленных тел и сказала:

— Лучшее, что мы можем сделать прямо сейчас – это подождать.

Сверху донесся громкий рокот, который быстро стал громче. Кейя начала переворачиваться на живот, чтобы подползти к берегу и посмотреть, что будет дальше. Вала протянула руку и остановила ее, прижав к склону, прежде чем самой лечь на спину. Грохот перерос в ритмичный рокот, а затем внезапно смолк. Валун размером с рофа свалился с края склона, пролетел у них над головой, отскочив от дальней стороны тропы, и исчез в лесу внизу.

— Рабы разума не очень умны, — сказала Вала. — Рано или поздно у багберов кончатся валуны, и бехолдеры собьют последние синее дерево. *Затем* мы атакуем.

— У нас не так много времени, — возразила Кейя. — Согласно плану Галаэрона, мы должны снять защиту периметра сейчас, до того, как Хелбен и другие прибудут с высшими магами. В противном случае рабы разума развернутся и контратакуют.

— *Вот* тогда мы их и возьмем, — вмешалась Вала. — Или, может быть, когда придет Арис. Если он сможет забросить несколько валунов обратно на холм, мы сможем прорвать их линию.

— Чего мы не можем сделать, так это атаковать в зубы их оборону, — сказал Берлен. — Мы просто уничтожим Холодную Руку, и кто сможет остановить контратаку?

Кейя посмотрела мимо Валы и Берлена на Кула и спросила его:

— А что ты думаешь?

Выражение лица Кула просто потемнело, и он отвернулся.

— Он согласен с нами, — сказал Берлен. — Не обращай внимания на его манеры. Он позволяет своему мечу думать.

Берлен протянул руку и хлопнул своего спутника по шлему сзади. Кул нахмурился еще сильнее, но отвернулся и продолжал молчать.

— Планы хороши, — сказала Вала, возвращая внимание Кейи к насущному вопросу. — Заклинания, в этой ситуации, не стоят того дыхания, которое требуется, чтобы их произнести. Мы должны ждать нашей возможности...

Ее прервал порывистый вой, в котором все узнали визг раненого фазримма.

— А вот и твой шипастый! — позвала Кейя. Она перекатилась на живот и начала карабкаться вверх по берегу. — Пока мы сидим здесь и разговариваем, кто-то убивает его.

Она высунула голову над краем ровно настолько, чтобы посмотреть на разрушенный склон холма. Упавшие верхушки синих деревьев крест-накрест пересекали склон, взрывные воронки испещряли землю, и завесы огня изливали в воздух серый дым. В пятидесяти ярдах над ними длинная шеренга рабов разума смотрела вниз из-за извилистого бруствера, швыряя валуны и магию, все, что они могли, в роту Холодной Руки. Там были десятки багберов и, возможно, десять бехолдеров, усиленных тремя иллидами и горсткой эльфов с пустыми глазами, но раненого фазримма нигде не было видно. В тот момент, когда он получил серьезную рану, он, без сомнения, телепортировался в безопасное место. Темная черточка эльфийской стрелы смерти сверкнула из голубого верха за вражеской насыпью и исчезла в траншеях. На мгновение в поле зрения появился бехолдер, его острозубый

рот искривился в гримасе боли. У Кейи было достаточно времени, чтобы опознать характерное оперение из черного пера Стража Гробницы на рукояти стрелы, прежде чем боевые маги Холодной Руки превратили существо в красную струю. Толстая человеческая рука схватила ее за лодыжку и потащила вниз по склону.

— Ложись! — зарычала Вала. — Дексон оторвет мне голову, если я позволю какому-нибудь бехолдеру сжечь эту остроухую голову на твоих плечах!

Кейя уже собиралась возразить, когда сверху пронесся пурпурный луч, прорезав глубокую борозду на краю склона и оказавшись на расстоянии пальца от ее черепа. Ее сердце колотилось в груди так сильно, что она думала, что сломает ребро, но ей удалось сохранить достаточно контроля над своим умом, чтобы направить свой темный меч вверх по склону.

— Т-Т-Такари!

— Такари?

Это прорычал Кул:

— Где?

— На дереве, — выдохнула Кейя. — В тылу врага. Я видела ее стрелу.

— На каком?

Кул подполз к краю и заглянул в борозду, которая едва не стоила Кейе жизни.

— Я ее не вижу, — сказал он.

— Кул, она не охотится за твоим темным мечом, — сказала ему Кейя. Последнее, в чем они нуждались – это возобновление борьбы за оружие его предков. — Такари пытается помочь нам прорваться.

— Она идет за моим мечом! — настаивал Кул. Он отвел взгляд от борозды достаточно долго, чтобы хмуро посмотреть в сторону Кейи. — А ты ... ты такая же вороватая лисица, как и она. Фаэримм отнял у Дексона ногу, но это ты украли его меч и его мужское достоинство.

Было время, когда неприкрытая ярость в голосе Кула заставила бы Кейю сбежать, но сейчас она только наполнила ее холодным гневом.

— Кул, я не буду обращать внимания на оскорбление, нанесенное мне, потому что легко понять, что твой меч может быть сильнее твоего разума, — сказала она, — но еще раз оскорбишь мужественность моего мужа, и ты умрешь, подавившись своим.

Кейя пристально смотрела на ваасанца, пока не увидела, что гнев в его глазах исчез настолько, что она была уверена, что не будет необходимости выполнять свою угрозу. Она взглянула на Валу, которая только пожала плечами и развела руками. Кейя нахмурилась и кивнула в сторону Кула. Вала отвела взгляд, задумавшись, затем пелена печали, казалось, упала на ее лицо. Она кивнула и поползла вверх по склону рядом с Кулом. Держа крепкого ваасанца под контролем, Кейя вернулась мыслями к битве. Она рискнула бросить взгляд через край и увидела, что, что бы там ни делала Такари, ее атаки возымели эффект. Патруль из дюжины багберов, посланных на холм, чтобы выследить ее, лежал разбросанным по склону, некоторые лежали неподвижно с дымящимися дырами в торсах, другие размахивали руками, пытаясь вытащить длинные эльфийские стрелы из своих спин. Несколько бехолдеров подметали полог леса своими лучами распада, уменьшая количество атак, спускающихся с холма над Кейей, а также дождь из ветвей и ветвей на склоне.

Кейя скользнула к подножию насыпи и жестом пальцев приказала Роте Холодной Руки собраться позади нее, оставив только лучников и каждого третьего боевого мага удерживать свои текущие линии. Через несколько мгновений длинный поток воинов начал ползти вдоль основания насыпи. Кейя отдала свои приказы первым прибывшим вместе с инструкциями передать их, затем она поползла обратно, чтобы присоединиться к Вале и ваасанцам. Вала обнимала Кула за плечи и что-то шептала ему на ухо, но Кейя не могла расслышать.

— Еще одна стрела! — Кул зарычал, указывая. — Вот она.

Кул начал подниматься и бросаться вверх по склону, но Вала схватила его за пояс.

— Пока нет, Кул, — сказала она, потянув его вниз. — Это именно то, чего она хочет.

Кул на мгновение задумался, затем кивнул.

— Вала! — Кейя ахнула. — Что ты делаешь?

Вала повернулась к ней с выражением, которое можно было описать только как демоническое.

— Ты хочешь использовать шанс или нет? — Спросила она. — Потому что Кул — этот самый единственный шанс, который у нас есть, чтобы прорваться как можно скорее. Пока Вала говорила, Берлен продолжал разговаривать с Кулом с другой стороны.

— Она хочет, чтобы ты отправился туда один, да? — спросил Берлен. — Она хочет, чтобы тебя убили.

— Я не пойду, — ответил Кул. — Она не знает. Она никогда не получит мой меч.

В его глазах была тьма, которую Кейя никогда раньше не видела, что-то холодное, чудовищное и ужасающее, чтобы скрыть сморщенное от смеха лицо, которое она привыкла считать лицом одного из своих человеческих братьев.

— Чего она не знает? — спросила Кейя.

— Вот увидишь, — сказала Вала. — Теперь это или Кул или Такари. Мы ничего не можем с этим поделать, кроме как решить, готовы ли мы его использовать. А ты?

Кейя посмотрела вдоль насыпи в обоих направлениях и увидела длинную линию воинов, готовых атаковать холм. Для эльфов их лица были бледными, а костяшки пальцев побелели от того, что они сжимали рукояти мечей, но их челюсти были сжаты, а глаза устремлены на Кейю, ожидая команды атаковать.

— Готова, когда ты будешь готова, — сказала Кейя. — Да простят нас боги.

— Мы должны просить не богов, — ответила Вала.

Она положила руку на плечо Кула, затем подняла голову и указала на одного из блуэтопсов, все еще стоявшего за бруствером рабов разума.

— Вот она, Кул, сказала Вала.

— Все это не твоих рук дело, — добавил Берлен. Остроухая лисица соблазнила тебя.

— Правильно, — добавила Вала.

Пока она говорила, Кул начал темнеть. Не только выражение его лица, но и его лицо, руки, глаза и даже огромный плащ рейнджера, который подарил ему лорд Дуирсар.

— Все, что Такари хотела — это твой меч.

— О, она также хотела ребенка, — сказала Кейя, поняв, что делают ваасанцы. — Си'Тель'Квессир продают своих детей-полулюдей, чтобы заплатить за вино.

Вала и Берлен разинули рты, и Кейя на мгновение подумала, что, возможно, зашла слишком далеко.

Кул стал черным как сажа, расплываясь по краям, как тень или призрак, и он издал сердитый вопль. Он поднялся и не столько перепрыгнул через насыпь, сколько взлетел над ней, и склон мгновенно взорвался ревущей бурей смерти, когда защитники обрушили на него всевозможные снаряды и магию. Думая, что целью ваасанцев было подтолкнуть Кула к первой волне вражеских атак, Кейя подняла руку, чтобы вызвать атаку. Вала схватила ее за руку и потянула вниз.

— *Жди.* — Вала заговорила на эльфийском языке пальцев, единственной речи, которую не заглушили грохот и рев битвы. — Пусть он немного опередит нас.

— *Опередит нас?* — возразила Кейя. — *От него же ничего не останется!*

Но когда она заглянула за край насыпи, то увидела, что там что-то есть. Сквозь стену дыма и пламени толщиной в двадцать шагов Кейя увидела черный силуэт Кула, все еще плетущийся и скручивающийся вверх по холму. Вспышки молний проходили сквозь его темную фигуру, не замедляя его движения. Магические стрелы отскакивали от него, оставляя за собой длинные клочья черной тьмы. Лучи распада ударили в его темную ауру и растворились. Валуны, от которых ему всегда удавалось пригнуться или увернуться, копья, которые он отклонял и скользил, стрелы, застрявшие только в самых сильных частях его брони. Как будто он стал наполовину призраком, наполовину созданием теней, которое можно было увидеть, но никогда не остановить. Кейя с благоговением смотрела, как он исчез в густеющем дыму, затем повернулась к Вале и подняла свой собственный темный меч, или, скорее, меч ее мужа.

— *Может ли этот меч сделать так же?* — спросила она.

— *Нет!*

— *И никогда не пытайся!* — это Берлен, добавил объяснение. — *Он отдал себя своему мечу. Такую магию не обратить.* Рев начал стихать, когда Кул продолжил атаку, а Вала посмотрела на холм и произнесла один-единственный слог. Она не кричала и не выражалась жестами, но Кейе не нужны были слова, чтобы понять ее смысл. Она вытянула руку вперед, затем поднялась и бросилась через край насыпи.



С насеста Такари, высоко среди шелестящих крыш, атака Холодной Руки выглядела как песня. Сквозь дым и пламя пронеслась волна эльфийских певцов клинка в золотых шлемах, слова мистической силы лились из их уст, серебряные и золотые молнии сверкали на кончиках их пальцев, мечи горели в их руках, а доспехи блестели на их груди. Рабы разума встретили натиск бурей магических лучей и камней, швыряя валуны, метая смертоносные стрелы, разбрызгивая огонь. Эльфы все еще приближались, перепрыгивая через воронки от взрывов, карабкаясь по упавшим синим деревьям, прыгая через огненные завесы и падая десятками, но никогда не колеблясь, никогда не падая в укрытие, никогда не замедляясь. Возглавлял атаку человек-медведь в теновом плаще, впереди на двадцать шагов или больше, извиваясь

и поворачиваясь, принимая магические удары в грудь, глаза сверкали, как бронзовые угли, темный меч в руке, крепкие ноги несли его вверх по разрушенному холму со скоростью, с которой не мог сравниться ни один эльфийский гонец сообщений.

Кул. Несмотря на то, что он был закутан во мрак, Такари узнала бы наклон этих огромных плеч с расстояния в тысячу шагов, узнала бы среди армии мужчин грацию, с которой ее возлюбленный нес свое могучее тело. Для людей, как и для *мужчин* любого рода, он был великолепным примером, свирепым, когда была необходимость, и добрым, когда ее не было, всегда храбрым и никогда не хвастливым, любовником, который знал, как давать *и* брать. Такари не могла сожалеть о том, как она использовала его, иначе она никогда бы не узнала в нем такого нежного великана, каким он был, но она сожалела о том, что произошло между ними, о проклятии, которое превратило ее простой план в смертельное соперничество. Но вина лежала на Куле, а не на Такари. Он должен был предупредить ее о проклятии, прежде чем лечь с ней, и не важно, что она сказала ему не беспокоиться о детях. Она не сказала, что их не будет, только не беспокоиться о них. Даже после того, как ошибка была совершена, все, что нужно было сделать глупому рофу – это поделиться. Если бы он был достаточно силен, чтобы одолжить ей меч, все было бы хорошо, и в этом не было бы необходимости. Такари не понимала, что она собирается делать, пока не обнаружила, что смотрит вниз на древко стрелы, нацеленной в грудь Кула. Древко, конечно, было помечено черным оперением, потому что у нее осталось всего две стрелы смерти. Оставшуюся часть своего колчана она исчерпала, пытаясь смягчить оборону рабов разума для Кейи. Но даже если бы был другой выбор, она знала, что лучше не думать, что она нашла бы что-то еще на своей тетиве. Именно проклятие наложило стрелу на тетиву, и проклятие хотело смерти Кула. Такари медленно ослабила натяжение лука, но намеренно не отводила прицел от Кула. Где-то там, внизу, должен быть еще один фаэримм, иначе рабы разума не сражались бы так упорно, а Кул был в самой большой опасности. Увидев, как хитро действует проклятие, она станет сильнее и защитит Кула издалека. Она не была каким-то низменным человеком, чью волю можно подчинить мечу.

Ливень смерти утих по мере того, как все больше рабов разума падали под натиском эльфийских заклинаний, и по мере того, как они истощали свой запас валунов и магии. Атака набирала скорость, и все большее число воинов Холодной Руки вливалось в холм сзади, тесня тех, кто был впереди, и занимая их места, когда те умирали. Дважды Кула атаковали заклинания, достаточно мощные, чтобы исходить от фаэримма, но каждый раз Такари прослеживала след вспышки до магов-рабов разума. Сквозь просвет в дыму она мельком увидела, как Кейя танцует вверх по склону, а Вала и Берлен бегут за ней по пятам, затем пара бехолдеров нашли ее укрытие и начали атаковать основание дерева своими лучами распада. Она скользнула вокруг ствола, скрывшись из их поля зрения, затем пробежала по ветке и запрыгнула на другое дерево. К тому времени, как Такари нашла новое укрытие, Кул врезался во вражеские ряды и, кружась, пробирался вниз по окопу, его темный меч испарывал животы багберов слева и справа, его ноги выбивали землю из-под эльфийских рабов разума, каблуки его ботинок сокрушали черепа павших иллитидов. Каким-то образом его свободная рука запуталась в клубке глазных стеблей

бехолдера, и он размахивал глазом-тираном, как щитом, ловя топоры багберов и эльфийские мечи на его кожистое тело.

Такари встревожилась, и немного отпрянула, обнаружив, что испытывает тайный трепет восторга. Хотя Кул не выказывал никаких признаков замедления, ему, должно быть, было больно. Даже сквозь самую лучшую эвересканскую броню, одних ударов багбера было бы достаточно, чтобы сломать кости и раздавить череп. Кул скоро упадет, и ей останется только протянуть руку. Нет.

Такари не осмелилась произнести это слово вслух. Не при двух бехолдерах, охотящихся за ней, но она подумала об этом. Она была сильнее проклятия. Она была лесной эльфийкой, которая знала, что важно в жизни (танцы, медовое вино и веселая компания), а что нет (сила, богатство и власть). Она поможет Кулу, если только сможет найти способ, и они разделят меч. Шлем Кула вылетел из рукопашной схватки, его подбородочный ремень порвался, а яркие золотые поля погнулись от удара топора багбера. Такари подумала, что тогда все будет кончено, что Кул упадет под ноги нападавшим и исчезнет. Но ваасанский медведь продолжал сражаться, добрался до конца траншеи и выбрался на склон холма. Он развернулся на колене и отрубил головы троице преследующих его багберов. Он ударил ногой в лицо эльфийского раба разума и отправил его обратно в бруствер. Он был свободен, и в дюжине шагов от него не было живых врагов. Вместо того, чтобы развернуться вдоль задней части траншеи, чтобы атаковать фланг противника, Кул начал подниматься на холм в лес. Такари думала, что он собирается убить двух ее охотников, но он проигнорировал бехолдеров, которые, казалось, не понимали, что она избежала их нападения и были занята поисками ее тела на дереве, которое они повалили, и он повернул к ее новому укрытию. Хотя казалось невозможным, что он мог видеть, как она двигалась, когда этого не видел никто, его сердитые бронзовые глаза устремились прямо на сук, на котором она сидела. Это должен был быть темный меч. Оружие чувствовало ее желание, и оно вело его к ней. Такари могла быть сильнее проклятия меча, но Кул – нет. Он убьет ее, если она не убьет его первой. Это была полная чушь. Кул был слишком тяжел, чтобы передвигаться по пологу леса, как лесной эльф. Все, что нужно было Такари – это оставаться высоко в синих деревьях, на концах ветвей, где Кул не мог следовать за ней. Что именно сказал ей Галаэрон? Что она открылась своей тенью, и что если она убьет Кула, то потеряется в ней. Такари поверила ему. Тень уже упорно трудилась, чтобы заявить на нее права, чтобы обманом заставить ее убить отца ее ребенка.

Будет ли это убийством, если он погибнет в бою?

Вопрос прозвучал в ее собственном голосе, но так тихо и холодно, что по спине пробежал холодок.

Никто никогда не узнает.

Такари была так поражена, что сначала не заметила, как иллидид выбрался из окопа позади Кула. Она была поглощена голосом, задаваясь вопросом, подслушивает ли кто-то ее мысли, или ее тень уже достаточно окрепла, чтобы говорить. Конечно, это отвлечение было именно тем, на что рассчитывал голос. К тому времени, когда она увидела, что происходит, иллидид пробежал дюжину шагов к Кулу, и его щупальца вытянулись в его направлении. Разозленная этой манипуляцией, Такари не думала, не колебалась и даже сознательно не целилась. Она просто натянула тетиву и

выпустила стрелу. Ракурс был не особенно сложным, по крайней мере, не для зеленого эльфийского рейнджера, который провел всю свою жизнь, делая точные выстрелы. Стрела пронеслась в направлении Кула, пролетев в дюжине футов над его головой, но все еще достаточно близко, чтобы заставить его пригнуться, и вонзилась в центр щупалец иллитида. Существо отлетело назад и рухнуло на землю, неподвижное, как статуя, и тут же начало съезживаться внутрь. Как отреагировал Кул, Такари не увидела. Оглушительный грохот магического взрыва донесся с лесной подстилки позади нее, и она, не глядя, поняла, что что-то мощное нашло ее укрытие. Она прыгнула за пучок листьев низко на соседнем дереве, ее живот поднялся к груди, а руки и ноги раскинулись, чтобы замедлить спуск, одна рука все еще сжимала лук. Когда Такари врезалась в ветви, ее ударила в спину гигантская рука взрыва. Она толкнула ее глубоко в путаницу веток и листьев лицом вниз, но эльфийка поймала ветку свободной рукой и обхватила ногами другую ветку, толщиной с руку ваасанца. Такари думала, что на этом ее спуск закончится, но она почувствовала, как ветка вздрогнула, и внезапно обнаружила, что падает, уставившись на сломанный конец ветки. У нее было достаточно времени, чтобы удивиться, почему она не услышала, как она сломалась, затем она рухнула на лесную подстилку и мгновенно была погребена под ветвями листвы. Такари потребовалось всего мгновение, чтобы понять, почему она не слышала, как сломалась конечность, и что прислушивание к врагу не принесет ей никакой пользы. В ушах у нее звенело, как в колокольчик на ужин у хафлингов. Она вылезла из-под бревна и обнаружила, что ее последняя стрела все еще в колчане. Такари осторожно взобралась на вершину из ветвей и обломков. Ее плечи болели, а ноги наполовину онемели, но все двигалось, как должно. Прошло всего мгновение, прежде чем она подняла голову и обнаружила Кула менее чем в дюжине шагов от себя, целеустремленно шагающего в ее направлении. Позади него было два бехолдера, которые охотились за ней, хорошо используя его целеустремленность, чтобы подплыть поближе для верного убийства. Такари взобралась на довольно устойчивую ветку и наложила на тетиву свою последнюю смертельную стрелу. Кул сузил свои бронзовые глаза и бросился бежать, вскинув руку с мечом, чтобы бросить его и непреднамеренно заблокировав ее выстрел в наблюдателей. Она обнаружила, что целится ему в грудь, а затем резко дернула ее вверх и в сторону.

— Нет, — еще громче крикнула она, — Кул, иди налево!

Реагируя, возможно, инстинктивно или, возможно, потому, что он понял, что стрела уже была бы в пути, если бы она предназначалась ему, он шагнул влево, и все равно бросил меч.

Такари проклинала свою человеческую слабость, направила острие стрелы в большой центральный глаз ближайшего монстра и выстрелила. Она смотрела достаточно долго, чтобы увидеть, как ее стрела прошла под мечом Кула, затем она упала обратно в путаницу ветвей ... и услышала болезненный удар позади себя. Завывающий ветер рвал деревья, и Такари, прежде чем обернуться, поняла, что Кул бросил не в нее, а нашел фаэримма, за которым она охотилась.

В ушах все еще звенело, Такари выбралась из зарослей и обнаружила фаэримма, неподвижно лежащего на земле, пробитого в центре, где темный меч Кула пронзил его. Сам меч лежал в нескольких шагах от мертвого шипастого, настолько покрытый запекшейся кровью, что его едва можно было узнать. Такари протянула руку,

готовясь призвать темный меч к себе. Она подумала о Куле и стала ждать. Ему понадобится меч, чтобы встретиться со вторым бехолдером позади него, и, если ему придется сражаться с ней за это ... но меч не полетел в его руку. Он даже не поднялся и не покачнулся.

Давай, теперь он твой, прошептал темный голос внутри. Бехолдер приближается. Замолчи! — Прошипела Такари.

Она повернула ладонь вверх и призвала темный меч в свою руку.

С приходом бехолдера, какой у нее был выбор?

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ



2 Элеасиаса, Год Дикой магии

Мрачные выражения на янтарных лицах высших магов, когда они рассматривали изодранный край каменного платья Ханали Селанил, сказали Галаэруну все, что ему нужно было знать. Фаэриммы уничтожили слишком много древних заклинаний мифала, чтобы его план сработал. Прежде чем они смогут продолжить, круг должен будет исправить ущерб, при условии, что они готовы принести жертву ради города, который даже не был их собственным. Не дожидаясь, пока высшие маги сами объявят о своем заключении, Галаэрон повернулся к лорду Дуирсару и остальным, ожидавшим вместе с ним в тени великой статуи, констатировал:

— Милорд, фаэриммы причинили слишком много вреда. Чтобы быть услышанным сквозь рев битвы, доносящийся со склонов вниз, Галаэруну почти пришлось кричать. — Высшим магам нужно время, чтобы сотворить заклинание высшей магии, и это означает, что мы должны быть готовы защитить их.

— Если время – это все, что нам нужно, мы уже выиграли эту битву, — сказал Кииньон Колбатин. Как и лорд Дуирсар и любой другой эвересканец во дворе, Кииньон был одет в полный комплект сильно помятых боевых доспехов, которые, судя по его запаху, он не снимал почти десять дней. — План молодого лорда Нихмеду оказался превосходным. — Нам нужно только послать Долгую Стражу вниз по склону, и мы поймем врага в ловушку.

— Надолго ли? — спросила Шторм. Она стояла позади лорда Дуирсара, возвышаясь над его плечами вместе с Хелбеном и Лаэраль. — Любая победа здесь будет недолгой, пока мы не восстановим мифал. У фаэриммов десятки тысяч рабов разума разбросаны по всей Эвереске, и я готова поспорить на свои волосы, что большинство из них сейчас на пути сюда.

— Тем больше причин действовать быстро, — ответил Кииньон.

Он повернулся к задней части двора, где Долгая Стража выстраивалась в боевые ряды, когда они вышли из телепортационного круга Лаэраль. Он вызвал вперед командира роты, затем повернулся к Шторм и сказал:

— Как только мы захватим бруствер, не будет иметь значения, сколько рабов разума фаэриммы пошлют против нас. План Галаэрона превосходен, и я уверен, что мы сможем продержаться достаточно долго, чтобы довести его до конца.

— Да, — сказал лорд Дуирсар, делая вид, что одобрительно кивает в сторону Галаэрона, — ты вполне мог спасти нас.

— Боюсь, не так легко, как предполагает мастер Колбатин, — сказал Галаэрон. — Рабы разума внизу не представляют опасности.

— Так и есть, — заявил Кииньон. Командир Долгой Стражи, молодая золотая эльфийка по имени Джерили, подошла к нему, и он повернулся чтобы заговорить с ней. — Когда Холодная Рука выгонит рабов разума из их укрытия, им некуда будет отступать, кроме как сюда. Долгая Стража предотвратит это, спустившись через лес, чтобы напасть на них сзади. Враг окажется в ловушке между двумя нашими ротами, и будет просто захватить окоп для нашего собственного использования.

Он кивнул и махнул Джерили, чтобы она выполнила его приказ. Галаэрон прикусил язык, чтобы не назвать Кииньона, бывшего командира, который провел два десятилетия, делая жизнь Галаэрона в качестве Стража Гробниц настолько несчастной, насколько это возможно, дураком. Вместо этого Галаэрон сказал:

— Меня беспокоят фаэриммы. Они могут телепортироваться во двор так же легко, как и мы.

— Разве ты не говорил, что они этого не сделают? — Спросила Шторм. — Без своего лидера они будут слишком дезорганизованы и заняты своими мыслями, чтобы контратаковать. Я уверена, что ты так и сказал.

— Я сказал.

Галаэрон почувствовал, как жар приливает к лицу, но продолжил уверенным голосом:

— И без их лидера это было бы так.

Хелбен поморщился, закрыл глаза и сказал:

— Не говори мне...

— Лидер выжил.

Галаэрон не объяснил, что произошло, в значительной степени потому, что он не знал. Такари могла проигнорировать его приказ и пойти прямо за мечом Кула, или она могла обойти дерево, чтобы прикончить лидера, и обнаружить, что он уже ушел.

— Но он был ранен? — Спросила Лаэраль.

— Да, — сказал Галаэрон. — Очень тяжело. Какое-то время он был без сознания.

— Тогда он не вернется, — подытожил Кииньон. Он оглянулся через плечо и одобрительно кивнул, когда Долгая Стража спустилась с холма. Эти фаэриммы в глубине души трусы. Рань их один раз, и они убегут в укрытие.

— Обычно — да.

Пока он говорил, Галаэрон лихорадочно соображал. Поскольку Кииньон отправил Долгую Стражу в бой, любая попытка отозвать их будет замечена врагом, и фаэриммам не потребуется много времени, чтобы понять, почему. Если Галаэрон хотел сорвать контратаку, ему придется найти более тонкий способ.

— Этот был лидером, — продолжил он. — Слишком многое будет поставлено на карту, чтобы им пришлось сдаться. Он вернется со всей возможной помощью.

Кииньон покачал головой и начал упрекать Галаэрона за то, что тот ему противоречил, но лорд Дуирсар поднял руку, заставляя его замолчать.

— Откуда ты это знаешь? — Спросил он Галаэрона. — Ты говоришь так, словно жил среди фаэриммов.

— Не совсем, — ответил Галаэрон. Хотя он знал, что его товарищи-эвересканцы, вероятно, смутно представляли себе источник его информации, он без колебаний объяснил, как Мелегонт передал свои знания перед смертью, и как он был вынужден уступить своей тени, прежде чем смог их вернуть. История вызвала у лорда Дуирсара нечто среднее между отвращением и жалостью и откровенное отвращение у Кииньона Колбатина.

— Значит, ты хочешь сказать, что твоя информация исходит от шадоваров? — Спросил Кииньон. Последний из Долгой Стражи исчезал в лесу, и звук их первых атак уже был слышен с дальней стороны двора.

— Милорд, намерения Галаэрона всегда были благими, но его наивность с самого начала сделала его пешкой в руках шадоваров. — Хелбен начал защищать Галаэрона, но лорд Дуирсар прервал его, обратившись непосредственно к Кииньону.

— Мастер Колбатин, разве вы не говорили минуту назад, что план лорда Нихмеду был превосходным?

Кииньон нахмурился, но кивнул.

— Тогда я предлагаю выслушать его.

— Спасибо, милорд, — сказал Галаэрон. Хотя облегчение, которое он испытал, было для Эверески, он не пытался скрыть триумф, который чувствовал. — Я уверен, что мастер Колбатин поймет, что он был прав в своей первой оценке моего плана.

— Я бы не слишком впечатлялся собой, — сказал Кииньон. Его глаза выглядели такими же опасными, как и у любого бехолдера. — Я отзыва Долгую Стражу.

Галаэрон схватил его за локоть.

— Для этого уже слишком поздно.

Кииньон уставился на руку, лежащую на его руке, как будто собирался откусить ее. Галаэрон продолжал держать его.

— Вот, что мы должны сделать сейчас ...

Он объяснил свою идею, подчеркнув, насколько важно, чтобы Избранные сохранили свой серебряный огонь до тех пор, пока мифал не будет восстановлен, затем он спросил:

— Есть вопросы?

— Только один, — сказал Хелбен. — А что, если мы будем недостаточно быстры?

— Тогда высшие маги умрут, и мы продолжим борьбу за Эвереску без них ... или мифала, — сказал лорд Дуирсар, вытаскивая свой древний меч. — Поэтому я предлагаю действовать достаточно быстро.

Лорд Дуирсар попросил верховных магов немедленно приступить к реставрации мифала, и Галаэрон провел следующие несколько минут, размещая свои «войска» в тени вокруг статуи. Он хотел бы, чтобы Арис был там с ними, но они уже решили, что великан будет наиболее полезен, поддерживая Кейю, и назначили его присоединиться к Холодной Руке после ухода из дворца. Галаэрону показалось, что он уже слышит, как валуны Ариса врезаются во вражеские укрепления, но из-за рева битвы внизу было невозможно быть уверенным.

Как только остальные расположились в своих укрытиях вдоль края двора, Галаэрон шагнул в тень самой статуи. Он в последний раз огляделся. Увидев, что Лорд Дуирсар, Кииньон и Избранные были надежно скрыты в пределах Края, он сам спустился в тень. Фаэриммы, конечно, опасались таких укрытий, но после их прибытия наступит момент, когда их осторожность не будет иметь значения. Именно тогда Эвереска будет завоевана или потеряна, а Галаэрон, наконец, искуплен или навсегда опорочен.

Высшие маги уже окружили статую Ханали и начали свою работу. Два помощника стояли по обе стороны от богини, их ладони были обращены вниз, извлекая из земли золотые нити магии Плетения, которые фаэриммы выпустили ранее. Их нежные голоса были брали высокие тона, каждый пел отдельное заклинание поддержки, но сплетал их слова вместе в музыкальной гармонии. Лидер стоял позади богини, произнося защитное заклинание, настолько древнее, что слова едва ли казались эльфийскими. Пока он пел, он брал пряди Плетения у двух своих помощников и заплетал их обратно в подол плаща Ханали, медленно возвращая его в первоначальное безупречное состояние. С каждым восстановленным волокном маг становился все более тонким и прозрачным, словно вплетаясь в мифал. Хотя Галаэрон едва ли был посвящен в секреты эльфийской высшей магии, он слышал шепот о связывании духов во время своего пребывания в Академии Магии, и он знал, что видит. Лидер станет частью мифала, присматривая за Эвереской на все времена.

Высшие маги продолжали свою работу, казалось, целую вечность, медленно вплетая магию обратно в мифал и возвращая статую в ее первоначальное состояние. Галаэрон сосредоточился на наблюдении за фаэриммами, но с течением времени его внимание все чаще переключалось на их работу. Сначала они вплели самую мощную магию: заклинания заключения, предвидения и метеоритных бурь, и оставили простую магию напоследок. К тому времени, когда они добрались до относительно незначительной магии, такой как заклинания обнаружения и пространственные замки, лидер был настолько прозрачным, что через него можно было видеть дальнюю сторону двора. Осталось лишь несколько рваных краев, чтобы починить платье Ханали, и битва в окопе бушевала все громче, предполагая, что подкрепление рабов разума уже начало прибывать из остальной части Эверески. Галаэрон знал, что Кииньон и другие будут задаваться вопросом, не ошибся ли он в контратаке фаэриммов, но долгое ожидание только убедило его, что лидер имел больше влияния, чем он думал. Даже для фаэриммов требовалось время, чтобы собрать ресурсы, и чем дольше они это делали, тем больше собирали. Высшие маги использовали свою последнюю магию: простые заклинания мягкого падения и истинного удара, когда полдюжины фаэриммов с треском появились вокруг статуи. Несмотря на то, что они были ошеломлены телепортацией, они атаковали, заливая двор золотыми стрелами магии и длинными языками пламени. Большинство атак были слепыми и вообще не находили цели, но один шквал действительно поразил поддерживающего мага. Ее магический щит вспыхнул серебром и рассеялся, истощенный силой атаки, и один снаряд пробил дыру размером с большой палец в ее плече. Маг продолжила свое заклинание, не пропуская ни слога.

Галаэрон и два других эльфа уже выскочили из своих укрытий, каждый бросился атаковать ближайшего фаэримма и швырнул свое самое мощное заклинание смерти

в ближайшего. Галаэрон послал темную стрелу, просвистевшую сквозь торс его первого шипастого, и мельком увидел, как лорд Дуирсар направляет черный луч смерти, который мог бы убить даже великана. Затем он переключился на вторую цель, рубя своим темным мечом во всю длину шипастого тела. Существо исчезло во вспышке магии телепортации, оставив после себя лужу черной крови. Еще больше потрескиваний раздалось во дворе, когда прибыла вторая волна фаэриммов, швыряющих магию и огонь. Галаэрон поднял теневой щит, чтобы прикрыть спину, затем метнул стаю темных стрел в первого шипастого, которого увидел перым, и атаковал второго. Из ниоткуда появился косящий клинок и замахнулся на него сбоку. Он блокировал удар острием своего темного меча, рассекая его по центру, и обернулся, чтобы увидеть Шторм Серебряную Руку, выходящую из тени позади нападавшего. Одной рукой сняв защиту с клинка, а другой взмахнув мечом, она отрубила хвост фаэримма примерно на треть его тела, а затем, пошатываясь, направилась в сторону Галаэрона, когда блуждающий огненный шар срикошетил от ее плеча и с яростью полетел в лес. Сверкнув глазами, Шторм развернулась к нападавшему и бросилась в атаку. Битва превратилась в безумную схватку заклинаний, клинков и когтей. Женский голос взвизгнул от боли. Галаэрон обернулся и увидел, как верховный маг, раненый чуть раньше, падает на землю. Там, где когда-то была нога, у нее была только дымящаяся рана, но она все еще пела свое заклинание тревоги и отдавала золотые нити Плетения главному магу. Галаэрон бросился на помощь, но Кииньон оказался ближе. Метнув в нападавшего поток магических стрел, легендарный магический клинок подскочил к ней и поймал ее под руку. Его стрелы рассеялись, не причинив вреда заклинательному щиту фаэримма, но к тому времени Галаэрон накинуд на него сзади теневую сеть. Испуганный, шипастый попытался телепортироваться и взорвался на тысячу мясистых кубиков.

Кииньон поднял мага на ноги, удерживая ее, чтобы она могла закончить заклинание, и защитил ее своим телом. Три вспышки молний пронеслись со всех сторон, и Галаэрон знал, что фаэриммы достаточно оправались от своего телепортационного оцепенения, чтобы организовать согласованную атаку. Первая стрела перегрузила магический щит Кииньона и вызвала испуганное проклятие. Вторая попала ему прямо в грудь, расплавив броню и подожгла голову, руки и ноги. Третья стрела попала верховному магу прямо в спину и отбросила ее головой в ногу Ханали. Ее тело даже не обмякло; оно вспыхнуло пламенем и разлетелось на части. Песни заклинаний двух других верховных магов вышли из гармонии, и руки лидера начали дрожать, когда он изо всех сил пытался продолжить плетение. Хотя они также подверглись нападению, оно было не таким тяжелым, как со стороны Галаэрона, и Лаэраль и Хелбен хорошо справлялись. Пробежав последние пять шагов к ногам Ханали, Галаэрон бросил теневую сферу в головной диск одного из нападавших на магов и метнул свой темный меч в туловище второго, затем перешагнул через тело Кииньона и повернул ладони к земле. Он не был высшим магом, но заклинание тревоги было несложным, и он видел гармонию круга, чтобы войти в него.

Галаэрон запел.

Выжившие высшие маги дрогнули. Главный маг повернул свою полупрозрачную голову к Галаэрону и некоторое время изучал его, затем снова посмотрел на свое плетение. Галаэрон боялся, что два мага не примут его в свой круг, но они

отрегулировали свой тон, чтобы смешаться с его более звучным голосом, и продолжили свои заклинания. Галаэрон почувствовал легкий удар, когда шквал заклинаний ударил его в спину и исчез в теневом щите. Его сердце бешено колотилось от осознания того, что он стоял там неподвижно, в то время как стая фаэриммов швыряла в него магию, но он прогнал страх из своего разума и отдался песне, которую создавал вместе с высшими магами. Он начал вращать пальцами в жестах заклинания тревоги, вытягивая магию из земли, как это делал мертвый маг.

Пряди стали темными и холодными. Голос Галаэрона дрогнул, но, когда он заколебался, чтобы передать магию тени, лидер протянул полупрозрачную руку и взял первую черную нить. Когда маг заплел прядь в подол плаща Ханали, его глаза потемнели, превратившись в пару мутных шаров, плавающих на прозрачном лице. Он протянул руку и взял следующую прядь из руки Галаэрона. Трехрукий фаэримм взлетел рядом со статуей, где его атаки не могли быть заблокированы теневым щитом, защищающим спину Галаэрона. Он вонзил свой хвост в его живот. Галаэрон был настолько поглощен песней заклинаний, что едва заметил, что это был вожак, или что он вливал в него свой яд. Он почувствовал, как его ноги оторвались от земли, но это беспокоило его не больше, чем отдаленная боль, жгущая живот. Лорд Дуирсар был там, отбиваясь от фаэримма заклинанием и клинком. Галаэрон продолжал петь. Он был одним из высших магов, озабоченных только наложением мифала. Высший маг протянул уже невидимую руку и взял у Галаэрона следующую прядь. На этот раз, когда он вплел нить в плащ Ханали, то последовал за ней.

Галаэрон закончил свою песню, и его живот вспыхнул от боли. Он не осознавал, что заклинание было закончено, и он был освобожден от магии круга, пока не увидел внизу лорда Дуирсара, сражающегося с лидером фаэриммов лицом к лицу, отбрасывающего его сверкающей сталью и забрасывающего его стрелой за стрелой из магического кольца. Шторм бросилась к эльфийскому лорду, подняв одну руку, чтобы бросить свои собственные заклинания, в другой все еще держа меч. Галаэрон потянулся за своим теневым шелком, но знал, что даже если попытается, у него ничего не получится. Яд фаэримма парализовал его, и он беспомощно парил над землей. Пока он наблюдал, за спиной Шторм появились еще два фаэримма, слепо разбрызгивая огонь и молнии и хлеща хвостами. Он перевел взгляд в противоположном направлении и увидел, что ситуация была почти такой же в остальной части двора, где Хелбен и Лаэраль стояли спиной к спине, а настороженные фаэриммы бросались на них издалека. Хотя он был недавно отремонтирован, мифал оставался истощенным и голодным от жестокого обращения, которому он подвергся с начала вторжения фаэриммов. Он собрался достаточно, чтобы послать единственный золотой метеор, устремившийся во двор. Шар взорвал только одного из фаэриммов, который только что появился за спиной Шторм, оставив другого дымиться и телепортироваться прочь. Грохот был достаточно громким, чтобы привлечь внимание всех во дворе. Лорд Дуирсар едва заблокировал шип хвоста, когда обернулся, чтобы посмотреть, что вызвало этот звук. Шторм, которая была гораздо ближе к взрыву, поднималась на ноги.

— Шторм! — Галаэру пришлось прошипеть эти слова сквозь стиснутые зубы, но он знал, что как одна из Избранных, она услышит.

— Мифал цел! Используйте серебряный...

Лидер фаэриммов махнул рукой в сторону Галаэрона, и даже его бормотание стихло. Лорд Дуирсар воспользовался открытой позицией, чтобы обрушить шквал магических стрел на торс шипастого и отбросить его в сторону, затем Шторм повернулась и выпустила поток серебряного огня в основание статуи Ханали. Хелбен и Лаэраль последовали ее примеру мгновением позже, и статуя начала светиться ярким серебряным светом. Свечение исчезло так же быстро, как и появилось. Лидер фаэриммов метнул в лорда Дуирсара черный луч смерти, который эльфийский лорд отправил рикошетом от заклинания зеркала. Следуя примеру своего лидера, другие фаэриммы возобновили свои атаки, и Галаэрон начал думать, что он снова подвел Эвереску, что его идея была катастрофически ошибочной, и даже чистая магия серебряного огня Избранных не могла обеспечить взрыв энергии, необходимый мифалу для защиты Эверески. Борясь с разочарованием и болью, он открыл себя Теневому Плетению и приготовился выпустить теневой взрыв. Он не мог контролировать свое собственное движение, но, если мимо проходил фаэримм – дождь золотых метеоров, потрескивая, шипя и оставляя за собой длинный след черного дыма, обрушился с неба. Первый из них ударил вожака фаэриммов, превратив существо в брызги сверкающей пустоты и отправив лорда Дуирсара на землю рядом с ним. Следующие трое приземлились полукругом вокруг Хелбена и Лаэраль, оставив двух Избранных лежать спина к спине, их глаза были круглыми, как монеты, а челюсти отвисли. Еще двое рухнули позади Шторм, которая слегка вздрогнула и огляделась, чтобы посмотреть, осталось ли что-нибудь, что нужно убить.

Потребовалось всего четыре удара за вдвое меньшее количество секунд, прежде чем не осталось ничего, что можно было бы убить. Остальные фаэриммы, те немногие, кто выжил, телепортировались, и метеоритный дождь начал распространяться от статуи, ища цели в других частях города. Галаэрон увидел, возможно, еще дюжину ударов, прежде чем дождь стал беспорядочным и уменьшился, оставив небо испещренным дымными следами. Нет, не дым. Дымовые следы становились кривыми и перистыми, рассеиваясь на ветру. Полосы оставались прямыми, узкими и темными.

— Это то, о чем я думаю? — Спросила Шторм.

Галаэрон посмотрел вниз и увидел внизу Шторм. У нее был моток эльфийской веревки, которую она сняла с пояса Кииньона, и она была занята завязыванием скользящего узла. Он бы спросил ее, что, по ее мнению, означают эти полосы, если бы не то, что он был парализован ядом лидера фаэриммов и заглушен его магией. Вероятно, это было и к лучшему. Он действительно не хотел быть тем, кто скажет, что полосы были теньями. Шторм закончила завязывать узел, затем ловко набросила петлю на ноги Галаэрона.

— Ну, Галаэрон, — сказала она, начиная тянуть его вниз, — когда ты спасаешь город, ты, безусловно, оставляешь свой след.



В третий раз за столько же часов Избранные излили свой серебряный огонь в основание статуи Ханали Селанил. Серебристый румянец окутал внушительную фигуру богини, а затем медленно исчез, когда голодный мифал втянул в себя сырую магию. Мгновение спустя с неба с треском обрушился рой золотых метеоров, каждый

из которых устремился в отдаленную часть города, где какой-то враг Эверески скрывался от правосудия мифала. Галаэрон предположил, что большинство этих врагов все еще были фаэриммами, но в последний раз, когда падали метеориты, он видел, как они поражали бехолдеров и иллитидов, даже сбитого с толку багбера, который выглядел более заинтересованным в бегстве из города, чем в его завоевании. Когда-то мифал мог проявить милосердие к несчастному рабу разума, такой же жертве фаэриммов, как и граждане Эверески, но не теперь. Обновленный мифал интересовался только тем, кто был врагом города, а кто другом, и он уничтожал врагов и защищал друзей. Учитывая полосы тени, которые оставались позади каждый раз, когда падал метеорит, Галаэрон почти ожидал, что следующий золотой шар приземлится на него, но мифал закончил с внутренним двором, окружающим статую Ханали, и даже с холмом внизу. Со второй волны, когда смертоносный шквал сорвал контратаку на захваченные укрепления и отправил рабов фаэриммов в бегство в дальние уголки города, ни одна атака не проходила вблизи холма. С подкреплениями, десятками, поднимающимися на холм, победа была лишь вопросом ожидания и объединения сил, тщательного расширения областей контроля эльфов каждый раз, когда мифал наносил удар.

Галаэрон, вероятно, должен был бы гордиться, но на самом деле он просто не находил себе места. После первого удара мифала Лаэраль Серебряная Рука занялась его раной в животе и, не обнаружив внутри яйца фаэримма, объявила, что он, скорее всего, выживет, но нуждается в отдыхе. Шторм влила ему в горло целебное зелье, затем привязала его к корню дерева, чтобы он подождал, пока парализующий яд фаэримма выветрится, и там он застрял, задаваясь вопросом, что стало с Валой и Арисом, с Кейей и ее друзьями-ваасанцами, и, самое главное, что произошло между Такари и Кулом и их мечом. Прошла еще четверть часа, прежде чем Галаэрон смог пошевелить пальцами, и еще четверть часа, прежде чем он достаточно овладел собой, чтобы развязать мучительные узлы Шторм. К тому времени, когда ему это удалось, лорд Дуирсар проводил встречу с Избранными, командирами уцелевших рот города, Арисом и всеми, кто мог сыграть важную роль в грядущих событиях. Галаэрон свернул веревку и повесил ее на пояс, затем поправил доспехи и направился через двор, чтобы присоединиться к остальным. Целебное зелье Шторм оказалось удивительно эффективным. Хотя он почувствовал, как глубоко вонзился хвост фаэримма, рана не причиняла ему особого дискомфорта, когда он шел, и когда он посмотрел вниз, то с удивлением обнаружил, что прокол уже закрылся. Когда Галаэрон приблизился, его сестра Кейя первой заметила это. Не извинившись за то, что встала на колени перед лордом Дуирсаром, и, по-видимому, не заботясь о том, что она приводит собрание в тупик, она вскочила на ноги и бросилась к нему с широко раскинутыми руками.

— Брат! — Кейя бросилась на Галаэрона с такой силой, что он отшатнулся и упал бы, если бы она не обняла его за плечи и не подхватила.

— Ты в порядке? — Спросила она.

— Достаточно хорошо, — рассмеялся Галаэрон. Он высвободился и держал ее на расстоянии вытянутой руки. — А ты?

— Ни царапины.

Кейя покружилась, чтобы продемонстрировать, хотя она была так покрыта коркой грязи и крови, что едва можно было сказать, что она женщина.

— Я поверю тебе на слово. А что с остальными?

— Мы потеряли Кула, — сказала Вала, подходя к ним. Она мрачно улыбнулась. — Все остальные в порядке.

— Я сожалею о потере Кула.

Галаэрон взял ее за руки, затем тихо сказал:

— И рад видеть тебя.

— Тогда как насчет того, чтобы показать насколько?

Вала поцеловала его глубоко и крепко, вызвав сердечный и несколько удивленный смех у остальных в толпе. Она задержала поцелуй достаточно долго, чтобы казаться скандальной, затем отпустила его и кивнула через плечо Такари.

— И показывать надо не только мне, — сказала Вала.

Не совсем уверенный, что делать с замечанием Вала или непривычной кротостью Такари, Галаэрон подошел к эльфийке. Он почти не удивился, обнаружив темный меч Кула в ее ножнах, но, когда он посмотрел ей в глаза, тень исчезла. Возможно, были печаль и чувство вины, но не темнота.

— Галаэрон, мне очень жаль, — сказала Такари, с трудом глядя ему в глаза. — Я не хотела покидать свой пост, но он уже исчез, когда я обошла дерево, поэтому, когда я услышал, как Холодная Рука пытается атаковать ...

— Все в порядке.

— Я подумала, что должна пойти помочь, — продолжила она. — Возможно, это было просто проклятие...

— Что бы это ни было, Такари, ты поступила правильно, — сказал Галаэрон, беря ее за руки. Он не знал, что случилось с мечом Кула, и не был уверен, что когда-либо хотел знать, но по ясности ее глаз он мог видеть, что она не была захвачена своей тенью. — Я просто счастлив, что ты все еще здесь.

Такари улыбнулся той беззаботной улыбкой купидона, которую он помнил со всех тех лет, проведенных на Южной Границе Пустыни. Галаэрон не мог устоять. Он поцеловал ее так же крепко, как Вала целовала его, хотя на этот раз удивление толпы приняло форму шокированного шепота, а не сердечного смеха. Для Галаэрона это не имело значения. Он любил Такари и Валу, и на пути к спасению Эверески совершил столько ошибок, что ему было все равно, что они подумают. Он не стал бы сдерживать свои чувства, чтобы угодить кому-либо, по крайней мере, этому он научился.

— Гхм, — кашлянул знакомый голос лорда Дуирсара. — Если позволите, я вам помешаю.

Галаэрон и Такари расстались, неохотно, и он поклонился эльфийскому лорду.

— Благодарю вас. Теперь, когда ты, кажется, чувствуешь себя лучше...

Дуирсар вызвал нервный смешок у собравшихся, повернувшись к ним и изогнув одну из своих седых бровей:

— Мне пришло в голову, что со смертью Кииньона Колбатина Эвереска нуждается в новом Мастере Обороны.

Галаэрон был бы прекрасным командиром, — сказала Лаэраль Серебряная Рука. — Он уже однажды спас город.

— Слушайте, слушайте! — закричал Дексон, прихрамывая позади Кейи на своей все еще иссохшей ноге. — Я могу сказать тебе, что ваши дети уже рассказывают истории о том, как он заманил фаэриммов на смерть.

Пока ваасанец говорил, Кейя, Джерили и другие командиры эльфийских рот стояли на коленях на камнях двора. Они выхватили мечи и повернули их остриями к Галаэруну, затем коснулись ими земли в знак верности. Даже высший маг из Эвермита, тот, к которому присоединился Галаэрон, восстанавливая последние нити мифала, опустил на колено и склонил голову. Однако от внимания Галаэрона не ускользнуло, что на самом деле только люди выражали свое одобрение. За исключением Такари и его сестры Кейи, эльфы неохотно встречались с ним глазами, и многие из них, казалось, не могли оторвать взгляда от темного полосатого неба.

— Что скажешь, Галаэрон? — Лорд Дуирсар положил руку на плечо Галаэрона. — Ты поведешь защитников Эверески, тех немногих, кто остался?

— Милорд, я не знаю, что сказать.

Вместо того, чтобы встать на колени и принять назначение, Галаэрон повернулся и посмотрел в глаза верховному магу. Там он не нашел даже неуверенности и опасений, которые наполняли глаза остальных, только отвращение, страх и недоверие. Из всех эльфов, собравшихся во дворе, высший маг наиболее отчетливо ощутил прикосновение тени Галаэрона, и именно в его глазах Галаэрон мог прочесть свое будущее в Эвереске. Он склонил голову перед магом не с горечью или гневом, а с признательностью и согласием, затем снова повернулся к лорду Дуирсару.

— Лорд Дуирсар, я, конечно, буду служить Эвереске до тех пор, пока мы не увидим последних фаэриммов и их рабов разума, изгнанных из Шараэдима. Он посмотрел в сторону Такари и позволил своему взгляду задержаться там, пока не увидел понимание в ее глазах, затем повернулся к Вале. — Но я дал слово Вале, что прослежу, чтобы темные мечи, которые мы позаимствовали, благополучно вернулись в свои семьи в Ваасе.

У Дуирсара отвисла челюсть, и по собранию пронесся шепот недоверия. Ни один эльф не посмел бы отказать лорду Дуирсару, по крайней мере, ни один эльф, который был гражданином Эверески.

— Галаэрон! — Прошипела Вала. — В этом нет необходимости...

— Я эльф, — оборвал ее Галаэрон. Его взгляд метнулся к верховному магу. — Я держу свои обещания.

Даже Вала не могла не заметить благодарности и облегчения на лице верховного мага.

— Надеюсь, вы понимаете, милорд, — сказала Вала. — Для моего народа очень важно, чтобы оружие было возвращено тем, кто его одолжил.

Хотя он и был ошеломлен отказом Галаэрона, лорд Дуирсар, тем не менее, был достаточно мудр, чтобы распознать предложенный изящный выход. Он вежливо кивнул и улыбнулся.

— С моей стороны было невежливо не подумать об этом. Я совершенно уверен, что мы сможем найти кого-нибудь другого.

Он сделал паузу на мгновение, затем повернулся к Кейе и сказал:

— А как насчет вас, юная леди Нихмеду? Нам тоже нужно будет найти нового командира для вашей роты?

Дексон захромал вперед, совершенно не обращая внимания на надлежащий этикет, как мог бы только ваасанец, и прорычал:

— С вашего разрешения, милорд, мы будем жить здесь, до тех пор, пока вы сможете меня терпеть, то есть.

Лорд Дуирсар повернулся к Вале и спросил:

— Это устроит Гранитную Башню?

— Он волен делать все, что ему заблагорассудится, — сказала Вала. Она протянула руку и ущипнула Дексона за смуглую щеку. — При условии, что он даст ребенку ваасанское имя.

— По крайней мере, первое, — пообещала Кейя.

— Очень хорошо, — сказал Дуирсар, поворачиваясь к Дексону. — Тогда для нас будет честью «терпеть тебя» до конца твоей жизни, мой друг.

Дексон ухмыльнулся и заключил лорда Дуирсара в медвежьи объятия. Пока эльфийский лорд пытался освободиться, Вала повернулась к Такари и сказала:

— И ты тоже вольна поступать, как тебе заблагорассудится.

Такари нахмурилась.

— Вольна? — Спросила она. — Конечно, я вольна. Я Си'Тель'Квессир.

— Позволь мне сформулировать это по-другому, — сказала Вала. — Как мать ребенка Кула и владелица его темного меча, у тебя есть дом с нами в Ваасе.

— С вами? — Сказала Такари, широко улыбнулась и подошла, чтобы встать рядом с Валой и Галаэроном. — Мы все идём в Ваасу, чтобы жить в Гранитной Башне ... вместе?

— Если хотите, да.

Вала взглянула на Галаэрона, как будто ища спасения, но, конечно, он только улыбнулся и использовал язык пальцев, чтобы поблагодарить ее. Она побледнела, но быстро взяла себя в руки и взяла Такари под руку.

— У нас в Ваасе есть очень интересные обычаи, — сказала Вала, прищурившись на Галаэрона. — Наши мужчины спят в снегу.

ЭПИЛОГ



3 Элеасиаса, Год Дикой магии

Не успел Анклав Шейдов перестать шататься, как пришел вызов Малигрису, Синему Сюзерену Анаврока. Хотя потребовалось огромное усилие воли, чтобы сопротивляться зову Высочайшего, драколич задержался на своем насесте, наблюдая, растворится ли нить тени, которая бежала между анклавом и темным озером внизу, или опрокинутая гора поднимется на свое прежнее место высоко в небе. Когда ни того, ни другого не произошло, Малигрис соизволил ответить. Подняв свое величие с вершины, где он отдыхал, он полетел в город. Прежде чем войти в

пещеру, где его всегда встречал Высочайший, Малигрис осмотрел анклав и обнаружил, что великолепный мегаполис за ночь превратился в унылый город лачуг и жилых домов. Дворец Высочайшего, чье величие внушало благоговейный трепет даже ему, в свете солнца Анаврока был немногим больше бесплодного поля, с отдельно стоящей аркой, отмечающей вход, и несколькими лестницами, ведущими вниз, в землю. Когда Малигрис, наконец, вошел в Ворота Пещеры, он обнаружил Теламонта Тантула, ожидающего с кучей свежееотрубленных голов, достаточно большой, чтобы вместить дракона. Вонь была ужасной, но это изменится через десять лет обращения. Хотя он старался не показывать этого, Малигрис был впечатлен. В следующий раз, когда проклятые жрецы Культа Дракона явятся в его логово с каким-нибудь поручением, он с удовольствием посмотрит на их лица, когда они посмотрят на его новое гнездо. Малигрис был так благодарен, что вместо того, чтобы заставить Высочайшего прийти к нему, как обычно, драколич приземлился перед тенью. Платиновый блеск глаз Теламонта казался менее ярким, что было еще одним признаком его усталости.

— Ты был занят, Могучий? — Спросил Теламонт.

— Это тебя не касается.

Малигрис поднял свой череп куче голов и спросил:

— У тебя есть подарки?

Высочайший кивнул и махнул пустым рукавом в сторону кучи. Если он и понял, что его уверенность подвергается испытанию, то не подал виду.

— Култ Дракона, — сказал он тени.

У Малигриса отвисла челюсть.

— *Весь* култ?

— Только дураки, которые знали о твоём рабстве, — уточнил Теламонт.

— Все? Ты уверен? — Спросил Малигрис. Он с трудом верил своим ушам. — Я свободен?

Теламонт склонил голову.

— Разве не ты говорил мне, что невозможно освободить меня от Культа?

— Это было *тогда*, — ответил Теламонт. — Мы действовали, когда могли быть уверены.

— И когда твоя нужда была наибольшей, — сказал Малигрис, поворачиваясь к входу в пещеру. — Вы можете доставить головы в мое логово.

Он расправил крылья, но обнаружил, что не может взлететь. Тяжесть воли Теламонта давила на него так сильно, что он думал, что она может раздавить одну из его мелких костей крыла, и он поймал себя на том, что высказывает мысли, которые намеревался сохранить в тайне.

— Я видел истинное лицо Шейда, и я больше не испытываю благоговения.

Малигрис попытался остановиться на этом, но воля Теламонта заставила его продолжить:

— Избранные млекопитающие снимают ваши теневые покровы с Высокого Льда, и сила других царств теплой крови скоро вернется. Думаю, пройдет совсем немного времени, прежде чем ваш город рухнет в озеро или снова скроется в тени.

— Ты ошибаешься, мой друг, но я не буду держать на тебя зла.

Теламонт указал на пол у своих ног, и Малигрис обнаружил, что с грохотом падает, чтобы положить свой великолепный подбородок на холодный камень. Он мгновенно подумал об амулете, который использовали жрецы культа, чтобы контролировать его, но он не висел на шее Высочайшего. У Теламонта Тантула была своя магия.

— Шейд здесь, чтобы остаться.

— Шейд здесь, чтобы остаться. — Малигрис поймал себя на том, что повторяет.

— У нас много врагов, но мы привыкли к врагам.

— У нас много врагов, — Малигрис попытался удержаться, чтобы не сказать «нас», но воля Высочайшего была такой же тяжелой, как все его кучи монет вместе взятые, — но мы привыкли к врагам.

— Шейд будет властвовать, как он всегда властвует, прячась в темноте и нанося удары из теней.

Соппротивление Малигриса рухнуло, и он обнаружил, что повторяет слова по собственной воле.

— Шейд будет властвовать, как он всегда властвовать, прячась в темноте и нанося удары из теней.

— Хорошо, — сказал Теламонт. Он поднял рукав и обернул пять усиков холодной тени вокруг носового рога Малигриса. — Вместе мы одержим победу.

Когда он заговорил на этот раз, Малигрис поверил в то, что говорил.

